
РАФФИ
САМВЕЛ

РАФФИ

САМВЕЛ

исторический роман

364-400

АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН
1960

Перевели с армянского
А. Н. ДУБРОВИНА и И. К. КУСИКЬЯН

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Исторический роман является описанием исторической жизни народа. Он отображает прожитое и содеянное народом, его характер, нравы, обычаи, его умственные и нравственные качества,— словом, человека давних веков в его подлинном облике, который изменялся в течение столетий и память о котором современным поколением уже утрачена. Когда я писал роман «Самвел», я имел целью дать именно такое описание из нашего далекого прошлого.

Историческому романисту служит материалом сама история и те памятники, которые сохранили в себе воспоминания о прошлом и сделали их достоянием последующих поколений.

Но что дает армянскому романисту история Армении?

Она сообщает имена царей, князей, по ней мы знакомимся с их междоусобными и внешними войнами, узнаем, кто из них сколько лет властвовал, какие совершал добрые и злые дела. Обо всем этом мы узнаем из нашей истории. Но какие у них существовали обычаи, как был устроен их семейный уклад, как они одевались, в каких домах жили,— словом, о них как о людях, об их семейном и общественном быте наша история если не сказать вовсе, то в значительной мере умалчивает.

Между тем для романа нужна повседневная текучая жизнь во всех ее проявлениях, а не скучная и сухая летопись завоеваний или поражений отдельных царей и князей.

В нашей истории почти совершенно забыт народ. Историки не заметили, что кроме царей и князей, кроме духовенства и военного сословия, в Армении был еще и народ, который жил своей жизнью, имел свои праздники, зрелища и увеселения, душевные и нравственные склонности которого выражались в самых разнообразных общественных явлениях. В истории нашей народ не существует,— имеются только властители. Мы не знаем, как жил ар-

мянский шинакан (селянин — *Ред.*), в каких отношениях находился он со своими господами, чем он питался, какую носил одежду, каковы были его радости. Мы не знаем, что делал армянский ремесленник, с какими странами вел торговлю армянский купец или каких животных пас армянский пастух. Наша история умалчивает обо всем этом. Но для романа все это необходимо.

В нашей истории не представлена и значительная сила нашего народа — женщина. До нас дошло лишь несколько женских имен, но жизнь этих женщин во всех ее подробностях нам неизвестна. Что представляла собой армянка как жена, мать, какую роль играла она как член семьи и общества, — мы этого не знаем. Мы не знаем также, в каком виде она появлялась во время народных праздников и зрелищ, как она была причастна к радостям и горестям народа. А без женщины нельзя написать романа: женщина — его душа и дыхание.

Таким образом, сухая летопись нашей истории дает романисту мало материала, на основе которого он смог бы восстановить точную картину прошлого во всех ее проявлениях. Пробелы истории могли бы восполнить художественные произведения, если бы таковые до нас дошли Но у нас нет ни трагедий Эсхила и Софокла, ни героических поэм Гомера и Вергилия. Наша древняя литература не вышла за пределы церковных произведений. Наши авторы написали толстые книги толкований, риторические жития святых, философские и богословские произведения, но не оставили нам ни одного романа, ни одной драмы или комедии.

Хотя в нашей древней литературе и отсутствуют полные описания жизни и обычаев, семейной и общественной организации, но все же в ней имеются кое-какие силуэты и обрывки, на основании которых можно было бы путем изучения, обобщения и классификации составить если не совсем полное, то хотя бы частичное представление о жизни армянина в прошлом.

Такого рода работа должна была быть делом современной науки о древностях. Однако ею в этом отношении сделано очень мало. Наша наука о древностях еще не сошла с той узкой, ограниченной тропы, по которой шествовала история. История говорит лишь о царях, князьях и духовенстве; наука о древностях также занята только ими — изучение жизни во всех ее проявлениях занимает в ней весьма незначительное место. Прочитавши три почтенных тома Инджиджяна[1], нельзя составить себе ясного представле-

[1] *Гукас Инджиджян* (1768—1843) — армянский ученый, автор ряда трудов по истории и географии Армении.

ния о религии, культах, обычаях и обрядах древнего армянина, нельзя узнать, как жил он у себя дома и как он проявлял себя в обществе

После всего сказанного само по себе становится понятным, насколько трудно армянскому романисту писать исторический роман. Как древняя, так и новая литература не подготовили для него достаточного материала. Он должен сам все изучить сам все подготовить. Но откуда взять материал? Разве есть у нас музей, войдя в который армянский романист увидел бы, какие одежды были у древних армян, какие носили они украшения и оружие, какой домашней утварью пользовались. Где наши древние скульптуры, наши древние картины? Их нет. А все это необходимо для исторического романа. Если Вальтер Скотт и Эберс написали прекрасные исторические романы, в которых во всех подробностях изображена жизнь человека в прошлом, то эту удачу следует приписать не только их таланту, но и тому огромному запасу материала, который для них приготовила предшествующая литература. Этим счастливым романистам оставалось лишь воспользоваться готовым материалом. А чем располагает несчастный армянский романист? Он должен придать силу своему воображению! Но одним лишь воображением не создать настоящий исторический роман!

При бедности нашей литературы, при недостатке необходимых материалов, признаюсь, с моей стороны было большой смелостью взяться за создание романа, который имел бы исторически правильный смысл Но «Самвел» давно стал предметом моих размышлений. Меня побуждала писать также мысль о большом воспитательном значении исторического романа: узнав о великих делах своих предков, читатель будет следовать их добродетелям, увидя их заблуждения, он постарается избежать допущенных ими ошибок; эта мысль меня ободрила. И я начал писать. Но какими источниками я при этом пользовался, я считаю нелишним сообщить моим читателям.

Прежде всего, я использовал те исторические памятники, которые мне удалось найти в нашей национальной и иностранной литературе. Во-вторых, во время своих путешествий я воспользовался фактами быта современного армянина, но лишь постольку, поскольку они сохранились в своем древнем виде. Если сегодня мы встречаем в Армении описанные двадцать четыре века тому назад Ксенофонтом земляные лачужки или описанные двадцать четыре века тому назад Геродотом обитые кожей лодки на реке Евфрат, то почему же нельзя допустить, что еще многое другое не изменилось в стране армян? Новая цивилизация могла уничтожить все первоначальное, все, что носило старый отпечаток. Но в Арме-

ении еще сохранились такие глухие, уединенные места, где народ до сих пор живет своими стародавними исконными обычаями. Такие места я имел случай видеть и изучить их жизнь.

Считая армян соплеменниками древних персов и индийцев, от которых в своем быту армяне мало чем отличались, я счел возможным позаимствовать очень многое из жизни этих народов, конечно, делая различие между тем, что является национальной особенностью и тем, что заимствовано извне.

Большое воздействие на жизнь и обычаи армян оказали и те массовые переселения, которые в древние века совершались либо добровольно, либо посредством привода пленных в Армению. Среди переселенцев было много халдейцев, ассирийцев, парфян, индусов, китайцев и евреев. Я имел в виду также и их обычаи. Все это объяснено в особых примечаниях, приложенных к моей книге[1].

После «Давид-Бека» и «Паруйра Айказна» — «Самвел» является моим третьим литературно-историческим опытом. Материал этого романа взят из событий IV века нашей истории.

РАФФИ

---

[1] Это и некоторые другие замечания Раффи показывают, что роман «Самвел» должен был состоять из четырех частей с примечаниями самого автора. Однако ни четвертая часть, ни комментарии пока не найдены.

«Вслед затем Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни, те два гнусных и нечестивых мужа, которые отреклись от заветов богопочитания и согласились почитать безбожную религию маздеизма, начали разрушать в армянской стране церкви и молитвенные дома христиан... Строили капища во многих местах и насильственно обращали людей в веру маздеизма... и своих детей и родственников давали на обучение религии маздеизма. Тогда один из сыновей Вагана, по имени Самвел, убил отца своего Вагана и мать свою Вормиздухт, сестру персидского царя Шапуха...»

Фавстос Бузанд, книга IV, гл. 59

«После смерти Аршака Шапух собрал многочисленное войско под начальством Меружана (Арцруни) и отправил его в Армению... И отдал ему в жены сестру свою Вормиздухт.., и обещал дать ему армянское царство, только бы он, покорив нахараров, обратил страну в веру маздеизма. Он взял это на себя и прибыл... и пытался уничтожить все христианские порядки... И какие только ни находил библейские книги — сжигал и отдал приказ не учиться греческой письменности, а только персидской и чтобы никто не смел говорить по-гречески или переводить с греческого... Ибо тогда не было еще армянского письма, и церковная служба велась на греческом языке».

Мовсес Хоренаци, книга III, глава 36

I. Два гонца

Полумесяц скрылся за горою Карке, и Тарон[1] погрузился в ночной мрак. Не было видно ни одной звезды в эту ночь. Серые облака заволокли небо; тихо плыли они в сторону Кыркурских и Немрутских гор и сгущались в черную мглу. Оттуда порою сверкала молния, доносились глухие раскаты грома, — все предвещало сильную грозу.

В эту тревожную ночь по Мушской равнине ехали два всадника. Они возвращались из очень дальних мест. Покинув месяц тому назад железные ворота Тизбона[2], они миновали пустыни Хужистана, выжженную солнцем Ассирию, проехали армянскую Месопотамию и всего лишь день как достигли равнины Муша. Всадники были гонцами.

Один из них ехал на вороном коне, другой на сером.

---

[1] *Тарон* — большая область древней Армении, находившаяся на высоком берегу Евфрата, южнее горы Арарат

[2] *Тизбон* — древняя столица Персии (у греческих авторов — Ктесифон).

Всадник на сером коне был осведомлен о поездке гонца на вороном коне и осторожно следовал за ним, ни на минуту не упуская его из виду. Всадник на вороном коне не подозревал, что за ним наблюдают. Это и было причиной того, что они, подобно двум планетам, хотя и следовали в одном и том же направлении, но по параллельным орбитам и потому не встречались. Оба они знали друг друга.

Путники уже достигли берегов Арацани[1].

Всадник на сером коне остановился. Озираясь, он посмотрел на небо, чтобы узнать, долго ли до рассвета; но не было ни единой звезды, чтобы определить время. Все вокруг было погружено в непроницаемую мглу. Гонцу нужно было спешить...

Две мысли в течение нескольких минут удерживали его в нерешительности: пуститься ли вплавь или переехать через мост? Ехать через мост — значит чересчур отдалиться и, быть может, встретиться с *ним*, а то и попасть в руки ночной стражи. Он решил пуститься вплавь.

Обычно тихая серебристая Арацани бушевала теперь после весенних ливней и мутными потоками заливала берега. Но наш путник знал все броды.

Он сошел с коня и, погладив красную голову и гриву серого, ласково сказал: «Ты смело рассекал бурные потоки Тигра: разве тебе могут быть страшны волны нашей родной Арацани?» Он разнуздал коня, чтобы тот во время переправы не чувствовал принуждения, снова вскочил на него и, перекрестившись, стремительно въехал в воду.

Река ревела, как страшное чудовище. В ночном мраке мутное течение ее казалось еще мрачнее. Конь, погрузившись в воду и высоко подняв голову, плыл, фыркая, боролся с волнами; его ноги не касались дна. Всадник держал коня за гриву, рукою направляя его движения. Местами водоворот затягивал их, они скрывались под водою, но снова выплывали. Порой проносились мимо пни, куски бревен, — волны, вздымая их, с плеском уносили вдаль. Всадник старался лавировать ме-

[1] *Арацани* — армянское название реки Евфрат.

жду ними. Но вот издали донесся грохот. Надвигалась опасность. Однако всадник не растерялся и хладнокровно, с глубоким вниманием посмотрел в ту сторону, откуда доносился грохот. Навстречу неслась темная, бесформенная громада. И чем ближе, тем она становилась все ужаснее и грознее. Казалось, по реке движется огромный холм. Он то исчезал, то возникал снова страшным видением. Всадник догадался, что это такое. Он мгновенно соскользнул с седла на круп лошади, чтобы облегчить ей ношу. Держась за хвост, он торопил коня. Наступала роковая минута: мрачная громада, похожая на безобразное чудище, приближалась. Своим грохотом она заглушала все звуки. Надо было вовремя ее миновать, иначе она, как щепку, унесет и коня и всадника. Даже конь почувствовал надвигающуюся опасность и, удвоив усилия, с невероятной быстротой пересекал волны. Чудовище пронеслось. Это были не более, как вывороченные с корнями деревья из ближайших лесов, сбитые и скрученные водоворотом в такую безобразную массу.

Достигнув берега, всадник с облегчением перекрестился.

Он выжал платье, наскоро обсушил его, затем взнуздал коня и продолжал свой путь пешком, ведя животное на поводу, чтобы дать ему отдохнуть. Но конь едва плелся. Насколько быстро плыл он в воде, настолько же медленно двигался на суше. Хозяин объяснял это усталостью.

Значительно отойдя от берегов реки, путник приблизился к горным отрогам Карке. Отлогая дорога, извиваясь по склонам гор, то спускалась в глубокие овраги и лощины, то опять поднималась на холмы. Путнику еще с детства были знакомы эти горы, покрытые лесами; знакомы все эти тесные ущелья и тропинки; он вырос в сырой мгле этих долин, куда никогда не проникало солнце. Он был сыном этих лесов и скал.

Молния ударила по вершинам соседних деревьев, озарив окрестность бледно-розовым светом. Удар грома страшным гулом отозвался в темных ущельях. Путник взглянул на покрытое тучами небо и ускорил шаги. Он не боялся волн Арацани, но буря страшила его: в этих девственных лесах она свирепствует с ужасной силой,

особенно в ночную пору. Горные потоки вырывают с корнями растущие на скалах деревья и сбрасывают их на дорогу. Вместе с деревьями низвергаются громадные каменные глыбы. Злосчастный путник неминуемо погиб бы под их обломками.

Снова загремел гром, и тут же хлынул дождь. Ветер свирепствовал, и ливень, усиливаясь, крупными каплями хлестал по воспаленному лицу путника. Но он ничего этого не замечал. Вся его энергия сосредоточилась на одной цели, настойчиво толкавшей его вперед, поглотившей все его мысли и чувства. Он спешил к месту своего назначения, стараясь на несколько часов опередить гонца на вороном коне.

Однако конь еле передвигался. Путник только теперь заметил, что лошадь хромала на заднюю ногу, несомненно, ее ранило быстро несущимся бревном во время переправы. Это обстоятельство огорчило бесстрашного путника. Надо было спешить а он лишался своего быстроногого коня. Что делать? Неужели бросить его и продолжать путь пешком? Но как оставить любимого коня, который столько лет был его верным товарищем и на поле брани и во время путешествий? Подумав немного, путник свернул с большой дороги на тропинку, ведущую к Аштишатскому монастырю.

Через час путник добрался до монастыря. В чаще вековой заветной рощи, на древних священных высотах покоилась в своем славном величии эта древняя святыня Тарона. Среди ночной тьмы монастырь, защищенный высокими стенами и крепостными башнями, казался неприступным замком. Ни жестокая буря, ни рев ветра, ни ливни не тревожили его мирной благочестивой дремоты.

В узком окошке домика, перед монастырской оградой, мерцал свет. Путник направился к домику и подошел к запертой двери. К деревянному столбу у входа была привешена доска, у основания лежала деревянная колотушка. Путник поднял колотушку и три раза ударил по доске. Окошко вверху открылось, высунулась чья-то голова, и послышался сонный голос:

— Кто там?

— Путник,— был ответ.

Это строение перед монастырскими стенами служило

пристанищем для запоздалых прохожих, чужестранцев и странников. Привратник, удовлетворенный кратким ответом путника, открыл дверь и показался на пороге со светильником в руках.

— Ты совсем промок,— с участием заметил он,— войди, я разведу огонь, и ты высушишь одежду.

— Премного благодарен за твою сердечность,—ответил путник,— но я прошу приютить только моего коня.

— Почему только коня?— с удивлением спросил привратник.

— Он хромает, повредил ногу... а я должен продолжать путь.

— Войди, по крайней мере, обогрейся немного, я живо разведу огонь...

— Не могу... спешу...— ответил путник и подошел ближе к свету.

Вынув из-за пазухи гребень, сделанный из рога буйвола в виде полумесяца, он показал его привратнику и сказал:

— Запомни этот гребень: вот здесь не хватает двух зубьев. Если я не вернусь, ты отдашь моего коня тому, кто покажет этот гребень.

— Но кто же ты?— недоверчиво спросил привратник.

— Я воин...— ответил путник.

Привратник был удовлетворен этим неопределенным ответом, потому что в те беспокойные времена было небезопасно расспрашивать воина.

Пришелец между тем отвязал легкий дорожный хурджин[1], привязанный к седлу лошади, перекинул его через плечо и, пожелав привратнику доброй ночи, удалился.

Удивленный привратник со светильником в руке долго стоял на пороге и следил за незнакомцем, пока тот не исчез в ночной темноте. Рев ветра заглушил его шаги.

Оставив позади себя монастырь, путник направился по дороге, ведущей в Вогаканский замок.

---

[1] *Хурджин* — переметная сума.

II. Утро Тарона

Бурную ночь сменило тихое и свежее весеннее утро. Над лесистыми холмами, окружавшими замок Вогакан, клубился белый, как снег, пар. Непроницаемый туман окутывал обрывы и равнины, долины и горы. В воздухе плавали крупинки влаги, вспыхивая несметным золотым бисером в первых лучах солнца. Орошенные дождевыми каплями листья деревьев, стебли трав, цветы долины, казалось, были разукрашены самоцветными каменьями.

В воображении путника вставало торжественное утро глубокой древности, когда Астхик, богиня Тарона, выходила из Аштишатского храма. Спускаясь с высот горы Карке, она в сопровождении прелестных прислужниц шла купаться в серебристых волнах Арацани. А в священной роще Аштишата за густыми деревьями скрывались молодые богатыри Армении, чтобы издали созерцать омовение прекраснейшей богини. Но Астхик покрывала всю равнину Муша непроницаемой мглой, скрывая от нескромных взоров место своего купания.

Чем выше становилось солнце над горизонтом, тем больше редел, растворяясь в воздухе, утренний туман. Сквозь прозрачную пелену из дымки стали вырисовываться вдалеке очертания гор. Показалась волнистая зеленая цепь Симских гор с их вечно снежными вершинами, которые в лучах восходящего солнца сияли розовым светом. А еще дальше, в сторону гор Кыркур и Немрут, как синяя лента, блеснула узкая полоса Бзнуникского озера. Показались и отроги горы Карке с ее тенистыми и мрачными лесами — колыбель сурового и сильного народа. А посреди этого как бы гигантского обрамления, будто чудесное видение, раскинулась обширная равнина Муша. На ее роскошном зеленом ковре рассыпались бесчисленные деревни, посады и богатые города Таронской области. Вот Муш, гордо и величаво разместившийся на склонах Тавра. Вот у извилистых берегов речки Мелти вырисовываются высокие башни города Одз. Вот город Вишап с его громадными городскими воротами, раскрытыми как пасть чудовища. Вот город Кавкав, вот белый Дзюнакерт...

Арацани рассекает обширную долину Муша на две

части. На ее плодородных берегах, кроме туземного населения, поселился пришлый народ, перекочевавший сюда с берегов далекого Ганга. Плуг индуса сверкал под солнцем Армении, и армянская песня индуса-пахаря звучала в тишине лучезарного утра Тарона.

У берегов Арацанн жил и другой народ, желтокожие китайцы с берегов Хуанхэ, ставшие внешностью постепенно похожими на армян: найдя здесь приют, они трудились над обработкой армянской земли. Многочисленные стада их паслись у реки, поросшей камышом. Красивые китаянки булавками собирали на зеленых росных лугах кошениль, чтобы приготовить из нее красную краску для тонких рукоделий, украшавших дворцы армянских князей.

Гневной была в это утро Арацани. Но ее материнский гнев не пугал сыновей. Ее мощные волны увлекали за собой целый флот — флот первобытного человека. Сородичи, стоя на берегу, посылали пожелания удачи путникам. Отчаливающие гребцы кричали: «Счастливо оставаться!» Легкие, обшитые кожей лодки были нагружены дарами богатой Армении; они плыли в дальние страны, в Вавилон. Веселые песни, возгласы гребцов, смешиваясь с глухим гулом реки, нарушали глубокий покой окрестностей.

Равнина Муша окружена с четырех сторон высокими горами; эти горы, как гигантские стены, защищали ее от нападения врагов. Кроме этих укреплений, воздвигнутых природой, вход в долину преграждали неприступные крепости и замки, построенные князьями Тарона на вершинах Таронских гор. Таковы были замки Ехиут, Мецамор, крепости Астхаберд, Айциц и Вогакан.

Близ Аштишатского монастыря, на утесах горы Карке, грозно высился замок Вогакан. Он гордо смотрел на бушующую внизу Арацанн. Тайные ходы и подземные пути вели из него либо к реке, давая возможность укрывшимся обитателям замка пользоваться водой во время осады, либо в глубь лесов, через которые поддерживались тайные связи замка с внешним миром. Ходы эти были известны только владельцам замка. Высокие стены, окружавшие крепость, огромные башни, высокие бойницы, веками боровшиеся со стихией, служили за-

щитой от врага и всегда оставались непобедимыми. Замок был расположен под сенью древних гигантских дубов, высокие вершины которых мерились с небом.

Еще задолго до начала христианской эры Вогакан принадлежал роду князей Слкуни, первым владельцам Тарона. В дни царствования Вагаршака Первого, за полтораста лет до начала нашей эры, влияние князей Слкуни в Армении усилилось. Вагаршак, установив порядок местничества среди нахараров[1], возвел князей Слкуни в разряд нахараров за их храбрость и удачи в охоте и поручил им начальство над придворной охотой. Но в царствование Трдата, в 320 году н. э. Слкуниды восстали против царя, и Трдат обещал отдать все владения Слкуни и Тарон тому, кто захватит мятежного князя Слука. Ченский князь Мамгун взялся исполнить желание государя и предательски убил Слука. Весь род князей Слкуни был истреблен, а Мамгун в награду получил Вогаканский замок и весь Тарон. От Мамгуна и пошло выдающееся нахарарство Мамиконянов, которые наследовали Таронскую область, передавая ее из рода в род.

В это утро, еще до рассвета, два человека проникли в замок Вогакан. Один из них прошел через главные ворота,— это был всадник, ехавший на вороном коне. Другой же, ехавший на сером, пробрался в замок по тайному ходу из леса.

III. Зловещатель

В одной из комнат Вогаканского замка, на диване, покрытом дорогим ковром, обложенном роскошными шелковыми подушками, сидел молодой человек. Он только что покинул спальню и, как можно было заметить по его заспанному лицу, встал значительно раньше обычного часа. Он не был еще ни одет, ни умыт, ни

[1] *Нахарары* — крупные феодалы, вассалы царя, наследственно владевшие областями Армении.

причесан. Он кутался в широкополую, из тонкой овечьей шерсти накидку, и длинные его волосы, спускаясь с непокрытой головы волнистыми прядями на плечи, почти закрывали его красивое бледное лицо. Он беспокойно крутил небольшие усы, обрамлявшие алые, немного пухлые губы. Этим обнаруживалось глубокое волнение его души. Черные миндалевидные глаза выражали необъяснимую тревогу. На вид ему было лет двадцать пять. Красивое телосложение и смугло-желтоватый цвет лица говорили о сохранившейся наследственности.

Этот молодой человек был Самвел, сын Вагана Мамиконяна.

Комната служила приемной палатой. Пол в ней был устлан пестрыми мохнатыми коврами. В углах стояли тяжелые и легкие копья, пики, дротики и громадные железные палицы, украшенные тонкой резьбой с золотой насечкой. Позади ложа со стены спускалась широкая шкура тигра. Этого зверя Самвел убил собственноручно, будучи еще восемнадцатилетним юношей. На шкуре было развешено разнообразное оружие: колчан со стрелами, большой лук, секиры с длинными железными рукоятками, два щита — один легкий, из прозрачной верблюжьей кожи, другой тяжелый, стальной, усеянный крупными, похожими на пуговицы, гвоздями; шлемы — либо остроконечные, как копье, либо с султанами из волос, кольчуга из мелких колец; массивный медный нагрудник с выпуклым изображением извивающегося дракона, мечи, кинжалы, сабли длинные и короткие, прямые и кривые, с двумя или одним лезвием, ножны которых были украшены золотом и серебром, а рукоятки — драгоценными каменьями; многие из этих мечей легко пробивали железо кольчуг и были смазаны ядом.

Комната напоминала скорее оружейную, чем приемную палату. Молодой князь любил окружать себя предметами, близкими его сердцу. Лишь роскошные сиденья, стоявшие у стен, говорили о том, что комната предназначена для приема почетных гостей.

Все двери были тщательно заперты изнутри, а пурпурные с тяжелыми золотыми кистями занавеси окон спущены. Лишь одна дверь была открыта, она вела в опочивальню. У этой двери, держась обеими руками за

рукоятку киижала, стоял человек в легкой одежде гонца. На нем была короткая шуба с кожаным верхом; шнрокий кожаиый пояс охватывал часть груди и стягивал низ живота для предохранеиия от тряскн во время быстрой езды. Кожаные узкие штаны у бедер былн прнстегиуты к кожаиым иоговицам. На иогах были туго сплетениые волосяиые башмаки с подошвами из грубого волоса, иа голове — круглая войлочная шапка, обернутая куском шелковой материи, концы которой закрывалн голую шею н спускались иа шнрокие плечи. Ему еще ие было тридцатн пяти лет, но в короткой курчавой бороде уже пробнвалась седина. От ветра и палящего солица мужественное лицо его, смуглое от прнроды, приобрело еще более темный оттеиок. Суровое выраженне лица смягчалось блеском ясиых глаз.

— Зиачит, ты ие прнвез мне пнсьма, Сурен? — продолжал свои расспросы киязь.

— Не дали, господии мой, — ответил гоиец. — Опасалнсь, что по дороге перехватят. Да н мие, жнвому письму, с большим трудом удалось добраться до моего господина. Я уже все рассказал вам, вы уже все знаете.

— Да, ио ты толком иичего ие объяснил, — взволнованно прервал его киязь, — что же побудило моего отца измеиить своей вере и принять участие в таком позорном деле... Или Меружаи, злодей, лншнл его разума... Я хорошо зиаю Арцрууиев, оии мне дяди... Ради славы, власти и почета они готовы пожертвовать самым святым. Но мой отец... он иикогда ие был такнм... или его обманулн?..

При последиих словах голос молодого князя задрожал, ои провел рукой по лбу, поиик головой и иесколько миiут оставался в тяжелом раздумьи. Суреи с глубоким состраданием смотрел на иего. Когда Самвел снова поднял голову, Сурен ответил:

— Его ие обманули, господии мой. Но с того дия как царь Шапух умертвил вашего дядю после жестоких мучеиий в Тнзбоие, отец ваш стал домогаться должиости спарапета[1] армянских войск. Шапух дал ему это звание, н ваш отец исполннл его желаине...

[1] *Спарапет* — наследственная должность главнокомандующего всеми вооруженными силами в древней Армении. В случае, если

— Теперь понятно... — как бы про себя промолвил молодой князь. — А теперь расскажи, Сурен, все, что знаешь о смерти моего дяди.

Тяжело было гонцу описывать смерть героя, у которого он был одним из самых преданных телохранителей и вместе с которым участвовал во многих сражениях. Но молодой князь настаивал, и Сурен приступил к рассказу.

— Вам известно, господин, что Шапух обманом завлек в Тизбон нашего царя Аршака и вашего дядю. Царя заковали в цепи и заключили в крепость Ануш в Хужистане, — я уже вам об этом рассказывал. После этого Шапух приказал привести на судилище вашего дядю. В тот день площадь царского судилища была полна народа. Присутствовал и я. Когда вашего дядю поставили перед судьями, Шапух окинул его взглядом с головы до ног — дядя был маленького роста — и с насмешкой сказал: «Неужели это ты избивал многие лета арийцев (персов) и осмеливался беспокоить нас столько времени?» Ваш дядя смело ответил ему: «Да, царь, это я». — «Лисица! — с гневом воскликнул Шапух. — Я велю умертвить тебя смертью лисицы». — «Над ростом моим смеешься, царь? — ответил ваш дядя. — Или силу мою до сих пор еще не узнал? Прежде я казался тебе львом, а теперь кажусь лисицей. Так слушай же, царь, я тот самый Васак, Васак-великан, который упирался правою ногой в одну гору, — и гора равнялась с землею, упирался левою ногою в другую гору, — и другая гора равнялась с землею». Шапух спросил: «Скажи мне, какие же это горы ты сравнял с землею?» Князь отвечал: «Одна гора—это ты, другая—греческий царь. Пока среди армянских нахараров было единство и крепкая связь с царем армянским, пока мы хранили заветы отца нашего Нерсеса[1], до тех пор бог

по малолетству спарапет не мог предводительствовать войсками, командование предоставлялось другому лицу, которое, однако, не носил звание спарапета, а именовался зораваром — слово, означающее полководец.

[1] *Нерсес Великий* — выдающийся первосвященник Армении и крупный государственный деятель, самоотверженно боровшийся за единство, мир и благоустройство страны.

нас не оставлял, и мы не раз учили врагов нашей отчизны, в том числе и тебя, царь Шапух. Но когда раздоры наших нахараров предали в твои руки нашего царя, с того дня мы сами уготовили себе гибель. Теперь же делай со мной, что хочешь, — я ко всему готов». Весь народ, собравшийся на площади, был поражен смелыми речами вашего дяди. Поражен был и царь и похвалил его за отвагу. Но затем приказал его умертвить, извлечь внутренности, набить труп сеном и отправить в крепость Ануш. Там поставили его, как бесчестие, пред глазами закованного в цепи царя Аршака, и с тех пор бесконечные слезы льются из очей несчастного царя, когда он смотрит на своего храброго, верного спарапета.

Молодой князь, слушая этот печальный рассказ, приложил платок к влажным глазам, стараясь скрыть слезы.

— Он герой и умер смертью героя! — воскликнул он наконец. — Сын его, Мушег, должен гордиться таким отцом. А я... чем мне гордиться? Вечный позор покрыл мою голову. Мой отец ради должности спарапета, которую занимал его брат, стал презренным орудием в руках убийцы брата и теперь во главе персидских войск идет на Армению, чтобы залить ее кровью... Горе мне, горе! Чем искуплю я этот позор?

Первые лучи солнца, падая на пурпурные занавеси, залили комнату алым светом. Молодой человек с неудовольствием заметил, что день уже настал. Он обратился к гонцу:

— Спасибо тебе, Сурен, твоей службы я не забуду. Теперь, пока в замке все спят, поспеши удалиться. Когда понадобишься, я тебя позову.

Сурен поклонился до самой земли.

— Ты, конечно, отправишься домой? — спросил его князь.

— Нет, господин, я поклялся не видеть ни жены, ни детей, пока...

Он не докончил своих слов, но князь догадался, что он хотел сказать. Доблестный и храбрый воин уже пять лет не был на своей родине. Целых пять лет служил он

в Персии в армянской коннице[1] и участвовал во многих походах против кушанов[2]. Теперь он вернулся на родину; его родное местечко Хорни было недалеко от замка Вогакан, но он решил не возвращаться домой, так как был поглощен делом, которое было ближе его сердцу, чем жена, сын и друг.

— В таком случае скажи, где найти тебя?

— В Аштишатском монастыре, — ответил гонец. — Меня там не узнали и приняли за чужестранца. Коня своего я оставил там же.

Молодой человек поднялся с дивана и, запахнув широкий халат, направился в опочивальню. Сурен последовал за ним. Самвел подошел к своему ложу и откинул лежавший перед ложем ковер. Затем он нажал на полу едва заметную пружину, доска быстро поднялась и открыла квадратное отверстие.

— Тебе, я думаю, знаком этот ход? — обратился он к Сурену.

— Еще бы, господин, — ответил тот многозначительно. — Эта комната была опочивальней вашего покойного дяди, спарапета. Я был тогда еще безусым юношей и подметал в этой комнате пол.

Все детство Сурена прошло в этом замке. Будучи крестьянином Мамиконянов, он был взят в замок как способный и исполнительный мальчик. Когда же он достаточно освоился, то стал исполнять должность постельничего.

Князь взял огниво, кремень и трут, ударил огнивом. Посыпались искры, и трут начал тлеть. Князь зажег об него серную спичку, а от нее клубок навощенных ниток и подал его Сурену, говоря:

— Ну, теперь ступай.

Сурен еще раз молча поклонился и, по привычке перекрестившись, стал спускаться в отверстие, которое было так узко, что человек с трудом мог пролезть в него. Князь опустил доску и снова накрыл ее ковром.

---

[1] Конница Армении славилась своими высокими качествами и потому персидские цари привлекали ее для участия в своих походах, окружая ее высоким вниманием.

[2] *Кушаны* — иранское племя, проживавшее на юге Средней Азии.

Под полом замка было миого подземиых ходов, которые, подобио сетн лабирннта, вели в разные стороиы. Главные помещения, где проживали хозяева замка, нмелн свон особые потайные ходы, которые соединялнсь в глубииах подполья и такнм образом сообщались между собой и с виешннм миром.

IV. Смутная идея зарождается в нем

Самвел вернулся в приемную палату.

Сегодия ему казалось, что стены этой роскошиой обшнрной комнаты давят его. Ои подошел к окну, откинул тяжелую шелковую заиавесь и раскрыл одну из створок, чтобы в комнату проинк свежий воздух. Затем он отворил дверь для слугн. В комиату вместо слуги вбежала его борзая краснвой золотистой мастн; умное животиое, виднмо, ожидало в прихожей, когда его впустят. Кожа собаки была так тоика, что можно было сосчитать все ребра. На длиииой шее висел серебряиый ошейиик. Собака подбежала к Самвелу, встала на задиие лапы, переднне положила ему иа грудь н с какой-то иежиостью посмотрела ему в лицо, точно стараясь угадать, отчего хозяин сегодня так грустеи. Самвел ласково потрепал длииные уши н красивую морду борзой. Собака, успокоеииая этой лаской, опустнла лапы, отошла н легла в угол, не переставая следнть покорными глазами за любнмым хозяином, который медлениымн, иеровнымн шагамн прохаживался по комнате.

Душа Самвела была охвачена волнеинем. Молодая кровь кипела. Чем больше ои думал о иаступающих бедах, тем все мрачиее казалось ему будущее. Арменння стала беспомощна н беззащитиа. Царь Аршак, закоманный в цепи, томился в Хужистанской крепостн Аиуш. Наследннк престола Пап с женою Зармандухт и двумя детьмн, Аршаком н Вагаршаком, был задержан в Константнноподе. Царя Аршака изгиал персидскнй царь Шапух, а наследннка престола задержал греческий нмператор Валеит. Первосвящениик Армеиии Нерсес Ве-

лнкий, могучий заступник родины, по приказу того же греческого императора, сослан на пустынный остров Патмос. Арменя осталась беспомощной. И царь и первосвященник — ее защитники — вне пределов страны. Греческий нмператор, с одной стороны, персидский царь — с другой, как два жадные чудовища с разинутой пастью, алчно боролись друг с другом за право овладеть беззащнтной страной...

Этн печальные размышления волновали душу молодого человека, и он с ужасом видел великие бедствия своего отечества — его прнближающуюся гибель.

А тут еще раздоры среди нахараров. Одни из них стояли за то, чтобы прнзнать власть греков и сделаться их данникамн, другие желали принять персидскую власть и стать данниками персов. Нахарары, которым была дорога свобода и независимость Армении, пребывалн в полном отчаяннн н не находнли средств для спасення страны. Не было никого, кто сумел бы объединнть нх. Не было царя, не было первосвященника. Однн предателн.

Предателямн оказались представителн двух самых могущественных нахарарств: Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни. Первый был отцом Самвела, второй — дядей, братом его матерн. Оба изменили христианству, оба прнняли персидскую веру н превратились в руках царя Шапуха в оружне уничтожения всего святого и заветного в Армении. Это ужасало молодого человека и в то же время наполняло его сердце невыразнмым гневом.

«Окруженный магами[1] и архимагами едет сюда мой отец... — думал он с глубокой горечью, — и ведет за собой как опору персидское войско... Едет, чтобы уничтожнть нашн церкви, школы, литературу, обратить нас в персов... Рука об руку с Меружаном... Они уже уничтожнли государство, ныне хотят уничтожить народ и религию. Мы должны впредь говорить и молиться по-персидски. И мой отец принимает ревностное участие в преступлении, которое вечным проклятием покроет род Мамиконянов...»

Губы Самвела побледнели, колени задрожали, в гла-

[1] *Маги* — священники персидской религии Зороастра.

зах потемнело, он едва нашел силы добраться до дивана и опустить отяжелевшую голову на подушки. В таком положении, охватив руками голову, он находился долгое время, чувствуя во всем теле лихорадочную дрожь. Тяжелые, как густой туман, неясные мысли проносились в его воспаленном воображении. Но вот он вздрогнул, вскочил с дивана, говоря, как в бреду:

— Мамиконяны родят и изменников.. родят и героев. Когда мой дядя Вардан вместе с царевичем Тиритом восстали против царя Аршака и перешли на сторону Шапуха, мой дядя Васак погнался за ними и, настигнув в пути, убил и Тирита и своего брата. Рука его не дрогнула, проливая кровь родича, изменившего своему царю и отечеству. А я?.. — Ему показалось точно эти слова обожгли его уста. Не досказав, он снова упал на диван и, закрыв лицо, стал горько рыдать.

— Ах, отец, отец!.. — повторял он сквозь бурный поток слез.

Он любил своего отца, любил горячей, искренней любовью. Но любил и родину. Его воспитатели с детства внушили ему самоотверженную сыновнюю любовь — прежде всего к родине, а затем к родителям.

Дверь приемной открылась. В комнату бесшумно вошел юноша и, взглянув на молодого князя, от удивления застыл у стены.

Он походил на нарядного комнатного прислужника. На нем была пышная, сияющая всеми цветами радуги одежда. Цветная косая повязка закрывала маленькую шапочку и правую бровь; левая же бровь и часть лба оставались открытыми. По плечам рассыпались длинные золотистые пряди. Цветной пояс из тонкой ткани складками охватывал стройный стан и развевался свободными концами. Накидка и куртка сверкали яркими красками. Шаровары, мелкими сборками доходившие до колен, были перевязаны у голени цветными лентами и, спускаясь ниже, закрывали ноговицы. Роскошные чоботы, сплетенные из разноцветных шелковых нитей, были мягки, как лапы кота, и не производили при ходьбе ни малейшего шума. В левом ухе висело серебряное кольцо: отличие княжеских слуг.

Он все еще ошеломленный глядел на своего господина. Красивые голубые глаза его выражали насмешку

и удивление. Почему молодой князь поднялся сегодня так рано и вышел из опочивальни неумытым и неодетым? За ним не водилось такой привычки. Слуга усмехнулся про себя, полагая, что если его всегда такой веселый господин вдруг загрустил и лежит, уткнувшись лицом в подушку, значит он чем-то удручен.

Так он понимал виденное. Желая как-нибудь привлечь внимание князя, он подошел к собаке и наступил ей на лапу.

Собака зарычала от боли.

Князь поднял голову и посмотрел.

— Это ты, Иусик?

— Я, господин, — ответил слуга кланяясь. По установленному обычаю, слуга не мог первым обратиться к своему господину и должен был молча ожидать приказаний. Обычно в этот час Самвел умывался и одевался. Иусик ждал, пока господин соблаговолит потребовать воды, но молодой князь продолжал лежать, не говоря ни слова.

— Знает ли господин мой, что в эту ночь произошло в замке? — спросил Иусик с хитрой усмешкой, желая рассеять грусть господина.

— Что произошло?

— Мыши отгрызли у Папика бороду. (Речь шла о привратнике замка). Вчера вечером, — продолжал юноша, — он чисто вымылся, умастился и отправился в гости к своему зятю. Оттуда приплелся пьянехонек, крепко заснул и даже не заметил, как мыши поужинали у него на подушке.

Князь посмотрел в неспокойные, горящие глаза молодого слуги и строго произнес:

— Это твои проказы, озорник?

— Да нет, бог свидетель!

— Поклянись моей головой!

Юноша, покраснев, умолк.

— Смотри, чтоб эти глупости больше не повторялись.

Шутка не удалась.

— Что же мне было делать?.. — промолвил юноша, смущенно опустив голову. — Притащился пьяный и заснул. В замок ночью прибыл человек, а он даже не почесался.

— Какой человек? — спросил князь настороженно.

— Гонец. Я ему открыл ворота; он прошел прямо к княгине.

— Ты не спал?

— Я всю ночь не спал...

При этих словах юноша покраснел еще сильнее.

— Опять, видно, возле «ее» дверей томился? — спросил князь, смягчаясь.

— Мне ли таиться перед моим князем?.. Так и было...

Юноша был влюблен в одну из служанок княгини, матери Самвела. Князь это знал. Проделка с бородой старика-привратника была одним из последствий этой влюбленности. Старик-привратник мешал ночным похождениям влюбленного. Но князь оставил эту тему и перешел к другой.

— Ну, а гонца ты узнал?

— Сатану не трудно узнать.

— Кто же это?

— Воскан Парехский. Тот самый, что убил свою жену и взял жену родного брата. Он привез письмо от старого князя.

— Он все еще у княгини?

— Нет, он передал письмо, они изрядно поговорили, и он отбыл еще до рассвета. Я же и выпускал его из замка.

— Об этом никому ни слова. Понял?

— Я глух и нем.

Наивному и веселого нрава Иусику не раз удавалось изгонять печаль из души порой охваченного тоской господина и рассказами о своих проделках над обитателями замка довольно часто увеселять молодого князя. Но в это утро он был недоволен своими шутками: его господин по-прежнему был печален, опять погрузился в мрачные размышления.

Не очень-то много узнал Самвел от слуги относительно гонца. Одно лишь его заинтересовало: отчего мать так поспешно удалила его? Обычно гонец оставался в замке до получения ответа на привезенное письмо. Что же теперь заставило мать отослать гонца и укрыть его в отдаленном от замка селе?

Он обратился к прислужнику:

— Иусик, не можешь ли ты заранее разузнать о новом приезде гонца к княгине?

— Могу! — с уверенностью ответил юноша.

— У кого?

— У «нее». «Она» мне обо всем расскажет. — Речь шла о служанке княгини, пылко любившей Иусика.

— И можешь узнать, о чем будут говорить княгиня и гонец?

— И это могу.

— Каким образом?

— Скажу «ей». «Она», как бес, всюду пролезет: подслушает и все расскажет.

— Но «она» не должна знать, что это делается по моему приказанию.

— Иусик не дитя, он все понимает.

— А если «она» разболтает?

— «Она» не такая девушка. Велю ей: «молчи», и она будет нема.

Прибывший к княгине гонец был одним из тануторов[1] Тарона. Его тайный разговор с княгинею мог бы многое объяснить Самвелу, и потому именно он интересовался этим.

Солнце стояло уже довольно высоко над горизонтом, и его теплые, золотистые лучи заливали комнату князя. Он поднялся с дивана и приказал юноше подать воды для умывания.

Князь прошел в опочивальню. Там на полу был разостлан мягкий дорогой ковер. Слуга накрыл его куском тонкотканого полотнища. Князь, поджав ноги, сел на подстилку. Это делалось для того, чтобы не забрызгать ковер. Затем слуга накрыл колени князя белым холщевым передником и поставил перед ним серебряный, художественной работы таз с резными краями, напоминающими тупые зубья пилы. Таз был накрыт плоской сеткой, а мелкие отверстия сетки разукрашены узорами. Использованная вода через сетку стекала в таз, и умывающийся, таким образом, не видел грязной воды. Иусик, встав на колени перед князем, правой рукой лил воду из серебряного кувшина, изображавшего павлина с широко раскрытым хвостом, а в левой держал маленькую серебряную чашечку с душистым мылом. Ручками кувшина служили крылья павлина, а вода

[1] *Танутер* — глава феодального дома, старший в роде нахарар.

лилась из его клюва. Павлин был любимой птицей рода Мамиконянов и служил им напоминанием об их прежней родине — Китае[1].

Окончив умывание, юноша отставил таз и кувшин и чистым полотенцем, перекинутым через плечо, насухо вытер лицо, шею и руки князя. Затем достал гребень из слоновой кости и стал расчесывать ему голову. Голова князя была кругом выбрита, и только с макушки спускались длинные черные пряди; на самой макушке также был выбрит маленький кружок, величиною с монету. Расчесав волосы, Иусик хотел натереть голову благовониями.

— Не надо — сказал князь.

Юноша удивился. Никогда еще не бывало, чтобы князь оставил свои волосы не умащенными.

«Мне надо скрыть свою печаль», — подумал князь и разрешил слуге продолжать обычный убор.

Умастив голову, Иусик собрал толстым узлом все волосы на макушке, а концы спустил на уши и шею свободными прядями. Затем он занялся головными украшениями. Они состояли из тиары, покрытой красивыми вышивками, и разноцветной шелковой повязки. Этим увяслом он обвязал тиару. Спереди к повязке, на лбу, он прикрепил серебряный полумесяц, испещренный таинственными знаками. Две тонкие цепочки, пристегнутые к рогам полумесяца, окружали повязку и скреплялись на затылке серебряными застежками. На каждой из застежек сверкал крупный драгоценный камень. Оставались еще глаза, которые следовало подвести черным порошком сурьмы. Юноша достал из-за пазухи маленькую кожаную сумочку, взял тонкую заостренную золотую палочку, поднес к губам, подышал на нее, чтобы она сделалась влажной, и опустил в порошок. Палочка покрылась тонким слоем черной пыли. Он начал накладывать сурьму на глаза. С большой осторожностью искусными движениями пальцев он водил палочкой по векам, пока они не окаймились черными линиями.

Теперь можно было приступить к одеванию. Иусик помог князю облачиться в шелковую цветную хламиду

[1] Мамиконяны были по происхождению чаны (т. е. лазы). По созвучию со словом чен — китаец, традиция стала считать этот род китайским по происхождению. — *Прим. пер.*

с разрезным подолом, доходившим до колен. Золотые пуговицы на широких рукавах хламиды имели вид свешивающихся черешен и служили скорее украшением, чем застежками. Такие же золотые пуговицы были и на груди. Талию он стянул тяжелым золотым поясом, усыпанным драгоценными каменьями. Замыкающиеся концы его образовывали большую выпуклую резную звезду, усеянную блестками. В центре звезды горел крупный розоватый алмаз, окруженный мелкой алмазной сыпью. Слева к поясу он пристегнул, как всегда, короткий меч, кончик которого касался колена. Как ножны, так и рукоять этого обоюдоострого оружия были окованы золотом и украшены красивыми узорами. Поверх хламиды князь надел короткую накидку из овечьей шерсти, расшитую золотом. Из-под длинной хламиды спускались пунцовые шаровары, охваченные цветными подвязками, сборки падали на красные сапоги. Этот княжеский наряд завершили два золотых шарика, вдетых в уши князя. Самвел знал, что мать непременно позовет его к себе, чтобы поделиться полученными от отца известиями. Поэтому он хотел показаться ей в своем обычном виде, чтобы не вызвать подозрений: она не должна знать, что сын уже получил плохие известия об отце.

Он снова вышел в приемную и принялся растерянно ходить из угла в угол. Его волновала мысль, как вести себя с матерью, когда она начнет говорить о вестях, полученных из Тизбона. Его брал ужас при мысли, хватит ли у него сил, чтобы хладнокровно выслушать ее. Одно неосторожное слово или движение могло его выдать.

Иусик собирался уже подать завтрак, когда дверь раскрылась и в комнату с низким поклоном вошел и молча остановился человек. Полное отсутствие усов и бороды, лицо, покрытое ранними морщинами, потухший взгляд узких глаз, красные веки, лишенные ресниц, торчащие желтые зубы и бесцветные губы — все говорило, что вошедший — евнух.

— Что тебе нужно? — спросил князь.

Евнух вторично поклонился.

— Госпожа приказала передать моему князю, чтобы он пожаловал к ней.

Князя передернуло, но он, подавив чувство неудовольствия, ответил:

— Хорошо. Скажи, что я приду.

Евиух, еще раз поклоиившись, удалился.

Иусик с особым отвращеиием поглядел ему вслед и, растопырив пальцы правой руки, сделал пренебрежительный жест. Князь это заметил.

— Когда ты поумнеешь, Иусик? — укоризненно сказал он.

— Право, я ие лгу, — ответил юноша с иекоторым смущением. — Если утром вижу этого человека, то этот деиь у меия бывает неудачным: либо я что-иибудь разобью, либо разолью, либо еще какая-нибудь беда случается.

Князь улыбиулся.

V. Мать и сын

Утреииий тумаи рассеялся. Наступил теплый лучезариый день. Воздух благоухал бальзамическим ароматом елей. Все улыбалось, все дышало радостью; только сердце Самвела было переполиено глубокой, безутешной тоской.

Выйдя из своих покоев, он прошел через обширный двор замка. Стоявший у входа Иусик сочувствеино смотрел ему вслед. Заметив, что господин его грустен, и не зная причины, он также искренно опечалился. Он любил своего доброго и благородного господина, который был к нему всегда сиисходителен и никогда его не обижал.

На Самвеле была весенняя легкая одежда. Рукава и широкие складки развевались по ветру. Нарядная хламида и белая легкая накидка придавали его стройной фигуре особое изящество. Появление его по утрам во дворе замка вызывало всеобщую радость; отовсюду устремлялись к нему восхищеиные взоры.

Но сегодня он шел, не глядя по сторонам, не поднимая лица, точно в трауре. Таким его еще иикто не видел. Как вести себя с матерью? Притворяться? Обманывать ее? Или же открыто осудить поведение отца?.. Он был в замешательстве и не знал, на что решиться. Эти размышления терзали его.

Жизнь в замке уже началась, все пришло в движе-

ние. С карнизов башен слетали голуби и влюбленными парами кружились по двору. Служанки в разноцветных одеждах весело шутили, смеялись и разбрасывали корм любимой птице. Евнухи с озабоченным видом молчаливыми тенями выскальзывали из одних дверей и бесшумно скрывались в другие. Тут же бегал хорошенький мальчик, играя с оленьим детенышем, шею которого украшал серебряный ошейник. Это был младший брат Самвела.

При свете дня замок выглядел страшным гигантом. Толстые стены подымались до уровня окружающих утесов и скал, точно руки циклопов, нагромоздив глыбы гигантских камней, воздвигли это мощное кольцо стен, внутри которого находились все жилые помещения большого княжеского дома. Замок был так обширен, что в случае опасности в нем свободно размещалась большая часть окрестных поселян. Вогакан походил скорее на крепость, чем на замок. Простота и прочность преобладали в нем над красотой и изяществом. В замке было множество служб, необходимых для различных надобностей. Самвел проходил теперь по одному из тех дворов, где помещалась девичья.

Он на несколько минут остановился, чтобы поговорить с младшим братом. Красивый мальчик с восторгом стал рассказывать ему о выросших рогах своего красавчика-оленя.

Тут их окружили молодые служанки. Одна из них, черноокая, не робея протянула руку и поправила загнувшийся воротник на хламиде Самвела.

— Благодарю, Нвард, — улыбаясь сказал князь, — мой Иусик такой бестолковый, что даже не умеет как следует одеть своего господина.

— Да, господин, он очень бестолковый, — проговорила девушка, и от смущения ее бледные щеки зарделись. Это была та самая служанка, которая пленила Иусика.

Самвел еще несколько минут занимался своим братом, его изящным оленем и слушал шутки беззаботных девушек. Он хотел выиграть время, чтобы хорошенько обдумать ту роль, которую собирался играть перед матерью.

В это самое время в одном из роскошных помещений женских покоев перед металлическим полированным

зеркалом стояла женщина. Она самовлюбленно, не отрываясь, смотрела на свое изображение и с восхищением поправляла свои головные украшения. Уже не в первый раз подходила она к зеркалу, желая еще раз проверить, на самом ли деле идут к ней новые наряды.

В передней раздались шаги. Женщина торопливо отошла от зеркала, опустилась на диван и облокотилась на бархатные подушки. Лицо ее приняло серьезное выражение. Она выглядела моложе своих лет и казалась цветущей. Хотя ей было уже около пятидесяти лет, она производила впечатление юной невесты, и если бы не полнота, придававшая ей несколько грубый вид, ее можно было бы назвать красивой. Ее большие глаза смотрели гордо и надменно, что несколько портило их нежную красоту. Эта пышная женщина была Тачатуи, мать Самвела.

Самвел вошел, принужденно улыбаясь.

— Доброе утро, дорогая матушка, — сказал он и приблизился к матери, чтобы, как всегда, поцеловать у нее руку. Но, отступив, он воскликнул, будто бы удивленно и с оттенком насмешки: — Что я вижу!.. Бог свидетель! Не спрашивая, могу сказать, что едет отец.

— Как ты узнал? — с ласковой улыбкой спросила мать.

— Ты такая нарядная, руки выкрасила, брови навела... Для кого же все это, как не для него?

Она обняла Самвела, поцеловала его в лоб и усадила возле себя на диван.

— Да, отец возвращается домой, Самвел. А что ты подаришь мне за такую радостную весть? — сказала она и обняла его за шею левой рукой, а правой взяла его за ухо и повторила: — Что подаришь?

— Дважды поцелую тебя, вот и подарок, — ответил сын, стараясь высвободить ухо. — Может ли быть лучший подарок за благую весть? Чего же ты еще хочешь?

— Вот этого я и хочу. — Она прижала его к груди и расцеловала в обе щеки.

И приветливость сына и ласка матери были искренни. Она обладала добрым сердцем и любила своих всегда послушных и почтительных детей. Самвел же был покорным сыном, любившим своих родителей. Но сегодня в их искренние отношения впервые вкралось нечто дурное, какая-то злая мысль, которая должна была

внести в эту дружную семью раздор и ненависть и, быть может, посеять сильную вражду между сыном и родителями. Всякий раз, думая об этом, Самвел содрогался всем телом.

Те же опасения с неменьшей силой волновали и сердце матери. Горячий патриотизм Самвела, его твердая вера, религиозное рвение были ей хорошо известны. Как же она скажет ему, что отец изменил вере и во главе вражеского войска идет на Армению?

Сама она давно уже была во всем согласна с мужем. Оба они принадлежали к тем ярым персофилам, которые ненавидели греков, а с ними и всю армянскую династию царей Аршакуни. Княгине не приходилось еще открыто высказывать свои персофильские взгляды в политических вопросах. Но зато у себя в доме она упорно старалась вводить персидский язык и персидские обычаи, что всегда вызывало сильное недовольство сына. Глухая семейная борьба между матерью и сыном началась уже давно, и давно уже Самвел готов был решительно воспрепятствовать намерениям матери. Однако обстоятельства были столь незначительны, поводы столь невинны, что еще не находилось причин для резких семейных разговоров. Но как быть теперь? Теперь надо было либо порвать навсегда все кровные узы, либо безропотно покориться воле родителей. На последнее мать не надеялась, зная настойчивость и твердость Самвела. Всю ночь она размышляла об этом и все же не пришла к определенному решению. В конце концов она решила сообщить сыну только часть полученных сведений, а об остальном поговорить при более благоприятных условиях.

Для начала она стала занимать сына посторонними разговорами.

— Как ты находишь мои новые уборы? — спросила она.

— Клянусь головой отца, они великолепны. Жаль, что ты забыла покрасить губы. Тогда ты была бы во всем схожа с персидской царицей.

— Ты издеваешься надо мной, Самвел?

— Над чем же мне издеваться? — усмехнулся сын, с большим вниманием рассматривая ее украшения. — Все так красиво, так чудесно! Посмотри вот на этот

серебряный, усыпанный алмазами рог луны, который так искусно повязан у тебя на лбу. Он сверкает, словно молодой месяц на ясном небосводе. Этот полумесяц сулит тебе радость так же, как луна дает блага живым существам. А эти алмазы вокруг полумесяца? Они наполнят твое сердце постоянным весельем, ты во всем будешь иметь успех, всегда будешь приятна царским очам... Хороша и эта тана[1], имеющая форму гвоздики, она услаждает тебя своим благоуханием; бирюза небесного цвета наполнит золотом и серебром твою сокровищницу, сделает обязательным для всех любое твое слово, любое желание и оградит тебя от царского гнева. А как красиво горят изумруды на этих золотых шариках. Они будут охранять твой слух от неприятных звуков и радостной музыкой веселить твое сердце. А эти изумруды? Они ослепят змей и чудовищ и сделают тебя неуязвимой, ты можешь не страшиться тогда укусов ядовитых пресмыкающихся и насекомых. А вот жемчужное ожерелье — таинственный талисман, в нем заключено твое счастье, твоя чарующая сила и твое волшебное обаяние, столь необходимое женщине...

Самвел взял руки матери в свои и продолжал:

— Сколько красоты и таинственности в этих змеевидных браслетах! Они дают твоим рукам проворство, а тебе мудрость, какую змий дал нашей праматери Еве. А эти нарукавники, украшенные кораллом и цветными бусами, в которых содержатся, кто знает, какие талисманы, они оберегают тебя от злого глаза и лихого случая, охраняют от соблазнов, дэвов, каджов[2] и всех невидимых духов. Я уверен, что в этих нарукавниках зашиты таинственные письма какого-нибудь мага.

Княгиня нахмурилась. Сын продолжал объяснять значение перстней:

— Вот перстень с красным яхонтом, с его помощью ты будешь привлекательной для всех. А вот другой, с сердоликом, — он предотвращает кровопролитие. Вот этот, третий, с розовым лалом — рассеивает печаль и прогоняет демонов. Вот четвертый, с змеевиком, — пе-

[1] *Тана* — персидское украшение для женщин, которое носили под носом.

[2] *Каджи* — злые духи подземелья.

ред ним бессилен яд. А этот, пятый, с желтым камием, разрушает злые помыслы...

Княгиня поняла, что сын смеется над ее суеверием и языческими предрассудками, и потому строго и обиженно прервала его:

— Довольно. Я знаю твое слабоверие, ты таким вещам не веришь...

— Напрасно ты так думаешь, дорогая мамаша, — ответил Самвел невозмутимо, — я хочу только показать, что я не такой уж невежда и кое-что понимаю во всем этом...

— Разве прежде я не носила таких украшеиий? Разве их нет у жен наших нахараров?

— Ты права... И то правда, что жены наших нахараров тоже их носят, но существует некоторая разиица: твои чересчур похожи на персидские.

— Пусть так. Что тут такого?

— Ничего... Меня лишь одно удивляет: как быстро ты успела все это подготовить.

— Я давно поручила... я только ожидала...

— Чтобы надеть, когда услышишь, что едет отец? Не так ли?

Мать ничего не ответила и, заметив, что разговор принимает неприятный оборот, перешла к другому:

— Знаешь, Самвел, для чего я тебя позвала?

— Не знаю...

— Я получила письмо от твоего отца и позвала тебя, чтобы сообщить тебе об этом.

— Получила письмо? — воскликнул Самвел. — Вот радость! Очень большая радость! Когда получила?

— Сегодня ночью. Прибыл гонец.

Оиа поднялась, всуиула ноги в голубые туфли, стоявшие на полу перед диваном, прошла через залу к одной из ииш и подняла шелковый занавес. Только теперь, когда она отвернулась, Самвел обратил внимание на узел из косичек, завязанный у нее на затылке, где среди украшений виднелся талисман из когтя гиены, вставленный в серебряный череиок.

Княгиня достала свернутый в трубку пергамент, перехваченный шелковой разноцветной тесьмой, и подала его сыну.

— Вот письмо от отца, — сказала она.

Самвел радостно развернул пергамент, посмотрел и разочарованно произнес:

— Здесь написано по-персидски...

— Я неоднократно советовала тебе учиться персидскому языку, — сказала мать поучительно и с упреком, — но ты не слушался меня; ты предпочитал эти проклятые языки—греческий и сирийский. А теперь, вот видишь, не можешь прочесть письмо отца. Ты даже своему маленькому брату Вагану запрещал учиться по-персидски. И все же он не только свободно говорит на этом языке, но и умеет писать.

Наставления матери задели Самвела, однако он постарался сдержать себя и сказал:

— Ты, конечно, читала письмо, расскажи мне, о чем пишет отец.

Княгиня передала Самвелу все, что ему было уже известно: что царь Шапух сделал ее мужа спарапетом Армении, что Меружану, брату княгини, он обещал армянский престол и как награду свою сестру Вормиздухт, что оба, отец и дядя, идут вместе с персидским войском в Армению. Один — чтобы стать армянским царем, а другой — спарапетом.

Во время этого рассказа лицо княгини сияло беспредельной радостью. Самвел слушал ее с глубоким волнением, рука его все крепче сжимала зловещий пергамент. Но эти горестные и позорные вести, предвещавшие гибель родины, не застали его врасплох. Он был к ним подготовлен.

Княгиня поведала сыну не обо всем. Она сообщила ему только то, что было написано в письме. Но скрыла, что его отец и Меружан Арцруни отреклись от христианства, приняли персидскую веру и обещали Шапуху распространить ее в Армении и что для этой цели Шапух направил с ними в Армению множество персидских жрецов, чтобы взамен церквей воздвигнуть капища и всюду открыть персидские школы, в которых должны будут воспитываться дети нахараров и знати в персидском духе и в догматах персидской религии. Умолчала она также и о мученической смерти Васака, дяди Самвела, и о заточении царя Аршака в крепость Ануш. Обо всем этом княгиня, конечно, знала; обо всем этом, без

сомнения, ей устно должен был сообщить гонец, доставивший письмо.

Тяжелое впечатление, которое произвел на Самвела ее рассказ, не укрылось от внимания княгини, но, делая вид, что она ничего не замечает, княгиня обняла и прижала сына к груди.

— Поздравь же меня, дорогой Самвел. Брат мой станет царем Армении, а твой отец — спарапетом.

Самвел оказался в незавидном положении: ему оставалось либо открыто высказать свое возмущение поведением отца и Меружана, рассказать все, что было ему известно об их предательстве, либо промолчать, чтобы неосторожной выходкой не выдать своих замыслов и решений. Но он не мог молчать; надо было что-то ответить. Из таких затруднительных положений Самвела обычно выручала, с одной стороны, его недоверчивость, а с другой — ирония.

— Не преждевременно ли ты радуешься, дорогая мамаша? — насмешливо сказал он, высвобождаясь из ее объятий.

— Почему преждевременно? — спросила мать дрогнувшим голосом.

— Армянский царь еще жив...

Княгиня не выдержала и высказала то, что пыталась скрыть.

— Царь Армении заключен в крепость Ануш, а оттуда никогда не возвращаются.

— Да, я знаю... оттуда не возвращаются. Но ведь существует наследник престола. Он в Константинополе, у христианского императора.

— Кто же его доставит в Армению и возведет на престол?

— Греческие войска и армянские нахарары...

— До их прибытия Армения будет занята персидскими войсками, а мой брат станет царем.

— Желаю удачи...

— Не веришь, Самвел? Ну, да ты сам скоро во всем убедишься, — сказала мать наставительно. — Ты говоришь, что наследник армянского престола находится у императора, что он придет во главе греческих войск и займет престол отца? А знаешь ли ты, кто теперь греческий император? Валент — злейший враг армян. Он

не только не принял армянского первосвященника Нерсеса, приехавшего к нему просить о помощи, но даже сослал его на остров Патмос в Средиземном море. Разве это тебе не известно?

— Нет, я слышу об этом в первый раз...

Но об этом бесчестном поступке гонителя Валента Самвел знал уже давно. Он с большим напряжением следил за всеми бедствиями, которые переживала его родина. И его чувствительное сердце было изранено творившимися злодеяниями.

В нем появилось желание выразить матери свое негодование по поводу одобрения ею бессовестного поступка Валента. Ему даже захотелось высказать ей свое глубокое возмущение поведением отца и Меружана, объяснить, какие губительные последствия могут повлечь за собой их действия. Наконец, раскрыть перед ней свое непреклонное решение противостоять всеми силами намерениям отца.

Но Самвелу хорошо было известно закоренелое честолюбие матери. Она желала быть супругой спарапета и сестрою царя. Перед этим страстным желанием все его доводы были бы бессильны.

И благоразумие сковало ему язык.

VI. Двоюродные братья

Нахарары из рода Мамиконянов издревле пользовались преимущественным правом быть спарапетами Армении. Эта высокая должность передавалась из поколения в поколение: сын наследовал ее после смерти отца. Впрочем, бывали исключения, когда и из других нахарарских домов Армении избирались спарапеты, но это случалось только тогда, когда Мамиконяны и армянские цари враждовали между собой.

Таронская область была наследственным уделом Мамиконянов. В Глакском монастыре находились их фамильные гробницы; замок Вогакан был резиденцией их княжества. Помимо Тарона, нахарары из рода Ма-

миконян владели также землями в области Тайк, где была расположена неприступная крепость Ерахани.

Род Мамиконянов был известен не только военачальством. Он славился храбростью, патриотизмом и благородством. Из этого рода выбирались наставники престолонаследников Армении и их дядьки.

Все армянские нахарары относились с большим почтением к представителям этой семьи, даже сам царь оказывал им особое внимание: столь велико было нравственное влияние этого рода. Вот почему во всех значительных событиях Мамиконяны являлись главными участниками. Самоотверженность, высокие добродетели и беззаветная храбрость были отличительными чертами этого рода.

В царствование Аршака II наиболее выделялись из рода Мамиконянов два брата — Васак и Ваган. Васак, бывший наставник царя Аршака, получил звание спарапета Армении; Ваган же был в должности азарапета[1].

И вот ни одного из этих братьев в Вогакане уже не было. Гонцы привезли из Тизбона скорбную весть об их гибели. Васак принял смерть от руки персидского царя Шапуха. Ваган же умер духовно еще при жизни: стал предателем. В замке остались лишь их сыновья: Самвел — сын Вагана и Мушег — сын Васака.

Стояла ночь. В той части замка, которую занимала семья Васака, погасли огни. Только в одном окне сквозь плотные занавеси пробивался слабый свет: там еще не спали. Какой-то мужчина нетерпеливыми шагами ходил взад и вперед по комнате, иногда присаживаясь на диван. Его беспокойные взоры то и дело обращались на дверь. «Что это значит? — думал он. — Самвел просил у меня тайного свидания. Что случилось? Он хочет мне что-то сообщить?.. Неужели опять получены тревожные вести? Ведь если случилось что-то радостное, зачем ему приходить ночью?»

Так думал Мушег, сын Васака Мамиконяна. Он был на шесть или семь лет старше Самвела — красивый, хорошо сложенный мужчина, каждая черта которого выражала благородство воина.

Комната, где он находился, не блистала роскошью.

[1] *Азарапет* — главный эконом царя, ведавший государственным хозяйством и налогами.

На полу ковры из грубого волоса и у стен несколько сидений, покрытых также грубыми коврами. Всюду бросалось в глаза оружие, не отличавшееся богатством украшений. Куда ни посмотреть, ясно было видно, что Мушег и в своем княжеском доме сохранил суровость боевой обстановки. Простота его одежды вполне соответствовала простоте его жилища. Все свидетельствовало скорее о стойкости и выносливости, чем об утонченности и изощренном вкусе.

Мушег подошел к окну, отдернул занавеску и открыл одну из створок. Он долго стоял неподвижно и вглядывался в темноту ночи. Не видно ни зги, не слышно ни звука, все погрузилось в сон. Пока он вглядывался во тьму, его мысли унеслись далеко, далеко — ко двору Тизбона. Там его дорогой отец. Там же и его дорогой государь. Со времени их отъезда от них нет никаких известий. В чем причина столь долгого молчания? Быть может, их обманул Шапух? Неужели все пути отрезаны? Он ничего не знал, его думы были так же печальны и беспросветны, как темна была эта ночь, в которой блуждали его полные гнева глаза.

В таком состоянии духа застал его Самвел, когда, тихо отворив двери, он сзади подошел к двоюродному брату и положил ему руку на плечо. Мушег очнулся от глубокого раздумья и, обернувшись, сказал:

— Ты изрядно помучил меня, Самвел.

— В этом виновата моя мать, которая окружила меня шпионами, — с гневом ответил Самвел, — я еле выбрался.

— Значит, случилось что-то важное, раз она прибегает к помощи шпионов, — сказал Мушег, и его грустное лицо еще сильнее омрачилось.

— Сядем, я расскажу тебе обо всем.

Братья сели на диван. Самвел несколько минут колебался, не зная, с чего и как начать рассказ, чтобы не причинить Мушегу сильной боли. Он начал с небольшого предисловия, выразив уверенность в том, что могучая воля и мужество Мушега помогут ему спокойно выслушать сообщение, и что они вдвоем, несомненно, найдут способ предотвратить зловещие события.

Но Мушег нетерпеливо прервал Самвела:

— Ради бога, не надо лишних слов. Рассказывай,

что тебе известно. Можешь быть уверен, что я не заплачу, как женщина.

Тогда Самвел сообщил ему все, что узнал от гонца: о том, что отец и Меружан заключили союз, что они изменили христианству, перешли в персидскую веру и ведут языческих жрецов и персидские войска на Армению, чтобы завладеть ею. Рассказал и о том, что Шапух отдал Меружану свою сестру Вормиздухт в супружество и обещал ему армянский престол, если он сумеет захватить и отправить в Персию армянских нахараров и видных представителей церкви, а затем распространить в Армении огнепоклонничество. Рассказал также и о том, что Ваган назначен спарапетом Армении, а царь Аршак заключен в крепость Ануш.

— А мой отец? — прервал его Мушег.

Самвел в смущении остановился, но затем ответил:

— Твой отец также...

— Заключен в темницу?

— Да, заключен в темницу...

— Вместе с государем?..

— Да, вместе с государем...

Самвел говорил правду: отец Мушега действительно находился вместе с царем в крепости Ануш, но перед закованным в цепи царем стоял не живой Васак, а набитый соломою его труп. Еще до встречи с Мушегом Самвел мучился целый день, раздумывая, как сообщить другу о жестокой смерти отца. Это известие могло тяжело подействовать на Мушега, который сильно любил своего отца и, узнав о его смерти, мог впасть в полное отчаяние. В конце концов Самвел решил смягчить удар и сообщил, что отец Мушега заключен в крепость вместе с царем.

— О вероломный перс! — воскликнул Мушег гневно. — Для тебя не существует ни святости слов, ни клятв! Перстень с изображением вепря ты вдавил в соль, — ведь это наисвященнейшая клятва по законам твоей религии; соль эту в знак мира ты прислал сюда, приглашая к себе моего отца и царя Аршака. И после этого ты вероломно заключил их в крепость. О нечестивец!

Эти слова относились к царю Шапуху, который злодейским обманом заманил в Тизбон армянского царя

и спарапета Армении. Мушег повернулся к Самвелу:

— Правда, что в течение тридцати лет мой отец беспрерывно воевал с войсками Шапуха и постоянно их побеждал. Но он воевал благородно. В душе Шапуха нет ни капли благородства, раз он мог забыть, с каким великодушием отнесся к нему мой отец. Однажды, когда Шапух, разбитый наголову, бежал с поля битвы, — весь его лагерь вместе с его женами был взят в плен моим отцом. Но отец с почетом отправил его жен обратно на паланкинах во дворец персидского царя. Обо всем этом Шапух забыл. Изменил клятве и обманул... О, мерзкий злодей!..

Такие полные горечи слова срывались с уст опечаленного сына. Сердце его горело жаждою мщения. Переполненный гневом он встал и, остановившись перед Самвелом, сказал:

— Слушай, Самвел. Мы будем недостойны своих предков, мы будем сыновьями потаскушек, если оставим эти злодеяния неотомщенными. Чаша терпения переполнилась, враг исчерпал меру злодейства.

Мушег сделал несколько шагов по комнате; заметив, что окно открыто, он закрыл его и опустил занавес. Он пылал гневом, большие глаза его горели, губы дрожали, как в лихорадке. Мужественное лицо побелело словно мрамор. Он остановился перед Самвелом и, глядя в его скорбные глаза, спросил:

— Что же ты молчишь? Почему не отвечаешь?

— Ты счастливее меня, Мушег, — сказал Самвел. — Твой отец был герой и не дрогнул даже перед лицом смерти. Он всю жизнь провел в борьбе с врагами родины и до конца остался верен своему несчастному царю... Мне рассказывал гонец, с каким величием держался он на суде перед Шапухом, обличая его вероломство. Все судьи и даже сам царь были удивлены его смелостью. Я же несчастный. Мой отец, недостойный враг достойного родича, изменил родине, изменил своему венценосцу. Сделавшись гнусным орудием в руках Шапуха, он идет теперь, чтобы предать родную страну огню и мечу. Он идет разрушить те храмы, которые были сооружены его предками и в которых он сам был крещен. Он идет, чтоб заставить нас молиться по-персидски и поклоняться персидским богам...

Слезы помешали ему говорить. Он обеими руками закрыл глаза и горько зарыдал. Самвел не обладал жестокосердием и твердостью Мушега. Он был столь мягок сердцем, его чувства были столь нежны, что даже незначительные события могли оказать на него огромное влияние. Но Мушег не обратил внимания на его слезы и в бешенстве воскликнул:

— Да, твой отец изменник! Он запятнал честь дома Мамиконянов. Надо стереть это пятно.

Он отвернулся и устремил взгляд на портрет деда Вачэ, висевший на стене. Несколько минут глядел на него Мушег с выражением глубокого почтения. Затем, указывая на деда, сказал Самвелу:

— Когда на поле битвы, после кровопролитной борьбы с персами, герой этот пал, — всю Армению охватило горе. Плакал царь, плакало войско, плакали поселяне. Во время его похорон великий армянский первосвященник Вртанес, сын Григория Просветителя, в своем надгробном слове так утешал народ:

«Утешьтесь во Христе. Он умер, но смертью своей он обессмертил себя. Ибо он принес себя в жертву нашей стране, нашим храмам и нашей богом данной вере. Он умер ради того, чтобы наша страна не подверглась опустошению захватчиками, чтобы не был нарушен чин наших храмов, чтобы наши святыни не попали в руки неверных. Если бы враги наши завладели нашей страной, они утвердили бы в ней свою нечестивую веру. Этот боголюбивый мученик сражался за то, чтобы изгнать, исторгнуть зло из нашей страны, и он умер ради того, чтобы в нашу благочестивую страну не проникло беззаконие. Пока он был жив, он боролся за правое дело, когда же приблизилась смерть, он пожертвовал собою за истину господа и за спасение его паствы. Он не пожалел отдать свою жизнь за родину, за братьев и за святую церковь, и он будет сопричислен к мученикам во Христе. Не будем оплакивать эту великую потерю, но почтим усопшего за его самоотверженность и установим обычай всегда и во веки веков чтить в наших церквах память об его храбрости наряду с памятью о мучениках христианских».

Произнеся надгробное слово патриарха, которое Ма-

микоияны знали наизусть, так как оно являлось их традиционным символом веры, Мушег добавил:

— Армянская церковь во время литургии перед святым престолом поминает в числе своих мучеников и нашего деда. Но отныне та же церковь будет произносить проклятие его недостойному сыну.

— И это мой отец!.. — воскликнул Самвел горестно.

Мушег ответил:

— Враг родины, изменник родины не может быть ни твоим отцом, ни моим дядей. Отныне он для нас чужой, и даже более чужой, чем какой-нибудь перс. Согласен ли ты со мной, Самвел?

— Целиком!

— Дай руку!

Самвел протянул дрожащую руку.

— Решено, — сказал Мушег и подсел к брату. — Теперь подумаем, что нам предпринять.

Воцарилось долгое молчание.

— Слушай Самвел, — начал Мушег. — Никогда еще Армения не была в такой опасности, как теперь. Царь, патриарх и спарапет — все в плену, и враги поспешат этим всемерно воспользоваться. И еще сильнее, чем внешние враги, угрожают нам внутренние раздоры. По полученным мною сведениям, многие наши области и провинции восстали против царя и хотят свергнуть власть. Восстал Агдзникский бдешх[1], он возвел громадную дзорайскую стену и отгородился от нас. Восстал Норшираканский бдешх. Восстали бдешхи дома Махкера, Нихоракана и Дасынтрея. Восстал бдешх Гугарка. Восстал тер[2] провинции Дзороц, тер провинции Кохб и тер Гартманадзора. Охвачена восстанием сильная провинция Арцах, гавар[3] Тморик и Кордрикский

[1] Так назывались правители четырех окраинных областей древней Армении. Эти самые крупные феодалы должны были охранять границы государства от врагов.

[2] Слово *тер* имеет различные значения в зависимости от того, в каком контексте оно употребляется. Означает: властелин, господин, всемогущий, создатель, всевышний. Его употребляли при обращении к крупнейшим феодалам, светским и духовным.

[3] *Гавар, ашхар* — крупные территориальные единицы Армении (в значении «край», «область», «провинция»).

ашхар; восстал Кордухский тер. Восстал весь Атрпатакан, сильный ашхар Маров и ашхар Каспов. Восстали также князья Ангхтский и Великого Цопка. Пограничные с персами князья присоединились к персам, пограничные с греками — перешли на сторону греков.

Самвел, слушавший все это с глубоким возмущением, прервал Мушега и воскликнул:

— Нет совести у тех князей, которые, являясь хранителями границ, в минуту общей опасности, вместо того чтобы защищать страну от врагов, сами восстают и протягивают руку врагу. Что же мы можем предпринять, когда главные силы нам изменили?

— С нами народ, — грозно произнес Мушег. — Враг допустил большую ошибку, и мы ею воспользуемся. Враг посягнул на священные чувства народа — на церковь. Если бы твой отец и Меружан Арцруни знали душу армянского народа, они бы не посмели трогать церковь. Тогда, быть может, они и сумели бы покорить Армению. Но теперь они проиграют, я в этом уверен.

— Народ еще ни о чем не догадывается...

— В этом нам сильно поможет духовенство. У тебя, Самвел, близкие отношения с Аштишатским монастырем. Завтра, не теряя времени, отправься туда и сделай, что следует. Я тоже разошлю людей по всем монастырям.

— Но я не знаю, как мне поступить с матерью. Она совсем связала меня.

— Твоя мать, Самвел, ужасная женщина; она может причинить нам большой вред; ты должен быть с ней осторожен.

— Осторожен? Как?

— Ты должен показать, будто согласен с ней.

— Значит, мне надо лицемерить? Это будет тяжко для меня.

— Пока другого выхода нет.

VII. Предлог

Солнце стояло уже высоко, но Самвел все еще не выходил из опочивальни. Он поздно ночью вернулся от Мушега и лег в постель почти на рассвете. Юсик уже

несколько раз подходил к дверям его опочивальни и с нетерпением прикладывал ухо к замку, долго, с осторожностью прислушиваясь к тяжелому дыханию и вздохам своего господина. «Не захворал ли?» — подумал он наконец. Приветливое лицо доброго юноши приняло глубоко опечаленный вид.

После ухода Иусика в приемную палату вошел старик, сухой и тонкий, как скелет. Голова и борода его были совершенно белые, холодное лицо цвета пергамента, с резкими чертами говорило о твердом характере. Казалось, он сам не знал, зачем пришел, но вскоре нашел себе занятие. Он стал ходить от одного предмета к другому, рассматривать каждый, переставлять с места на место; подошел к стоявшим в углу пикам и копьям и, взяв одно из них, перенес в другой угол, а копье правого угла переставил в левый. Посмотрел на пику и, заметив, что она стоит косо, поправил ее. За этим занятием застал его вошедший в комнату Иусик.

— Разве это твое дело? — сказал Иусик, хватая старика за руку. — Опять пришел, чтобы все перепутать?

— Молчи, щенок, — крикнул старик и с такой силой отшвырнул Иусика, что, не обладай тот ловкостью кошки, он, наверное, рассыпался бы, как штукатурка, по полу.

— Тише, милый Арбак,— взмолился юноша,— князь еще спит.

— Спит, — насмешливо протянул старик, — нашел время спать! Ничего, сейчас проснется...

Шум в приемной палате действительно разбудил Самвела. Старик Арбак был дядькою Самвела. Молодой князь вырос у него на руках; поэтому Арбак и вел себя с такой непринужденностью. Это был старый воин с суровым и чистым сердцем. Несмотря на свой возраст, он сохранил свежесть мужественной души. Самвел уважал этого человека, уважал его старость и его нестареющую храбрость. И теперь еще стрела, пущенная стариком, попадала в цель, его глаз не утратил меткости. Арбак был учителем Самвела во время охоты и военных упражнений; он учил его бегать, прыгать с крутизны, укрощать строптивого коня, стрелять из лука и пробивать стрелою железную броню, — эти упражнения он учил делать и на медных досках; учил одним взма-

хом меча отсекать человеку голову или с размаху разрубать его пополам, — эти опыты производились на животных. Учил переносить голод и жажду и спать под открытым небом, на голой земле. Словом, Арбак развивал в Самвеле те качества, какими должны были обладать в ту суровую эпоху дети нахараров, для того чтобы стать хорошими воинами и храбрыми людьми. Основы нравственного воспитания дядьки Самвела были весьма несложны. Они состояли лишь из нескольких требований: не лгать, исполнять данное слово, быть милосердным к больным и слабым, быть верным царю и отчизне, довольствоваться малым и быть воздержанным. Более же углубленное нравственное и духовное воспитание Самвела было поручено особым учителям, которые обучали его религии, языкам и наукам. Эти учителя приглашались из находившегося поблизости Аштишатского монастыря.

Арбак, как человек очень скромный, предпочитал, чтобы о нем говорили другие. Но временами, когда кому-нибудь случалось рассердить его, он напоминал провинившемуся о своей родовитости. «Я не какой-нибудь подкидыш», — говорил он в таких случаях. Арбак особенно любил рассказывать о том сражении, во время которого персы разрушили пловучий мост на Евфрате и не хотели пропустить Юлиана, а армяне, прогнав персов, открыли дорогу Юлиану. «Ах, если бы я знал, каким недостойным окажется Юлиан», — этими словами заканчивал он обычно свой рассказ.

Всякий раз, как Арбаку рассказывали какие-нибудь военные чудеса, он неизменно отвечал: «А вот когда мы дрались у Евфрата...» и затем излагал историю боя у пловучего моста. Он не мог простить Юлиану Отступнику его поступок с армянским царем Тираном, послужившим причиной гибели выдающегося армянского первосвященника.

Наконец Самвел вышел из опочивальни и, увидев Арбака, приветствовал его словами:

— Здравствуй, Арбак, что скажешь?

— Будь здоров! — ответил старик и, поджав ноги, уселся на ковер.

Он не любил сидеть на высоких креслах и диванах, считая такой обычай смешным. «Это значит садиться на

деревянного коня, который не двигается», — говорил он, выражая свою иронию в форме такой загадки.

— Хорошо, что пришел, Арбак, — сказал Самвел. — Я хочу сегодня отправиться на охоту.

Старик улыбаясь ответил:

— Поглядите-ка на этого охотника: нечего сказать — раненько изволил подняться. Солнце-то уж на целых пять джид[1] поднялось на небе.

Этим он хотел сказать, что солнце поднялось над горизонтом на высоту пяти пик. Пика являлась для Арбака мерой, с помощью которой он измерял любое расстояние.

Упрек старика был справедлив. Самвел никогда не имел привычки вставать так поздно. Кроме того, на охоту отправлялись обычно до восхода солнца.

Самвел стал оправдываться, говоря, что прошлой ночью ему не спалось и что он уснул лишь на рассвете. Но эти объяснения совершенно не убедили Арбака. Он полагал, что раз молодой человек по ночам не спит, значит ему в голову лезет всякая «чертовщина», а это он находил крайне недостойным.

На Самвела он привык смотреть, как на ребенка, который когда-то не умел высморкать нос в платочек, данный матерью. Он никак не мог примириться с тем, что ребенок этот уже вырос, возмужал, имеет собственную волю и желания. Хотя Самвел давно вышел из-под его опеки, но, уважая старика, иногда обращался к нему за советом. И тогда Арбак становился крайне требовательным.

Теперь, уступая мольбам своего питомца, он сказал:

— Ну, если уж едешь, пойду прикажу подать тебе гнедого.

— Почему гнедого? Ты же знаешь, что мой любимый конь белый.

— Белый пока не годится, — ответил Арбак деловитым тоном. — Этот негодяй, как я заметил, все еще дурит. Он когда-нибудь доведет тебя до беды.

Самвел ничего не возразил, но предупредил его, что возьмет с собою только двух слуг и двух борзых. Арбаку это показалось очень странным, так как он привык

---

[1] *Джида* — персидская мера длины.

соблюдать строго все обычаи и правила охоты. Всякий раз, когда князь отправлялся на охоту, его сопровождали десять—двадцать всадников и такое же количество собак. За несколько дней до охоты рассылались приглашения сыновьям соседних нахараров. Наконец, заранее назначались приготовления. «Что это ему вдруг сегодня с утра взбрело в голову скакать на охоту... и только с двумя всадниками?.. Виданое ли дело? Прилично ли это молодому князю?»

Но Самвел поспешил успокоить старика. Он объяснил, что ему скорее хочется просто прогуляться, чем охотиться, потому что чувствует себя плохо, прогулка несколько развлечет его.

В замке уже знали о близком возвращении спарапета Вагана из Тизбона, но подробности, сообщенные гонцами, конечно, никому еще не были известны. Самвелу хотелось узнать, какое впечатление произвела эта весть на старика.

— Знаешь, Арбак, отец возвращается... Теперь он спарапет Армении.

Арбак вместо ответа провел рукой по голове и принялся усердно потирать лоб. Казалось, он затруднялся с ответом.

— Что же ты молчишь?

— Плохо это пахнет! — прямодушно отрезал старик и начал еще энергичнее потирать себе лоб.

— Почему, Арбак? Разве так можно говорить? — спросил Самвел, представляясь обиженным.

Арбак провел рукой по седой бороде и, зажав ее в кулак, проговорил:

— Каждый волос этой бороды побелел в опасности, Самвел! Я многое видел и многое испытал.

Он умолк, ничего больше не прибавив, но его опечаленное лицо досказало Самвелу остальное. Старик еще не знал, какие злодейские поручения дал Шапух отцу Самвела для проведения в Армении. Но одна мысль о странном назначении Вагана спарапетом внушала ему беспокойство, так как эту должность, по установившемуся в роде Мамиконянов обычаю, должен был занимать его старший брат Васак. По какому же праву персидский царь Шапух вмешался в распоряжения, которые всецело зависели от армянского царя? Все эти

сомнения высказал с большой горечью старик, поднявшись с места и направляясь к двери.

— Радостен был бы приезд нашего тера, если бы он возвращался из Тизбона вместе с царем, а не с Меружаном Арцруни...

Арбак сильно хлопнул за собой дверью и ушел в переднюю, что-то бормоча себе под нос.

Возмущение Арбака больно отозвалось в сердце Самвела. «Какая глубокая печаль охватит всех в замке, когда обнаружится истина, — подумал он. — Поступок отца никого не обрадует, кроме моей матери... Отец привезет с собой в дом ссору, зависть и ненависть»...

В течение всего разговора Иусик находился в комнате. У него не было ни знаний Арбака, ни его опытности, но он чуял недоброе и не мог себе объяснить, почему его господин, узнав о приезде отца, вместо того чтобы обрадоваться, впал в уныние.

В это утро Иусик, словно изменив своей обычной веселости, был в каком-то грустном настроении.

Самвел обратил на это внимание и спросил с участием:

— Что с тобою, Иусик? Почему ты такой молчаливый?

Тот тревожно оглянулся и, приблизившись к Самвелу, чуть слышно прошептал:

— Знаешь, мой господин, что я узнал...

— Что? — с любопытством спросил Самвел.

— Человек этот... сегодня ночью опять был у госпожи.

— Какой человек?

— Гонец, который привез письмо от старого тера.

— Кто тебе сказал это?

— «Она».

— Нвард?

— Да, Нвард. Она сказала, что поздно ночью евнух Багос провел гонца к княгине. До прихода гонца княгиня сидела у себя в ожидании. Они заперли двери и, уединившись, долго совещались.

— О чем они говорили?

— Нвард не все расслышала; они говорили шепотом. Но сквозь дверную щель ей удалось подсмотреть:

госпожа передала гонцу пачку писем и приказала ему объехать многие страны, повидаться со многими людьми и передать им эти письма.

— Нвард не сообщила тебе названия этих стран и имена людей?

— Я спрашивал, но она не запомнила, так как имена все незнакомые. Но она лишь слышала, как госпожа строго-настрого приказала гонцу немедленно отправиться в путь, объехать все места в течение двух недель и повидаться с теми людьми, которых она ему указала.

— Неужели Нвард не запомнила ни одного имени?

— Да! Забыл сказать, она запомнила имя одного. По словам Нвард, госпожа велела гонцу прежде всего отправиться к Вараздату, верховному жрецу «детей солнца»[1].

Услышав это имя, Самвел сильно побледнел. Одного этого имени было достаточно, чтобы догадаться об опасных намерениях его матери. В Тароне еще существовал в это время среди армян древний культ солнца. Его последователей называли «детьми солнца». Во избежание гонений со стороны армян-христиан они, оставаясь приверженцами старой религии, внешне старались выдавать себя за христиан. Но, подвергаясь гонениям и притеснениям, они постоянно ждали только подходящего случая, чтобы поднять восстание. И вот теперь такой случай представился: княгиня Мамиконян, владетельница Тарона, возвещала благую весть их главному жрецу и призывала его на помощь. А кому же, как не «детям солнца», откликнуться на призыв княгини? Ее супруг, тер Тарона, возвращается из Тизбона на родину с целью уничтожить христианство. Он несет с собой персидский культ солнца. И кому же, как не «детям солнца», встретить его с распростертыми объятиями. Число же их в Тароне, особенно у границ Месопотамии, было немалое. Следовательно, была уже готова почва, на которой мать Самвела начинала сеять семена внутренних раздоров.

Все это было ясно Самвелу.

---

[1] *«Дети солнца»*— это преемники античных гелиополитов («Граждан солнца»), — членов организации рабов, боровшихся против Римской империи.

В это утро гонец матери пустился в путь, направляясь к главному жрецу «детей солнца». А Самвел под предлогом охоты собирался поехать в Аштишатский монастырь — к матери всех церквей Армении. Там были сосредоточены видные силы христианства. Он отправлялся сообщить местному духовенству о наступающей опасности, собирался увещевать священнослужителей, чтобы они со своей стороны призвали к борьбе христианский люд. Представители двух единоплеменных армянских религий должны были бороться друг с другом. Одних побуждала мать, а других — сын.

Одна из дверей приемной палаты вела в одевальню, иначе называвшуюся «домом хламид». Там, в нишах, в больших и малых узлах, хранились наряды Самвела. Собольи же шубы и разного рода верхняя одежда для всех времен года висела в более обширных нишах и была закрыта занавесками. Особое место занимали его военные и охотничьи одеяния. Все это было дорогое, все разукрашено золотом и серебром. Самвел вошел в одевальню и выбрал там короткий и легкий охотничий наряд. В этой прекрасно облегавшей его изящную фигуру одежде он был особенно хорош.

Юсик в это время был занят в другом помещении, дверь в которое открывалась со стороны одевальни. В комнате этой находилась сокровищница князя. Здесь хранились его личные украшения, а также драгоценные украшения для лошадей. Юсик отобрал самую обыкновенную конскую сбрую, так как его господин отправлялся на охоту. Более роскошные предназначались для торжественных случаев.

Когда Самвел был уже одет, Юсик взял сбрую и отправился вместе с господином в княжескую конюшню.

Конюшня находилась вне замка, в особом помещении, по своей красоте скорее похожем на дворец. Там же помещалась княжеская псарня. Здесь содержались и охотничьи соколы разных пород. Когда князь вошел через большие ворота широкого квадратного двора конюшни, слуги заметили его издали и поспешили сообщить главному конюшему. Последний немедленно явился и, приблизившись к Самвелу, несколько раз отвесил низкий поклон.

— Здравствуй, Завен, — приветствовал его князь.

Главный конюший снова молча поклонился.

Во двор уже вывели гнедого коня, покрытого красивой попоной, края которой были разукрашены разноцветными шерстяными кистями. Сильный конюх держал коня под уздцы, но беспокойный, горячий конь не переставал издеваться над ним: ржал, сопел, подымался на дыбы, точно хотел повергнуть в прах своего укротителя. Но конюх мощной рукой сдерживал буйное животное. Группа других конюхов, стоя вокруг, с живым интересом наблюдала за опасной борьбой. Старик Арбак несколько раз подходил к коню и, поглаживая его красивую шею, наставительно говорил:

— Тише, Егник, будь умником.

Подошел Самвел и, поглядев на игру коня, обратился к Арбаку:

— Ты мне запретил садиться на белого, но Егник не слишком-то умней его.

— Это он от радости, — ответил старик и велел, чтобы коня немного поводили, успокоили, а затем оседлали.

Конюшня была разделена на несколько частей: в одной находились княжеские мулы, в другой — ослы, в третьей — обыкновенные лошади, в четвертой — породистые. Самвел в сопровождении главного конюшего отправился посмотреть на породистых коней. Они вдвоем вошли в конюшню. Это было длинное помещение, конец которого терялся вдали. У яслей стояли рядами на привязи кони: чистые, здоровые, один краше другого. Их было свыше сотни. Для острастки каждый из них был привязан двойными концами поводьев к железным толстым кольцам, прикрепленным с двух сторон к яслям. Кроме этой предосторожности, у наиболее игривых, беспокойных задние ноги были связаны цепями, хотя кони были отделены друг от друга крепкой деревянной перегородкой.

Проходя мимо, Самвел внимательно разглядывал животных. Ему всегда доставляло большое удовольствие бывать в этой богатой конюшне. Он знал клички всех коней, их происхождение, возраст и был знаком с нравом каждого из них. Главный конюший с особой охотой отвечал на замечания своего господина, выражавшие его глубокое удовлетворение. Самвел подходил

к иекоторым из коней, гладил их по голове. Это особенно радовало конюшего: так радуется заботливая мать, когда в ее присутствии ласкают ее красивых, бойких детей.

— Завеи, пора уже начать выезжать лошадей, — сказал Самвел. — Возможио, оии скоро поиадобятся...

— Поиимаю, мой тер, — ответил главиый конюший. На его обросшем лице появилась добродушная улыбка. — Старый киязь возвращается, и вы, вероятно, собираетесь его встречать?

— Да! И с большим отрядом...

— Я знал об этом и потому как раз с сегодияшиего дия велел иачать выезжать лошадей. Отиыне ежедневио будут выводить коией на несколько часов.

Выйдя из конюшии, Самвел увидел своего оседланиого коия, сел иа иего и пустился в путь.

VIII. Охота

На своем красивом гнедом коие, с колчаном за спиной, луком иа плече и с длииной пикой в руках, Самвел ехал по той дороге, которая вела от замка Вогакаи к Аштишатскому моиастырю. Резвый коиь играл, подскакивал, грыз удила, и губы его довольио быстро покрылись белой пеной. Но вскоре он затих, как будто угадав, что хозяину не до веселья. Прежде, когда ему случалось вместе с хозяниом отправляться на охоту, он слышал от него миого ласковых, бодрящих слов. Но сегодня тот почему-то молчал. Вот это-то и опечалило умиое животное.

В убраистве коия ие было иедостатка в украшеиинях, иедостатка, который мог бы его опечалить. Голова его была украшена розовыми хохолками, перехваченными серебряными застежками, похожими иа колокольчики. На шее висел также серебряиый ошейиик, маленькие бубеичики которого при всяком движении головы приятно позвякивали. На груди красовалась шлея с наиизанным иа ией разноцветиым бисером и с треугольным талисмаиом. Ои охраиял коия от дуриого глаза и от

несчастного случая. Седло было обито барсовой шкурой, стремена и луки — из серебра.

Две одномастных борзых с дорогими ошейниками бежали впереди всадника. За князем ехало двое оруженосцев; у каждого из них на руке было по соколу.

Оруженосцев также удивляло молчание князя. Занятый своими думами, он погонял коня, не обращая внимания на окружающее и не интересуясь разнообразной дичью, которая то и дело попадалась им на пути. Дорога тянулась через ущелье, по обе стороны его высились горы, покрытые густым лесом. Яркие лучи солнца не проникали через листву деревьев, ветви которых, переплетаясь друг с другом через дорогу, образовали живой зеленый свод. Иногда ущелье расступалось, и тогда взорам охотников открывались зеленые бархатистые луга, усеянные пестрыми цветами.

Как сладостно было раннее щебетанье птиц, как сладостен был нежный шелест листьев! Но еще приятнее было журчание горной реки, быстро сбегавшей между берегами, поросшими кустарником. От всего веяло радостью, все дышало жизнью и весельем, только сердце Самвела было полно горечи. Чем больше он думал о злых последствиях предстоявших бедствий, тем значительней они ему казались. «Кто знает? — думал он. — Быть может, скоро наступит день, когда покой этих прекрасных лесов будет нарушен бескрайним смятением, взамен благоухания этих красивых цветов повеет смертью, и зеленые долины обагрятся братской кровью».

Казалось, и звери понимали, что Самвел для них сегодня не опасен: они смело, без боязни пробегали мимо него. Вот чуткая газель выскочила с быстротой молнии из приречных кустов, пересекла дорогу, скрылась за деревьями, в несколько прыжков очутилась на покрытой мхом скале и оттуда насмешливо поглядывала на князя. Борзые, заметив ее дерзость, вопросительно посмотрели на князя, но не получив поощрения, огорченные, продолжали свой легкий бег. Вот шумливая стая куропаток, быстрокрылых птиц, нарушила тишину. Она пронеслась близко, как сизая туча, и исчезла за соседними скалами. Соколы, спокойно сидевшие на руках оруженосцев, увидев этих красноклювых и краснолапых осмелевших птиц, взмахнули широкими острыми

крыльями и, готовые к преследованию, гневно рванулись. Но шелковые шнурки на ногах заставили их опуститься.

Солнце поднялось уже высоко. По лесу разливалась приятная теплота. Деревья, омытые накануне проливным дождем, ярко блестели чудесным нарядом своих листьев. Трава посвежела, еще больше отрос зеленый мох и мягким ковром покрывал обнаженные скалы.

Местные крестьянки обычно бывали очень недовольны лесным дождем: он смывал с листьев выделявшийся из них сахарный сок, — эту манну небесную. Но на этот раз крестьяне успели заранее собрать сахар.

Тут и там среди деревьев мелькали маленькие шалаши, сплетенные из свежих ветвей. Из шалашей подымался дымок и облачками медленно рассеивался в воздухе. Девушки поселянки в красных рубашках, невесты в красных накидках весело сновали, как бабочки, вокруг огня. На костре кипел большой котел, наполненный сахаристыми листьями. Когда сахар растворялся, листья выбрасывали, вода закипала, делаясь густой. Таким способом приготовляли растительный мед или иначе — руп. Наиболее нежные листья, на которых слой сахара был гуще, отбирались, их накладывали друг на друга и прессовали. Таким способом приготовлялось душистое и вкусное лакомство, называемое газпен. Эти дары природы являлись для крестьян приятной пищей, особенно зимой, в постные дни.

Самвел проехал мимо одного из шалашей. К нему подбежала девочка-подросток. Если бы лесные нимфы оделись, как она, в красные рубашки, обвязались, как она, поясами с радужными цветами, и если бы, подобно девочке, свои длинные косы они заплели венками на голове, все же нимфы не были бы так прекрасны и привлекательны, как эта наивная девушка. Увидев ее, Самвел остановил коня. Девушка, зардевшись, подошла и, протянув руку, сказала:

— Пусть мой господин усладит свои уста.

Самвел взял у нее лепешку газпена, похожую на круглое печенье, и, откусив, спросил:

— Верно, твоего приготовления?

На лице девушки засияла нежная улыбка.

Самвел дал ей несколько серебряных монет.

— Вот тебе за то, что ты такая искусница и так вкусно приготовляешь газпеи.

Девушка сначала отказывалась, но потом приняла деньги и, поклонившись, побежала к подругам.

Каждый путник, проходивший мимо шалашей, получал угощение: таков был обычай.

Самвел поделился полученным со своими оруженосцами.

Чем выше поднималось солнце, тем оживленнее становилась дорога. Все чаще встречались горожане, ехавшие верхом на лошадях и мулах; шинаканы[1] плелись пешком. Пешеходы, завидя князя, сторонились при его приближении и, смиренно склонясь, ждали, пока он проедет. Самвел приветливо им кланялся и со многими ласково заговаривал, спрашивал о здоровье. Ехавшие верхом, спешившись, также отходили в сторону, покорно становились рядом со своими животными и кланялись князю, когда он подъезжал.

Самвел ненавидел этот обычай. Он еще издали делал знак рукой, чтобы люди не беспокоились. Но путники, невзирая на его запрещение, оказывали почет своему молодому князю.

Народ любил Самвела за его мягкость, за исключительную доброту и приветливость как по отношению к шинаканам, так и к горожанам. Его почитали. Обращение его не походило на жесткое высокомерие молодых людей из других нахарарских домов; для тех породистый конь, собака или сокол значили больше, чем простолюдин. Среди крестьян сложилось странное мнение о Самвеле: «Он точно бы и не князь — не бьет и не бранится».

Из ущелья дорога спускалась вниз по горному скату, и перед глазами Самвела открылась широко раскинувшаяся равнина Муша. Внизу, среди тенистых деревьев священной рощи, виднелись высокие купола Аштишатского монастыря. Невдалеке раскинулось местечко; оно называлось Аштишат и походило на маленький городок. Принадлежало оно Мамиконянам.

По дороге к Аштишату медленно шел какой-то чело-

[1] *Шинакан* — селянин, поселянин. Общее название трудового крестьянского населения.

век с длинной косой на плече. Он пел песню, слов которой нельзя было разобрать, но звуки выражали глубину чувства. Он был так увлечен своим пением, что не расслышал лошадиного топота за собою. Самвел окликнул его:

— Малхас!

Крестьянин обернулся, увидел князя и, радостно подбежав к нему, ласково взял его лошадь под уздцы. Его плотная фигура и мужественное лицо говорили о здоровой, выносливой натуре.

— Ты мне нужен, Малхас, — сказал ему Самвел.

— Слуга ждет твоих приказаний, — отвечал тот.

— Не сейчас. Завтра вечером приходи в замок, прямо ко мне.

Крестьянин в знак согласия кивнул головой.

Самвел поехал дальше, а Малхас снова запел.

Так, выехавши под предлогом охоты из замка, Самвел хотя и не поймал дичи, но зато случайно встретил нужного ему человека.

IX. Аштишатский монастырь

Тарон — обитель веры и богопочитания! Тарон — родина армянских богов и богинь! Вот снова показалась величественная Арацани — священный армянский Ганг. Семьдесят лет тому назад здесь еще совершенно свободно паслись белые бычки, принесенные в дар храму богине Анаит. По берегам этой реки прогуливались посвященные армянской богине олени с золотыми ошейниками. На этих берегах восхищался ими римлянин Лукулл[1].

Река эта была теперь перед глазами Самвела. Он пересекал Карке. Красивые возвышенности этой горы исстари покрывали леса, посвященные языческим богам. Грустные мысли князя невольно обратились к прошло-

---

[1] *Лукулл, Луций Лициний* (106—56 гг. до н. э.) — знаменитый полководец Римской империи, командовал римской армией в период войны с Митридатом Понтийским и Тиграном II, царем Армении.

му, к иедалекому прошлому. Здесь, в этих дремучих лесах, иа этих чудесиых высотах когда-то стояли Яштские храмы[1]. Здесь приносились жертвы богам Армеиии. Перед мыслеииым взором Самвела встал храм Вахагиа «Вишапакаха» — храм бога храбрости, иаполиеииый сокровищами армяиских царей. Рядом возвышалось другое святилище — «чертог Вахагиа», где стояла вылитая из чистого золота статуя возлюблеииой иепобедимого витязя — богиии Астхик. Здесь же был храм «златорождеииой богоматери» Аиаит, под покровительством которой иекогда процветала во славе Армеиия.

Эти три храма с их огромиыми богатствами были местами языческих жертвоприиошеиий — «*Яштскими местами*».

На иовый год армяи, в иачале месяца Навасард[2], здесь происходило всеиародиое праздиество, иа котором присутствовали армяиский царь, верховиый жрец Армеиии и иахарары. Царь открывал великое торжество жертвоприиошеиием — гекатомбой из белых волов с позолочеииыми рогами. Примеру его следовала вся зиать.

Новый год приносил с собой и иовую жизнь. Армеиии во время этого праздиества иадлежало показать своим богам плоды успехов прошлого года. Вахаги требовал от своего иарода храбрости, Аиаит — успеха в ремесле, Астхик — любви и поэзии.

Совершались соревиоваиия в талаитах и доблестях. Поэт пел сложеииые им песии, музыкаит играл иа бамбирие[3], борец показывал силу своих мускулов, а мастер — произведеиия своего искусства.

Здесь происходили воеииые игры, поедиики между смелыми борцами, бои с разъяреииыми быками и зве-

[1] *Яштские храмы* — капища, где проводились жертвоприиошения богу Солица.

[2] *Навасард* — первый месяц года в древией Армеиии. Год имел 12 месяцев, а каждый месяц насчитывал 30 дией. За последним месяцем шло еще пять дней, дополиявших общий счет года — 365 дией.

[3] *Бамбирн* — музыкальный струиый инструмент, бывший в употреблении у древних армяиских рапсодов, которые под его аккомпанемент пели свои песни.

рями. Здесь происходили ристания на лошадях, на колесницах, а также бега, в которых люди состязались с быстроногими оленями. Победитель получал один из тех розовых венков, которыми был украшен храм Астхик, и потому празднество это называлось *Вардавар*[1].

Новый год приносил с собой и новую жизнь. Старый год уходил. Надо было искупить старые грехи и очищенными вступить в новую жизнь: для этого совершалось общее омовение. Верховный жрец брал из волн Арацани святую воду и золотой кистью окроплял народ. Богомольцы, следуя его примеру, брызгали водою друг в друга.

Каждый из народа выпускал при этом белого голубя. Посвященные богине любви Астхик, чистые и непорочные, как невинные духи любви, голуби, порхая, окружали белый мраморный храм Астхик.

Жертва, вода и голубь — сколько в этом затаенного значения! Это символы мира, искупления и любви.

Каждый год, в месяце Навасард, в праздник Вардавара, языческая Армения совершала в «Яштских местах» на высотах Карке умилостивление богов кровью всенародного жертвоприношения. В начале каждого года Армения совершала это искупление, омываясь в священных водах Арацани. В начале каждого года Армения совершала и это таинство любви, посвящая храму Астхик голубей.

Но ведь обычай этот был очень древним, может быть старше начала самого времени.

Когда, по преданию, бог очистил потопами грешную землю, прародитель Ной[2] был первым после этого все-

[1] *Вардавар* — по-армянски «украшенный розами». В этот день обливали друг друга водой, дома украшали зеленью и цветами, преимущественно розами. После введения христианства этот праздник, посвященный богине Астхик, перешел в праздник Преображения.

[2] Легендарная история Армении считает армян прямыми потомками Ноя. Историк Мовсес Хоренаци рассказывает, что родоначальником древней Армении считался Гайк, правнук Иафета, сына Ноя. Он был исполин, полубог, обладал чудовищной силой. Поселился он у подножья Арарата, построил жилище, отдал его своему сыну Арменаку, а сам продолжал свой путь на северо-запад и там построил себе деревню, которую назвал Гайкашен.

мирного омовения, выпустившим с вершины Арарата голубя, благого вестника божественной любви. Это произошло в начале месяца Навасард. Выйдя из ковчега, у подножья той же горы патриарх принес первую жертву, — то была жертва умилостивления. Сын Ноя, хранитель его заветов, Сим, спустившись с Арарата в Тарон и поселясь у подножья горы Сим, совершил такое же жертвоприношение.

Прошли века, века неисчислимые, но обычай этот свято соблюдался в Армении до появления голубя над водами Иордана. И христианская Армения, освятив языческий обряд, повторила те же священнодействия и в тот же день Вардавара.

Все это знал Самвел, и все это незабвенное прошлое вставало теперь в его памяти.

За семьдесят лет до того как Самвел направлялся к Аштишатскому монастырю, два белых мула везли к Тарону закрытую колесницу. Ее окружали ехавшие на конях шесть знатных армянских князей: нахарары Аштенский, Арцруни, Андзеваци, Ангехский, Сюникский и Мокский. На колеснице заветным знаменем сиял серебряный крест. Впереди ехал просветитель Армении Григорий; лицо его было закрыто густой черной вуалью. Позади него — пять тысяч восемьдесят воинов, собранных шестью князьями. Христианское воинство, проникнутое священной отвагой, проходит по Тарону, наводя ужас на язычников. На колеснице — святые дары, вывезенные из Кесарии Просветителем.

Занималась заря, колесница, переехав Арацани, приблизилась к высотам Карке и здесь остановилась. Ее появление вызвало страшное волнение в горах, нарушив вековой покой священной рощи. Старые боги армян возмутились, и жрецы разъяренной толпой выбежали из храмов. Под знаменами верховного жреца Ардзана, его сыновей Деметрия и Месакеса в продолжение часа собралось шесть тысяч девятьсот сорок шесть человек, жрецы и прислужники капищ. Завязалась кровавая битва — битва христианства с язычеством.

Из глубины священного леса, как муравьи из гигантского муравейника, двинулось языческое войско и заняло все проходы и высоты в горах. Верховный жрец Ардзан и один из его сыновей вооружились. Отец и сын,

осыпая укорами и бранью армянских князей, восставших против своих богов, вызвали их на поединок. Вскоре язычники настолько оттеснили князей, что князь Мокский вынужден был укрыть Григория Просветителя в Вогаканском замке. Перед бегством Просветитель зарыл привезенные им из Кесарии дары в лесу, в глухом месте.

Битва продолжалась несколько дней, пока князья не получили подкрепления. Христианство восторжествовало: победа осталась за ним. Верховные жрецы Ардзан, его сыновья Месакес и Деметрий пали на поле битвы с мечом в руке, как герои. Пало тысяча тридцать восемь храбрых жрецов. Великолепные языческие храмы на вершинах Карке были разрушены. Погибли прекрасные произведения армянского искусства и архитектуры. Огромные же сокровища капищ стали добычей армянских крестоносцев.

Золото, серебро и мрамор легко было уничтожить, но уничтожить в сердце народа чувства, с которыми он сродинлся, уничтожить обожание, какое он питал к родным богам, было гораздо труднее. Эти чувства сохранились на много веков после сокрушения богов. Они устояли против огня и меча. Религия сменилась, но стародавние обычаи народа остались.

Были уничтожены те храмы, в которых всенародно в дни Навасарда праздновался Вардавар. Во времена язычества всенародные празднества устраивались семь раз в году; и на каждом празднестве присутствовали царь и верховный жрец.

Григорий Просветитель на месте капищ основал первый христианский престол — матерь армянских церквей. Монастырь сохранил свое прежнее языческое название — Аштишат. Праздник Вардавара превратился в праздник преображения Иисуса Христа, но прежние обряды сохранились. Снова раз в году появлялся здесь армянский царь христианин со своими нахарарами и армянский первосвященник. Они открывали всенародные праздничные торжества Аштишата. Опять приносились жертвы, выпускались голуби, и народ окроплялся водою. Опять происходили те же игры, устраивались те же соревнования, раздавались те же награды, как это бывало в языческие времена. Венки из роз, украшавшие

прежде храм Астхик, украшали теперь священный алтарь Аштишатского монастыря. И праздник этот, как и прежде, происходил в начале месяца Навасард и назывался праздником Вардавара.

Самвел все это знал. Он не раз участвовал в этих торжествах. Не раз случалось ему получать высокую награду во время игр и соревнований, не раз его за отвагу царь Армении награждал поцелуем в лоб.

Теперь предстояла новая война за веру. Как-то отнесется к этой войне народ, в котором еще живут старые исконные верования? Эта мысль волновала Самвела, когда он сошел с коня и перешагнул порог Аштишатского монастыря.

X. Три молодых силы

Ночью, когда вся братия Аштишатского монастыря уже спала, трое молодых мужчин сидели в одной из келий на широкой тахте. Светильник горел на медном треножнике, и огонь, мерцая, тускло освещал их озабоченные лица.

Они молчали: каждый углубился в свои думы. Их лица показывали, что горячий спор только что был прерван, точно собеседники решили передохнуть, успокоиться, чтобы снова начать спор.

Один из них, высокий, крупного телосложения, своей величественной фигурой и красивым лицом олицетворял мужественность, здоровье и силу. Второй был скорее маленького роста и нежного сложения; на его тщедушное тело природа как будто по ошибке посадила прекрасную голову, — на статной фигуре она была бы больше на месте; в его пламенных глазах светилась энергия и вспыльчивость.

Первый был Саак Партев, второй — Месроп Маштоц[1], третий Самвел.

Саак Партев был сыном могущественного первосвя-

[1] *Месроп Маштоц* — создатель армянского алфавита (в 392 г.). Саак Партев содействовал ему в этом.

щенника Армении Нерсеса Великого. В юности, окончив курс наук в Кесарии и изучив греческий и сирийский языки, он отправился в Константинополь и там завершил эллинистическое образование, изучив философию, музыку и ознакомившись с греческими поэтами. В Константинополе он женился. Вернувшись на родину, Саак, как и его отец в дни юности, поступил на военную службу, никак не полагая, что впоследствии ему придется унаследовать патриарший престол. С того времени как патриарший дом Армении оказался в свойстве с царским домом и с семьями крупных нахараров, дети патриархов получали вместе с духовным воспитанием и военное образование. Это было необходимо, так как первосвященник Армении являлся вместе с тем высоким должностным лицом в государстве. Он служил святому престолу, но в случае надобности вел войска на войну. С амвона он произносил проповеди, но в случае необходимости обсуждал с царями государственные вопросы.

Саак Партев, приехав в Аштишатский монастырь по своим делам, случайно встретил там Самвела. Самвел знал, что Саак собирается проехать через Тарон, но не ожидал встретить его в этот день в Аштишатском монастыре. Два месяца тому назад Саак вместе с Месропом начал объезд своих вотчинных земель. Обширные владения, разбросанные в разных провинциях, простирались от Арарата до Тарона. Богатый патриарший дом имел больше поместий, сел и посадов, чем самое могущественное нахарарство.

Месроп, сын дворянина Вардана, был родом из местечка Хацик в Тароне. Местечко это находилось на расстоянии полудня ходьбы от Аштишатского монастыря. Месроп, бодрый, энергичный юноша, еще с детских лет стремился к науке. Он изучил греческий, сирийский и персидский языки и все науки, какие существовали в то время. Как дворянин, Месроп был обучен и военному делу. Поэтому, занимая должность составителя царских грамот при дворе в Вагаршапате, он вместе с тем исполнял и воинские обязанности. Однако вскоре он оставил дворец и стал секретарем Нерсеса Великого.

Помещение, смежное с кельей, в котором они сиде-

ли, напоминало Сааку о весьма печальных событиях из истории его предков...

Пышную одежду Саака украшали драгоценности, какие носили тогда князья царского рода. Он сидел, поджав ноги и положив себе на колени саблю в золотых ножнах, пристегнутую к золотому поясу. Рядом с ним сидел Самвел, напротив — Месроп.

Самвел сообщил им прискорбные вести, полученные из Тизбона, рассказал о злодейских намерениях своего отца и Меружана. Об этом они и спорили: какими мерами предотвратить надвигавшуюся опасность. Угроза родине настолько волновала их молодые души, что они порой забывали необходимую меру приличий в отношении друг к другу.

Месроп первый нарушил молчание:

— Опасность чрезвычайно велика. Мы вкушаем теперь плоды прежних ошибок.

— Каких ошибок? — спросил Саак.

— Тех, что совершили твои великие предки, Саак...

Невидный молодой человек произнес эти слова желчно, и они как стрелы вонзились в сердце величавого Партева. Кровь предков — первосвященников и царей — вскипела в нем; большие глаза зажглись гневом. Он сделал угрожающее движение. Месроп в свою очередь ухватился за серебряный пояс, на котором висел короткий меч.

Но Сааку удалось подавить свое волнение. Гневно прозвучал его громовой голос:

— Не в том ли видишь ты ошибки моих предков, Месроп, что они вырвали из болота язычества нашу варварскую Армению и озарили ее светом христианства?

— Нет, Саак, вина их не в этом, — с оскорбляющей мягкостью ответил Месроп, —но скажи мне: разве свет, которым они просветили Армению, проник дальше монастырских стен? Разве он проник в убогие хижины шинаканов? Да и мог ли он туда проникнуть? Прошло уже почти столетие, как свет христианства проник в Армению. Однако и до сих пор в наших церквах библию читают по-гречески и по-сирийски, до сих пор в храме молятся на чужом языке. Разве шинаканы, горожане и вообще армяне понимают эти языки? А при та-

ком положении дела, каким светом могла просветить, какое нравственное или умственное направление могла дать церковь народу, когда он видит лишь обряды и слышит какие-то непонятные слова.

— И ты полагаешь, Месроп, что народу от этого мало пользы?

— Польза — нам, но не народу. Тебе, мне и вот этому скромному юноше, который молчит. — Он указал рукой на Самвела. — Мы все питомцы греческой или сирийской культуры, питомцы византийства, которое разлагает и убивает наше национальное чувство. Что представляет собой наш несчастный народ? Он утратил старое, но ничего не приобрел взамен.

— Нет, много приобрел, Месроп.

— Ровно ничего, Саак. Ты забыл, как некогда Вртанес Святой, твой дед, в этом самом монастыре Аштишата служил обедню и как внезапно двухтысячная толпа окружила монастырь и хотела побить его камнями?.. От ярости черни его защитили только крепкие стены храма. Ты забыл, Саак, что когда твои предки, Пап и Атанагинес, пировали однажды здесь, в Аштишате, к ним, подобно ангелу, влетел с мечом в руке какой-то человек и положил их обоих на месте. Много месяцев их трупы валялись без погребения, и никто не смел приблизиться к ним в страхе перед чернью. Вот тут, рядом с нами, совершилось это злодеяние.

Он указал на смежное помещение, приемную монастырского епископа, и продолжал:

— После этого печального события прошло всего тридцать лет. Что же изменилось? Народ остался таким же варварским, как и был.

— Нельзя за тридцать лет искоренить в народе то, что сложилось в течение многих и многих веков, — ответил Саак.

— Да, нельзя... Но это не возражение. Дело народного просвещения у нас основано на ложных и, я позволю себе сказать, на совершенно вредных началах.

Заметив, что спор снова обостряется, Самвел вмешался и сказал:

— Какой толк от ваших пререканий, Месроп? Что было, то прошло. Теперь надо думать о настоящем, — о том, как предотвратить грозящую нам беду.

На бледном лице Месропа появилась горькая улыбка. Он посмотрел на Самвела, как на ребенка, и ласково сказал:

— Не торопись, милый Самвел. Тяжелое положение в настоящем вытекает из прошлого. Не разобрав причины старых бед, мы не сумеем предотвратить новые, угрожающие смертью нашей родине. Я знаю, что твой отец не глуп, и дядю твоего, Меружана Арцруни, тоже нельзя назвать безумцем. Я уверен также и в том, что царь Шапух, обласкавший этих двух предателей, не отличается особым благочестием. Он посылает твоего отца и дядю, чтобы они уничтожили христианство в Армении и отдали в руки персидских магов наши церкви и школы. Ты можешь не сомневаться, милый Самвел, что Шапух предпринял этот поход не ради спасения души и не в угоду своим богам; просто-напросто он желает раз навсегда разрешить тот *трудный политический вопрос*, который очень его беспокоит...

Самвел задрожал всем телом; он почти не расслышал последних слов. Над ним смеялись, его отца называли предателем! И это позволял себе делать тот, кто подушкой и почестью[1] был неизмеримо ниже его. Он воскликнул с огорчением:

— Тебе, Месроп, надо укоротить язык, у тебя он не по росту длинный. Будь благовоспитаннее.

Месроп вскочил с места и прошелся несколько раз по келье. Затем остановился перед князем Мамиконяном и спокойно сказал:

— Напрасно обижаешься, мой славный Самвел. Дядя твой Васак был тоже невелик ростом, однако в нравственном отношении он оказался намного выше твоего исполина отца.

— Грехи отца искупит сын...

— О! Тогда я тебя полюблю еще сильнее!

— Оставьте все это. Теперь не до шуток и упреков! — прогремел Саак. — Садись, Месроп.

---

[1] Во время церемоний в царском дворце нахарары занимали места по старшинству рода и по своим заслугам и около царя, по древнему армянскому обычаю, сидели на подушках в порядке старшинства. Это называлось «получить подушку и почесть от царя». Обычай этот сходен с местничеством в древней Руси.

«Шапух желает раз навсегда разрешить тот *трудный политический вопрос*, который очень его беспокоит»...

Чтобы лучше понять эти слова Месропа, надо вспомнить, какой участи подвергалась Армения в продолжение ста с лишним лет, начиная с царя Трдата и кончая последними днями Аршака II, то есть со времени распространения христианства и до религиозных гонений, начатых Шапухом.

До введения христианства в Армении армяне и персы жили относительно в мире, потому что в религии у них было много общего, и, кроме того, царствовавшие династии в Армении и Персии происходили из одного и того же Парфянского или Аршакидского рода. Армянские и персидские цари находились в братских отношениях.

Однако после введения христианства как на востоке, так и на западе произошли крупные перемены, совершенно изменившие политическое положение Армении. На западе образовалась Византийская империя со столицею Константинополем, на востоке — государство Сасанидов со столицею Тизбон. Царство персидских Аршакидов пало, армяне лишились своих союзников.

Армения оказалась яблоком раздора между двумя постоянно враждовавшими государствами. Она не обладала достаточной силой для того, чтобы сохранить независимое положение, ей приходилось склоняться то в одну, то в другую сторону.

Как Византия, так и Персия, каждая в отдельности, старались привлечь Армению на свою сторону, потому что Армения являлась тем мостом, по которому должны были проходить силы Византии и Персии во время их военных столкновений. Столкновениям же и войнам между ними не было конца. При этом победа всегда доставалась тому государству, на стороне которого выступала Армения.

Христианство отдалило армян от персов и сблизило их с вероломными византийцами. Это породило вражду между персами и армянами. Армения находилась между двух огней и воспламенялась от приближения к каждому из них.

Всем этим объяснялась та двуличная роль, какую играли армянские цари и в результате которой в пер-

вую очередь страдали они сами. В зависимости от обстоятельств, они переходили то на сторону Византии, то на сторону Персии. Когда они поворачивались лицом к Византии, сзади их била Персия, и наоборот.

Трдат был первым христианским царем в Армении, заключившим дружеский союз с первым римским христианским императором Константином. Жертвою этой политической сделки стали все преемники Трдата, да и сам он пал от руки персов.

Сын его, Хосров II, приняв от Константина корону и порфиру, страшно разгневал персидского царя Шапуха, который послал своего брата Нерсеха, чтобы покорить армянское царство и воцариться там.

Сын Хосрова, Тиран, за помощь, оказанную императору Юлиану в войне против персов, был завлечен обманом в Персию царем Шапухом. Шапух велел выколоть ему глаза.

Сын Тирана, Аршак II, наученный ошибками своих предшественников, отрекся от Византии и заключил дружеский союз с тизбонским двором. Тогда император Валент приказал убить брата Аршака Трдата, который был оставлен заложником в Константинополе.

Аршак вынужден был заключить мир с Валентом и взять себе в жены его родственницу, Олимпиаду. Эга дружба возмутила Шапуха. Он разрушил Тигранакерт, захватил крепость Ани, разграбил казну и, разрыв могилы царей из рода Аршакидов, увез в плен их кости. После многих сражений, то побеждая, то терпя поражение от армян, Шапух, под предлогом заключения мирного договора, обманом завлек царя Аршака в Тизбон и заключил его в крепость Ануш.

— Я считаю поступок Шапуха бесчестным, но он умеет соблюдать выгоды своего государства, — говорил Месроп. — Этот долго царствовавший царь Персии имел дело с четырьмя армянскими царями: Трдатом, Хосровом, Тираном, Аршаком. Почти семидесятилетний опыт убедил его в том, что основным звеном дружбы армян с константинопольскими императорами является прежде всего христианская религия и затем византийская культура. Поэтому теперь он стремится порвать эту связь, уничтожить религию и господствующие в наших церквах, монастырях и школах греческий язык и греческую

письменность. Для слияния Армении и Персии в единое целое он хочет распространить у нас свою религию, свой язык и свое обучение. С этой целью он поручил Меружану уничтожить греческие книги, запретить изучение греческого языка и насильно обучать армян персидскому языку. Для нашего просвещения Меружан ведет за собой целый караван магов.

— Все это мы знаем, Месроп, — прервал Саак. — Напрасно тратишь время.

— Но нам следует знать и то, что все эти беды не произошли бы с нами, если бы мы не страдали большим влечением ко всему иноземному и если бы мы не подражали ни грекам, ни персам. Следуя одним, мы открыли глаза другим, и те тоже стали настаивать на своем. Наша самая большая ошибка состояла в том, что основу нашей культуры мы заложили на чужой земле. Персы отнеслись бы терпимо, если бы мы совершали наши культовые обряды на родном языке, и на этом же языке обучали детей в школах. Но они терпеть не могут все византийское, потому что оно вредит их политическим интересам.

Он остановился и после минутной передышки продолжал:

— Нашими учителями были греки и сирийцы. Христианство привлекало в нашу страну множество греческих и сирийских духовных лиц. Эти предтечи византийской цивилизации распространили свой язык и свою письменность в наших церквах и школах. Так продолжается и по сей день. До сих пор у нас еще нет перевода священных книг. Нет изложенных на родном языке молитв и шараканов[1]. Мы отреклись от всего старого, языческого. Произведения наших певцов и випасанов[2] мы предали огню. Мы покинули наше исконное, наше родное и возлюбили все чужое. В своем христианском фанатизме мы дошли до того, что отвергли, как нечто кощунственное, нашу древнюю литературу, нашу языческую священную письменность и приняли греческие и сирийские письмена. И немудрено, что у нас не оказалось достаточно

---

[1] *Шараканы* — духовные песнопения армянской церкви.

[2] *Випасаны* — в древней Армении народные певцы, авторы эпоса исторического содержания.

сил для создаиия своей собственной, националыюй культуры, своей литературы. С другой стороны, мы навлекли иа себя неиависть персов. Они стали думать: если, изучая греческий язык и греческую литературу, армяне полюбили их и духовно связались с Византией, то отчего бы н нам не ввести свой язык и свою литературу, чтобы армяне полюбили нас и были с иами в союзе. Теперь, мне кажется, ясно, что действия Шапуха продиктованы отиюдь не религиозными соображениями, а преследуют исключительио *политическую цель.* Армения — крепкий барьер между Персией и Византийской империей, Шапух стремился снести этот барьер, чтобы расчистить себе дорогу, — уничтожить его молотом своей цивилизации. Армения, как крепкая кость, застряла у него в горле, — он пытается разжевать, раскрошить ее и проглотить, чтобы свободно дышать...

— Но удастся ли ему переварить эту кость? — прервал его Самвел.

— Он сможет это сделать, если ынешнее положение не изменится, — гневно сказал Партев. — Но оставим все это. Я хочу ответить иа некоторые тяжелые обвинения Месропа, которые он возложил на моих предков.

Он повернулся к Месропу, тоскливо ожидавшему его ответа.

— Я хвалю тебя за благоразумие, хвалю и за серьезность. Но не могу простить тебе клеветы. Избыток твоей энергии заставляет тебя говорить недопустимые вещи. Ты обвиняешь моих предков в том, что они беспощадно разрушили, уничтожили старое, заветиое, чтобы взамен утвердить новое. Это верио. Но ведь таково начало всякого перелома. И разве наш господь Иисус Христос поступил иначе? Ведь и он ие оставил камия на камие. Моего прадеда Григория Просветителя ты обвиняешь в том, что он заполнил Арменню греческими и сирийскимн монахами. Но ведь иначе и ие могло быть. Ему нужны были подготовленные люди, и он привел их с собой из Кесарии. Мастер, собираясь возвести здание, ищет нужных работников за пределами своего края, если нет надежды найти их на месте. Но прадед мой не передавал этим чужеземцам права иа духовное и умственное воспитание армян. То были временные, на-

емные люди, которых приходилось терпеть, пока в Армении появятся новые силы из местных людей. С этой целью мой дед и основал множество школ, в которых даже дети жрецов должны были получить христианское образование. Если эти школы не дали нам желаемого результата и чужестранцы остались надолго в нашей стране, то винить в этом надо те злосчастные обстоятельства, жертвами которых сделались все мои предки. У них не было времени полностью осуществить дело просвещения армян. Мой дед, как Моисей, вынужден был бежать от ярости народа и последние годы своей жизни провел в безвестности, скрываясь в пещерах горы Сепух. О его сыне Вртанесе ты нам сам рассказал, как его хотели зверски убить здесь, в храме. Другой же его сын убит в провинции Цопк князем Архелаем. Аристакес остался монахом и не имел наследников, но один из сыновей его брата Вртанеса, Григорис, мученически умер за веру на равнине Ватнян; другой, Иусик, убит твоим тестем, царем Тираном. Два сына Иусика — Пап и Атанагинес — пали от руки убийцы в соседнем зале. Сын Атанагинеса Нерсес, мой отец, в настоящее время сослан на необитаемый остров Патмос. Как видишь, Месроп, ни один из моих предков не умер естественной смертью, — все они пали жертвами вероломства наших царей, нахараров или свирепости черни. Меч не дал им возможности совершить их великие замыслы, предназначенные для своей родины. Всю жизнь они провели в борьбе с закоренелым суеверием и погибли в этой борьбе. Но меня это не печалит, — смерть их была нужна, чтобы на их крови взошли и зацвели святые семена, посеянные в родную землю.

Месроп слушал его не прерывая; но бледное лицо Самвела выражало сильное волнение.

Славный сын великого первосвященника так закончил свои печальные объяснения:

— Если воля всевышнего когда-нибудь призовет меня, подобно моим предкам, на патриарший престол, моей первой заботой будет перевести на армянский язык священное писание и поставить воспитание армянского народа на подлинно национальной основе...

— А моей задачей будет, — добавил Месроп, — восстановить забытый армянский алфавит и освободить

наш народ от чуждой нам персидской, греческой и сирийской письменности.

Кто бы мог думать, что через двадцать три года после этого горячего ночного спора эти два гениальных человека исполнят свою клятву и положат начало «золотому веку» армянского просвещения.

Дверь тихо приоткрылась; в келью вошли два монаха и одновременно сказали:

— Мы все слышали. И мы решили доказать, что греки и сирийцы не так уж плохи, как вы думаете...

Оба монаха были из числа моиастырской братии. Один был грек, другой сириец. Первого звали Епифан, а другого — Шалитан.

XI. Мачеха

На следующий день в замке Вогакан царило большое оживлеиие. Слуги оделись наряднее обычного; служанки нацепили на себя цветные украшеиия, и даже евнух Багос облекся в пестрый балахон.

В замке ждали почетного гостя — Саака Партева.

Саак Партев не был чужим этому дому. Мамиконяны доводились ему дядьями. Его отец, Нерсес Великий, был зятем Мамиконянов. Мать Саака — Сандухт, была дочерью Вардана Мамиконяна, дяди Самвела. Отправляясь учиться в Кесарию, Нерсес взял с собой туда жеиу Сандухт. Там и родился Саак. Спустя три года Сандухт скоичалась. Отец ее, Вардан, привез тело Саидухт в Армению и похоронил в фамильной усыпальнице патриаршего дома, в местечке Тил. Потеряв любимую жену, Нерсес недолго оставался в Кесарии. Он отправился в Констаитинополь для завершения своего образования и там снова женился иа дочери греческого вельможи, которую звали Аспионэ.

Самвел рано утром вернулся из Аштишатского моиастыря и немедленно известил мать о предстоящем прибытии в замок Саака. Известие это хотя и смутило княгиню, но, скрыв свое недовольство, она приказала приготовиться к приему гостя. Оиа терпеть ие могла весь патриарший род, а Саака в особеиности: его высокая знатность колола ей глаза. А на этот раз приезд сы-

на великого армянского первосвященника был особенно некстати, так как в доме Мамиконянов горячо готовились к тайному антиармянскому и антихристианскому заговору.

До обеда оставалось несколько часов.

Зал княгини был разукрашен. Со стенных ниш и ларей сияли шелковые покрывала, чтобы можно было видеть расставленную в них драгоценную утварь. Золото, серебро и медь сверкали во всей красе и роскоши. Изящной работы блюда, тарелки, всевозможные кубки, чаши, пиалы, тонко разрисованные красные и черные кувшины из местной глины — все эти предметы роскоши служили только украшением, и ими никогда не пользовались.

Зал благоухал ароматом роз. Все сиденья, ковры, подушки — все было опрыскано розовой водой. На окнах в громадных вазах стояли букеты свежих цветов.

Княгиня сидела в своем обычном мягком кресле и в раскрытое окно смотрела в раскинувшуюся перед ее взором широкую даль. Отсюда была видна часть скрытой деревьями дороги, ведущей от монастыря Аштишата к замку. Беспокойный взгляд княгини был устремлен именно на дорогу. Она с глубоким волнением ожидала прибытия Саака. Но, вместе с тем, она мечтала о том счастливом дне, когда на этой же дороге покажется ее милый супруг и принесет с собой новое счастье и блеск нового величия.

Возле княгини сидела женщина, которая была гораздо моложе и привлекательнее своей соседки. Невинность и покорность выражало ее лицо, ее розовые губки... Большие черные глаза светились кротостью и бесконечной добротой. На ее лбу сверкал персидский царский знак — полудиск солнца с золотыми лучами. И верно: она была из рода персидских царей — сестра могучего Шапуха, Вормиздухт.

Это была вторая жена Вагана Мамиконяна и мачеха Самвела.

Эта красивая женщина пленила сердце Вагана; она связала отца Самвела и с персидским двором и с персидской верой. И, наконец, Шапух через эту женщину приобрел из нахарарского рода Мамиконянов верного соучастника...

Многоженство в то время было обычным явлением среди нахараров. Имея законную жену, они кроме того, держали и наложниц.

Вормиздухт стала женою Вагана в то время, когда Нерсес Великий, после несчастной гибели Аршакавана[1], помирил царя Аршака с его нахарарами. Но Ваган Мамиконян и Меружан Арцруни не примирились с царем и, отделившись от нахараров, отправились в Тизбон и перешли на сторону персидского царя Шапуха.

Сегодня две хозяйки одной семьи сидели вместе на диване: Вормиздухт — мачеха Самвела, и Тачатуи — его родная мать. То были две непримиримые соперницы, две ревнивые жены, разделявшие любовь общего супруга, две соперницы по знатности происхождения. По обычаям того времени, мать Самвела должна была во всем смиренно уступать царской дочери. Мать Самвела была всего только сестрой Меружана Арцруни, а Вормиздухт — сестрой персидского царя. Но обстоятельства сложились так, что все вышло как раз наоборот: мать Самвела, жестокосердная и надменная Арцруни, пользуясь мягким и податливым характером Вормиздухт, не только удержала за собой славу и честь «госпожи над госпожами», но даже сумела подчинить Вормиздухт своему влиянию. Вот почему и сегодня присутствие Вормиздухт почти не было заметно для матери Самвела. Она продолжала смотреть в окно, на аштишатскую дорогу, не обращая никакого внимания на Вормиздухт.

Неожиданное появление Саака в Тароне вызвало у нее всевозможные предположения.

«Зачем едет он сюда?.. — размышляла она. — Осматривать свои владения? Что это значит? Этим счастливцам досталось без меча и без крови столь много земель, что они даже не помнят, где находятся эти владения, и никогда их не посещают. Несомненно, его прибытие имеет какую-то скрытую цель!»

Вормиздухт уже начинала томиться. Несколько минут ее занимала веселая ласточка, которая, вспорхнув в открытое окно, щебеча покружилась по обширной зале и затем опустилась на голову большого медного бюста, стоявшего на мраморной подставке. Это был бюст

[1] *Аршакаван* — город, основанный царем Аршаком и разгромленный нахарарами.

Мамгуна, родоначальника Мамиконянов. С большим любопытством ласточка разглядывала окружающую роскошь и остановила взгляд на двух женщинах, сидевших в раздумье. Неудовлетворенная, она вспорхнула, снова покружилась по зале и с веселым щебетаньем вылетела в окно.

Сегодня Вормиздухт была приглашена в гости к матери Самвела. Она жила в отдельном дворце. Толпа ее служанок, евнухов и рабов составляла четвертую часть всего населения замка. Все они были персы. Отправляя ее в Армению, брат дал ей, кроме богатого приданого, и целый отряд слуг. В приданое получила она доходные поместья, расположенные по правому берегу Тигра, села и поселки у границ Ассирии.

Чтобы рассеять скуку, молодая женщина порой брала лежавшее около нее пышное опахало из павлиньих перьев с ручкой из слоновой кости; обмахивала им свое разгоряченное лицо. В такие моменты браслеты из красного коралла на ее обнаженных руках приятно постукивали. Тачатуи все еще продолжала смотреть в окно. Вормиздухт, чтобы напомнить о своем присутствии, спросила:

— Саак едет сюда один?

— Нет, с ним Месроп, секретарь его отца, — ответила княгиня, оборачиваясь к своей забытой гостье.

— Я Месропа никогда не видела, — сказала Вормиздухт.

— Скоро увидишь: красивый, изящный молодой человек.

Последние слова Тачатуи произнесла особо отмечая. Вормиздухт вспыхнула.

Разговаривали по-персидски.

— Саак тоже красивый молодой человек, — заметила она.

— Он даже красивее Месропа, — добавила Тачатуи с горькой усмешкой.

Вошел Самвел.

— Здравствуй Вормиздухт, здравствуй мать моя, — сказал он и приветливо поцеловал сначала руку матери, а затем Вормиздухт.

Появление Самвела рассеяло тоску Вормиздухт, и ее красивое лицо заметно оживилось.

— Ну, что же, где «твои» гости? — спросила мать с особой интонацией.

Самвел подошел к окну и взглянул на каменные солнечные часы, вделанные рядом с башней.

— Опоздали немного, должны скоро приехать. Теперь я вижу, — сказал он, меняя разговор,— как ты любишь Саака.

— Что же ты видишь? — с тайной досадой спросила мать.

— Вижу, как ты разукрасила зал и как нетерпелива из-за того, что Саак опоздал.

Княгиня засмеялась.

— Знаешь ли, Самвел, скоро к нам пожалуют и другие гости... Отчего ты не сядешь?

Самвел сел напротив Вормиздухт и матери.

— Какие же это гости? — спросил он.

— И ты еще спрашиваешь, Самвел! — упрекнула его мать, точно хотела сделать ему выговор за забывчивость. — Ты же знаешь, что вместе с твоим отцом прибудут именитые персидские полководцы: князья Зик и Карен. Нет сомнения, что, проезжая через Тарон, они погостят и у нас в замке.

— Я это знаю, — ответил Самвел и, взяв опахало у мачехи, стал вертеть его в руках. — Но мне кажется, что ты их преждевременно ждешь... Персидские полководцы прибудут не так скоро. До их вступления в пределы Тарона мы еще успеем подобающим образом подготовиться к встрече этих высокочтимых гостей...

Не догадываясь об истинном смысле слов сына, княгиня ответила:

— Конечно, у нас достаточно времени, чтобы приготовиться к встрече гостей. Но ты не знаешь, как бестолковы наши слуги. Сколько им ни приказывай, они все равно забудут куда что поставить, что откуда взять. Мне всякий раз бывает стыдно, когда я принимаю какого-нибудь именитого человека.

— Но Саак нам не чужой, матушка, он не взыщет.

— Ты опять про Саака, — раздраженно перебила мать. — Я не о нем думаю.

— Да! Забыл... Полководцы Зик и Карен...

— Знаешь ли ты, Самвел, кто такие Зик и Карен и какое внимание им оказывают при дворе Шапуха?

Услышав эти часто повторяемые имеиа, Вормиздухт по иаивности вмешалась в разговор.

— Оии просто прислужиики моего брата. В моем присутствии оии не осмелятся даже сесть.

Самвел признательио взглянул иа мачеху.

— Верио, милая Вормиздухт, — сказал он. — Однако, когда иизшие слуги персидского двора приезжаюг к иам, мы ие только усаживаем их иа самые почетные подушки, но даже сажаем себе на голову...

Слова эти не обидели Вормиздух, ио задели киягииюю. Оиа сердито посмотрела сперва иа сыиа, затем иа Вормиздухт.

— Тебя, по-видимому, вовсе ие огорчают мои жалобы иа бестолковость иаших слуг, — сказала она раздражеиио.— Сегодня утром я прогиала четырех. Представь себе, мне с большим трудом удалось раздобыть соловья. Я подробио объясиила, где повесить клетку и чем кормить птицу. И что же? Вхожу сегодня в зал и вижу — соловей лежит мертвый. Оказывается, вместо того чтобы повесить клетку, ее поставили иа окио; кошка просуиула лапу и задушила несчастиую птичку!

— Какое безобразие! — воскликиул Самвел, сочувственно качая головой. — Из-за этого, конечно, стоило прогнать не только четверых, ио и всех слуг. А кошку ты иаказала?

— Твои иасмешки неприличны, Самвел, — заметила мать.— Ты обижаешь Вормиздухт.

Самвел обратился к мачехе:

— Ты очень обижеиа иа меия?

Она, улыбаясь, посмотрела на иего из-под длииных ресииц.

— Нисколько! В ваших лесах соловьев сколько угодно!

— Но такие, что поют по целым дням, встречаются очеиь редко, — сердито заметила Тачатуи. — Ты даже не понимаешь, Вормиздухт, обычаев своей религии и иасмешки Самвела тебя не оскорбляют... Это не похвально!..

Вормиздухт покраснела.

О чем же шла речь? Дело в том, что мать Самвела не обладала таким утоиченным вкусом, чтобы любить пение соловья. Тут в иекоторой мере затроиута была ре-

лигия. В соловье, по верованиям персов, жил добрый дух, и каждый почитатель Зороастра[1] считал своим долгом держать у себя в доме соловья, пение которого считалось ежедневным благословением и приносило счастье. Мать Самвела, поместив у себя в доме священную птицу персов, хотела этим показать свои симпатии к персидским верованиям. Это было необходимо, так как она надеялась в скором времени принять у себя в доме полководцев Зика и Карена.

Самвел опять обратился к мачехе:

— А как ты, Вормиздухт, готовишься к приему?

— Никак, — ответила она простодушно.

Она не знала о последних известиях из Тизбона: мать Самвела еще ничего ей не сообщила. Самвел решил проверить, какое впечатление произведут на Вормиздухт эти вести:

— Ты тоже должна готовиться, — сказал Самвел. — Могу тебе сообщить, что тебя ждет очень и очень приятная новость.

Лицо Вормиздухт заранее просияло от радости. Княгиня глазами делала сыну знаки, чтобы он молчал, но Самвел продолжал, будто ничего не замечая:

— Царь Шапух, твой брат, выдал твою младшую сестру за Меружана Арцруни. Они уже выехали из Тизбона вместе с моим отцом и едут в Армению.

— Вот хорошо! — с ликованием воскликнула Вормиздухт, схватив Самвела за руку. — Значит, я скоро увижу сестру?.. Значит, они скоро будут здесь?

— Да, конечно, увидишь свою сестру... и своего нового зятя... Возможно, они скоро будут здесь, — повторил Самвел, не отнимая у возбужденной Вормиздухт своей руки. — И еще одна радостная новость...

— К чему ты ей все это рассказываешь, одумайся, Самвел! — сказала княгиня по-армянски, так как Вормиздухт не знала армянского языка.

— А почему же не рассказать? Разве она не должна знать, что ее супруг и, вместе с тем, твой супруг и мой отец, — скоро прибудет? Почему ей не сказать, что ее

---

[1] *Зороастризм (или маздеизм)* — религия древней Персии, получившая название по имени ее создателя Заратуштры (Зороастра). В основе ее лежит дуализм — вера в бога добра и зла.

сестра выходит замуж за Меружана? Зачем делать из этого тайну? — сказал Самвел возмущенно.

— А потому, что она не умнее малого ребенка. То, что она узнает, через минуту станет известно всему замку.

— Ты к ней несправедлива! Правда, у Вормиздухт сердце невинного младенца, но ум толковой женщины.

Хотя Вормиздухт и не понимала этого спора, но все же догадалась, что между матерью и сыном произошла размолвка, и потому сочла нужным вмешаться.

— Не огорчай свою мать, Самвел!

Затем, обратившись к Тачатуи, она спросила:

— Разве ты не рада, что моя сестра выходит замуж за твоего брата?

— Как не рада? — смягчая голос, ответила княгиня, — радость моя безгранична. Не всякому выпадет счастье стать зятем могучего персидского царя.

— Значит, надо благодарить Самвела за то, что он советует мне подготовиться к этой встрече. Я должна оказать царские почести и моей сестре и новому зятю моего брата. Ах, как радостен будет день их прибытия сюда!

При этих словах очаровательное лицо ее стало еще привлекательнее. Но мать Самвела была недовольна: она боялась, как бы сын не зашел слишком далеко в своей откровенности перед Вормиздухт, которую она считала неопытной и неосторожной женщиной.

Все сестры царя Шапуха носили имя Вормиздухт. Как среди древних армян, так и у персов существовал обычай: имена, данные дочерям при рождении, обычно не употреблялись; дочерей звали по имени отца. Отец царя Шапуха был Вормизд, и все его дочери назывались Вормиздухт, что означает дочь Вормизда.

Дочь армянского царя Санатрука именовалась Сандухт, дочь героя Вардана Мамиконяна — Вардандухт, дочь первосвященника Саака Партева — Саакануйш, дочь Смбата Багратуни — Смбатуи.

Точно так же обе сестры Шапуха, одна из которых была выдана замуж за отца Самвела, Вагана Мамиконяна, а другая за Меружана Арцруни, назывались по имени своего отца Вормизда — Вормиздухт.

С целью если не поглотить целиком, то, по крайней

мере, подчинить себе Армению, персидский двор придерживался той же политики, что и Византия. Император Валент для привлечения Армении на свою сторону выдал Олимпиаду, свою родственницу, замуж за армянского царя Аршака. Наперекор ему царь Шапух решил выдать замуж двух своих сестер за знатных нахараров царя Аршака — Меружана Арцруни и Вагана Мамиконяна, а затем склонить их на восстание против своего царя.

Наследственным владением рода Арцруни являлся обширный Васпуракан, а нахарарской областью Мамиконянов — Тарон. Васпуракан примыкал к персидским границам со стороны Атропатены, а Тарон — со стороны Ассирии. Замужество двух сестер Шапуха открывало широкие возможности для вступления в Армению через эти две области.

— И еще одна приятная новость, Вормиздухт, — продолжал Самвел, не обращая внимания на недовольство матери, — твоя сестра скоро станет царицей Армении.

— Ах! Что ты говоришь! — воскликнула Вормиздухт и от радости настолько забылась, что вспорхнула, как невинная бабочка, бросилась на шею Самвела и долго не выпускала его из своих объятий, все спрашивая: — Это верно? Верно? Ты не шутишь, Самвел?

— Нет, не шучу! Истинная правда!.. Твой брат обещал Меружану армянское царство! —ответил Самвел, высвободившись из ее объятий.

— Ах, как это будет хорошо!— сказала Вормиздухт, хлопая в ладоши. Усевшись на место, она обратилась к матери Самвела:

— Разве это не хорошо?

— Конечно, хорошо, — ответила та, вполне разделяя ее ликование.

Самвел встал, несколько раз прошелся по залу и затем, остановившись перед Вормиздухт, сказал:

— Все это очень хорошо, Вормиздухт, но ты еще не знаешь, что Меружану, прежде чем сесть на царский престол, придется совершить не мало дел...

— Какие же именно? — с любопытством спросила Вормиздухт.

— Я все тебе расскажу...

Мать снова сделала знак сыну, чтобы тот замолчал.

— Она должна знать, от этого зависит в будущем успех дела! — сказал Самвел по-армянски. — Почему ты мне запрещаешь?

Он подошел к одному из окон и остановился. Несколько минут он молча смотрел с этой страшной высоты на расстилавшиеся перед ним окрестности. Внизу в глубокой пропасти неистово шумела Арацани. Сжатая теснинами Вахеваханской долины, река, как рассерженный чудовищный змей, извиваясь, билась о скалистое подножье замка. За рекой, на высокой скале, высились развалины древнего города. По преданию, этот город, выстроенный царем Санатруком, был столицей прежних владетелей Тарона — князей Слкуни, и был разрушен предком Мамиконянов — Мамгуном. Величественные развалины этого таинственного города покрылись лесами, а из щелей разрушенных башен выросли вековые дубы. Некогда огонь произвел здесь страшное опустошение, и по этой причине город назывался Мцурк[1]. Самвел смотрел на это превращенное в пепел величие, на эту угасшую славу... Он отвел глаза от столь печального зрелища и стал вглядываться вдаль. Вот Аветиац, а на склонах этой священной возвышенности красивая роща, где скрывался славный Глакский монастырь. Еще не умерло предание о хромом демоне, который потайными подземными ходами выносил пепел из монастырских печей и бросал в волны Арацани[2].

В Глакском монастыре погребены все предки Самвела. И мерещится ему, что из заветных могил поднимаются мрачные привидения великих покойников и обращают свои разгневанные лица к замку Вогакан, где теперь гнездится позорная для Мамиконянов измена. С тяжелым чувством отвел Самвел взор от Глакского монастыря и посмотрел направо. Он увидел там Ацяцский эдем: там среди чудесной гущи ясеневых деревьев возвышались вблизи Аштишатского монастыря купола церквей, выстроенных предками Самвела.

---

[1] *Мцурк* — на древнеармянском языке означает пепел.

[2] Народное предание рассказывает, что святой Григорий Просветитель покорил всех демонов, а одного из них заставил прислуживать и чистить монастырские печи.

И он снова обратился к своей второй матери:

— Подойди сюда, Вормиздухт.

Вормиздухт легкими шагами подбежала и стала возле него в оконной нише. Мать Самвела посмотрела на них с явным неодобрением.

— Сейчас я расскажу тебе, Вормиздухт, что нужно сделать Меружану, прежде чем воссесть на армянский царский престол. И мы должны помогать ему в его начинаниях... в особенности ты, Вормиздухт.

Он протянул руку к ясеневой роще:

— Взгляни, дорогая Вормиздухт, как красиво освещает солнце своими яркими лучами эту рощу. Своей божественной теплотой оно вселяет жизнь в этот чудный рай. Там веет прохладой, и гибкие вершины деревьев, как нежно-зеленые волны, колышутся, вздымаясь, и сливаются с небом. В гуще этих деревьев стоят храмы, построенные Мамиконянами. Сколько сокровищ истощили мои предки, украшая всевозможными драгоценностями священные престолы этих храмов!.. Несколько сот монахов кормятся там нашим хлебом и молятся за души своих благодетелей. А теперь, милая Вормиздухт, мы же, Мамиконяны, сокрушим эти храмы, а на их место воздвигнем персидские капища. Пусть прахом и пеплом покроются эти священные места! Да сгорит эта прекрасная роща и станет пеплом в неугасимом пламени Ормузда![1] Пусть вместо благоухания христианского ладана и иных благовоний в этих священных местах подымется чад от жертвоприношений магов!.. Пусть умолкнут тоскливые звуки колокола и молитвенного клепала! Пусть на этих чудесных высотах каждое утро при восходе солнца и каждый вечер при его закате будут звенеть литавры и звучать трубы магов! И пусть благочестивый армянский шинакан, услышав этот призыв, дрожа от страха, поднимется на крышу своего дома, чтобы вознести поклонение восходящему и заходящему светилу. Слышишь, милая Вормиздухт, чего требует твой брат и что должен сделать Меружан, чтобы стать царем Армении?

Но Вормиздухт не слышала его. Она была в каком-то сладостном забвении. Рука ее лежала на плече взвол-

[1] *Ормузд* — бог добра у древних персов.

нованного юноши, н прижавшнсь к нему, упоенная его дыханнем, она прислушнвалась только к музыке его слов. Всякий раз, когда он делал небольшое движение, указывая на тот илн другой предмет, сердце молодой женщнны замнрало от знойной истомы...

Однако прислушивалась к словам сына княгиня.

— Довольно! — угрожающе воскликнула она.

Голос матерн заставнл Самвела очнуться от горячего увлечення.

— Насмехаешься, Самвел? Подумай, о чем ты говоришь,— продолжала она.— Вормнздухт, отойди от него!

— Да почему ты счнтаешь насмешкой мое воодушевление, дорогая мать? — сказал Самвел, отступая от окна. — Я совершенно не насмехаюсь, я хотел лишь угоднть тебе...

Вормиздухт с сожалением отошла от окна, лишившись мннутной близости Самвела. Неровными шагами она направнлась к дверн, не глядя на Тачатун.

— Куда же ты, Вормнздухт? — спроснла княгиня.

— Мне не по себе... голова закружнлась... пойду немного отдохну...

Она быстро вышла, забыв свое опахало, лежавшее на дннане. Самвел взял его и быстро пошел следом за мачехой. Он догнал ее в прнхожей.

— Благодарю, Самвел, — сказала мачеха, взяв от него опахало, н ее грустное лицо снова озарилось радостной улыбкой.

— Ты с нами сегодня обедаешь, не так ли? — спроснл Самвел.

— Нет!..

— Саак очень хотел тебя видеть...

— Извиннсь за меня.

Она вышла. Два черных евнуха ожидалн ее у дверей. Они пошлн вперед по дороге к ее дворцу.

Вернувшнсь в зал, Самвел сказал матерн:

— Ты обидела Вормиздухт.

— Я не потерплю у себя эту персидскую чувственность!.. — ответила мать.

— Но ты же так любншь все персидское.

— Подумай, Самвел, она ведь жена твоего отца...

— И моя уважаемая мачеха... Если ты еще будешь

так непристойно говорить о ней, я немедленно, как она, уйду и больше не приду сюда никогда.

Княгиня ничего не ответила. Угроза сына на нее подействовала. Слезы женщины, особенно матери, в такие минуты являются самым сильным ответом. Она поднесла платок к глазам и начала горько рыдать.

Чрезвычайно взволнованный, потирая от гнева руки, Самвел быстро ходил по залу, не обращая внимания на мать. Он еще чувствовал близость милой женщины, приятное прикосновение пленительной Вормиздухт, в ушах еще звучали ласкающие звуки ее последних слов.

Самвел любил эту юную женщину, которой не было еще и двадцати лет, любил за то, что она не только не захотела играть ту роль, ради которой брат ввел ее в семью Мамикоянов, но даже презирала ее. При персидском дворе занимались главным образом воспитанием мальчиков; девушки же оставались почти без всякого образования и обучались преимущественно развлечениям и придворным церемониям. Это и было причиной того, что они оказывались совершенно непригодными служить орудием в политической борьбе. Они являлись лишь связующим звеном между своими мужьями и царским двором. Сами же не имели никаких убеждений. Длинные объяснения Самвела, высказанные у окна, были не чем иным, как попыткой узнать, как отнесется Вормиздухт к действиям своего брата. Ее, персианку и язычницу, должны были скорее радовать предстоящие события, но она осталась к ним совершенно равнодушна. И то, что больше должно было интересовать ее, в чем она должна была проявить свое влияние, то именно интересовало родную мать Самвела. Это и возмущало Самвела.

Раздались звуки трубы. Самвел встрепенулся, встрепенулась и его мать. Она вытерла слезы и посмотрела в окно. Самвел подошел к другому окну.

По дороге из Аштишата к замку двигался большой отряд всадников. Их оружие и украшения сверкали на солнце. Когда они приблизились к замку, снова зазвучала труба.

Самвел вышел встречать своего высокородного гостя.

XII. Неудавшийся заговор

Появление гостей прервало неожиданную ссору между матерью и сыном. Лицо княгини Мамиконян снова приняло обычное надменное выражение.

После ухода Самвела княгиня стала беспокойными шагами расхаживать по залу в ожидании прибытия гостей и церемонии поцелуя руки. Но гости не показывались. Она позвала дворецкого. Вошел человек среднего роста. Он исполнял обязанности эконома, казначея и одновременно стольника.

Дворецкий, войдя, низко поклонился и стал у двери.

— Все ли готово, Арменак? — спросила княгиня.

— Все, госпожа! — ответил дворецкий.

— Музыканты?

— Есть и музыканты!

— Прикажи виночерпию отпустить для гостей самого старого и крепкого вина.

— Прикажу, госпожа.

— А для меня — самого слабого, понимаешь?

— Понимаю, княгиня.

— Но чтобы в цвете разницы не было!

Отдав еще несколько приказаний, она сказала:

— Теперь можешь уходить.

Он поклонился и вышел.

После ухода эконома явился главный евнух Багос. У него было сморщенное безобразное лицо, красные, лишенные ресниц веки, вытаращенные, как у лягушки, беспокойные глаза. Он приблизился к дивану княгини таким осторожным шагом, точно боялся, что ноги выдадут его, и, подобострастно наклонившись, хрипло проговорил:

— Прошли сперва к княгине Заруи поцеловать ей руку.

Надменные глаза княгини Мамиконян зажглись гневом.

— А потом?.. — спросила она встревоженным голосом.

— Потом придут сюда обедать.

— Когда?

— Кто знает? Если княгиня Заруи не задержит,

быть может, придут скоро. Только такая уж у нее привычка, — пока не накормит, не напоит гостей, не отпустит.

— Самвел также пошел с ними?

— Он раньше всех был там.

Княгиня еще более взволновалась.

Главный евнух, считая свою цель достигнутой, продолжал нашептывать с еще большим подобострастием:

— Самвел приказал пригласить к обеду и князя Мушега.

— И Мушег дал согласие?

— Да... они с Самвелом — вот...

При этих словах интриган сложил вместе указательные пальцы, желая показать, что Самвел и Мушег неразлучны.

Проживавшие в одном и том же замке семьи братьев Мамиконян — Вардана, Васака и Вагана, с виду дружные, в душе ненавидели друг друга.

Ужасны были причины этой смертельной ненависти. Васак убил своего родного брата Вардана; Ваган же, отец Самвела, предав братоубийцу Васака в руки Шапуха, персидского царя, тоже стал братоубийцей.

В доме Мамиконянов царила непримиримая семейная вражда. Но она прикрыта была фальшью приличий, принятых у знати.

Княгиню не столько возмутило то, что Самвел пригласил на обед Мушега, сына своего дяди, сколько сообщение о том, что Саак Партев прежде всего отправился приложиться к руке княгини Заруи, которая была вдовой убитого Вардана Мамиконяна. А Саак, как уже было сказано, был внуком Вардана, сыном его дочери. Вот почему Саак, посещая замок своих дядей, прежде всего отправлялся к княгине Заруи, утешал ее и выражал свое почтение вдовствующей бабке. Понятно, это очень сердило мать Самвела. «Этот заносчивый Партев, всякий раз как бывает в замке, не пропускает случая обидеть меня», — думала она, и ее пухлые губы дрожали от волнения.

— О Вормиздухт ничего не узнал? — снова обратилась она к главному евнуху.

— Ей нездоровится...

— Значит, она не придет обедать?

— Если бы и была здорова, то все равно не пришла бы, — ответил Багос. Он еще более сморщился, что-то похожее на смех перекосило его хитрое лицо.

Лицо же Тачатуи просияло от искренней радости: Вормиздухт не придет обедать. Прекрасная, приветливая персианка затмила бы ее в окружении молодых гостей. Беспредельная зависть мучила тщеславную княгиню из рода Арцруни, хотя она была уже в возрасте увядающей женщины.

Во время разговора главного евнуха с княгиней дверь зала временами чуть-чуть приоткрывалась, и из узкой щели выглядывали чьи-то блестящие глаза: кто-то подслушивал из прихожей.

Известия, которые сообщил главный евнух, хотя и порадовали княгиню, но еще больше усилили ее подозрения. Она была встревожена, в ее затуманенной голове проносились неясные мысли. Приезд гостей произошел так нежданно-негаданно, что у нее не было времени привести в порядок свои мысли и прийти к определенному решению. Теперь она колебалась, не зная, что предпринять.

Она снова обратилась к евнуху:

— Ты уверен, что Мушег будет сегодня обедать у меня?

На лице евнуха снова появилась отвратительная улыбка, и беспокойные зрачки расширились.

— Твой покорный раб никогда не говорит своей госпоже того, в чем сам не уверен, — ответил он, несколько развязно протянув руку, чтобы поправить одну из сбившихся на диване подушек.

Дверь зала опять дрогнула, любопытные глаза вновь блеснули из щели. По-видимому, этим пытливым глазам не удалось проследить, кто был собеседником княгини, так как диван, на котором сидела княгиня, стоял у противоположной стены, зал же был так велик, что к дверям доносились лишь неясные звуки.

Княгиня в задумчивости поднялась с дивана и направилась в соседнюю комнату.

— Иди за мной, Багос! — приказала она евнуху.

То была уютная комната, в которой княгиня проводила часы уединения. Одна дверь вела в спальню, другая выходила в небольшой тенистый дворик с вечно-

зелеными растениями, расположенный позади помещения для наложниц. Княгиня тщательно заперла за собою дверь. В зале никого не осталось.

Невидимая слушательница осторожно вошла в зал. Это была Нвард. Неслышно, легкими шагами, проскользнула она по мягким коврам и, внимательно осмотревшись вокруг, подошла к цветам у окон, понюхала, направилась к металлическому зеркалу, поглядела на свое лицо, а затем подкралась к той двери, за которой скрылись княгиня и евнух. Отсюда доносился приглушенный разговор. Она осторожно приложила ухо к замочной скважине. Девушка затаила дыхание, чтобы лучше слышать. До нее доносилось лишь неясное бормотанье, из которого она не могла разобрать ни одного слова. Ее душила досада. Недоброе предчувствие говорило ей, что готовится какой-то ужасный заговор. Она отошла от двери и стала искать какую-нибудь вещь для того, чтобы в случае внезапного появления княгини притвориться занятой делом. В это время двери зала с шумом раскрылись, и, как воробей, влетел маленький Ваган, младший брат Самвела.

Весь потный от игры, краснощекий веселый шалун подбежал к девушке и, обхватив ручонками ее шею, поцеловал ее. Потом, быстро отскочив, прыгнул на диван и собрав в кучу все подушки, уселся на них верхом, пришпоривая и нахлестывая воображаемого коня, весело покрикивая «ну-ну». Заметив, что его бестолковый конь не двигается, он заскучал и спрыгнул с дивана в поисках новой игры. Шалун вытащил один из букетов, стоявший в цветочной вазе. Тут Нвард бросилась к нему и с трудом отняла у него цветы. Но они были уже довольно помяты. Видя, что упрямый ребенок не унимается, девушка схватила его за руку, почти насильно вытащила из зала и заперла дверь изнутри. Но тот, прежде чем убежать, некоторое время сердито барабанил в дверь.

Шалости Вагана хотя и отняли у девушки несколько драгоценных минут, но зато помогли ей найти благовидный предлог для того, чтобы остаться в зале. Она подошла к «коню» Вагана и еще больше разбросала подушки. Взяла помятые цветы, оборвала лепестки и

расшвыряла по коврам. После всего этого она снова подкралась к двери комнаты княгини и приложила ухо к щелке.

Теперь там говорили еще тише. Девушка вся превратилась в слух, но ничего не могла разобрать. Сердце у нее колотилось от любопытства, и кровь приливала к щекам. Ей бы только узнать, с кем разговаривает госпожа!

Дверь снизу была неплотно пригнана к порогу. Там оставалась узкая щель. Она нагнулась и стала глядеть через эту щель. Ничего не видно! Неожиданно до нее донеслись звуки удушливого кашля, которые то усиливались, то, постепенно ослабевая, наконец, перешли в хрип. Девушка вздрогнула. Этот кашель был известен всему замку. Он исходил из впалой груди и сгнивших легких. Теперь она знала, кто был собеседником госпожи. «Они что-то замышляют!» — подумала она и опять вся превратилась в слух.

Вдруг она побледнела, как бледнеет человек, когда вблизи ударит молния с раскатами сильного грома. Она услышала всего два слова: первое — «Мушег», второе — было ужасное...

В комнате княгини наступила глубокая тишина. Должно быть, собеседник княгини, получив последнее указание, удалился через ту дверь, котрая выходила на малый двор женской половины.

Девушка отошла от двери, опасаясь, что княгиня неожиданно войдет и застанет ее врасплох. Она открыла запертые ею двери зала и принялась за уборку разбросанных по ковру листьев и лепестков. Подушка все еще валялась на полу. Оставалось еще много дела и, если бы княгиня вошла, то застала бы ее за уборкой. Но княгиня все еще не выходила. Быть может, совесть мучила ее за то бесчеловечное приказание, которое она только что отдала своему верному слуге...

Не один раз подбирала Нвард и снова разбрасывала лепестки, стебельки и листья; наконец княгиня вышла из своей комнаты.

— Что это такое? Кто это сделал? — воскликнула она, окидывая зал сердитым взглядом.

— Известно — кто! — ответила девушка, усердно

подбирая цветы. — Вошла сейчас и вижу: Ваган все раскидал. Как увидал меия, бросился бежать.

— Ах, озориик! — воскликиула возмущениая мать.— Когда же поумнеет этот мальчик? Сейчас могут войти гости и застать этот беспорядок.

— Сейчас все уберу, госпожа, — ответила девушка, суетясь по залу.

— Пока ты уберешь, иаступит полдеиь! Пришли кого-нибудь из слуг, чтобы подмел, а сама беги в сад, нарви свежий букет и принеси сюда.

Нвард быстро вышла.

В трапезиой палате толпились слуги; смеялись, гоготали, шутили, накрывая на стол. Тут же был и юный Иусик, возлюблениый Нвард.

Кликнув издали одиого из слуг, девушка передала ему приказание госпожи, а сама побежала в сад.

Глаза Иусика загорелись. Он стал следить, куда направится Нвард, так как заметил, что шустрая девушка, уходя, подиесла руку к правому уху, — это был у иих условный знак: «следуй за миой».

Иусик, чтобы не навлечь подозреиия товарищей, выждал несколько минут, а затем иезаметно вышел из трапезиой. Издали он заметил, что девушка отправилась в сад. Он поспешил туда же другой дорогой.

Ои иашел свою возлюбленную возле кустов роз, но не такой веселой, какой обычно встречал ее здесь! Оиа только что иачала вязать букет.

— Не для меня ли? — спросил ои и хотел было ее обнять.

— Не время, Иусик, — сказала Нвард. — Я позвала тебя по очеиь важиому делу.

— По какому это делу? — с обидой в голосе спросил юиоша, впервые столкиувшись с такой холодностью любимой девушки.

— Иди к Самвелу. Как-иибудь иамекни, чтобы ои предупредил Мушега ни в коем случае не приходить сегодня на обед к иашей госпоже... Иди, не медли!..

Серьезный тои, которым девушка произиесла эти слова, заставили Иусика забыть на время свою любовь, и он спросил с удивлеиием:

— А почему бы киязю Мушегу ие прийти иа обед? Что случилось?

— Есть причина... потом скажу... торопись!

— Но князь Самвел захочет узнать причину, чтобы сообщить о ней князю Мушегу.

— Если твой князь сейчас все узнает, будет нехорошо, дорогой Иусик, — твердо ответила девушка. — Может произойти ссора. Когда гости разъедутся, тогда я тебе обо всем расскажу, и ты сообщишь своему господину. Ступай же, не медли!

— Дай личико...

— Иди...

— Ну, хоть эти милые пальчики!..

Иусик поймал руку девушки, поцеловал кончики ее пальцев и выбежал из сада.

* * *

> О, дали бы мне дым благоуханий
> И утро Навасарда,
> Прыжки ланей,
> И бег оленей!
> Мы в трубы протрубим
> И в барабаны забьем![1]

Из трапезной палаты донеслись звуки лютни, бамбира и страстная песня царя Арташеса. Два гусана, стоя у дверей, пели и играли на своих старинных инструментах. Стара была песня, стары были и певцы.

Арташес спел эту песню на смертном одре. Царь-патриот в последние минуты жизни жаждал участвовать в торжествах, происходящих в первое утро месяца Навасарда. С тех пор прошло около трехсот лет. И вот та же песнь лежавшего на смертном одре царя-язычника пелась в христианский век.

Посреди обширной палаты стоял мраморный стол. Он был длинен настолько, что по обеим сторонам его могли свободно разместиться более пятидесяти человек. Но на красивых скамьях, украшенных резьбой, сидело всего пятеро. В центре стола на великолепном кресле восседала княгиня Тачатуи, справа — Саак Партев, слева — Месроп Маштоц. Рядом с Сааком сидел Самвел, а напротив него — старик Арбак, дядька Самвела.

[1] Пер. В. Брюсова.

Среди гостей не было ии киязя Мушега, ии княгини Вормиздухт.

Стол был уставлен всевозможиыми яствами. На высоких серебряных вазах лежали сладости и сушеные фрукты. Весь стол был украшеи разиообразными цветами и свежими листьями. За спиной каждого гостя стоял пышно одетый юиоша с венком иа голове, держа в одной руке серебряиый кувшии с вииом, а в другой серебряиый кубок в виде маленькой чаши. Это были випочерпии, число которых равнялось числу гостей. Немиого поодаль стояли вооружеиные телохранители, неподвижно наблюдавшие за господами.

Певцы, которым было предоставлеио место у дверей, пели не переставая и играли иа ииструментах. Одии из иих был слепой, как Гомер, другой — хромой. Они были бедно одеты. Убого выглядели эти любимцы народа в княжеской трапезной.

Звуки их печальиой песни, ее грустная мелодия, звон золотых вилок и звучное чоканье серебряиых кубков заглушали разговор, который стаиовился все оживлеииее.

Молчал лишь Самвел. Горькие, томительные размышлеиия волиовали его душу. Двое близких его сердцу людей по разным причинам не приняли участия в трапезе: киязь Мушег и Вормиздухт. Причины отсутствия обоих были для иего тоже очень неприятны.

Больше всех говорила киягиия Мамиконяи, то и дело обращаясь к Сааку Партеву. Обыкновеино среди гостей она чувствовала себя свободно, ио сегодия ее разговор все время обрывался, и слова казались бессвязными. Ее мучила мысль о том, рассказал ли Самвел гостям о возвращеиии киязя Вагана из Тизбона, и если рассказал, то в какой форме? Гости ие заговаривали об этом, да и сама княгиня старалась избежать этой темы. Но совершеиио умолчать об этом было неудобно. У иее было намерение отправить в ближайшие дни Самвела для встречи отца, прежде чем последиий вступит в пределы Тароиа. Нельзя, чтобы самые близкие друзья их дома ие зиали об этом. И сколько бы она ни скрывала, все равио Самвел сам сообщит им. Но она не успела сговориться с Самвелом, как возвестить о предстоящем приезде отца, и какой характер

придать его встрече. Кроме того, ее мучил вопрос: почему Мушег не пришел к обеду? Неужели в ее доме завелись шпионы? Неужели ей изменил евнух Багос?.. Сам посоветовал, и сам же тайно сообщил Мушегу о подготовленном заговоре. «Если Мушег все знает, то последствия могут быть ужасны» — размышляла она, скрывая свою тревогу за поддельной веселостью. Никто не внушал ей такой страх, как этот смелый и храбрый юноша, который мог разрушить все ее намерения.

Лишь исключительное самообладание помогло княгине сохранить хладнокровие и не выдать себя перед гостями. И все же она была в тяжелом положении и не знала, какой найти выход из такого сложного стечения обстоятельств.

Она старалась говорить о посторонних вещах. Несколько раз по-разному она выразила сожаление по поводу ссылки Нерсеса Великого, отца Саака.

— С того дня, — говорила княгиня со слезами в голосе, — как до моего слуха дошла эта печальная весть, я не знаю покоя. Всякий раз как вспомню о нем, на моих глазах навертываются слезы... Армения без пастыря! Горе нам всем!— и она поднесла платок к глазам.

Саак стал ее утешать, говоря:

— Не печалься, княгиня, не мучь себя этими тяжелыми воспоминаниями. Моему отцу пришлось в жизни перенести немало испытаний, но каждый раз всемогущий господь помогал ему. И от этого испытания, я уверен, он избавится...

— Избавится... — повторила княгиня, приняв несколько утешенный вид.— Святые молитвы помогут ему.

Партев перевел разговор и спросил:

— Скажи, тетушка, какие вести у тебя от дяди? Не знаю, откуда, но дошло до меня, будто он на этих днях возвращается домой?

Княгиня смутилась, но быстро овладела собой.

— Говорят, возвращается, но точных сведений нет. Видно, за грехи наши... Дороги преграждены... отовсюду слышно о неудачах... Нет ничего утешительного... Что делается в Тизбоне, что с государем нашим — ничего не известно. Лишь на днях прибывший из Тизбона, должно быть беглый воин, принес известие, будто твой дядя возвращается. Но не было ни письма, ни другого

доказательства. Боюсь, что воин обманул меня, надеясь на награду. Как твое мнение, дорогой Саак? Я совсем растерялась, не знаю, что и делать...

— Не думаю, чтобы прибывший воин посмел тебя обмануть, дорогая тетушка! Он здешний уроженец?

— Да, из наших крестьян.

— Ну, значит, нельзя сомневаться, твои люди не обманут тебя!

— Я тоже склонна так думать, вот собираюсь послать Самвела встречать отца.

— Конечно, следует послать! — воскликнул Саак, стараясь казаться веселым, и обратился ко всем остальным, как бы желая привлечь их к этому притворно дружественному разговору: — Слышишь, Месроп, дядя мой Ваган возвращается, Самвел едет его встречать... Поднимем кубки и пожелаем Самвелу счастливого пути!

Месроп, занятый шутливой беседой со стариком Арбаком, не сразу расслышал Саака. Партев повторил свой тост.

— Выпьем, выпьем! — ответил Месроп и обратился к певцам: — Спойте нам новую песню.

Они спели песню о ночном посещении Вахагном золотого чертога Астхик, стоявшего на вершине горы Астхонк:

Померкло солнце. Ночь темна.
Над тихою рекой
Рассыпал бог земного Сна
Дремоту и покой.

Волны полночной перекат
Чуть слышен в тишине,
Чтоб забытье речных Наяд
Не нарушать на дне.

Не слышно камышей ночных
Над сонной Арацани, —
Тяжелый Сон у водяных —
Пусть мирно спят они.

Лес, не шумя листвой, стоит,
Как вымер тихий мир.
В замшелом гроте крепко спит
Парик — лесной Сатир.

Молчат земля и небосвод,
Повсюду тишина
Трава и гладь прохладных вод
В объятьях томных Сна.

И только на горе Астхик
Богине спать невмочь,
И слышит тяжкий долгий стон
Отзывчивая ночь.

Богиня мечется, томясь,
Покров ее измят,
А пламя глаз летит, стремясь
В далекий Аштишат.

Вдруг задрожал, трясясь, Тарон,
Объял все души страх,
Гром загремел со всех сторон,
В лесах и на горах.

Светловолосый то Вахагн
Рукой богатыря
Потряс, как грозный ураган,
И горы и моря.

Богиня дрогнула, бледна,
И грусть сошла с лица,
Когда почуяла она,
Что Витязь у дворца.

Мир снова погрузился в Сон,
Земли спокоен лик, —
Умолкнул Витязь, заключен
В объятия Астхик[1].

XIII. Обстоятельства усложняются

После обеда гости снова перешли в залу. Для них здесь был приготовлен шербет и другие прохладительные напитки.

[1] Поэтический перевод В. Звягинцевой.

Слуги беспрестанно входили и выходили; у дверей же неподвижно стояли вооруженные телохранители Саака и Месропа.

Княгиня Мамиконян теперь совсем развеселилась и ласково занимала гостей. Она даже разговаривала и шутила с Месропом, на которого прежде не обращала особого внимания. Она считала его невидным дворянином, который с крыши своего невзрачного замка может обозреть границы всех своих владений.

Старик Арбак тотчас же после обеда незаметно исчез.

Самвел был по-прежнему мрачен. Не будь гостей, он следом за своим дядькой охотно бы удалился к себе, чтобы дать покой возбужденному сердцу. Он сидел в отдалении, прислонясь к спинке дивана, и, казалось, дремал. Но его отяжелевшая голова была в ужасном смятении. Помимо его воли, гости подняли заздравные кубки с вином и пожелали ему счастливого пути. Он должен был выехать навстречу отцу; он должен был приветствовать изменника родины... Но с каким сердцем ехать? Как встретить? Эти горькие, полные отчаяния мысли волновали его.

Княгиня, продолжая нескончаемую беседу с гостями, спросила Саака, в каком состоянии он нашел свои родовые владения.

— Не совсем утешительном, тетушка, — ответил тот, несколько смущенный неожиданным вопросом. — Тебе ведь известно, что наши негодяи управители изо всего извлекают выгоду. После несчастья с моим отцом некоторые из них сочли себя, кажется, владельцами вверенных им земель. Они даже отказались своевременно доставить доходы. Много сил пришлось затратить, чтобы покончить с безобразиями и привести дела в порядок.

Княгине не удалось поймать Партева на слове. Тогда она заговорила о другом:

— Но все же, слава богу, тебе удалось немного привести свои дела в порядок? Теперь ты должен отдохнуть в доме твоих дядьев, милый Саак, и доставить им радость.

— Хотел бы очень, тетушка, но, к сожалению, больше одного дня остаться не могу. Очень спешу...

— Почему? Погости хотя бы до приезда отца Самвела. Ты ведь знаешь, как он обрадуется, застав тебя здесь.

— Дома меня ждут с большим нетерпением. Маленькая Саакануйш больна, мать безутешна, я не могу медлить, дорогая тетя!

Лицо княгини выразило огорчение, хотя она не верила ни в болезнь маленькой Саакануйш, ни в безутешную печаль ее матери, как не верила и тому, что Саак прибыл в Тарон для приведения в порядок своих владений. Она обернулась к Месропу, который стоял у одной из ниш и рассматривал изящную резьбу на серебряном сосуде.

— Ну, чем же кончился ваш спор с жителями Одза, Месроп?

— Я совсем не думаю об этом, княгиня, — ответил равнодушно Месроп. — Заботу эту я предоставил своему отцу, — со змеями иметь дело опасно[1].

— Ну, и жители Хацнка тоже хороши! — заметила княгиня улыбаясь.

— Потому-то их и прозвали «скорпионовым отродьем», — ответил смеясь Месроп.

Месроп был владельцем местечка Хацнк, где он родился. С жителями города Одз он вел давнишнюю тяжбу о спорных земельных межах. Одзунцы считались людьми змеиного нрава. Хацнкцев же прозвали «скорпионовым отродьем», то есть язвительными, ядовитыми, зловредными. Княгине хотелось своим намеком уязвить молодого «скорпионца» за его ядовитый язык. Одзунцы пользовались ее особым покровительством и находились под ее непосредственным попечением.

После этой незначительной шутки, не показавшейся княгине особенно приятной, разговор снова перешел на предстоявший отъезд Самвела. Поводом послужило замеченное княгиней мрачное настроение сына. Она встала с дивана, подошла к сыну и, перебирая его густые кудри, спросила:

— Что с тобой, мой милый? Ты что-то после обеда загрустил...

[1] *Одз* — по-армянски означает змея. Здесь игра слов: «одзунцы» — змеи.

— Ничего... — ответил Самвел, поднимая голову, — это часто бывает со мной... Особенно после шумного веселья... За столом я выпил лишнее...

Княгине бросилось в глаза бледное лицо сына. Она встревожилась.

— На тебе лица нет, Самвел, — сказала она с дрожью в голосе. — Ты, должно быть, болен. Глаза твои блестят, точно в лихорадочном жару... На тебя страшно глядеть...

— Я же говорю, что со мной так бывает, — повторил сын, вставая с места.

Задумчиво пройдясь несколько раз по залу, он остановился возле Месропа. Тот продолжал рассматривать древнюю посуду. Княгиня вернулась на прежнее место...

— У молодых людей часто бывают такие минуты, — заметил Саак. — Может быть, он вспомнил о чем-нибудь? Быть может, о невесте...

Княгиня сердито воскликнула:

— Прошу тебя, Саак, не напоминай об этом. Я ненавижу всех князей Рштуни и всю область Рштуник...

Саак не ожидал такого ответа. Слова матери не только острием вонзились в сердце Самвела, но обидели даже Саака, который пожалел, что по недомыслию завел об этом речь.

— Почему? Рштуник — прекрасная страна. И отчего ты ненавидишь Рштуниев, этих доблестных князей, княгиня? — холодно спросил он.

— Не знаю почему, — ответила княгиня с прежним возмущением. — Но я знаю, что дочь этих грубых, диких, кровожадных горцев не может быть женой моего сына... Я — Арцруни и выбрала из нашего рода достойную невесту для Самвела... Он это знает. Мы уже сто раз говорили об этом.

Выслушав мать, Самвел подошел к ней и с некоторой усмешкой сказал:

— Да, да: не сто, а тысячу раз ты говорила об этом, но, кажется, не забыла и мои ответы...

— А если отец тебе предложит, Самвел, то же самое? — сказала мать как бы в упрек за его упорство, — я думаю, ты не посмеешь противиться воле отца?

— Воля отца мне пока еще неизвестна, — очень хладнокровно ответил Самвел.

— Но зато она мне известна! — сердитым тоном сказала княгиня.

Саак, заметив, что его невинная шутка послужила поводом к неуместному спору между матерью и сыном, поспешил вмешаться.

— Оставим этот разговор! В этом деле воля отца имеет, конечно, большое значение... подождем его приезда. Я уверен, что Самвел исполнит желание отца.

Затем, желая направить разговор на более необходимый предмет, он обратился к Самвелу:

— А ты, дорогой Самвел, должен приготовиться к выезду.

Самвел ничего не ответил.

Княгиня, очень довольная предложением Саака, взяла сына за руку, усадила возле себя и, глядя на него с нежностью, сказала:

— О твоем отъезде я позабочусь сама, дорогой Самвел. Забудем обо всем! Ты еще не знаешь, что такое сердце матери! Ты не знаешь, с какой горячностью оно бьется за счастье сына! Сегодня же прикажу приготовить для тебя коней. Я велю украсить их серебряной сбруей и драгоценными попонами. Более пятидесяти воинов будут тебя сопровождать для встречи с отцом. Большой отряд юных ратников, прекрасно одетых и богато вооруженных, будет с тобой. И всякий, кто увидит твой блеск, будет славить твоих родителей!

Приезд князя Вагана, о чем раньше княгиня говорила неопределенно и скорее стремилась его скрыть, чем сделать известным, теперь, помимо ее воли, сделался предметом откровенного разговора. Княгиня не видела ничего плохого в том, чтобы ее гости знали о приезде Вагана, лишь бы не догадывались о *целях* его приезда. Она была уверена, что о целях не было еще известно ее гостям: иначе они не удержались бы и как-то намекнули ей об этом. Именно ради этого она велела подать к столу самое крепкое вино, чтобы винные пары развязали им языки. Но она ничего не услышала. Все же ее подозрения относительно цели посещения Саака и скрытного секретаря его отца, Маштоца, еще не рассеялись.

Самвел понял, с какой целью Саак так ловко заставил мать рассказать все то, что относилось к его пуге-

шествию. Желая вызвать ее на дальнейшую откровенность, он сказал:

— Все это касается только достойной встречи моего отца, дорогая мать, но ты умалчиваешь о том, какой прием собираешься оказать его высокочтимым спутникам.

При этих словах он повернулся к Сааку и Месропу.

— Вы еще не знаете, что вместе с отцом едут к нам из Персии два видных персидских полководца — Зик и Карен. Они будут защищать нашу страну, оставшуюся без царя и патриарха. Им нужно тоже оказать пышную встречу.

Сердце матери тревожно забилось: что собирался сказать Самвел? Неужели он хотел выдать ее тайны Сааку и Месропу?

Самвел заметил замешательство матери и продолжал:

— Да! С моим отцом прибудут полководцы Зик и Карен. Когда эти полководцы вступят на Таронскую землю и приблизятся к Арацани, тогда ты, дорогая мать, повели устлать дорогу от берега реки вплоть до нашего замка драгоценными коврами. И пусть персидские полководцы войдут в наш замок, шествуя по этому славному, красному пути. Вот тогда-то мы справим торжественный пир!.. Не забудь распорядиться, чтобы им по пути приносились священные жертвы, как велит персидский обычай... Пусть кровью очистится их путь. И пусть по трупам жертв доберутся до нас эти почетные гости...

Княгиня с облегчением перевела дух, когда полные горьких намеков слова Самвела были прерваны.

Разговор кончился, так как Саак и Месроп поднялись и, поблагодарив княгиню за радушный прием, сказали, что теперь отправятся к князю Мушегу. Княгиню очень неприятно поразило это известие, и тем более, когда она узнала, что гости будут ужинать и ночевать у князя Мушега.

— Почему же у него? — упрекнула княгиня. — Вы меня обижаете. Я прошу, приходите ночевать к нам.

— У тебя столько дел, дорогая тетушка, я и Месроп не хотели бы тебя утруждать, — ответил Саак; — Мушег же ничем не занят у себя в замке.

Княгиня весьма дружелюбно проводила гостей до прихожей, взяв с них слово, что перед отъездом они повидаются с ней еще раз.

После их ухода она вернулась в опустевший зал и всем своим усталым телом опустилась на диван. Охватив руками отяжелевшую голову, она стала разбираться в проведенной ею за день роли. Итог был безнадежный! Неудача заключалась в том, что она не выдержала намеченной роли перед гостями. Ведь они узнали много такого, чего им не следовало знать! Не удалась ей и злая затея в отношении Мушега. Она подумала, не позвать ли главного евнуха и не расспросить ли его. Но через четверть часа он сам явился. Лицо его выражало тоску и печаль так же, как лицо его госпожи.

* *

Самвел пошел проводить Саака и Месропа до дворца Мушега. Долго шли они, минуя лабиринт бесчисленных дворов и строений, пока добрались, наконец, до огромных сводчатых ворот дворца, украшенных изваяниями двух больших каменных орлов с распростертыми крыльями, которые точно бдительные существа охраняли вход в княжеский дворец.

Отец Мушега, Васак, был самый богатый из всех братьев Мамиконянов, и дворец его был самый пышный. Кроме Тарона, наследственного нахарарства рода Мамиконянов, Васаку принадлежала еще часть области Екехяц, где он основал город, названный в честь его Васакакерт.

Пройдя через ворота и длинную улицу, они вошли в обширный двор, густо обсаженный вечнозелеными растениями и цветочными кустами. Посреди двора в мраморном бассейне высоко бил фонтан, и вода, подобно жемчужному ливню, падала на курчавую голову красивого морского зверя, из пасти которого била струя. Два павлина кружились вокруг этого прекрасного журчащего бассейна. От нежного движения воли по краям бассейна образовался пестрый венок из цветов. В этом душистом прохладном эдеме солнечные лучи точно растворяли свое тепло; здесь царила вечная, цветущая весна.

Они нашли Мушега в беседке возле фонтана. Он сидел один и смотрел на лужайку, где двое резвых юношей состязались в стрельбе из лука, стараясь попасть стрелою в шар, укрепленный на высоком шесте.

Увидев почетных гостей, Мушег быстро пошел им навстречу, обнял сначала Саака, а затем Месропа.

— Вижу,— сказал он смеясь,— что княгиня Тачатуи накормила вас наславу. Долго же вы обедали! Я давно уже поджидаю вас!

Они вошли в беседку и расположились на сиденьях, сплетенных из веток.

Самвел стал прощаться.

— Ты уже уходишь, Самвел? — спросил Мушег.

— Я приду к вам ночью... и, вероятно, очень поздно! — ответил тот удаляясь.

У входа в беседку стояли постоянные телохранители Саака и Месропа. Им приказано было уйти и посидеть где-нибудь в саду, так как они целый день провели на ногах.

Юноши, стрелявшие на лужайке, увидев Саака и Месропа, бросили упражнения и прибежали в беседку. Саак обнял обоих и поцеловал. Один из них был Амазасп, сын Вардана Мамиконяна, другой — Артавазд, сын Вачэ Мамиконяна. Белокурый Артавазд, семнадцатилетний бойкий юноша, положив руки на колени Саака, сказал:

— Знаешь, сколько раз промахнулся Амазасп? Пять ударов из двадцати!

— А ты, хвастун, сколько раз промахнулся? — спросил Саак, забирая в свою ладонь его ловкие руки.

— Всего только один.

— Рука моя сегодня дрожала почему-то, — оправдывался Амазасп.

Этот кудрявый мальчик с блестящими глазами был нареченным женихом красивой дочери Саака, Саакануйш. Сам из рода Мамиконянов, он и свою дочь просватал за Мамиконяна и в тот дом, откуда происходила его мать. Браки между близкими родственниками были обычными в то время в Армении, особенно в высших кругах. Обычными были также обручения не только несовершеннолетних, — обручали детей еще в колыбели и даже не родившихся.

— Ну, теперь идите попытайте еще раз счастье! — сказал им Саак.

Юноши подхватили свои луки и побежали к высокому шесту с шаром на конце.

День уже клонился к закату. Догорающие лучи солнца играли в белой, как снег, пыли фонтана, сверкая яркими радужными переливами. Эти краски освещали мрачный фасад старого замка, обращенный к саду.

Мушег поднялся с места.

— Пройдемте ко мне, — сказал он Сааку и Месропу, — нам нужно о многом потолковать.

Они отправились в покои Мушега, окна которых в этот момент сияли цветами радуги.

Вернувшись к себе, Самвел не знал, что предпринять. Разного рода мысли роились у него в голове. Смутные замыслы волновали его, и он колебался, затрудняясь определить: с чего начать и от чего отказаться?

Он прошелся несколько раз по комнате, затем направился в опочивальню и прилег на постель. Он старался заснуть, чтобы дать отдых измученному сердцу. Но заснуть не мог.

Мать обещала ему набрать отряд из всадников, подобающий члену семьи князей Мамиконян, и устроить торжественную встречу отцу. Именно это обстоятельство и было главным предметом его раздумья. Отряд всадников, составленный матерью!.. Он должен ехать с людьми, выбранными ею... Говоря попросту, эти люди поведут за собой Самвела. Поведут, чтобы порадовать отца! Чтобы показать персидскому войску украшенную золотом и серебром куклу... На удивление персидским полководцам. Такова была цель тщеславной матери.

Но у Самвела были свои намерения... Если бы даже мать не предложила, он все равно отправился бы встречать отца. Но поехал бы со своими людьми. Он не мог ехать с людьми, избранными матерью и под их наблюдением. Ему нужны были верные люди, на которых он мог положиться.

Именно вчера утром, когда гонец привез ему мрач-

ные вести из Тизбона, у Самвела зародились недобрые замыслы; они постепенно видоизменялись, разрастались. Чтобы осуществить их, ему необходимы верные люди, которые были бы при нем.

Но Самвел ничего не возразил матери, когда она заявила, что сама составит для него отряд всадников; не возразил с целью не дать повода для подозрения. Но как теперь примирить две крайности, чтобы исполнить желание матери и вместе с тем осуществить свою цель? Он никак этого не мог решить. Охватив руками голову, одолеваемый тревожными мыслями, Самвел закрыл глаза...

В это же самое время его мать, лежа в такой же позе на диване, тоже размышляла...

Было совсем темно, когда Иусик со светильником в руке вошел и разбудил Самвела.

— Что такое? — спросил князь, протирая глаза.

— Какой-то поселянин просит пропустить его к тебе, — ответил юноша.

Самвел сообразил, кто был поселянин.

— Приведешь его сюда, но так, чтобы никто не видел, — сказал он.

Иусик поставил светильник и вышел.

Самвел из опочивальни перешел в приемную.

Спустя немного в сопровождении Иусика вошел Малхас. Руки у него были обнажены по локоть, волосатая грудь открыта, в руке было копье. Он лениво поклонился и встал, опираясь на копье.

Иусик удалился, думая, что господин, быть может, хочет остаться наедине с этим человеком, разбойничье лицо которого внушало ему недоверие.

— Ты бывал когда-нибудь в области Рштуник, Малхас? — спросил его Самвел после ухода Иусика.

Резкие черты лица храброго селянина смягчились. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки; он с презрением ответил:

— В Рштуникских горах нет ни одного камня, которого бы не знал Малхас, князь!

— А на острове Ахтамар бывал?

— Не раз.

— Сколько времени понадобится тебе, чтобы добраться туда?

Поселяиин подумал немиого н сказал:

— Как повелншь, князь. Еслн что-нибудь спешное, то иочь превращу в день н через два дия буду там.

— Да, дело очеиь спешиое, — сказал Самвел. Ои достал из нншн прнготовлеииое утром пнсьмо н вручнл Малхасу, говоря: — Вот, постарайся доставить это письмо как можно скорее князю рштуннкскому, Гарегину.

Малхас, взяв пнсьмо, тщательио запрятал его в свой головной убор.

— Другнх приказаиий ие будет? — спроснл он.

— Нет, больше ничего. Счастлнвого путн!

Малхас покорио кивиул головой н вышел.

В прнхожей у двери ждал Иусик. Он вывел этого чужестраица нз замка так же иезаметио, как н привел.

Этот смелый, самоувереиный человек был тем шннаканом, которого за деиь до этого встретил Самвел по дороге в Аштншатскнй моиастырь. Он должеи был доставить пнсьмо к князю Гарегииу Рштунн, дочь которого, Ашхен, была предметом любвн и сладостиых мечтаиий Самвела и предметом иенависти его матери.

XIV. Новые вести

Отправив письмоиосца, Самвел обратнлся к своему верному Иуснку.

— Сегодия иочью я собираюсь к киязю Мушегу. Пустн в ход всю свою ловкость. Осмотри тщательио все проходы, чтобы меня никто не заметил.

— Приказ моего тера будет нсполиен, — самоувереино ответил юиоша и вышел, думая про себя: «Я так устрою, что сам сатана не увидит князя».

Самвел остался однн. Никогда еще ои ие был так возбужден, как в эту ночь, иикогда еще его чувства не пылали так снльно, как в эту ночь. В письмо, посланное с гонцом, он вложнл свое сердце, свою душу, все свои нежиые чувства. Теперь лишь тень его ходнла по этой пустыиной комнате, богатое убранство которой его душило.

Его мыслн неслнсь туда, к тем страшным горным

вершинам, куда не осмеливались залетать даже быстрокрылые орлы, к тем скалистым вершинам, где вечнозеленые сосны обнимаются с облаками, где горные водопады сверкают серебристыми каскадами, где лишь тигры, барсы и гиены нарушают глубокое молчание мрачных лесов.

Там, в каменной стране, царит, как седой патриарх, величественный Артос, вознося свои снежные вершины над окружающими горами. Там, в этой чудесной стране, в ясном и ярком зеркале Ванского озера отражается причудливыми изгибами священная гора Ындзак. Там горец все еще в первобытном одеянии из звериных шкур, с длинным копьем в руке, прыгает с камня на камень, преследуя быстроногую лань.

Там, в трепетном объятии вод, стоит желанный остров с неприступным замком — Ахтамар, и в мирном, молчаливом уединении этого острова живет, как морская богиня, его прекрасная Ашхен.

«Дорогая Ашхен! — воскликнул он в глубоком забвении. — Я твой, навеки твой, я принадлежу тебе всей силой моей души. Жестокая строгость родителей, безжалостные преграды жизни не могут отнять у тебя то, что я со всем жаром любви посвятил тебе. Ничего не в состоянии затмить тебя: ни слава, ни величие, ни царская корона! Ты для меня все, драгоценная Ашхен! Ты покой моей души, ты мое утешение; при звуках твоего имени исчезают заботы, забываются горести, и в моей душе восходит яркое солнце радости. Когда глубокое отчаяние овладевает мною, когда неожиданное зло ослабляет мои силы, ты вдохновляешь меня божественным вдохновением, ты оживляешь во мне умершую энергию и потерянную веру. И теперь, когда моя родина в большом смятении, когда все священное под угрозой разрушения, когда беспощадный враг стоит над нашей головой, — в эти роковые дни твоя любовь, прекрасная Ашхен, как ангел-хранитель, зажигает в моем сердце огонь самопожертвования и толкает меня на опасности... на войну... на кровь... Пройдет буря, умолкнет лязг оружия, придет счастливый день, и за свои заслуги воин успокоится в дорогих объятиях!..»

В увлечении Самвел не заметил, как дверь тихо отворилась и кто-то, закутанный в черный широкий плащ,

вошел в комнату. Проскользнув вдоль стены, как темное привидение, вошедший остановился в углу и долго следил за взволнованным Самвелом, прислушиваясь к его страстному разговору с самим собой. Лицо его было закрыто черной шелковой маской. Самвел все еще неподвижно стоял у окна и пристально всматривался в ту сторону, где находилась область Рштуник. Затем, снова поникнув головой, скрестил руки, прошелся несколько раз по комнате и, точно во сне, подойдя к сиденью, оперся на него руками. В таком горячечном состоянии он мучился и вдруг почувствовал прикосновение чьих-то холодных рук. В ужасе он вздрогнул. Мрачное привидение быстро отбросило маску и плащ.

Самвел пришел в еще больший ужас, когда увидел перед собой бледное лицо Вормиздухт.

— Не смущайся, — сказала она спокойным голосом, — я все слышала, все поняла... Хотя армянский язык мне незнаком, но язык любви понятен каждому...

— Вормиздухт! — воскликнул пораженный Самвел.— Ты здесь ночью, в такой поздний час!

— Да! В такой поздний час пришла к тебе по важному делу, Самвел. Только имей терпение и выслушай меня.

Она дрожала всем телом. Самвел взял ее за руку, усадил на диван рядом с собой. Немного успокоясь, она сказала:

— Закрой двери, наш разговор будет наедине.

Самвел исполнил ее желание.

— Прости меня, Самвел, — сказала она печально,— я нарушила очарование твоей души, я отняла у тебя те дорогие минуты, когда ты хотел говорить со своим сердцем.

Самвел не знал, что сказать. Она продолжала:

— Да, люби ее, Самвел, люби ту, которой ты подарил горячее сердце. Ты достоин хорошей спутницы жизни. Ты можешь осчастливить любую женщину...

Последние слова она произнесла рыдая.

Поднеся руку ко лбу, она откинула спустившиеся кудри, которые, казалось, хотели скрыть ее слезы.

— Слушай, Самвел, — продолжала она после минутного молчания. — В этом доме лишь ты был моим

утешением. Внешний почет воздают мне здесь все, но в душе меня все ненавидят. Воздают почет как сестре великого персидского царя, ненавидят как персианку и язычницу, случайно попавшую в христианскую семью. Я задыхаюсь в своем золотом и жемчужном великолепии, как в мрачной могиле. Но ты, только ты, благородный Самвел, услаждал горечь моей жизни и смягчал тоску несчастной чужестранки. Не будь тебя, я давно бы покинула этот замок и уехала на родину. Теперь выслушай меня, дорогой Самвел, зачем я пришла ночью в столь поздний час.

Смущенный Самвел, не вполне оправившийся от своего недавнего возбуждения, поднял голову и посмотрел в пламенные глаза взволнованной женщины.

Она взяла Самвела за руку.

— Религия наша учит платить добром за добро, благодеянием за благодеяние. Ты всегда был добр ко мне, дорогой Самвел... я пришла оплатить свой долг. Твоя жизнь в опасности... В опасности и жизнь той, которую ты любишь...

— Что ты говоришь? Какая опасность?.. — воскликнул Самвел гневным голосом. — Ей угрожает опасность? Скажи, Вормиздухт... Я сейчас же готов броситься в огонь и в кровавую схватку, чтобы спасти ее... Скажи, какая опасность?..

Он вскочил с дивана и, стоя перед Вормиздухт, все повторял последний вопрос.

— Успокойся, Самвел, и сядь, — ласково проговорила Вормиздухт; — опасность еще не так близка, чтобы надо было спешить... еще есть время ее предотвратить. Садись, я обо всем расскажу тебе.

Самвел сел и стал умолять:

— Ради бога, не мучай меня. Говори поскорее!..

Добрая Вормиздухт, не желая сразу поразить чувствительное сердце молодого человека, начала довольно издалека.

— Ты, — сказала она, — сегодня в присутствии матери рассказывал о возвращении моего супруга и Меружана Арцруни из Тизбона. Рассказывал и о прибытии с ними двух персидских полководцев и о том, что они собираются делать в вашей стране. Но самое главное либо тебе неизвестно, либо ты скрыл от меня.

— Я не скрыл от тебя ничего, Вормиздухт. Я рассказал все, что знаю сам.

— В таком случае тебе неизвестно самое важное. Слушай, Самвел. Прежде всего, ты и твоя мать напрасно думаете, что они прибудут через Тарон. В Армению они войдут не через Тарон, а со стороны Васпуракана, княжества Меружана. Прежде всего они постараются взять под стражу всех нахараров и отправят их закованными в Тизбон, а оттуда в крепость, где заключен ваш государь. Вторым их делом будет захватить жен заключенных нахараров и их детей и держать отдельно в различных крепостях под строгим наблюдением.

— И с ними ту прекрасную, как ангел, которую я люблю... — прервал Самвел с глубоким волнением. — Не так ли, Вормиздухт?

— Разумеется,— ответила она печальным голосом.— Если пленят семьи нахараров, то заберут и семью нахарара Рштуни, а также и твоего ангела. Приказано не щадить ни пола, ни возраста, ни звания. Сопротивляющиеся будут преданы смерти. Пощадят только тех, кто примет маздеизм. Войско они ведут с собой такое громадное, что исполнить задуманное им будет не трудно. Чуть не забыла! Строго приказано во что бы то ни стало захватить армянскую царицу и доставить в Персию.

— Я всего этого ожидал, — сказал Самвел, сокрушенно качая головой. — Но, скажи мне, откуда это стало тебе известно, Вормиздухт? Утром ты еще ничего не знала и даже не имела сведений о возвращении моего отца.

— Да, утром я еще ничего не знала и не имела никаких сведений. Я впервые услышала от тебя, что мой муж и Меружан едут сюда. Меня очень поразило, что о таком весьма важном известии мне не сообщили. Во мне возникли подозрения, особенно когда подумала, что мой главный евнух, который должен был знать раньше всех, скрыл от меня эти известия. Когда я вернулась к себе, гнев мой не имел границ. Я велела приготовить веревку, позвала главного евнуха и сказала ему: «Ты сейчас же будешь повешен на этом дереве, если осмелишься утаить от меня хотя одно из тех известий, какие получил из Тизбона». И он рассказал мне все.

Самвел был поражен.

— Каким же образом твой главный евнух замешан в этих делах? — спросил он, пристально глядя в изменившееся лицо молодой женщины.

Вормиздухт, точно уличенный в краже ребенок, вспыхнула, потом побледнела.

— Прости мою наивность, Самвел, и верь в мою невинность, — сказала она рыдая. — Сколько лет этот негодяй служит мне в качестве евнуха, но до сегодняшнего дня я не подозревала главной цели его пребывания здесь. Я лишь видела, что у него бывают какие-то неизвестные мне люди, замечала, что он часто получает письма, отвечает на них, но я не придавала этому значения, зная, что в Тизбоне, особенно во дворце моего брата, он имеет большие знакомства и связи. Но сегодня я просмотрела всю его переписку и убедилась, что у него и здесь большие связи. В его распоряжении множество людей, и даже армян, которые доставляют ему со всех концов разнообразные сведения о том, что и где делается или же готовится. За эти сведения он щедро платит. Все эти сведения он тайно передает в Тизбон и получает оттуда указания.

— Значит, в нашем доме под видом главного евнуха таился персидский шпион? — спросил в еще большем волнении Самвел.

— Видно, так! Ему было велено все сообщать в Тизбон, — сказала Вормиздухт тихим голосом.

«Наемник врага находился в нашем доме, и мы так долго этого не подозревали, — с досадой подумал Самвел. — Мы еще жалуемся, что дела наши идут плохо. В наш дом вводят невестку, с ней отправляют богатое приданое и вместе с массой служанок и слуг подсылают шпиона... Какое вероломство персидского царя!..»

Он обратился к Вормиздухт:

— Ты, Вормиздухт, так добросердечна, что я не осмеливаюсь даже малейшим подозрением запятнать твою ангельскую чистоту. Но как ты думаешь, разве это не мерзко — шпионить в чужом доме?

— Я это понимаю, — ответила она тоном, в котором заметно было глубокое негодование и вместе с тем безутешная печаль. — Я это понимаю и предвижу горькие последствия. Меня ужасает мысль о том, что льет-

ся человеческая кровь, что отцы и матери томятся в тюрьмах, а дети, бесприютные и сиротливые, скоро окажутся в руках палачей. Я не могу вынести такой жестокости.

— Но ведь это желание твоего брата, — заметил Самвел.

— Не порицай меня, Самвел, за него. Персидские цари бессердечны. Они утверждают основание своего престола на человеческих трупах, — так сказал один из наших философов.

Самвел впал в раздумье. Вормиздухт прервала его молчание:

— Не печалься, Самвел! Ради успокоения своей совести я сегодня же велю подготовить караван для путешествия, отправлюсь в Тизбон, паду ниц перед братом и слезами укрощу его гнев. А если он бездушно отнесется к слезам своей сестры, то подножие его трона будет запятнано родной кровью...

— Я знаю, Вормиздухт, что ты способна на большое самопожертвование, — сказал Самвел. — Но теперь уже поздно... Дела настолько усложнились, события настолько неотвратимы, что твое заступничество едва ли поможет предотвратить наступающее бедствие.

— Но ведь и твоей жизни угрожает опасность, Самвел! Я не сомневаюсь, что главный евнух, или, как ты сказал, этот подлый шпион, внес и твое имя в список «неблагонадежных»...

— Я тоже в этом не сомневаюсь! — сказал Самвел. — Заботу обо мне я возлагаю на бога...

Он снова задумался и после минутного молчания сказал с иронией:

— Ты забываешь, Вормиздухт, что мой отец и дядя ведут персидские войска. Меня-то они, надеюсь, пощадят...

— Велено никого не щадить: ни друга, ни родню! — сказала опечаленная женщина. Она стала умолять князя, чтобы он хотя бы на время, ради своего спасения, покинул страну и скрылся куда-нибудь, пока не утихнет гроза.

— Вот этого я не прощаю тебе, Вормиздухт, — с улыбкой сказал Самвел в ответ на ее мольбы. — Ты склоняешь меня к позорному делу. Неужели ты хочешь,

чтобы я во время сражения, как трус, покннул поле браии?

— Подумай, Самвел, что опасность угрожает и той, кого ты любишь, — заметнла Вормнздухт печальным голосом.

— Вот нменно поэтому я н не должен покидать поля битвы, — сказал Самвел, н глаза его зажглись огнем мести.

С завнстью глядела Вормнздухт на юношу, который был олнцетвореинем самопожертвования н в котором чувство любвн было так сильно н так неугасимо.

— Скажн мне, Вормиздухт, — сказал Самвел, переменив разговор, — во всем том, о чем ты рассказала мие, твой евиух прнзиался тебе лнчио?

— Средн его писем я нашла еще одно, — ответнла оиа. — Я прниесла его с собой.

— Можешь показать его мне?

Оиа достала нз кармаиа сверток пергамента и передала Самвелу. Ои посмотрел иа письмо и, немного подумав, спросил:

— Могу лн я оставнть его у себя?

— Почему же иет, если оно тебе нужно.

— Но не спроснт лн твой главиый евиух, куда девалось письмо?

— Ты смеешься иадо мной, Самвел? Как он смеет задавать мие такне вопросы? Я в ту же мнниуту велю повеснть его иа дереве в моем дворе. Разве ты не зиаешь, сколько слуг в моем распоряжеини?

В душе Вормиздухт закнпел гнев н заговорнла гордость царской дочери. Она встала.

— Однако я очень запоздала: уже поют петухн...

Встал также н Самвел.

— Я иемного успоконлась, — сказала Вормиздухт, подияв свой иежиый взор иа молодого человека. — Хотя мие ин в чем не удалось тебя убедить, ио по крайней мере, ты теперь будешь знать, как действовать.

— Благодарю тебя, Вормиздухт, за твое бесконечно доброе отиошеине ко мие н за искреннее сочувствне. Я чересчур миогим обязан тебе!

Молодая женщниа взяла плащ н маску.

— Ах, прости, Вормнздухт, — воскликнул Самвел. — Меия так смутнло твое неожндаииое появлеине, что я

даже забыл спросить, каким образом ты пришла и как собираешься возвращаться.

Вормиздухт улыбнулась и ответила:

— Ты же видел, что я была скрыта вот под этим одеянием! — Она указала на черный плащ и маску, которые держала в руке. — В таком же виде я вернусь обратно. Меня примут за одну из моих служанок.

— Разреши, по крайней мере, проводить тебя до дома.

— Не нужно! Во дворе меня ждут двое слуг. Они проводят меня. Если ты будешь со мною, то это может меня выдать.

— А слуги не знают, что под черным плащом скрыта их госпожа?

— Не знают. Они привели меня сюда как одну из моих служанок и в таком убеждении останутся. Ведь не раз и раньше мои служанки приходили к тебе с разными поручениями.

Она надела маску и завернулась в широкий плащ. Самвел сердечно выразил ей благодарность и проводил ее до двери прихожей. Там из темноты вынырнул Иусик.

— Проводи эту женщину, — приказал Самвел, — на дворе ее ожидают слуги госпожи Вормиздухт, препоручи им.

Иусик поднес палец ко рту и прикусил его: какая-то мысль промелькнула у него в голове.

Иная мысль мелькнула у Самвела: «Ах, если бы Вормиздухт пришла ко мне немного раньше...»

Он вспомнил князя Гарегина Рштуни и письмо, отосланное своей дорогой Ашхен.

XV. Княжна гор

Женщина в черном плаще медленно шла по извилистым проходам замка; она едва держалась на ногах. После того как она рассталась с Самвелом, ею овладела та болезненная, унылая слабость, которая следует за бурным возбуждением.

Один из слуг нес впереди зажженный фонарь, дру-

гой следовал за нею. По путн оиа не сказала ни слова. Молча, не останавлнваясь, проходили они сквозь миогочислеииые ворота, бдительио охраняемые стражей. На фонаре краснел вензель Вормнздухт. Он возвещал страже, что проходящая была одна из прислужииц женской половииы замка.

Во всем замке царила гнетущая тишнна. Лншь нзредка с вышек башен раздавалась переклнчка бодрствующей иочной стражн. Голосу с одиой башин отвечали голоса с другнх башен, и тншниа на мниуту иарушалась. Так разговарнвал замок своим иаводящнм страх железным языком.

Закутанная жеищииа уже дошла до дворца Вормнздухт. Около входа в женскую половниу оба служители остаиовнлнсь, а женщииа вошла в это доступиое лншь евиухам место, куда не ступала мужская иога.

Войдя в свою опочнвальию, Вормиздухт сброснла покрывало и маску и, ие раздеваясь, легла на постель. Усталость овладела ею: устала оиа всем сердцем, устала всей душой... Она окинула взором свою роскошио убраииую комнату. Никого. Ни одиа из служанок не явилась. Неужелн все спят? Неужелн так поздно? Тем лучше. По крайней мере, ей иикто не мешал. Она погрузила пылающее лнцо в мягкне подушки и долго оставалась иеподвнжиой. Глухие, душеразднрающне стоиы иногда прерывали это цепеиящее молчанне, и помимо ее волн, поток слез хлынул из ее глаз. О чем она плакала? Она сама этого не зиала. Есть мниуты, когда взаимоотношения сердца н рассудка иарушены. В такие мииуты человек ие отдает себе отчета ии в чем.

Вормиздухт подияла голову и мутиыми от слез глазамн посмотрела вокруг. Ей хотелось говорить, хотелось облегчить душу от иахлыиувшего горя, ио инкого возле нее не было. Еднист820иным жнвым существом был огоиь, горевший в серебряном светильнике. Она долго смотрела иа иего н мысленио вела с ннм разговор. Пламя, оио дает свет, тепло и пепел! Оно расходует, оио уиичтожает самого себя! Таково н ее сердце!

Оиа снова спрятала лицо в подушкн, и слезы снова хлыиули нз ее глаз. В соседней комнате послышался плач. Там плакал проснувшийся ребенок, а здесь его

мать. Этот плач заставил ее очнуться, он напомнил ей, что она — мать и жена!

Вормиздухт поднялась с постели, отерла слезы и поспешила к ребенку; кормилица, сидя возле колыбели, крепко спала. Госпожа разбудила ее; та непроизвольно, полусонная подняла голову и прижала свою грудь к губам ребенка, он замолчал. Теперь доносилось только его торопливое чмоканье.

Мать стояла и с восхищением смотрела на своего первенца, в котором души не чаяла. Но вдруг она с испугом заметила, что голова кормилицы медленно опускается к краю колыбели: та снова засыпала.

— Ты когда-нибудь задушишь ребенка! — воскликнула мать, тормоша кормилицу.

На черном лице кормилицы блеснули белки крупных глаз — она очнулась.

— Я не сплю, — проговорила она и снова наклонилась к колыбели. Кормилица была эфиопкой: молоко из горячей груди эфиопки считалось самым полезным для ребенка.

Какое сочетание! Мать — персианка, кормилица — эфиопка, а ребенок — дитя князей Мамиконян!..

Мать постояла у колыбели, пока ребенок насытился и заснул. Затем она наклонилась, прикоснулась губами к пухлым щечкам младенца и, приказав кормилице не спать, пошла к себе.

Вернувшись в опочивальню, она разделась сама, без помощи служанок, и легла в постель.

Ее роскошное ложе из шалей и шелков было предназначено для неги и наслаждений. Но в эту ночь оно казалось ей сделанным из терновника. Вормиздухт поминутно поворачивалась с боку на бок и не находила покоя. Все в ней волновалось. Ее невинная душа была полна запутанных и неясных мыслей и чувств, подобно тому как лучезарный горизонт внезапно затмевают черные тучи. Она думала о Самвеле, о той счастливой девушке, которую он любит, и вдруг вспомнила о главном евнухе и его проделках...

«Убедился ли Самвел в том, что я не виновна, исчезли ли у него сомнения относительно меня?— шептала она, припоминая, какое тяжелое впечатление произвели на опечаленного юношу сообщенные ею известия.—

Он так добр, так благороден, он простит мне. Он не будет подозревать меня в соучастии в мерзостях евнуха... Но ведь этим не устраняется моя вина! Кто, как не я, причина появления в этом доме коварного евнуха? Я привела с собой сюда шпиона. Нет, нет, я ничего не знала! Независимо от меня подослали его... Но как бы там ни было — тяжесть преступления падает и на меня. Я должна искупить то, что было совершено без моего ведома, чтобы успокоить свою совесть! Мне не удалось убедить Самвела. Он воспротивился моему намерению поехать в Тизбон. Как и всегда, он проявил безграничную доброту. Но я должна, должна поехать, должна уговорить немилосердного брата моего. Я не могу оставаться здесь и быть свидетельницей ужасных событий. Но мой муж? Что подумает мой супруг? Он приедет и не застанет меня дома?..»

Этот вопрос заставил ее задуматься. После долгих, мучительных размышлений, она позвала служанок. Никто не откликнулся. Она взяла лежавшую возле ложа белую шаль из овечьей шерсти, завернулась в нее и встала с постели.

В этой шали полунагая красавица напоминала изящную нимфу, выглянувшую из прекрасной раковины.

Она вошла в соседнюю комнату. Там спали вповалку служанки: видно, они долго ожидали свою госпожу, и сон одолел их. Вормиздухт пожалела их и не стала будить. Она прошла в следующую комнату. Там на сидении дремала пожилая женщина. Шум открывающейся двери разбудил ее. Она приоткрыла глаза, посмотрела вокруг и, склонив снова голову, задремала.

Вормиздухт вернулась в свою опочивальню. Она забыла, ради чего хотела позвать служанок, забыла, зачем прошла в следующую комнату.

Как бы ощупью она ходила по опочивальне, словно что-то искала. Заметила серебряный ларец, стоявший в нише. Этот красивый предмет вызвал в ней страх. С отвращением протянула руку к замку, отперла ларец и вынула несколько рукописей. Это были копии и черновики писем, отобранных сегодня среди документов евнуха. Одно из них она поднесла к огню и стала читать; ее внимание привлекли следующие строки:

«...Среди оставшихся здесь князей Мамиконян есть,

двое молодых, которые могут быть опасны: Самвел, сын Вагана, и его двоюродный брат Мушег, сын Васака. Первый из них, хотя неопытен и юн, но предан беззаветно своему царю и родине; любовь восполняет в нем недостаток опыта и изворотливости; он храбр и смел; народ любит его; и его зову последуют многие; он неподкупен. Ничем нельзя угасить и его любовь к родине. Этот преданный родине молодой человек наделает много хлопот войскам персов, если заранее его не устранить... Второй, Мушег, такой же патриот, опытный воин и глубокий знаток военного дела. Это — страшный человек. Персия много выгадает, если за его голову посулит даже целую область. Его влияние велико и среди знати и среди духовенства. Хороший полководец, храбрый воин и заклятый враг персов...»

Она не могла продолжать чтение: руки задрожали, и кусок пергамента выпал из рук на пол.

В опочивальню неожиданно вошла та самая пожилая женщина, которая за несколько минут до того дремала на сидении в соседней палате.

— Ах, Вормиздухт, свет очей моих, — воскликнула она, — ты еще не спишь! — Подойдя к молодой женщине, она стала гладить ее растрепавшиеся волосы; но, вглядевшись внимательно в ее взволнованное лицо, ужаснулась и, отойдя, спросила:

— Что с тобой?.. Отчего ты так запоздала?.. Что сказал Самвел?.. Когда ты пришла?

Этими словами она еще больше смутила и без того взволнованную Вормиздухт.

Эта худая, высохшая женщина была кормилицей Вормиздухт. Сердобольная женщина воспитывала ее с детства. Когда Вормиздухт выдали замуж и отправили в Армению, с нею вместе отправили и эту толковую и опытную женщину в качестве советчицы и опекунши.

Появление кормилицы немного успокоило Вормиздухт. Бывают минуты, горькие минуты, когда человек в своем грустном одиночестве находит утешение даже в кошке, внезапно вбежавшей в комнату и участливо ласкающейся у его ног.

Вормиздухт легла в постель и подозвала к себе старушку.

— Сядь возле меня, Хумаи, сядь поближе, — сказала она ослабевшим голосом.

Кормилица села у ее изголовья.

— Положи руку мне на лоб, Хумаи, приласкай меня!

Старая женщина положила худую руку на лоб Вормиздухт: он был покрыт холодным потом.

Несколько минут Вормиздухт молчала; воспаленный взор ее блуждал по комнате. Затем глаза ее закрылись, и она тихо произнесла:

— Говори, Хумаи, говори безумолку, я буду слушать.

Та не сразу нашла, о чем говорить. Лихорадочное состояние Вормиздухт смутило ее.

— Расскажи что-нибудь, Хумаи, — повторила Вормиздухт, открывая свои печальные глаза и обратив взор к кормилице. — Разве ты забыла те ночи, когда я была еще девушкой, и ты вот так же, как теперь, сидела у моей постели и говорила? И речам твоим не было конца... Проходили часы, петухи уже пели... я засыпала и просыпалась и снова слушала твои рассказы. Ах, хорошее то было время! Не было ни заботы, ни печали! Жила я, как веселая птица, и не знала, что такое печаль.

И она опять закрыла глаза, повторяя:

— Говори, Хумаи, расскажи что-нибудь, чтобы я заснула...

Встревоженная женщина приложила руку к ее сердцу — оно сильно билось.

— Там огонь, внутри что-то жжет меня, Хумаи, — прошептала Вормиздухт, опять открывая глаза.

Хумаи испугалась не на шутку.

— Ты молчишь, Хумаи, ничего не говоришь! Тогда я буду говорить... я хочу говорить... много говорить.

Старуха начала что-то бормотать про себя; она молилась.

Вормиздухт взяла сухие руки Хумаи в свои горячие ладони и спросила:

— Помнишь ли, Хумаи, празднество в Аштишате? Это было последнее торжественное празднество. Мы сидели в пурпуровом шатре армянской царицы и смотрели на состязания. Невдалеке от нас в другом шатре сидели царь с первосвященником и нахарарами и на-

блюдали за происходящими играми. Помнишь ты этот день?

— Помню, — ответила та изумленно.

— Помнишь и то, как началась игра в макан[1], когда закованные в латы сыновья нахараров разделились на две партии, и как звенели маканы, и огромные деревянные мячи, точно в бурю, метались из стороны в сторону? А во время этого страстного состязания появилась девушка на золотистом коне? Помнишь эту девушку?

— Помню, — ответила кормилица.

— Тысячи голосов и бурные рукоплескания встретили ее появление! Царь долго махал ей платком. Она появилась, точно богиня, и своим присутствием внесла в игру новую силу, новую энергию. Как прекрасна была эта юная девушка в своих блестящих латах! Грудь ее покрывал стальной позлащенный панцырь, маленький медный шлем сверкал на солнце, ее золотистые пряди развевались по плечам, закованным в железо. Через узкие щели красивого забрала едва виднелись ее сверкающие глаза и черные, изогнутые, как лук, брови. Зазвучал рог, забили барабаны; длинный тяжелый макан завертелся в ее искусной руке, как легкое перышко. Ее красивый конь, как птица, делал громадные прыжки, и под ловкими ударами макана мужественной девушки мяч летал до самого края ристалища... Ты помнишь, с кем она состязалась?

— С Самвелом.

— Да, с Самвелом. А когда окончилось состязание, армянская царица пригласила ее к нам в шатер и вручила ей высшую награду — золотую, изукрашенную изящной резьбой чашу. Девушка осталась с нами в шатре, обедала и за обедом пела песню. Помнишь эту песню?

— Помню.

— Это была песня гор, Хумаи; горная княжна воспевала свои горы и долы. Ее чудный голос звучал, как звучит горный ветер, с силою ударяясь о скалы, о

[1] *Макан* — по-древнеармянски означает «клюшка»; *маканахах* — игра в поло, распространенная в то время среди армянских феодалов.

вековые пихты, все усиливаясь и постепенно глухими печальными звуками замирая в отдаленных глубинах ущелья... Грустная мелодия этой волшебной песни как будто все еще ласкает мой слух... Как будто и сейчас еще я смотрю в огненные очи вдохновенной певицы, в которых было так много огня, очарования и любви... Помнишь, Хуман, кто была эта девушка?

— Говорили, дочь Рштуникского князя.

— Да, дочь князя Рштуни, счастливая дочь неприступных гор и мрачных лесов. Она привела с собой тогда своих храбрых горцев. Любо было смотреть на простое и неприхотливое вооружение этого пастушеского народа. Они явились на торжество с легкими щитами, сплетенными из козьей шерсти, в латах и шлемах из овечьей шерсти и в туго сплетенных из той же шерсти ноговицах. С головы до ног они были закутаны в шерсть и шкуры, но эта грубая одежда была крепка, как железо. Грубы, неотесаны были и сами горцы. Все зрители ужасались, видя их луки длиной в три локтя и стрелы длиной с копье. Грозны и пылки были эти храбрецы, а их царевна сияла среди присутствовавших, как горная богиня...

При этих словах Вормиздухт закрыла глаза и продолжала, словно во сне.

— Эти бородатые храбрецы с пламенными глазами, как густогривые львы, охраняли свою княжну. Тот, кто посмел бы чуть дерзко взглянуть на нее, в один миг был бы предан смерти. С этого празднества она унесла с собою две бесценные награды: золотую чашу, полученную из рук царицы, и сердце Самвела.

Вормиздухт умолкла.

Крайне встревоженная Хуман с испугом всматривалась в ее бледное лицо, которое порой перекашивалось от лихорадочной судороги. Сжатые пунцовые губы царевны вздрагивали. Она снова заговорила, но кто знает с кем, уже охваченная сновидениями... Голос ее постепенно затихал...

Старуха укрыла ее. До рассвета без сна просидела она, не сводя глаз со своей милой питомицы, которая металась в жару. Из потухших глаз бедной женщины по ее иссохшему лицу тихо катились слезы...

XVI. Самозванцы

Было уже далеко за полночь. Во дворце князя Мушега, в его приемной палате, все еще продолжали беседовать четверо заговорщиков. Занавеси в палате были тщательно задернуты, двери заперты изнутри, а снаружи по обеим сторонам дверей прихожей стояла стража.

Месроп сидел возле светильника. Он углубился в чтение писем, разложенных перед ним. Он читал, делал какие-то расчеты, снова читал и порой ладонью прикасался к голове, как будто желая разрешить свои сомнения. В числе писем находилось и письмо, врученное Вормиздухт Самвелу.

По комнате взад и вперед ходил Самвел, время от времени останавливался позади Месропа и молча следил за его движениями.

Мушег взволнованно теребил свою маленькую бородку, которая, как черный бархат, обрамляла его мужественное лицо. В его грозных глазах можно было прочитать нетерпение и возмущение.

Саак Партев иногда поднимал стоявшую около него чашу с вином и прикасался к ней пересохшими от волнения губами.

Все ждали, что скажет Месроп.

Наконец Месроп, с недовольным видом отбросив в сторону письмо, обратился ко всем:

— Бесполезно разбирать их и делать из них какие-либо выводы. При нынешнем положении расчет не только введет нас в заблуждение, но окончательно все запутает. Наши дела с самого начала велись без расчета. Так и следует продолжать. Я хочу сказать, что времени так мало, а обстоятельства настолько убедительны, что нам некогда исправлять старые промахи и прибегать к новым мерам. Нам надо сделать решительный шаг, если бы даже этот шаг противоречил доводам рассудка.

— Совершенно верно! — остановившись, сказал Самвел.

Саак Партев молчал.

— Но все же нам надо подсчитать свои силы, — заметил Мушег.

— Нельзя взвесить и рассчитать то, чего пока еще не существует, — ответил Месроп. — Наши силы зависят от обстоятельств и успеха дела, которое мы начинаем.

— Но можно хотя бы предугадать успех или неуспех нашего дела, — возразил Мушег.

— Мы исходим только из возможностей, — ответил Месроп. — Повторяю, мы должны руководствоваться только убеждением, а удача зависит от воли судьбы.

Саак Партев прервал спор и спросил:

— Это «мы» повторялось здесь несколько раз. Прежде чем предпринять какие-либо шаги, следует определить, кто же это «мы».

Наступило общее молчание. Вопрос был весьма уместным. Самвел, сделав шаг вперед, обратился:

— Разрешите мне сказать?

— Говори, — ответил Партев.

Сильно волнуясь, он остановился перед собеседниками и, обратив горящий взор на своих сообщников, сказал:

— Кто это «мы»? Поистине это самый трудный вопрос. Решив его, мы положим начало делу. Кто же «мы»? Мы — это все. Мой ответ, быть может, покажется вам чересчур дерзким, но я постараюсь объяснить свою мысль. В управлении нашей страной играли первенствующую роль три высших лица: царь, первосвященник и спарапет. Теперь никого из них нет. Царь заключен в Хужистане в крепости Ануш, спарапет находится там же, а первосвященник сослан на остров Патмос, в Средиземное море. Наша страна лишилась трех главных правителей, которые во время опасности могли бы встать против врага. А враг у наших ворот. Кто окажет ему сопротивление? Кто должен защитить родину от огня и крови? Кто должен очистить ее от персидской нечисти, которая угрожает испоганить все наши святыни? Царский престол в опасности. Церковь в опасности. Наш язык, наша культура, наши обычаи, наши заветные ценности — все в опасности. Кто же должен их защищать? Повторяю: царя нет, первосвященника нет, спарапета нет. Но имеются их представители, из которых двое вот здесь слушают меня.

Он указал рукой на Саака Партева и на Мушега и продолжал:

— Ты, Саак, сын первосвященника и можешь заменить своего отца. Ты, Мушег, как сын спарапета, тоже займешь место своего отца. Должность первосвященника, как и спарапета, по обычаю нашей страны, наследственна. Первая принадлежит дому Григория Просветителя, вторая — роду Мамиконянов. Против этого никто не может ничего возразить. Незанятым остается царский престол. Наследника нет, он остался в Византии. Но зато с нами царица. Ее именем мы можем издавать всевозможные приказы. Мы организуем временное управление, возглавим страну и будем сопротивляться врагу. И, я уверен, народ пойдет за нами. Народ склонен слушать только приказания, не раздумывая долго о том, откуда они исходят. Теперь, мне кажется, достаточно ясно — кто «мы»...

— У нас нет свободного народа, — заметил Месроп. — У нас имеются только нахарары, которые управляют различными слоями народа.

— Совершенно верно, — ответил Самвел. — Из письма, переданного мне, вы узнали, что настрого приказано схватить всех нахараров и отправить их в Тизбон, а их жен и детей держать в особых крепостях в качестве заложников под строгим надзором. Мы можем прибегнуть к этим строгостям, так как это заставит нахараров если не ради защиты родины, то хотя бы ради защиты самих себя и своих семейств присоединиться к нам и идти на врага.

— Это весьма возможно, — сказал Месроп, — но некоторые из наших нахараров настолько трусливы, что, едва узнав о приказе Шапуха, заберут немедленно своих домочадцев и бросятся искать убежища в Византии.

— Пусть так, — ответил Самвел. — Враг решил не щадить сопротивляющихся. А мы не будем щадить тех, кто будет уклоняться. Если некоторые из наших нахараров окажутся столь низки, что во время всеобщей опасности попробуют убежать в чужую страну для спасения себя и своих семейств, то мы будем первыми, кто зарубит их на порогах их собственных замков.

Саак Партев и Мушег слушали молча. Они с восхищением смотрели на юношу, стоявшего перед ними как олицетворение мести. Вообще Самвел был человек меланхоличный и молчаливый, но когда он начинал

говорить, говорил с воодушевлением и красноречиво.

— Обратите внимание, друзья, — продолжал Самвел, — на то место письма, в котором упоминается о приказе взять в плен армянскую царицу и отправить ее в Персию. Мы должны приложить все усилия, чтобы оградить ее от опасности! Лишившись ее, мы многое потеряем. Мы должны действовать от ее имени, подымать народ ее именем. Я уверен, что опасность, угрожающая колеблющемуся трону, потеря супруга-царя и наследника-сына, все эти несчастные события более чем когда-либо должны заставить царицу, больше чем каждого из нас, при нынешнем положении стать на защиту погибающего трона Аршакидов. И у нее хватит мужества на это.

Месроп снова взял письмо, врученное Вормиздухт Самвелу, и стал читать его.

В той же комнате на стене висел портрет Вачэ Мамиконяна. А под портретом висел меч этого героя. Закончив свою небольшую речь, Самвел с благоговением подошел к портрету, взял меч и, положив перед Сааком Партевом, сказал:

— Вот меч героя, бодрый дух которого царит теперь среди нас! — Он указал рукой на портрет. — Прошло всего сорок лет с того дня, когда в кровопролитном бою с персами пал этот герой и своей смертью поверг всю Армению в печаль. Из рода Мамиконянов не осталось никого, кто бы мог наследовать должность спарапета Армении. Все погибли в том же бою. Остался лишь сын покойного, Артавазд, который был еще ребенком. Тогда царь Хосров II и твой дед патриарх Вртанес взяли малыша Артавазда в царский дворец. Там находились армянские нахарары, там была и вся высшая знать Армении. Царь обнял малыша, а великий патриарх взял почетный знак спарапета, принадлежавший отцу Артавазда, и торжественно надел его на голову сына, взял меч, благословил и привязал к его поясу. Затем ребенка отдали на попечение ширакскому князю Аршавиру Камсаракану и Сюникскому князю Андовку, которые были зятьями Мамиконянов. Они должны были заботиться о нем до совершеннолетия, когда Артавазд наследует должность спарапета. Вот этот меч лежит теперь перед тобой, Саак, тот меч, который неко-

гда благословил твой дед! Тебе, как преемнику священного патриаршего престола, следует взять этот меч и вручить его Мушегу, моему двоюродному брату, и объявить его спарапетом Армении.

Это предложение тронуло всех. Благородный Партев не мог сдержать слез. То, что предлагал Самвел, было повторением событий, происходивших сорок лет тому назад. Вачэ Мамиконян был убит в бою против персов, и дед Саака — патриарх Вртанес — объявил спарапетом его несовершеннолетнего сына. Отец Мушега — спарапет Васак — был также убит персидским царем Шапухом. Но Мушег еще не знал об этом. Он считал, что отец его жив и находится в заключении вместе с царем. Сообщить ему о горестной смерти отца — значило повергнуть его сердце, и без того обремененное скорбью, в новую печаль. Именно это взволновало сердце Саака. Но он предпочел умолчать об этом. С глубоким чувством он взял меч и произнес следующие слова:

— Я счастлив, — сказал Партев, — что в торжественную минуту, когда решаются судьбы нашей родины, на мою долю выпала честь вручить тебе этот меч, Мушег. В нем — слава предков и гордость их достойных преемников. Да! Род Мамиконянов имеет право гордиться этим мечом, который всегда во времена испытаний, пережитых нашим отечеством, являлся их защитником. Во дни Трдата этот меч уничтожал храбрый род князей Слкуни, восставших против своего государя и перешедших на сторону врага. В дни Хосрова, сына Трдата, он разил наших извечных врагов — персов. В дни Тирана, сына Хосрова, он был обнажен против самого царя армянского, когда тот стал безжалостно уничтожать малолетних детей нахараров. В дни же нашего несчастного царя Аршака, сына Тирана, этот меч, Мушег, в руке твоего отца не раз поражал многочисленное войско Шапуха. Меч оставался незапятнанным. Никогда ни измена, ни трусость не касались его. В этом величие Мамиконянов. Этот меч всегда был беспристрастен как к чужим, так и к родным. Твой отец, Мушег, этим мечом зарубил своего брата Вардана, изменившего родине. Мужество, справедливость, защита униженных и скорбящих — вот высокий девиз этого доблестного меча. Твой отец, Мушег, пал жертвой своей

горячей любви к родине. После его гибели тебе, достойному сыну его, подобает носить этот меч и стать во главе армянских войск. Беда приближается. Скорбные стоны угнетенной родины призывают тебя, Мушег, взяться за оружие, в котором родина найдет свое спасение. Ты так храбр и предан, что оправдаешь надежды родины.

С глубоким чувством грусти принял благородный юноша меч своих предков.

— Я считаю себя самым несчастным в нашем роду, беря в руки этот меч. Мои предки сражались этим мечом против чужеземцев, а я принужден поднять его на своих близких. Неприятельские войска ведет мой дядя. Но, да будет благословенна воля всевышнего, да придаст он силу моей руке, и поможет мне этим мечом очистить наш славный род от позора, которым собирается его покрыть мой родич...

До этой минуты лицо Самвела сияло от радости, но, услышав последние слова, он помрачнел. Намеки Мушега относились к его отцу. Саак заметил волнение несчастного юноши и, обратившись к нему, спросил:

— Разве ты не сделал бы того же, что Мушег?

— Сделал бы, и сделаю больше, — ответил Самвел с горечью.

— Итак, все решено, — сказал Саак, — теперь приступим к делу.

Благородный Партев окинул взором сообщников и продолжал:

— Самвел прав, мы должны действовать от имени армянской царицы и по ее велению двинуть нахараров и народ. Имея в виду, что это необходимо, я еще до своего приезда в Тарон повидался с царицею в Вагаршапате. Она более, чем мы все, горит желанием спасти Армению. Она дала нам право располагать всей царской казной, ее собственным имуществом и даже своими драгоценностями. Царица вручила мне свой перстень для наложения печати на приказах.

Он достал из-за пазухи перстень армянской царицы и положил его на стол, говоря:

— Временное верховное управление, которое предложил основать Самвел, и с чем мы все согласны, с этой минуты нужно считать утвержденным. Бог Трдата

и отца нашего Просветителя да укрепит наше предприятие! Защита веры, народа и отчизны и жертвы для их спасения — пусть станут отныне нашим боевым девизом. Я убежден, что если победа окажется не за нами, мы сумеем погибнуть с честью!

Он остановился и после минутного молчания продолжал:

— Я выеду отсюда утром вместе с Месропом. Ночь еще глубока, времени хватит. Пусть Месроп займется необходимыми указами, которые следует разослать влиятельным нахарарам. На этих указах будут печати царицы и наши печати. А где мы сосредоточим наши главные силы, об этом ты, Мушег, подумай Ты более сведущ в ратных делах.

— В замке Артагерс, — ответил Мушег.

— Я того же мнения, — сказал Партев. — Арарат — сердце Армении — должен быть защищен. Потеряв его, Армения потеряет и жизнь... Пиши, Месроп, — обратился он к секретарю и стал диктовать имена наиболее знатных нахараров.

Месроп взял перо и пергамент.

В эту ночь в замке не спали не только в палатах Мушега Мамиконяна. Княгиня Тачатуи сидела в своей комнате на высоком сиденье, а у ее ног на полу съежился какой-то маленький человек. Он держал лист пергамента на коленях и писал; время от времени он поворачивал свое сухое лицо с узкими глазами к госпоже с вопросом:

— Что писать дальше?

Окончив два письма, он положил их перед княгиней со словами:

— Вот это письмо к князю Меружану, а это к господину моему, князю Вагану.

Княгиня собственноручно перевязала письмо к супругу.

XVII. Совет женщины

На другое утро, несмотря на дождливую погоду, Саак Партев и Месроп рано выехали из замка Вогакан, простившись предварительно с княгинею Тачатуи.

Просьба княгини, даже ее слезы не в состоянии были удержать хотя бы на день упрямых гостей и дать ей возможность проявить свою глубокую «дружбу» и «гостеприимство».

Самвел поехал проводить гостей до ближайшего места отдыха. Вечером он должен был вернуться обратно.

После отъезда гостей князь Мушег, оставшись один, решил привести в порядок домашние дела ввиду того, что и ему скоро предстояло выехать из замка. Предавшись со всей энергией, всеми помыслами, делам родины, он забыл о доме. Лишь теперь в нем проснулась эта забота. В нем, спарапете и полководце, боролось чувство долга перед родиной с чувствами мужа и отца. Он должен уехать. Кто знает: быть может, он никогда не вернется. Каково тогда будет положение его беззащитной семьи? Кому ее поручить? На чье попечение оставить? Он должен был сразиться с врагом, но ведь главный враг находится у него же дома. Он не сомневался, что как только начнется пожар войны, мать Самвела выдаст его детей и его жену персам, и их уведут в качестве заложников для того, чтобы сломить отца.

Будущее со всеми ужасами предстало перед ним. Ему было понятно хитрое распоряжение персидского двора: пленить семьи видных нахараров Армении и содержать их в особых крепостях. И это будет осуществляться руками Меружана и отца Самвела. Цель была ясна. Они хорошо рассчитали, что отцы будут находиться в войсках, а семьи останутся дома. Захватив семьи, они укротят нахараров, дав им почувствовать, что всякое неповиновение может подвергнуть опасности жизнь их детей и жен.

И, конечно, прежде всего они устремят свое внимание на семью Мушега, спарапета Армении!

Такими невеселыми думами был занят Мушег, когда отворилась дверь и вошла его молодая жена. Служанка несла за нею толстенького мальчика.

— Па, па... — послышался лепет ребенка, протянувшего маленькие ручонки к отцу.

Отец подошел, взял ребенка из рук няни и прижал к своей груди.

Проведя всю ночь с Сааком, Месропом и Самвелом,

он со вчерашнего дня не видел жену. Она пришла проведать его.

Держа ребенка, князь сел в кресло, а жена стала перед ним, с глубокой радостью наблюдая за игрой отца и сына. Отец прикасался пальцем к пухленьким щечкам малыша, а тот при этом весело смеялся, открывая свой маленький ротик.

— Со вчерашнего дня он кой-чему научился, — весело сообщила мать.

— У моего ягненочка всегда какие-нибудь новости! — сказал отец, лаская светлые волосы сына. — Чему же он научился?

Мать обратилась к служанке, которая стала на колени перед маленьким Мушегом и стала показывать его новые шалости. Она наклонила голову и, закрыв глаза, сказала:

— Мушег, бай-бай!

Малыш тоже закрыл глаза, положил головку на грудь отца и притворился спящим. Но ему быстро надоела эта игра. Он открыл глазки и засмеялся.

— Ах, бесенок, — сказал отец, сжимая его в объятьях, — она обманывает тебя, а ты — ее?

Мальчик, точно обидевшись на замечание отца, ловко перевернулся и протянул ручонки к матери.

Мать взяла ребенка и сказала с усмешкой:

— Ты не умеешь играть с ребенком.

— Я ему надоел, — сказал отец, и на его веселом лице промелькнула грусть.

Жена это заметила.

Но живой ребенок вскоре заскучал на руках у матери и стал тянуться в сторону няни. Мать передала ей ребенка, сказав:

— Унеси его!

Малыш теперь успокоился, он был в привычных руках. Из передней послышался его голосок — последнее «аю, аю», детский прощальный привет, вызвавший вздох отца, лицо которого стало еще более грустным.

Когда супруги остались одни, жена с любовью посмотрела на мужа и спросила:

— Ты сегодня очень бледен, Мушег; верно, не спал всю ночь?

— Откуда ты знаешь, что я не спал? — спросил князь.

— Я несколько раз ночью выходила, смотрела на твои окна: всю ночь у тебя был свет. А ведь ты не привык спать при свете.

— Значит, и ты не спала?

Нежная улыбка была ему ответом. Эта улыбка обожгла его сердце. Только на одну ночь он оставил дорогую жену, и она уже беспокоилась, не могла заснуть. А что будет, если придется расстаться с ней надолго?

Сатеник села возле мужа, взяла его за руку и обратилась к нему с тем же вопросом, ответ на который ее не успокоил.

— Что случилось? Почему ты так печален?

Как ей объяснить, что случилось? Случилось многое. Но самое главное еще впереди... Разве слабое сердце женщины способно вынести то, что ей предстоит услышать?

Мушег начал мягко:

— Видишь ли, Сатеник, только на одну ночь я расстался с тобою, и ты уже встревожена. А что, если бы нам пришлось расстаться надолго?

— Я буду страдать еще сильнее, — ответила жена.

— А ты могла бы перенести разлуку?

— Я научилась бы терпеть, если бы разлука была необходима.

— Что ты считаешь необходимым?

— Если бы случилось, например, так, как это было не раз, если бы ты уехал воевать.

— Да, скоро я должен буду уехать.

Жена не ожидала такого ответа. Она была готова взять свои слова обратно, но было уже поздно. Она дала свое согласие, не зная заранее о намерениях мужа. И точно потеряв что-то, склонив голову, она со слезами на глазах стала разглядывать разостланные на полу роскошные ковры, хотя и была далека от надежды найти потерянное. Ее смущение сильно подействовало на мужа, которому впервые приходилось испытывать ее душевную твердость. Он обратился к ней со словами:

— Сатеник, вот ты уже и приуныла! Я не думал, что ты так малодушна.

— Я не малодушна, — ответила она рыдая, — но что

мне делать... не прошло еще трех лет, как мы женаты, и с того момента, как я вступила в этот дом, я ни одного дня не видела тебя спокойным. Ты всегда стрелами отирал пот со своего лба... вечные войны... вечная кровь, вечные битвы... Когда же наступит конец этим кровопролитиям?

— Они не прекратятся до тех пор,— твердо ответил Мушег, — пока меч будет решать права человека.

Жена ничего не сказала. Она сидела с поникшей головой, как бы страшась взглянуть в разгневанное лицо мужа.

Тот продолжал мягче:

— Что бы ты сделала, милая Сатеник, если бы однажды утром твой мирный сон в мягкой постели нарушили дикие крики разъяренной толпы, и ты, открыв свои прекрасные глаза, увидела бы свое чистое брачное ложе окруженным кровожадными зверьми... Что бы ты сделала, если бы твое дорогое дитя, каждая улыбка которого тебе так сладостна, голосок которого доставляет тебе такую радость, — если бы этого ребенка — кусок твоего сердца — вырвали из колыбели и швырнули на землю... Разорили бы твой роскошный чертог, а тебя, босую и истерзанную, поволокли в Персию? Там, в стране рабов и несчастных, каждое утро на заре подлый надсмотрщик выгонял бы тебя железным кнутом вместе с толпой других пленных в выжженные солнцем Сузийские поля, чтобы ты своими нежными пальцами полола дикий мак, яд которого доставляет так много наслаждений и веселья персам... Прошли бы годы, тоска по родине и близким, мучительная работа истерзали бы твою душу и тело... А когда случилось бы пройти мимо тебя одинокому путнику и обратить на тебя, несчастную женщину, внимание, — твой надменный надсмотрщик указал бы на тебя пальцем и сказал: «Это жена спарапета Армении и дочь князя мокского». Теперь ты понимаешь, Сатеник, ради чего нужна борьба или для чего льются потоки человеческой крови? Ради того, чтобы всего этого не было...

Кровь мокских князей вскипела в Сатеник. Голубые глаза ее вспыхнули, и она воскликнула с негодованием:

— Этого никогда не случится! Я не позволю выбросить моего ребенка из люльки... До того, как это про-

изойдет, земля будет усеяна многими трупами, и мой труп будет последним...

— Это может случиться, милая Сатеник, ибо дни несчастий приближаются, — печально продолжал Мушег. — Ты еще не знаешь, сколько горя предстоит перенести Армении. Я как раз сегодня утром думал об этом, когда ты вошла ко мне. Ты должна знать все, чтобы вместе со мной обдумать, как лучше обезопасить нашу семью!

И он рассказал жене об измене Меружана и Вагана, о том, что они приняли персидскую веру, об их походе на Армению во главе персидских войск, о предстоящих злодействах, — словом, все, что знал, и все, что считал необходимым ей сообщить.

— Позор, тысячу раз позор! — воскликнула опечаленная женщина. — Мало того, что до сих пор у нас были внешние враги, теперь враг выходит из нашей же среды!

— Да... выходит из нашей среды! — повторил Мушег, с сожалением качая головой. — И по этой причине мы должны вести одновременно две войны: внешнюю и внутреннюю. Внешний враг, наш вековой противник перс, не столь опасен, как наш семейный враг. Мой дядя Ваган оказался настолько низким человеком, что, добиваясь должности спарапета, принадлежавшей моему отцу, предал его в руки персидского царя и ценой гибели своего родича достиг власти. Теперь он идет сюда. Я не сомневаюсь, что этот трусливый человек, чтобы еще больше угодить персам, первый выдаст им меня, тебя и всех наших...

— Знает ли об этом Самвел? — спросила жена.

— Знает, — ответил Мушег.

— Бедный юноша, как ему должно быть тяжело!.. Утром я его видела из окна моей комнаты, когда он шел провожать Саака и Месропа. На нем лица не было. Он был так грустен, так осунулся, точно хворал несколько месяцев. За эти несколько дней он стал неузнаваем.

— У него чувствительное сердце. Всякое зло причиняет ему боль.

— Что он собирается делать?

— То же, что и мы, — ответил Мушег неопределен-

но, а затем, перейдя на другое, сказал:— Теперь ты все знаешь, дорогая Сатеник. Через два дня я должен отправиться в путь. Мы должны постараться пресечь зло в самом корне. Иначе говоря, необходимо отрезать дорогу врагу, пока он еще не вступил в нашу страну. Но меня беспокоит судьба ребенка и твоя. Что будет с вами во время моего отсутствия? Ты ведь слышала, какие сети расставляет мать Самвела?

— Слышала. Это не женщина, а чудовище! — сказала Сатеник с горечью в голосе.

— Да! Чудовище! Из-за нее наш замок оказался на вулкане, который в любую минуту может вспыхнуть. Это и принуждает меня подумать о том, чтобы обезопасить вас, пока не пройдет буря войны. Но я затрудняюсь найти безопасное место.

— Самым безопасным местом для нас будет войско, — ответила спокойно Сатеник.

Ответ жены удивил Мушега и в то же время обрадовал его своим благоразумием и смелостью. В этом ответе чувствовалось мужественное сердце дочери мокского князя.

Слова эти были сказаны Сатеник не случайно; она их глубоко обдумала. Когда Мушег описал жене печальное положение страны, в сознании Сатеник сразу возникла эта мысль. И чтобы пояснить ее, она добавила:

— Ты мне рассказал, что Меружан и твой дядя намереваются захватить семьи нахараров, в том числе, несомненно, и нашу семью. В таком случае где же нам, женам нахараров, искать убежища, как не в рядах войск? Мы пойдем вместе с войском, захватив наши люльки, и собственными руками будем залечивать раны наших мужей...

Совет, поданный женой, показался Мушегу разумным. Другого выхода не было. Надо было поступить именно так. Объединившись всеми силами против врага, нахарары должны, следовательно, оставить без защиты свои замки — убежища своих семей. Враг же всеми средствами будет стремиться овладеть ими. А если они будут защищать свои замки, то силы их распылятся и границы страны останутся открытыми перед врагом.

Но теперь возникло другое препятствие. Мушег через два дня должен покинуть замок. Если он возьмет с собой семью, то этим явно обнаружит свои намерения, которые до времени надо было скрывать. Кроме того, на нем лежала забота о защите семейств его дядей и двоюродных братьев, которых он не отделял от своей семьи.

Он снова обратился к жене за советом.

— У нас существует обычай, — сказала жена, немного подумав, — ежегодно посещать всенародные празднества в Шахапиване. Часто мы выезжали заранее, на несколько месяцев до начала праздника. Там находился стан царя, там бывал и он сам. В ожидании праздника мы наслаждались красотой цветочных гор. Это паломничество — удобный повод для нашего отъезда! Ты, Мушег, можешь ехать, как решил, через два дня, а мы последуем за тобой через неделю.

— Прекрасная мысль! — с радостью сказал Мушег.— Священные места Шахапивана недалеко от крепости Артагерс, а наш стан будет находиться как раз в этом месте.

— Аю... аю.., — послышался из передней голосок маленького Мушега. Муж и жена замолчали.

Няня внесла ребенка, сказав, что мальчик никак не хочет уснуть на дворе. Мать взяла его на руки. Маленький человечек, являвшийся главным предметом размышлений родителей, мешал им прийти к какому-нибудь выводу.

Сатеник дала понять няне, чтоб та ушла.

Ребенок переполз из рук матери к отцу. Он встал на толстенькие ножки и, протянув ручки к отцу, стал играть его бородой.

— Священный Шахапиван,— повторил Мушег,— это самое удобное место, и как хорошо, что ты мне напомнила о нем, дорогая Сатеник. Правда, ты уже больше не встретишь там нашего несчастного царя, но найдешь нашу еще более несчастную царицу. Твое присутствие утешит ее. Там теперь все царское войско. И войска царицы должны оттуда пойти на соединение с нашими силами, сосредоточенными в крепости Артагерс. Значит — решено!

Отец еще не закончил своих слов, как маленький Мушег дважды чихнул, и этим благим предзнаменованием закрепил решение своих родителей.

XVIII. Юный Артавазд

Уже сгустился вечерний сумрак, а Самвел, поехавший провожать Саака и Месропа, все еще не возвращался. Старик Арбак одиноко ждал его в приемной палате. Снаружи у дверей стоял юный Иусик. Оба они начали терять терпение: князь чересчур запаздывал.

Старик несколько раз вставал, поправлял фитиль в медном светильнике, усиливал свет, затем убавлял, и наконец, не зная куда себя деть, от скуки стал считать копья и оружие, расставленные по углам. Хотя он уже сто раз их считал, это занятие ему не надоедало.

Иусик иногда входил, говорил старику какой-нибудь вздор, поддразнивал его и снова уходил. А князя все не было.

Вошел опять Иусик, остановился перед стариком и, подбоченясь, спросил его с хитрой усмешкой:

— Знаешь, Арбак, что я сейчас видел на дворе?

— Что же ты видел, чертенок? — спросил старик, устремляя суровый взгляд на хитроватое лицо юноши.

— Вижу, кто-то несколько раз прошел мимо замка... Я притаился у стены. Человек не заметил меня и, покружившись, ушел. Он все бродил около нашего замка и все время озирался. Иногда он подкрадывался к окошку и подслушивал, а чтобы его не заметили, уходил и возвращался. Я выждал, пока он уйдет, притащил здоровенный сук и положил на то место, на которое он становился, когда подглядывал в окно. Смотрю, он опять подкрадывается! Смотрю, запнулся ногой об сук и шлепнулся башкой о камни. Не знаю: голову он себе расшиб или нос, но только заохал и заковылял восвояси!

— Узнал ты его?

— Как не узнать старого черта? Это Багос, евнух княгини.

— Этого негодяя давно следовало бы прикончить... убить, как собаку! — сердито пробурчал старик.

— Он вполне вознагражден! — ответил юноша, выходя из комнаты.

Арбак остался один. Он был опечален. Полвека был он в этом доме свидетелем дурных и хороших дел, радовался его счастью, горевал над его бедами, но никогда еще его сердце не наполнялось такою горечью, как в эти последние дни. Ему не совсем было ясно, что творилось кругом, но чутье подсказывало ему, что творится что-то недоброе. Соглядатаи матери осаждают жилище сына, сын что-то затевает в тайне от матери, по ночам неизвестные люди тайком проникают в замок, шушукаются, исчезают... Что все это означает?

Старик не первый раз задавал себе этот вопрос, но бесхитростная душа его не находила ответа.

Так сидел он в раздумье, насупившись, когда в приемной раздался топот тяжелых шагов, распахнулась дверь и в комнату вошел Самвел. Оруженосцы, шедшие за ним, стали по обе стороны двери.

— Добрый вечер, дорогой Арбак, — весело сказал Самвел, подойдя к старику и положив руку ему на плечо. — Давно меня ждешь?

Веселое настроение молодого князя несколько рассеяло грусть старика. Подняв отяжелевшую голову, он спросил:

— Почему ты так запоздал?

— Не легко расстаться с дорогими, близкими сердцу друзьями, почтенный Арбак. Ели, пили, обнимались, попрощались было, а потом опять сели, опять попрощались — так день-то незаметно и пролетел, и солнце закатилось.

Повелительным жестом Самвел приказал оруженосцам удалиться. Они, поклонившись, ушли.

Вошел Иусик и встал у дверей.

— Ну, что, Арбак, был ты у моей матери? — спросил Самвел, устало растягиваясь на диване.

— Был два раза, — ответил старик.

— Нет, три, — поправил его Иусик.

— Да, прости господи, три раза... — сказал старик, бросая недовольный взгляд на юношу. — Один раз утром, один раз в полдень....

— И один раз вечером, — докончил за него, смеясь, Самвел.

— Да, и один раз вечером, — повторил старик, не понимая, чем вызван смех Самвела.

Самвел, слегка возбужденный выпитым вином, был в шутливом настроении. Обычно он никогда не подшучивал над стариком, так как очень уважал своего воспитателя. Заметив, что огорчил старика, он перестал смеяться и очень серьезно спросил:

— Значит, ты был у моей матери? Расскажи же, как она готовится к моему отъезду? Завтра утром я непременно должен выехать, непременно...

— Княгиня тоже хочет, чтобы ты выехал завтра утром.

Арбак поднялся со своего места, подошел к Самвелу и сел возле него на ковре, чтобы легче было разговаривать.

— К твоему отъезду, по велению твоей матери, все готово. Сопровождать тебя будут пятьдесят юношей в серебряном вооружении, все на конях одинаковой серой масти. Двадцать буланых мулов повезут палатки, провиант и одежду. В княжескую колесницу запрягут двух белых мулов; позади поведут двадцать коней буланой масти. Княгиня сама выбирала из собственного хранилища драгоценную сбрую для этих коней. Кроме пятидесяти молодых телохранителей, с тобой отправятся семь оруженосцев, семь сокольничих, семь псарей и два повара. Вина, всевозможные напитки и разные сладости, как полагается, уложены в особых ларцах. Забыл сказать, что среди пятидесяти телохранителей будет один, который понесет княжеское знамя, и отряд литаврщиков и трубачей.

Перечисляя все это, Арбак не ошибался, так как держал в руке записку. Когда он кончил, Самвел заметил:

— Очень торжественно, но довольно неудобно!.. Я бы предпочел легкий отряд из вооруженных всадников.

— Княгиня желает, чтобы твоя свита соответствовала блеску имени твоего отца и твоего имени, — ответил старик тоном, в котором было заметно глубокое недовольство.

— А кого она выбрала из моих людей?

— Никого. Она предоставила это тебе; можешь взять, кого хочешь.

— А ты поедешь со мною, дорогой Арбак?

— Разве Арбак когда-нибудь отпускал тебя одного? Арбак голову свою сложит на твоем пороге! — Старик указал на порог комнаты Самвела.

Юный Иусик стоял у стены и сверкающими глазами смотрел то на своего господина, то на старика Арбака. Он беспокоился. Ему хотелось знать, возьмет ли господин его с собою? Радость его была безгранична, когда Самвел, обратившись к Арбаку, сказал:

— Я благодарен матери, что она предоставила мне выбор. Я возьму с собою всех своих людей. Распорядись, дорогой Арбак, чтобы к утру все были готовы.

— Я уже распорядился! — ответил старик.

Тут Иусик, сильно краснея, выступил вперед и пробормотал:

— У меня просьба к моему князю.

— Какая?

— Лошадь моя прихрамывает после того, как ее подковали.

— Арбак прикажет дать тебе другую из моей конюшни по твоему выбору.

Лицо юноши засияло от восторга.

Арбак поднялся.

— Куда ты? — спросил Самвел.

— Еще много дел... пойду распорядиться.

— Спасибо, дорогой Арбак. Я должен выехать рано утром!

Старик многозначительно покачал головой и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

После его ухода Самвел еще больше повеселел. Подготовка к путешествию, хотя и не вполне, но в некоторой степени соответствовала его планам. Он не ожидал, что мать позволит ему взять с собой своих людей. А их было больше, чем тех, кого назначила она.

Самвел ходил по комнате, усиленно потирая руки и делая в уме расчеты. Иусик, пользуясь хорошим настроением князя, осмелел и решил обратиться к нему с новой просьбой. Однако на сей раз он колебался, и бой-

кий язык его, никогда не нуждавшийся в словах, на этот раз не повиновался ему. Сконфуженно опустив голову, он переминался с ноги на ногу и уже несколько раз почесывал затылок: «Сказать или не сказать?»

Если бы Самвел хоть раз взглянул на бедного юношу, он сразу заметил бы его беспокойство. Но Самвел был увлечен приятными размышлениями и совершенно не обращал на него внимания.

Юноша несколько раз кашлянул. Его покашливание привлекло внимание Самвела, который посмотрел на возбужденное лицо Иусика и спросил:

— Ты хочешь еще что-то сказать?

— Как мне сказать?.. господин мой, — чуть слышно, потупясь, пробормотал Иусик.

— Ну, так говори, как всегда говоришь, — засмеялся Самвел. — Чего же ты стесняешься?

Смех господина приободрил юношу, и он со слезами на глазах сказал:

— Сегодня «она» целый день плакала...

— Кто? Нвард?

— Да, князь.

— Из-за чего же?

— Она узнала, что я поеду с моим князем...

— И загрустила?

— Нет, господин мой. Я дал ей слово...

— Какое слово?

— Что на этих днях...

— Поженитесь? Не так ли?

— Да, князь.

— Так чего же ты хочешь? Остаться и жениться?

— Нет, нет, господин мой, но... Я еще с нею не обручился.

Самвел немного подумал и сказал успокаивающе:

— Половину твоего обещания можешь сдержать теперь: обручись сегодня, а обвенчаешься, когда вернемся. Не знаю, правда, когда вернемся... Но когда бы то ни было, я обещаю обвенчать тебя с Нвард. Она хорошая девушка! За эти дни она оказала мне много услуг и потому достойна особой награды. Я прикажу Арбаку выдать ей из моей казны самый дорогой обручальный перстень.

Смущенный Иусик не знал, как выразить свою бла-

годарность. Слезы радости брызнули у него из глаз. Он упал на колени и хотел поцеловать ноги князя.

Самвел остановил его.

— Встань! Как Нвард — хорошая девушка, так ты — хороший слуга.

В это время дверь с шумом распахнулась, и в комнату влетел юный Артавазд, сын Вачэ Мамиконяна. Он бросился Самвелу на шею, крепко прижал свою красивую голову к его лицу и в величайшем восторге воскликнул:

— Ах, если бы ты знал, Самвел, как я рад, как я рад! Трудно даже выразить!..

— Что это тебя так обрадовало? — спросил Самвел, с трудом высвободившись из объятий бойкого юноши.

— Сядем, расскажу. Ужасно устал, ужасно!..

Они сели на диван. Лицо юноши раскраснелось. Видно было, что он от своего дома до дома Самвела все время бежал. Передохнув немного, он сказал:

— Сегодня утром я узнал, что ты едешь встречать своего отца; я и подумал: «Самвел едет, отчего бы и мне не поехать?» Сейчас же побежал к Мушегу, поцеловал ему руку, поцеловал ногу и, наконец, получил его согласие. Потом побежал к твоей матери, расцеловал ее, — и она тоже согласилась. Осталась еще моя мать, но ее убедить поцелуями было довольно трудно. «Знаешь, — говорю я ей, — Меружан едет, Ваган едет, с ними великие полководцы персидского царя, надо и мне явиться к войскам, показаться им. Там соберутся все сыновья нахараров, а я чем хуже их? И стрелять умею, и копья бросать...» Словом, сказал ей все, что только мог. Ты ведь знаешь, все матери тщеславны, особенно в отношении сыновей! Ей захотелось, чтобы ее сын был также среди сыновей нахараров и удивил персов. Ловко я устроил?

— Неплохо, — ответил Самвел, — хотя и много наврал.

— Нет, бог свидетель, я не врал, только немного прихвастнул! — ответил юноша краснея. — А что мне было делать? Хочется поездить, увидеть свет, а они держат меня дома, как робкую девицу. Я уже не маленький, пройдет год, другой, и у меня уже вырастут

усы... Тогда скажут: «Ты мужчина!» Теперь же меня и за мужчину не считают. Всю ночь не буду спать, — перешел он к другому, — не буду спать до рассвета. Когда утром надо куда-нибудь ехать, мне всю ночь не спится. Надо все подготовить, все предусмотреть...

Этот словоохотливый юноша, которого мы видели в первый раз в саду князя Мушега, когда он упражнялся с подростком Амазаспом в стрельбе из лука, был полон жизни и огня и, конечно, мог принять участие в походе. Но Самвел опасался, как бы неопытный и простодушный мальчик не помешал его планам, не оказался лишней обузой. Поэтому он медлил с ответом. Артавазд, взяв его руки в свои и прижав к своим губам, сказал:

— Все согласны, милый Самвел, теперь все зависит от тебя. Скажи, ты согласен взять меня с собой?

Заметив, что Самвел не торопится с ответом, он добавил:

— Если ты не согласишься, я все равно поеду!..

Самоуверенность юноши была несколько преувеличенной. Но Самвел знал его безудержный, пылкий характер. Действительно, если бы Самвел не взял его с собой, он поехал бы и один.

Самвел подумал: «А ведь он может мне пригодиться...» и, обняв его, сказал:

— Не огорчайся, дорогой Артавазд, ты будешь украшением моего конного отряда. Я без тебя и шагу не сделаю. Беги, готовься к отъезду.

Артавазд вскочил и, от радости забыв даже проститься, выбежал из комнаты. Слуга с фонарем ожидал его в прихожей. Он быстро пошел, опередив слугу. Слуга нес фонарь сзади, едва поспевая за своим молодым господином.

* * *

Три дня прошло после той ночи, когда гонцы привезли в Вогаканский замок тяжелые вести из Тизбона.

Через три дня из замка Вогакан выехали два двоюродных брата: утром Самвел, торжественно сопровождаемый конным отрядом, а ночью Мушег — тайно и только со своими двумя оруженосцами.

В скобках

1. ПРИРОДА, НАХАРАРСТВО И ЦАРЬ

Армения страна горная.

Непрерывные цепи гор с их бесчисленными отрогами покрывают поверхность земли, образуя гигантскую сеть. Между частыми сплетениями горной сети стиснуты глубокие лощины, мрачные ущелья и узкие равнины. Эти лощины, эти долины и равнины являлись отдельными областями, отделенными друг от друга естественными границами.

Насколько сильно была изрезана поверхность страны, настолько сильно раздроблены области. Поэтому Армения была той исключительной страной, в которой на небольшой территории имелось так много провинций.

Провинции были изолированы друг от друга и почти не сообщались. Горы служили непроходимой преградой между ними, а долины — глубокими рвами.

У человека встретилось много трудностей в борьбе с суровой природой.

Здесь утесистый кряж, внизу бездонная глубина, откуда едва доносится глухое рокотание реки, а в вышине нависают скалы, ежеминутно угрожающие обвалом и грозящие скрыть решительно все под собой. В этом грозном неистовстве природы только уроженец гор, именно он мог проложить себе дорогу, состязаясь в проворстве с дикими козами.

Кое-где дороги упирались в темные, дремучие леса. В них люди размножались, росли вместе с лесами, питались их плодами и за пределами своего густолиственного леса не признавали никакой иной страны.

Приближаясь к этим лесам, путники не столько боялись зверей, сколько жителей, засевших в лесных трущобах, как в логовищах. К трудностям путей сообщения, созданным горными и лесными препятствиями, присоединялись также и реки. Они протекали по глубокому каменистому дну, между берегами, с двух сторон окаймленными высокими, как крепостные стены, скалами. Зажатые в узких ущельях, они рычали от бешенства, ревели, грохотали и пенистыми потоками бились о несокрушимые скалы, стремясь хоть немного расширить свое русло. Страшные каскады Аракса внушали путникам ужас.

В теснинах гор и ущелий армянские реки не допускали судоходства. Они были судоходны лишь тогда, когда оставляли глубины ущелий и теснин и когда протекали по ровным долинам, тихо и плавно приближаясь к морю.

Пять великих патриархов, армянские реки: Тигр, Евфрат, Кура, Аракс и Фазис — были нетерпимы, а искусство строить мосты пока еще было бессильно сдерживать их под великолепными арками. Вот почему мост через Аракс, сооруженный императором Августом, был признан за чудо, недаром Виргилий воспел его в своих стихотворениях. А мост, сооруженный персидским царем Киром через ту же реку, считался творением бога. Древнейший мост у города Арташата, называвшийся Таперакан, первоначально представлял собою свайную постройку, которая держалась лишь в тихий период реки.

Не меньшим препятствием для сообщения являлась зима, продолжительная зима Айастана[1].

Уже в октябре во многих местах, в особенности на возвышенностях, густой снег застилал долины, засыпал овраги, бесследно заносил дороги и прерывал всякое сообщение. Путники двигались по дорогам не иначе, как с длинными шестами в руках, для того чтобы в случае

[1] *Айастан* — Армения.

снежного обвала вышедшие на поиски могли догадаться по верхушкам шестов, что под снегом находятся люди. Шесты представляли и другие удобства. Опираясь на них, путники перепрыгивали через пропасти, а попав под обвал, пробивали ими отверстия, чтобы дышать.

Снежным опасностям подвергались не только обыкновенные смертные, но даже и цари.

Царь Санатрук в детстве трое суток пробыл под снегом в объятиях своей няни. Их нашла белая собака, посланная на поиски и сторожившая это место до тех пор, пока не пришли люди. Царь Тиран Первый был погребен под снежной лавиной; его так и не смогли найти. Десять тысяч греков Ксенофонта[1], проходя через армянскую страну, обморозили себе руки и ноги, хотя зима только что начиналась. Ксенофонт приказал даже обмотать ноги коней теплыми мешками, но это не помогло. В дни Артавазда Первого армянская зима погубила восемь тысяч римских воинов Антония при его возвращении из персидского похода.

Ужасны армянские вьюги, бураны!

Свирепый ветер ожесточенно передвигает огромные снежные холмы и засыпает небо густой ледяной пылью. В эти роковые моменты всякое живое существо ищет места, где бы укрыться. На больших дорогах, в опасных местах, строились для укрытия караванов особые постоялые дворы. Но редко во время буранов каравану удавалось благополучно добраться до места спасения: чаще всего его заносило снежной массой, иногда в нескольких шагах от убежища.

В горных местах почти половину года крестьяне жили вместе со своим скотом под снегом, в темных землянках. В этих подземных ямах как хозяева, так и их скот имели достаточные запасы еды. Но голод и падеж скота были неизбежными спутниками затянувшейся зимы. Крестьяне добывали воду, оттаивая снег, но корма для скота достать было неоткуда.

Весеннее солнце вместе с теплом приносило навод-

[1] *Ксенофонт* — древнегреческий историк (430—355 гг. до н. э.), описавший отступление 10 тысяч греков из Персии в своем «Анабасисе», в котором, между прочим, дал весьма ценные сведения об Армении.

нение. Овраги наполнялись мутными, шумными потоками, и сообщение становилось затруднительным. Но вот белые, покрытые снегом равнины у подножья гор начинали постепенно чернеть, затем покрывались чудесным зеленым покровом. Вместе с щебетаньем ласточки доносилось блеяние новорожденных ягнят. Пастухи устраивали свои шалаши на усеянных цветами пастбищах.

Приближалось лето.

У подножья гор, на равнинах, созревали гранаты, инжир, маслины. Золотистым янтарем отливали гроздья винограда, и, подобно косам светловолосой девушки, волновались, развевались отяжелевшие колосья. А там, на высотах, выделялись очертания снежных вершин гор, и широкими, густыми слоями все еще неподвижно лежал снег в вековых углублениях скал.

В долинах, на низменных и ровных местах, летняя духота и зной становились еще более нестерпимыми, чем зимний холод. Солнце жгло, небо низвергало огонь. Люди, спасавшиеся от зимней стужи в землянках, теперь убегали от палящего солнца и подымались вместе со своим скотом на прохладные горные высоты. И так в течение каждого года совершалось это переселение,— от тепла к холоду и от холода к теплу. Но переселение это происходило в пределах своей области.

Жестокие условия природы, полные крайностей, создавали таких же жестоких и суровых людей. Это и было причиной того, что их обычаи, нравы, поведение и вообще весь общественный строй носили отпечаток тех природных условий, в которых им приходилось жить.

Реки, огромные озера, горные цепи с их многочисленными отрогами, изрезавшие поверхность страны, создавали множество мелких частиц, каждая из которых представляла собой особую провинцию, отделенную естественными границами.

Во времена Трдата число областей доходило до шестисот двадцати. А в дни Аршака II оно достигло девятисот. Каждая из областей являлась княжеством, жившим своей особой жизнью и своими особыми обычаями.

Трудность сообщения еще больше усиливала местные особенности. Неизменность состояния страны поддерживала устоявшиеся обычаи. Следствием этого было замедление культуры и прогресса. Жители одной обла-

сти не понимали языка своих соседей, хотя и являлись их братьями по крови.

Различие интересов способствовало раздроблению власти. Каждая область имела свое управление, свои законы.

Княжества назывались *нахарарствами*.

Сколько было областей, столько было и нахарарств. В течение веков вследствие различных политических обстоятельств число их то увеличивалось, то уменьшалось.

Владетели княжеств назывались *нахарарами*.

Каждый нахарар был полным господином в своей стране. Его власть передавалась по наследству из поколения в поколение. Все нахарары подчинялись царю Армении. Они платили в царскую казну определенный налог, были обязаны содержать известное количество войск, помогать царю во время войн, а в мирное время охранять границы государства. Каждый из нахараров наблюдал за теми границами, которые находились поблизости от его нахарарской земли.

Впервые Арташес II определил границы нахарарств, поставил на межах каменные столбы и размер наследования каждого из нахараров записал в царские книги. Трдат же Великий определил обязанности нахараров относительно охраны рубежей.

Нахарарства, находившиеся у границ Армении, были более обширными и мощными, чем те, которые находились внутри Армении. Некоторые из пограничных нахараров владели несколькими областями.

Многие из нахарарских домов пользовались особыми привилегиями как в управлении областью, так и при царском дворе. Например, местоблюстителем царя избирался нахарар из рода Мурацан; в день торжественного венчания царя на царство венценалагателем, аспетом, избирался нахарар из рода Багратуни; главный евнух царского дворца избирался из нахарарского рода Мардпет; главнокомандующий войсками — спарапет — из нахарарства Мамиконян. Были еще и другие нахарарства, имевшие различные привилегии на придворной службе.

Каждое нахарарство представляло собой особое княжество. Княжил старший в роде: он назывался *нахапетом* или *танутером*. Остальные же наследники нахарар-

ского дома пользовались лишь доходами области в виде жалованья или же натуральных поступлений. Рост числа членов княжеского рода в течение веков, вполне понятно, приводил к тому, что доходы области оказывались недостаточными для их содержания. В таких случаях нахарары, как это часто бывало, приобретали новые владения, отнимая земли у своих соседей. Внутренняя борьба и кровопролития продолжались из поколения в поколение и зачастую являлись причиной полного уничтожения целых нахарарских родов. После смерти Трдата нахарары Бзнуни, Манавазян и Вордуни, воюя друг с другом, взаимно почти истребили свои роды.

Царь, по своей земельной собственности, являлся как бы самым крупным нахараром. Он присвоил себе весь Айрарат[1] — сердце страны.

Айрарат, как царская вотчина, был неделим.

В Айрарате жили только царь и царский наследник. Остальные члены царского дома не имели права проживать в Айрарате. Им были выделены определенные провинции. При Аршакидах это стало законом.

Области Аштеанк, Алиовит и Арберани со всеми доходами были предназначены для лиц царской фамилии. С течением времени их численность в этих областях настолько возросла, что даже доходы с земель для удовлетворения их утех оказались недостаточны. Поэтому члены царской семьи постоянно сетовали на малость угодий и выпрашивали у царя новые земли.

В истории Армении нет ни одного случая, чтобы лица из царского рода Аршакидов занимали какую-либо государственную должность. Не выделялись они и на военной службе. Они были обречены на постоянное безделье. Им дарили обширные земли, им выдавалось из казны щедрое жалованье, чтобы они наслаждались жизнью, занимались охотой и разного рода увеселениями, не думая об иной славной жизни. Все это делалось в соответствии с тогдашней политикой с той целью, чтобы отвлечь их от притязаний на престол. В них, живших

[1] *Айрарат* — одна из центральных областей коренной Армении. На территории Айрарата находились почти все сменявшие друг друга столицы Армении.

безнравственной и бесцельной жизнью, убивались возвышенные и героические стремления.

Как уже сказано, царь присвоил себе Айрарат и вместе с наследником престола проживал в столице. Остальные царевичи не имели права селиться в Айрарате. Для каждого из них была предназначена отдельная провинция. Только один из аршакидских царевичей, племянник Аршака II, Гнэл осмелился поселиться в Айрарате, у подножия горы Арагац. Этим поступком он возбудил подозрение Аршака и вскоре пал жертвой его подозрительности.

Вследствие увеличения царского рода и умножения нахарарств занята была большая часть земель страны, это сокращало доходы во вред царской казне.

У царя оставалась лишь одна провинция — Айрарат. При такой государственной организации, когда сила ее измерялась размером земли и количеством жителей, вполне понятно, что объединенная сила нахараров могла не только производить давление на царя, но и имела возможность постоянно держать в своих руках его судьбу. Войско держал каждый из нахараров, и военная сила некоторых из них была значительно больше военной силы Айрарата.

Но, с другой стороны, существовало множество самодовлеющих нахараров, имевших свои особые интересы, свои издревле утвердившиеся обычаи. Поэтому, очень понятно, из этих раздробленных княжеств не могло образоваться единое, крепкое автократическое государство.

Последние цари из династии Аршакидов чувствовали, в чем заключалась их слабость, и с целью превращения государства в единую, крепкую организацию начали постепенно ограничивать господство нахараров.

Общее положение страны, опасность извне и постоянные столкновения с нахарарами повели царей по этому естественному пути.

Эта идея возникла у аршакидских царей, начиная с того дня, когда христианство проникло в Армению. Трдат явился первым, кто уничтожил могучее нахарарство Слкуни и отнял у него Тарон. Но у этого выдающегося государя, занятого большим делом религиозной перестройки Армении, не нашлось времени для осущест-

вления еще более трудной политической перестройки.

Три преемника Трдата Великого — Хосров II, Тиран II и Аршак II повели дальше начатое дело.

Сын Трдата Великого, Хосров Младший, хотя и не походил на своего гиганта-отца и не обладал его непобедимой храбростью, но все же был умным человеком. По отношению к нахарарам он предпринял две меры: одну строгую, другую мягкую. Он был жесток, когда велел убить алдзникского бдешха Вакура, уничтожил его род и после многих убийств, совершенных в Алдзнике, изгнал оттуда его сына Гешу вместе со множеством пленников. Мягкие меры, примененные им, были более политичны и могли оказаться более гибельными для нахараров, если бы Хосров долго жил. Но он процарствовал всего лишь девять лет. Он задумал связать старших нахараров со своим двором и посредством придворных увеселений деморализовать и ослабить их. С этой целью он издал закон, по которому нахарары, имевшие от тысячи до десяти тысяч войска, должны были всегда находиться при царе и не отъезжать от него. И чтобы занять нахараров, Хосров у веселых берегов Ерасха основал город Двин, перевел туда свой двор, а долину реки Азат вблизи города покрыл искусственными лесами, названными по его имени Хосровакерт. Эти леса он заполнил всякого рода зверьем, пригодным для охоты. В этих лесах он построил роскошный дворец, который назывался Тикнуни. Чудесный дворец этот в прохладном лесу являл собой рай, где жили красивые женщины и происходили постоянные увеселения. Там для нахараров были уготовлены всякого рода развлечения и забавы. Там соблазны, придворный разврат изнашивали их, убивали в них стремление к власти. Но это продлилось недолго. Со смертью Хосрова умерла и зародившаяся в нем идея.

Сын Хосрова, Тиран II, не последовал мирной политике отца. Беспощадной рукой он перебил несколько нахарарских родов и в особенности представителей двух старейших нахарарских фамилий—Арцрунидов и Рштунидов. Во время этих избиений два брата Мамиконяна с обнаженными мечами в руках набросились на палачей и спасли двух мальчиков: Шаваспа и Тачата. Это были оставшиеся в живых наследники двух родов.

Тиран не мог продолжать дальше эту внутреннюю борьбу, так как его царствоваиие, подобио отцовскому, было кратковременно — одиннадцать лет. Своим поведением он оттолкнул от себя многих нахараров и остался беспомощным и покинутым. Последствием такого положения явились его военные неудачи, которые он потерпел сперва от римлян, а затем от персов. Персидский царь ослепил его и отнял трон.

Сын Тирана Аршак II постарался завершить то, что начали его предшественники. Он объявил открытую войну нахарарам. Но для того, чтобы начать с ними борьбу, он нуждался в крепкой опоре, иначе говоря, ему нужна была мощная партия. Невозможно было создать такую партию из нахараров, так как все они объединились против него. А один Айрарат не имел достаточной силы для борьбы с нахарарами. Изобретательный царь задумал перетянуть на свою сторону если не весь народ, то по крайней мере *недовольных*, ту часть, которую преследовали и угнетали властители-нахарары. С этой целью он основал у подножия горы Масис город-*убежище*, назвав его своим именем Аршакаван. Когда город был готов, он издал приказ, в силу которого всякий вошедший в этот город считался свободным от закона и суда. Вскоре город и вся долина провинции Ког, где находился Аршакаван, наполнилась массой переселенцев. Там нашли убежище все те, кого преследовали и угнетали нахарары. Там нашли убежище все недовольные и протестующие. Там нашли убежище также и преступники, осужденные законом. Там сосредоточилась горечь земли, вековая месть против насилия и грубой силы. Там собрались все прегрешения и преступления, порожденные безудержным произволом деспотов. В очень короткий срок население города достигло двадцати тысяч дымов.

Все жители города были из числа подданных нахараров. Все эти горемычные и вместе с тем отчаянные люди были в руках Аршака мощной силой для борьбы против нахараров.

Нахарары почувствовали это, в особенности когда заметили, что их подданные — я не только недовольные — с удовольствием готовы переселиться в этот свободный город, где не было ни налогов, ни тягот закона,

а, наоборот, каждый человек чувствовал себя в полной безопасности.

Кроме того, оставшиеся на нахарарских землях жители, имея перед собою такой пример, могли впасть в соблазн и в любую минуту восстать, видя, что царь жалует свой народ большей свободой и большими милостями, чем князья.

Отсюда возникли кровопролитные войны между нахарарами и Аршаком.

Быть может, Аршак и остался бы победителем, если бы нахарары не прибегли к внешней помощи. Они обратились к вековому врагу армян — к персидскому царю. Шапух извлек пользу из внутренних раздоров Армении и послал на помощь нахарарам свои войска. Оставшийся без поддержки Аршак бежал на север в Кавказские горы.

Во время его отсутствия месть нахараров превзошла всякую меру жестокости. С помощью нахараров персы овладели городом Ани, ограбили царскую казну и даже не пощадили усыпальницу аршакидских царей: разрушили могилы и увезли в плен царские останки.

В то же самое время нахарары обрушились на Аршакаван и беспощадно перебили как мужчин, так и женщин. Город-убежище наполнился трупами; кровь рекой текла по улицам. Уцелела лишь часть грудных детей.

Аршак вернулся с Кавказа, ведя с собой грузинские и иные горские войска. Снова возгорелась война между нахарарами и царем.

Нахарары, проводив персов с богатой добычей, призвали на этот раз против своего царя греков. Легионы Валента приблизились к армянским границам. Перед Аршаком стояли три могучих врага: греки, персы и его нахарары...

Он не отчаивался, но уступил, когда ангел мира явился и прекратил кровопролитие.

То был Нерсес Великий.

Великий пастырь примирил нахараров с царем, взяв клятву в том, чтобы отныне царь обращался с ними справедливо, и они служили ему верой и правдой.

Не примирились только два нахарара: Меружан Арц-

руни и Ваган Мамиконян, отец Самвела. Они перешли к персидскому царю Шапуху.

Вот откуда возникла вражда между Аршаком и этими двумя нахарарами.

2. ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ, ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Напряженные взаимоотношения царя со своими нахарарами и существовавшие между ними усобицы, часто дававшие повод к ужасным кровопролитиям, — все это было вкратце описано в предыдущей главе.

Но для армянской истории было характерно еще и другое, более печальное явление, а именно: такие же враждебные взаимоотношения царя с духовенством и с его высшими представителями.

С того дня, когда христианство стало проникать в Армению, началась глухая внутренняя борьба между царем и духовенством. Борьба эта не раз приводила к печальным и трагическим результатам. Примечательно то, что эта борьба начинается с того же времени и в дни тех же царей, которые боролись со своими нахарарами. Этими царями были четыре преемника Трдата Великого: Хосров, Тиран, Аршак и Пап.

Даже сам Просветитель не избег преследований. Последние дни своей жизни он провел в неизвестности, скрываясь в пещерах горы Сепух.

Из его сыновей Аристакес был убит князем Архелаем, а Вртанес лишь чудом спасся от неистовства толпы в Аштишатском монастыре.

Один из сыновей Вртанеса, Григорис, умер мученической смертью на поле Ватиян, а другой, Иусик, был убит в церкви по приказу своего тестя, царя Тирана.

Два сына Иусика — Пап и Атанагинес — были убиты в одночасье в Аштишатском монастыре.

Пап за своим столом, во время обеда, отравил сына Атанагинеса Нерсеса Великого, при активном содействии которого он взошел на царский престол.

Одним словом, начиная с Просветителя вплоть до его последнего потомка Саака Партева, почти никто из

представителей этого большого патриаршего рода не умер своей смертью, но все сделались жертвой жестокости либо царя, либо нахараров.

Пали жертвами и видные церковники тех времен.

По приказу Хосрова, Маначихр Рштуни велел сбросить с высоты горы Ындзак в Ванское озеро семерых диаконов патриарха Акоба Мцбинского. Мольбы и слезы старика патриарха не могли смягчить жестокого князя.

Тиран велел задушить старого священника Даниэла, который был одним из выдающихся учеников Просветителя.

Аршак приказал закидать камнями на площади Хада ученика Нерсеса Великого — епископа Аршаруника и Багреванда, — который был патриаршим местоблюстителем во время пребывания Нерсеса в Константинополе.

Каковы же были причины этих бедствий? Может быть, борьба новой религии со старинными языческими обычаями и нравами?

Именно так и объясняют это армянские историки.

Все преемники Трдата Великого, кроме Врамшапуха, вплоть до падения дома Аршакидов, описаны ими в качестве людей в высшей степени безнравственных. Духовенство порицало их непристойный образ жизни, они же в гневе повелевали убивать духовных лиц. Таков суд истории.

Но та же история бессознательно обнаруживает иногда такие штрихи, которые свидетельствуют как раз о противоположном и заставляют искать корни совершенных злодеяний в более глубоких и веских причинах.

Почему аршакидские цари после принятия христианства, вместо того чтобы облагородиться, стали более жестокосердными, более преступными? Нравственное влияние христианства не могло дать таких чудовищных результатов. Почему, наконец, аршакидские цари до принятия христианства были более нравственными и более благородными? Тиран II, Арташес II, Хосров Великий представляют собой образцы человеколюбия и высокой добродетели. И вообще среди армянских языческих царей нельзя указать ни одного, кто был бы охарактеризован историей столь неприглядно, как по-

следние христианские цари из Аршакидов. Были ли они варварами, беспощадно избивавшими представителей духовенства?

Для решения этого вопроса следует прежде всего выяснить, что представляло собой в то время духовенство и какой вид имела духовная власть.

Когда Просветитель и Трдат вводили христианство в Армении, они главным образом старались уничтожать языческие памятники и вместо них создавать христианские. Капища были разрушены, храмы старых богов разорены и на их месте основаны христианские монастыри и храмы. Церкви были построены как в городах, так и в посадах и селах. В монастырях были организованы религиозные братства, а в церквах определилось белое духовенство. Были основаны школы для подготовки церковнослужителей из детей жрецов и из остальных сословий.

Требовалось обеспечить духовное сословие.

Новопосвященный царь в своем беспредельном христианском усердии не пожалел передать только что построенным монастырям и церквам в вечную собственность множество сел, посадов, усадебных мест и иное недвижимое имущество. К церковным учреждениям перешли и те имения капищ, какими владели они в языческие времена. Иначе говоря, когда языческие храмы стали христианскими, они сохранили за собой прежние владения.

Кроме того, Трдат издал всеобщий закон о том, чтобы в усадебных местах (в малых поселениях) церкви принадлежало «по четыре земли», а в посадах (в больших поселениях) «по семь земель». «Земля» являлась тем отвлеченным мерилом для участка, который отводился каждому дыму или отдельной крестьянской семье. Следовательно, если в каждом посаде давалось «по семь земель», это означало, что давалось такое количество земли, которое было достаточно для семи семейств.

Таким именно образом церковь стала самым богатым землевладельцем в государстве.

Разбогатели в земельном отношении и монастыри.

Для того, чтобы получить более ясное представление о том, какими имениями владели монастыри, достаточно в качестве примера взять хотя бы находившийся в

области Тарон монастырь Глака или, иначе, Иннакнян, о богатствах которого его первый настоятель Зеноб Глак в своей истории дает весьма интересные сведения.

Зеноб Глак, один из замечательных сподвижников Просветителя, прибывший вместе с ним из Кесарии, по происхождению сириец, был очень энергичным монахом, описавшим жизнь Просветителя и историю названного выше монастыря.

Этот монастырь в языческие времени, когда он был еще кумирней, имел двенадцать больших посадов. Разрушив кумирню, Просветитель основал на ее месте монастырь и предоставил ему те же двенадцать посадов. Вот их названия с числом дымов и с указанием военной силы каждого:

1. Куарс, 3012 дымов, 1500 всадников, 2200 пеших.

2. Тум, 900 дымов, 400 всадников.

3. Хорни (родина Мовсеса Хоренаци), 1906 дымов, 700 всадников, 1008 пеших.

4. Парех, 1680 дымов, 1030 всадников, 400 пеших.

5. Келк, 600 дымов, 800 всадников, 600 пеших.

6. Базум, 3200 дымов, 1040 всадников, 840 пеших стрелков, 680 копьеносцев, 280 пращников.

7. Мелти, 2080 дымов, 800 всадников, 1030 пеших.

Жаль, что Зеноб упоминает из двенадцати посадов только семь, а из остальных пяти упоминает только название Муша, да и то без числа дымов. Но слова историка, что «это большие посады, как записано в книге князей Мамиконян», заставляют думать, что остальные пять посадов как по своим размерам, так и по количеству населения были если не больше, то во всяком случае не меньше остальных семи, тем более, что среди них был Муш, о котором имеются сведения, как об одном из многолюдных городов Тарона. Так или иначе, имея на руках данные относительно вышеназванных семи посадов, нетрудно определить приблизительное число жителей остальных пяти.

Семь посадов в общем имели 14378 дымов. Если эту сумму разделить на 7, то на каждый посад выпадает 2054 дыма. Если остальным пяти посадам придать по 2054 дыма, то все вместе они будут иметь 10270 дымов. Следовательно, все двенадцать посадов будут иметь 24648 дымов.

В патриархальной обстановке тех времен каждая семья, или дым, могла состоять из 20—30 членов, но, если считать, что в каждой семье было только по пяти душ, можно вывести общую цифру населения всех двенадцати посадов, а именно — 123240 душ.

Любопытно, какова была военная сила этих монастырских посадов. Руководствуясь тем же способом исчисления, найдем общую цифру. Семь посадов вместе имели 13308 пехоты и конницы. Каждый посад имел 1901 воина. По этому расчету остальные пять посадов имели 9505 воинов. Таким образом, общее число воинов двенадцати посадов равнялось 22813.

При наличии столь огромной военной силы у этого монастыря не приходится удивляться тому кровопролитию, которое произошло в результате сопротивления языческого капища войскам Трдата, пришедшим вместе с Просветителем разрушить древнюю кумирню.

Отсюда ясно, что монастырь Глака представлял собою могучее духовное нахарарство как по обширности своих владений, так и по количеству военной силы, но именно духовное нахарарство.

Начиная со времен Просветителя и Трдата, монастыри и церкви овладели значительной долей земель и населения Армении.

Однако энергичные преемники Просветителя стали добиваться еще большего увеличения числа церковных владений соответственно растущему числу монастырей и храмов.

Среди преемников Просветителя первое место в церковном строительстве занимает Нерсес Великий. По свидетельству современного ему историка, число основанных им монастырей доходит до 2040. Эту цифру, пожалуй, можно считать чрезмерной. Но в этой чрезмерности заключается та несомненная истина, что Нерсес основал действительно большое количество монастырей, умножив же их, он вместе с тем умножил число монашествующих братий. В его дни число одних только епископов доходило до 1020, не считая церковников низшего сана.

Основанные им монастыри служили различным целям. Это были разного рода епископства, дома для клириков, братства и женские монастыри, разбросанные

по всем уголкам армянской земли. И в каждом из них проживало значительное количество оторванных от мира монахов, наслаждавшихся обильными благами монастырей.

Но великое дело этого крупного пастыря, блиставшего своим человеколюбием, любившего свой народ, как друг, состоит не в этом. Он создал множество благотворительных учреждений, где находили заботу и приют всякого рода горемыки и неимущие. Будет не лишним вспомнить о некоторых из этих учреждений.

Прежде всего, *дома для нищих*, где кормились бедные и неимущие. *Больницы*, в которых лечили больных. *Дома для прокаженных*, где заботились о таких больных, которые по обычаю страны считались нечистыми и изгонялись из селений, чтобы не заражать других. Эти несчастные жили в пустынях или у больших дорог. *Приюты*, в которых получали питание старики и люди нетрудоспособные. *Приюты для сирот*, где кормили сирот и беспризорных детей. *Вдовьи дома*, где заботились о старушках-вдовах. *Гостиницы* или страннолриимные дома, где находили приют странники, путешественники и прохожие. *Постоялые дворы*, устроенные у дорог, у горных проходов и вообще в таких местах, где было безлюдно, чтобы путешественники могли найти там пристанище.

Каково было число этих учреждений — неизвестно. Но известно, что они существовали не в одной какой-либо провинции или области, а были разбросаны по всей Армении.

В то время не было нищих, которые бы докучали на улицах попрошайничеством; не существовало гулящих бродяг, которых бы голод вынуждал покушаться на чужое имущество. Каждый был доволен, каждый питался от общественного стола. «Во время Нерсеса, — пишет Фавстос Бузанд, — во всех частях Армении совершенно не было видно, чтобы бедные занимались попрошайничеством, но там, в домах призрения, обслуживались их нужды, и они, удовлетворенные всем, ни в чем не нуждались».

То же самое пишет иерей Месроп: «Во времена Нерсеса никто в Армении не замечал, чтобы появлялись нищие или же нарушители порядка, закона, или же бро-

дяги, которых до того было много в армянской стране. Всему этому положил конец Нерсес».

Великий благоустроитель Армении являл собою совершенный образец добродетели. Сам он прежде всех показывал примеры милосердия и сострадания и убеждал других делать то же самое по отношению к неимущим и нуждающимся братьям.

Фавстос Бузанд говорит:

«Сперва делал сам и затем всех обучал тому же. Приказывал, чтобы во всей Армении, в ее провинциях и разных местах строили дома для нищих, подбирали больных, прокаженных, расслабленных и всех болящих. Были созданы дома для прокаженных, больницы, и было назначено вспомоществование. Вдовам, сиротам и неимущим он давал приют и пищу в доме своем, и бедняки радовались вместе с ним. Стол его всегда был доступен, и трапезная целый день служила гостиницей для нищих и чужестранцев. Хотя он и создал во всех провинциях дома для бедных и выделил им средства, но двери его трапезной вследствие его исключительной любви к бедным всегда были открыты перед неимущими. Слепые, хромые, увечные, глухие, калеки, бедные и нуждающиеся, сидя с ним и в кругу его людей, получали пищу. Сам он своими руками обмывал их, умащал и залечивал раны. Самолично кормил их и свое имущество затрачивал на их нужды, и все странники, находясь под его покровительством, наслаждались покоем».

После этого весьма понятно, почему этот почитаемый человек был столь популярен. Его называли отцом народа. Всюду, где он появлялся, наступала тишина, прекращалось волнение. Он был ангелом мира. Не только армянский царь, не только нахарары Армении, но даже византийские императоры и персидский царь остерегались его. Могучей рукой держал он узду правления Арменией и соответственно своим столь широким воззрениям давал направление ее политике.

Об этом направлении следует сказать, так как в нем таились корни того глухого разногласия, которое, постепенно разрастаясь, в конце концов привело к бедственным усобицам между духовной и светской властью.

На церковном соборе в Аштишате Нерсес Великий в числе ряда реформ выдвинул вопрос о монастырях в

особом каноническом постановлении. Его планы в этой связи были настолько обширны, что могли охватить великие идеи во всем их многообразии.

Чего же желал этот могучий ум? Он хотел превратить Армению в огромный монастырь, в общее братство, где бы господствовало только равенство, где бы не было имущественных различий, где бы бедный, неимущий, немощный, нетрудоспособный получал бы пищу с божьего стола.

Современный ему историк Фавстос Бузанд пишет: «В то время (на Аштишатском соборе) постановили организовать и записали в постановлениях, чтобы весь народ армянской земли превратить в разряд *всенародной монастырской братии*». А иерей Месроп дополняет: «В дни Нерсеса Великого вся Армения превратилась как бы *в совершенную личность,* руководимую страхом божиим».

Насколько серьезным было это мероприятие, настолько тяжелыми оказались его последствия.

Быть может, побуждаемый чувствами христианской добродетели, которые были в нем столь горячи, Нерсес Великий выдвинул на Аштишатском соборе этот составленный им план и заставил принять его. Быть может, жестокость того времени, бедствия народа, притеснения, чинимые царем, нахарарами и вообще знатью, подсказали ему превратить лоно церкви в обширное и безопасное убежище, где бы могли найти приют все угнетенные и нуждающиеся.

И наконец, быть может, воодушевленный не всеведущим предвидением, а лишь идеей милосердия, великий патриарх не сумел предусмотреть в начале своего дела всех последствий этого гигантского мероприятия, которое не могло привести ни к какому иному результату, как только к преобразованию армянской страны в церковное государство, стоящее под священным знаменем креста.

Так или иначе, монастырь духовных сограждан был основан. Настоятелем этого всеармянского монастыря был сам патриарх Нерсес Великий. Надзор за обширным хозяйством монастыря он поручил избранным из среды духовенства особым наблюдателям, во главе ко-

торых стоял его диакон Хад, позднее возведенный в сан епископа.

Каковы же оказались результаты управления таким монастырем?

Это был самый трудный экономический вопрос того времени. Он породил все те столкновения и борьбу, которая разгорелась между духовной и светской властями и ускорила плачевное падение аршакидского государства.

Выше уже упоминалось, что при Просветителе, когда началось образование монастырей, новообращенный Трдат в ревностном усердии установил во всем государстве общий закон о том, чтобы церкви было предоставлено по «четыре земли» с усадеб и по «семь земель» с посадов. Кроме этих земель, церковь получала особую десятину со всех продуктов страны. Церковь захватила земельные владения всех языческих капищ, находящиеся в руках жрецов.

При Нерсесе Великом, когда сильно увеличилось количество монастырей и различных благотворительных учреждений, соответственно было увеличено и количество церковных владений путем передачи церкви новых посадов и сел. Все созданные им учреждения Нерсес обеспечил верными доходами.

Кроме того, что церковь получала в наследство по добровольным завещаниям, только она считалась единственной наследницей всякого выморочного имущества, получая как движимое, так и недвижимое. Немало возросло и без того огромное богатство ее.

Когда Вачэ Мамиконян по повелению Хосрова II уничтожил последних наследников нахарарского рода Манавазян и Вордуни, оба нахарарства со всем имуществом перешли в собственность церкви. Территория нахараров Манавазян со всеми городами и селами перешла к епископу Албианосу, который предоставил ее церквам, находившимся в его ведении. Территорию же Вордунийского нахарарства со всеми городами и селами занял епископ Басена.

Таким образом, церковь через посредство многочисленных монастырей, захватывая большую часть земель, постепенно стала самым богатым землевладельцем в государстве, в то время как царь был зажат в узких

пределах Айраратской области, а нахарарства настолько размножились, что им уже не хватало земли.

Если бы монастыри являлись только обиталищами духовенства, в которых множество бездельных монахов потребляли бы богатства страны, то, без сомнения, народ не потерпел бы их существования, тем более, что христианство не успело еще пустить в Армении крепкие корни. С момента возникновения христианства прошло всего каких-нибудь семьдесят-восемьдесят лет! В этот короткий период новая религия не могла еще настолько укорениться в народе, чтобы духовенство могло привлечь народ к церкви если не подлинным христианским усердием, то хотя бы распространением в нем фанатизма и дележом доходов. Все дело в том, что организация монастырей в Армении, особенно после реформ Нерсеса, была приспособлена к требованиям и условиям страны. Такого рода монастыри могли существовать и у языческого народа. Армянский монастырь сочетал в себе и благотворительные и человеколюбивые цели. Там, где господствует рабство, где знать угнетает закабаленных людей, там подобного рода учреждения становятся не только спасительными убежищами для угнетенных, но и утешением для всех несчастных. Это и было причиной того, что народ полюбил монастыри.

Аршак II создал город-убежище, и за короткий срок там собрались все недовольные. Нерсес Великий создал сотни монастырей и перетянул на свою сторону всю Армению.

Монастырь давал хлеб, кормил бедных, лечил больных, питал сирот и вдов, обучал и воспитывал детей народа. Он получал средства от народа и возвращал их с процентами. Кроме того, и сам народ был членом монастырского братства. Народ был доволен и не сетовал.

Роптал царь, роптали нахарары. Царь не мог не заметить, что в его государстве образовалось другое государство — духовное, которое незаметно и постепенно захватило не только большую часть земель, но и перетянуло на свою сторону народ. Оно стало наивысшим и наисвященнейшим авторитетом, перед которым преклонялись все.

Царь ужаснулся и понял, хотя и поздно, что цер-

ковь настолько усилилась и окрепла, что держит в своих руках уже и царский престол.

Быть может, бедствие наступило бы не очень скоро, если бы аршакидские цари проявили большую терпимость. и если бы духовная власть не вышла за пределы своих узко духовных задач. Но духовенство стало смело вмешиваться в дела государства.

Таинство исповеди раскрыло широкую дверь перед духовенством для того, чтобы войти в душу народа. Знакомясь посредством исповеди с поступками отдельных людей, духовенство стало судить их за преступления и наказывать. Наказания, которые вначале ограничивались только церковным покаянием, в конце концов приняли характер светского осуждения. Церковь практиковала как штраф, так и порку. Порке не подвергалась лишь знать — свободные, а штраф налагался на людей всех сословий. Так наказывала церковь преступников.

Церковь вмешивалась и в такие споры, которые носили чисто гражданский характер: например, в вопросы о разделе земель, дела об их захвате и т. п. Церковь вмешивалась и в дела по разверстке и сбору налогов. Во всем этом она действовала не в качестве мирового посредника, а в роли правомочного лица.

Все это полностью противоречило правам царя и нахараров, которые считали только себя господами и судьями страны.

Аршакидский царь не привык признавать какуюлибо иную власть, кроме своей. Аршакидский царь был священной персоной. В его лице соединялось небесное и земное, духовное и светское. Христианство же отняло у него эту священность особы и передало патриарху церкви. Этого он не мог простить.

Патриарх церкви считал себя полновластным попечителем своей паствы и своего государства. В трудных случаях он вел переговоры с другими государствами и заключал мирные договоры. Он выступал судьей, когда между царем и его нахарарами возникали несогласия. Словом, он участвовал во всех государственных делах и смело протягивал руку к царскому двору, вмешиваясь даже в семейную жизнь царя.

Однажды, во время одного из ежегодных празднеств,

когда царь Тиран хотел вместе со своими вельможами войти в церковь, навстречу ему вышел католикос Иусик и закричал: «Куда ты идешь? Ты недостоин! Уйди!..» Царь не мог этого снести. По его приказу католикоса забили палками насмерть...

Вопрос заключался не только в упорной борьбе между страной и новой религией. Вопрос был чисто экономический — о владении собственностью. Тут боролись противоположные интересы церкви и государства. Боролись духовная и светская власти. Это явно бросается в глаза потому, что когда царь Пап отравил за своим столом Нерсеса Великого, то после его смерти Пап переменил все те порядки и уничтожил все те учреждения, которые были созданы великим патриархом и о которых говорилось выше.

Пап начал преследовать духовенство и сократил его непомерно возросшее число. Он закрыл женские монастыри и приказал всем монахиням, давшим обет безбрачия, выйти замуж. Он закрыл все благотворительные учреждения: дома для сирот, для прокаженных, богадельни, дома для бедных и т. д. Издал приказ, чтобы бедным и нищим не помогали и не подавали больше милостыни. По мнению Папа, вся эта благотворительность развивала в народе лень и дармоедство и вместе с тем поднимала авторитет церкви — этой попечительницы дармоедов.

Уничтожив названные учреждения, Пап уничтожил и источники доходов, на которые они существовали. По новому закону, он запретил давать церкви тот «духовный плод», ту «десятину», которая издавна была установлена его предшественниками. Кроме того, он конфисковал в пользу государства большую часть церковных земель. Вместо установленных Трдатом «семи земель» оставил церкви только «две земли», а пять присоединил к дворцовым имениям. И в соответствии с этими «двумя землями» оставил в каждом селе по два священника и по два диакона, а остальным приказал поступить на военную службу. Сыновей, братьев, родственников священников и диаконов, которые до этого времени были освобождены от налогов, он обложил податями. Он упростил брачные законы. Дал свободу вероисповедания: желавшие снова могли отправ-

лять свои древние языческие обряды и даже поклоняться кумирам.

И, конечно, молодой царь совершил бы еще и другие нововведения, если бы вероломный византийский меч не умертвил его во время пиршества.

3. РАЗЛИЧНЫЕ КАТЕГОРИИ ЦЕРКОВНИКОВ

Духовенство в Армении не могло представлять собою тесного и мощного единства, так как оно состояло из различных, друг другу противоположных элементов. Это хотя и ослабляло силу церкви, но давало возможность светской власти пользоваться ее разногласиями.

Каким образом возникли эти различные элементы?

Для распространения христианства в Армении Просветитель привез с собою из Кесарии в качестве помощников группу иноплеменных иноков. Позднее, соответственно возросшим требованиям, он увеличил их количество, приглашая новых. В одном из своих писем Просветитель вместе с Трдатом сообщал Нюстрийскому епископу Елеазару и Агденскому епископу Тимофею следующее:

«...В особенности вы знаете, что для всех наших провинций нужны епископы и священники. И хотя кое-кто из духовенства уже прибыл сюда из разных стран и они находятся здесь, но что значит их число по сравнению с *шестьюстами двадцатью* провинциями Армении? На каждую провинцию едва выпадает по одному или по два священника. А молодые люди Армении еще учатся в школах, и никто из них еще не подготовлен для священнослужения. Поэтому, умоляем вас, не гнушайтесь нами, но с полной уверенностью спешите прибыть к нам с людьми, которых мы к вам послали. И если прибудете, то мы предоставим всю страну Гарк и Екелеац; где вы поселитесь, та епархия и будет вашей, и унаследуют ее те, которые будут после вас».

Из последних слов ясно, что приглашаемые в Армению чужестранные церковники могли получить желаемую епархию в собственность, основывать там духовную

власть или религиозное братство и затем оставлять все это в наследство своим преемникам.

Как велико было общее число этих пришельцев, неизвестно; однако достоверно известно, что при жизни Просветителя в различных епархиях Армении было размещено до четырехсот епископов, не считая священников и иеромонахов. Если даже считать эту цифру, данную Агафангелом, преувеличенной, то все же остается несомненным, что христианство привело с собою в Армению довольно большое количество иноплеменных церковников.

Как видно из вышеприведенного письма, школы времен Просветителя за короткий период его апостольской деятельности еще не успели подготовить достаточного количества церковников из армян. Упомянутые выше епископы были приглашены тогда, когда школы только были открыты. Следовательно, в ту пору духовенство Армении если не целиком, то, несомненно, в большинстве своем, состояло из греков и сирийцев.

Из армян более или менее подготовленными были только дети языческих жрецов. Пройдя уже первоначальный курс учения, они поступали в школы, основанные Просветителем, и, получив христианское образование, быстро доходили до епископского сана. Но число их было столь незначительно, что по сравнению с чужестранцами они составляли незаметное меньшинство. Известно только двенадцать имен епископов, вышедших из жреческой касты, среди которых наиболее знаменитым был Албианос.

Хотя и до Просветителя в Армении тайно существовало христианство, и даже были христианские монастыри, но последние издавна поддерживали только узко ограниченный круг монахов-аскетов, неспособных исполнять какую-либо должность в управлении только что организованной церкви. Церковное дело оставалось в руках чужестранцев.

Должности епархиальных епископов, а также настоятелей только что основанных монастырей в дни Просветителя поручались иноплеменным церковникам. Они организовывали монастырскую братию, конечно, из своих сородичей, быстро овладевали имуществом монастырей и настолько в них укреплялись, что впо-

следствии, когда понадобнлось их удалить, они с большим сопротивлением покидалн свои места.

Преследуемые на западе римскими императорами, привлекаемые иа восток новыми возможностями молодой страны, толпы чужестраниых монахов-авантюристов хлынулн в Армению, где иовообращенный царь с христианским рвением предоставил им шестьсот двадцать провинций. Полученные нми монастыри превращались в их собственность. Этн чужестранные монахи до такой степени хорошо зналн Армению и ее достопрнмечательности через своих сородичей, заранее поступивших в армянские монастыри, что еще до прибытия на место предварительно уславливалнсь с царем н патрнархом о том, какую из епархий или какой монастырь они желалн бы получнть. Отсюда ясио, что не апостольский дух толкал их в Армению и не стремленне распространить христнанство, а только лишь корысть и щедрая готовность неопытной страны предоставить нм у себя готовое убежище.

Зеноб Глак, по происхождению сириец, настоятель монастыря Иннакнян в области Тарон, в своем посланин к сирийским епнскопам следующнм образом описывал тогдашнюю Армеиию, призывая их приехать сюда:

«...Но если вы пожелаете прибыть в эту страну, то зиайте, что она полна благ. Места равнннные, со сладостным воздухом и многоводны; со всех сторон на горах много замков. Страиа эта имеет много лугов и медоточива. И подобио тому, как у евреев с неба падала маииа, так н в этой стране она падает на леса и слаще меда, ее называют здесь газпе. Эта страна полна всяких благ; удобна и полезна для здоровья. Князья — люди верующие и не совершают злодеяний, любят нищих н пекутся о сиротах; любят заботнться о церквах и пекутся об их иуждах».

Вот каким образом образовались четыре различных категории духовенства.

Из армян: 1) парфянский элемент, то есть род Просветителя, 2) жреческий элемент, то есть духовенство, образовавшееся из сыновей жрецов. Из чужестранцев: 3) греческий и 4) снрийский элементы.

Остановнмся на каждом из ннх.

Род Просветнтеля нмел свое яркое прошлое, освя-

щенное чудесными и величественными преданиями, очень близкими народному чувству и верованиям, всегда для него памятным. Народ почитал этот род и признавал его за высший духовный авторитет. Это и было причиной того, что Армения считала именно этот род достойным патриаршего престола и всегда желала видеть в руке представителя этого рода посох своего верховного пастыря. Из этих чаяний возникло то, что сан католикоса[1] стал наследственной привилегией рода Просветителя.

Этот патриарший род всегда оправдывал доверие и надежды народа. Род этот навсегда остался незапятнанным и непорочным и весьма самоотверженно выполнял взятую на себя заботу. И насколько эта забота была близка и приятна народу, настолько она вызывала неудовольствие царей. С полным беспристрастием представители этого рода укрощали пороки царей и ограничивали их своеволие. Но, производя давление на царей, они никогда не изменяли царскому престолу. Патриотизм и идея защиты царского престола были высшими добродетелями этого рода.

Домашний быт патриарха в соответствии с его высоким положением отличался большой пышностью; он достиг своего наивысшего блеска при Нерсесе Великом. Царь в помещении патриарха не имел права садиться до тех пор, пока патриарх не указывал ему надлежащего места, между тем как патриарх в царском дворце мог свободно сидеть на любом месте. При патриархе находилось множество служителей и разных должностных лиц. Двенадцать епископов были его постоянными спутниками и советчиками. Его обслуживали четыре иеромонаха-вардапета и шестьдесят иереев. Из светских людей до пятисот человек сидело за его столом. Кроме того, патриарх имел еще и других прислужников: эконома, ключаря, палатного епископа, главного писца, гостеприимца, иеродиакона, вардапета-секретаря, домашнего священника и т. д.

Патриарх не замыкался при всех преемниках Просветителя в уединении того или иного монастыря. Он не отделялся от мира, и его дом всегда был открыт

[1] То есть первосвященника.

для посетителей. Потомки Просветителя, подобно Аврааму, Исааку и Иакову, в одно и то же время являлись отцами народа и отцами своих семейств. Они проживали в мирной семейной обстановке.

Пышен был почет, который оказывался патриарху, когда глава церкви куда-нибудь отправлялся. Его сопровождала целая армия. Несколько сот вооруженных воинов из числа его телохранителей охраняли его. Впереди и позади него ехали на мулах несколько сот епископов, вардапетов, иереев и иных церковников. Сам патриарх сидел либо на белом муле, либо в колеснице, которую везли два белых мула. Так мог ездить, кроме патриарха, только царь. Седла на мулах и сбруя украшались золотом. Патриарх обычно закрывал лицо черным прозрачным покрывалом. Впереди несли патриарший посох и, в качестве священного знамени, высокую хоругвь.

Вполне понятно, что подобная роскошь в организации быта и церемоний требовала огромных расходов. Все доходы пятнадцати провинций, предназначенных армянским царем патриарху, едва могли покрыть расходы его двора. Кроме этих провинций, двор патриарха имел еще свои собственные владения.

В силу своего происхождения из высокого нахарарского рода, Григорий Просветитель имел много владений в Армении. Его отец Анак, переселившийся из Персии в Армению и подчинившийся царю Армении Хосрову, был любезно принят последним и получил в дар обширные владения. После измены Анака эти владения были отобраны в казну. Но Трдат вернул их наследникам Анака, среди которых был и Григорий Просветитель. В числе этих владений было местечко Арамонс в провинции Котайк, служившее Просветителю зимней резиденцией, которое впоследствии перешло к его наследникам.

Просветитель получил от Трдата также многие из тех местечек и сел, которые прежде принадлежали жрецам. Одним из таких сел было селение Тордан в провинции Даранали, служившее летней резиденцией патриаршего дома. В языческие времена Тордан считался одним из священных мест Армении. Там находились храмы «Светлочудесных богов». Но Тордан стал еще

привлекательнее с тех пор, как сделался местом отдыха неутомимого Просветителя Армении. Там находился священный сад, возделанный руками апостола Армении. Там патриарх проводил часы своего отдыха, и там нашли успокоение его прах и прах его преемников.

Жреческим владением было вначале и местечко Тил в провинции Екелеац. Оно находилось поблизости от известного Ериза. Река Гайль разделяла эти два знаменитых своими храмами места. В Тиле находилась статуя дочери бога Арамазда, богини Нанэ, а в Еризе — золотая статуя богини Анаит. Последняя послужила причиной тех мучений, которые перенес Просветитель от Трдата за то, что не пожелал возложить венок на голову языческой богини. Позднее, когда Трдат принял христианство, оба эти храма были разрушены Просветителем. Местечко Тил он получил в полную собственность. Там были помещены гробницы некоторых из его сыновей.

Итак, патриарший дом для покрытия своих огромных расходов получал весь доход пятнадцати провинций и, кроме того, на правах полной собственности пользовался доходами от своих сел и местечек.

Скопление такого большого числа владений в руках дома Просветителя явилось позднее причиной раздоров, возникших между его наследниками и последними царями из Аршакидов. Представители этой династии стремились уничтожить или по возможности ограничить землевладение нахараров, точно так же они старались если не вовсе захватить владения патриаршего дома, то, по крайней мере, значительно их сократить.

Однажды Нерсес Великий приехал в Тарон и остановился в Аштишатском монастыре с тем, чтобы затем осмотреть свои владения. Одновременно с ним Хайр Мардпет — главный евнух царя — тоже объезжал свои владения. Они встретились в Аштишатском монастыре. Хотя Нерсесу Великому было неприятно видеть лицо этого ужасного человека, тем не менее он велел приготовить обед, достойный его высокого звания. Этот евнух назывался «отцом» царя и, управляя женской половиной дворца царя, в то же время господствовал над его сердцем. Его влияние было настолько велико, что нахарары, ненавидя его, дрожали перед ним. Имен-

но по его совету царь Аршак уничтожил целые нахарарские роды и захватил их имущество.

Перед обедом Хайр Мардпет прогуливался по красивой площадке у епископских покоев монастыря. Полный зависти и злобы, он разглядывал чудесные места, принадлежавшие Нерсесу Великому. Сердце его наполнилось черной завистью. Во время обеда, немного охмелев, он не смог не выразить своей досады. Он начал презрительно порицать царя Трдата и вообще аршакидских царей, говоря: «Зачем они отдали такие доходные места людям в женских одеяниях (то есть церковникам, носящим длинную одежду наподобие женской). Если только я, Хайр Мардпет, останусь в живых и дойду до царя, то все имеющееся здесь заставлю изменить и прикажу взять в казну монастырские земли, а этот монастырь превращу в дворцовые палаты...»

Дерзость главного евнуха сильно возмутила Нерсеса Великого. Не считаясь с высоким положением евнуха, он строго ответил: «Господь наш Иисус Христос заповедал нам не посягать на чужую собственность; он не допустит, чтобы во имя алчности были захвачены священные места. А клеветник, неуважительно произносящий угрозы, никогда не достигнет своих злых целей, бесчисленные грехи, им совершенные, предотвратят его бессовестные намерения!»

Главный евнух ничего не ответил.

За столом сидел Шавасп Арцруни. Наглое оскорбление, нанесенное святейшему патриарху, сильно разгневало молодого князя. Но он сдержал свой гнев.

После обеда, когда главный евнух сел в свою колесницу, князь отправился его провожать. Они спустились с высот Аштишатского монастыря в густой лес ущелья Евфрата. Заманивая Мардпета, князь сказал, что видел в этом лесу красивых белых медведей. Главный евнух сошел с колесницы и сел на коня с намерением поохотиться. Когда они углубились в лесную чащу, князь поразил наглеца стрелой в спину и скрыл его труп в кустах.

Правда, Шавасп Арцруни имел и другие причины, толкнувшие его на это убийство.

Пока род Просветителя вел напряженную борьбу с царями, в Армении росли и усилились церковные эле-

менты, противоборствующие патриаршему дому. Их усилению содействовала светская власть, стремившаяся ослабить влияние рода Григория Просветителя. Насколько этот род был любим народом, настолько он стал невыносим царям. Быть может, эта вражда была бы не столь ожесточенной, если бы патриарший дом находился вне Айрарата, в какой-либо другой провинции. Аршакидские цари, не позволявшие никому из своих сородичей, кроме престолонаследника, проживать в Айрарате, вынуждены были мириться с тем, что рядом с их двором находилась священная обитель патриарха, пользовавшаяся большей славой и почетом, чем двор самого царя. Те, кто был недоволен царем, находили защиту и убежище у патриарха. Таким образом, патриарший дом являлся соперником царя, умалявшим авторитет царского престола.

Непрерывные столкновения с патриархами привели аршакидских царей к мысли освободиться от морального давления со стороны рода Просветителя и создать новый католикосат, который во всех отношениях подчинился бы власти царя. Тиран II был первым царем, начавшим осуществление этой задачи. Ему помогли некоторые обстоятельства.

Когда католикос Иусик пал жестокой смертью от руки Тирана, среди потомков Просветителя не нашлось ни одного человека, достойного занять патриарший престол. Оба сына убитого католикоса — Пап и Атанагинес, рожденные от дочери того же царя Тирана и женатые на двух его сестрах, получили вследствие своей близости к царскому двору военное воспитание и не отличались поведением, необходимым для будущего католикоса. Сын же Атанагинеса Нерсес еще учился в Кесарии.

Пользуясь этим обстоятельством, Тиран приказал рукоположить в католикосы некоего епископа Парена или Парнерсеха из Аштишатского монастыря. Этот епископ полностью подчинялся царю, считался во всех делах с его волей и даже льстил ему.

К этому времени жадность церковников возрасла беспредельно. История сохранила несколько отвратительных примеров того, как эти отрекшиеся от мира и удалившиеся от земной суеты монахи стремились разбогатеть и стать владельцами сел и имуществ.

Сын упомянутого католикоса Парена, епископ Иохан, являл собою образец такой жадности. Этот лицемер представлялся глубоким аскетом и человеком, чуждым честолюбия. Он одевался в лохмотья, ходил полунагой и даже не носил обуви — летом обертывал ноги рогожей, а зимой обматывал их веревками. В этом странном одеянии он часто являлся перед царем Тираном и начинал чудить и кривляться. Становясь на четвереньки, изображал верблюда, подпрыгивал и приговаривал: «Я верблюд... повезу на себе грехи царя... кладите на меня царские грехи!»

Царь же взамен своих грехов накладывал ему на спину дарственные грамоты на села и земельные участки. Так разбогател он сам и обогатил свой монастырь.

Насколько род Просветителя был строг и беспристрастен в своем отношении к высшей светской власти, настолько эти церковники были лицемерны и угодливы. Насколько род Просветителя был благороден и великодушен, настолько эти раболепны.

Продажа духовных должностей носила у этих обманщиков крайне безобразный характер. Однажды тот же епископ Иохан встретил на дороге хорошо одетого молодого человека на красивом коне. Конь понравился преосвященному. Остановив молодого человека, он велел ему сойти с коня. Молодой человек подчинился его требованию. «Преклони свою голову, — сказал путнику епископ, — я рукоположу тебя в священники». Удивленный путник отвечал: «Я разбойник, убийца и злодей, я недостоин такого сана!» И действительно, всадник возвращался после только что совершенного грабежа. Но епископ, не обращая внимания на возражение, насильно сорвал с путника верхнюю одежду, набросил на него рясу и, возложив на его голову руку, сказал: «Вот я посвятил тебя в сан иерея, теперь будешь священником в своем селе!» Затем он сел на коня, принадлежавшего молодому человеку, и, удаляясь, сказал: «А это пусть будет мне вознаграждением».

Ведь это был сын католикоса! Как смел молодой человек возражать ему!

Ошеломленный и смущенный разбойник, возвратившись домой, рассказал жене о своем приключении. Жена, смеясь, напомнила ему, что он даже не крещен;

какой же он священник? Разбойник вынужден был отправиться в монастырь и сообщить об этом епископу. Когда молодой человек заявил, что он пока еще нехристь, преосвященный схватил кувшин с водой, вылил его на голову разбойника и сказал: «Вот ты уже крещен, можешь идти домой».

Никакая святыня не могла обуздать корыстолюбие этих алчных людей. Придворный священник царя Аршака по имени Мрджюник совершил беспримерное преступление, за что получил село Гомкунк в области Тарон. Будучи подкуплен второй женой царя, царицей Парандзем, он в чашу со священным причастием подсыпал яд и поднес его первой жене царя — Олимпиаде, которая тут же умерла.

Высшее духовенство из одной крайности впадало в другую. Потомки Просветителя стремились господствовать над царями и даже применяли по отношению к ним насилие. Католикосы других фамилий сделались беспрекословными исполнителями царской воли.

Из этих фамилий с течением времени особенно выдвинулось жреческое поколение, которое мы выше назвали *жреческим элементом*. Среди них выделялся род Албианоса, начиная со времен Просветителя и Хосрова II. Он наследственно держал в своих руках Маназкертское епископство.

Род Албианоса существовал издревле. Представители этого рода, вышедшего из жреческих кругов, все еще сохраняли под личиной христианства свои старые языческие обычаи, по крайней мере в своих отношениях к царю. Старые жрецы, хотя и в новом священническом обличии, знали, как следует обращаться с царем. И цари стали их выдвигать и усиливать.

Преемники Албианоса открыто соперничали с домом Просветителя, всегда сохранявшего свою безупречность. Они стремились захватить патриарший престол, считавшийся собственностью рода Григория Просветителя. Лицемерие, происки, потакательство прихотям царя и нахараров, — вот те главные средства, с помощью которых они стремились добиться своей цели, в отличие от благочестивых преемников Просветителя.

И царю и нахарарам нужны были такого рода исполнители их желаний, но не беспристрастные, уважающие

религию католикосы, похожие на преемников Просветителя, которые представляли противостоящую светской власти большую силу.

Льстецы одержали победу.

После печальной смерти Нерсеса Великого патриарший престол занимали по очереди католикосы Иусик, Завен, Шахак и Аспуракес. Все четверо были сыновьями жрецов из потомства Албианоса.

Подражая во всем высшим представителям светской власти, эти католикосы превратили религиозное установление в своего рода нахарарство и сами жили как нахарары. Ездили на конях, украшенных золотой сбруей, чего не подобало делать духовенству, — обычно духовные лица ездили на мулах: католикос на белом, а те, которые были ниже его саном, на мулах иной масти. Одевались в собольи и горностаевые меха, что было также запрещено духовенству. Носили одежды, изукрашенные цветными лентами, тесьмой и золотыми кисточками. Они довели свое щегольство до такой крайности, что для удовлетворения своих безудержных страстей начали даже носить военную одежду. Завен первый надел военные доспехи, его примеру последовали преемники.

Пока высшая духовная власть после падения дома Просветителя находилась в столь неприглядном состоянии, в Армении втихомолку постепенно стали появляться и усиливаться чужестранные элементы духовенства: греческий и сирийский.

В начальный период проникновения христианства в Армению вследствие отсутствия местных церковнослужителей чужестранцам поручались даже епархиальные епископства, причем управление каждого епископства представляло собой своего рода самостоятельную, самодовлеющую власть, передающуюся по наследству. Поэтому в дальнейшем должности епархиальных епископов стали отбираться у чужестранцев и постепенно передаваться церковникам из армян. В руках духовенства из чужестранцев оставались только монастыри, братства и пустыни.

Чтобы судить, каково было число чужестранцев в каждом монастыре, достаточно привести лишь один пример. Когда святой Епифан покинул Армению и вер-

нулся в Грецию, оставив созданные его стараниями церковные братства, он увел с собой только лично им подготовленных учеников в количестве пятисот человек.

Современник, один из летописцев, так описывает жизнь пустынников:

«...Они жили в пустынях, скрывались в пещерах, в расселинах скал и ямах. Имели только одну одежду. Ходили босые, питались травами, бобовыми растениями и корнеплодами. Наподобие зверей, блуждали они по горам, облаченные в козьи шкуры, и, ради любви к богу скитаясь по пустыням, жестоко страдали от холода, голода, жары и жажды. И все это они переносили терпеливо, считая наш земной мир суетным... Подобно стаям птиц, ютились они в расселинах скал, в глубинах пещер, не имея никаких вещей и никакой собственности, не заботясь о своем теле».

Чужестранные иноки, заполнившие пустыни и монастыри Армении, были либо аскетами, религиозность которых доходила до крайнего фанатизма, либо членами религиозных братств; братства эти, обладая крепкой организацией, энергично присваивали доходы страны в пользу своих монастырей.

Пустынники-аскеты, самозабвенно исповедуя отказ от жизни и мирских радостей как единственную спасительную идею, своим мертвящим примером убивали в народе жизнерадостность, энергию и всякое стремление к прогрессу. Развивая в народе уныние и сознание тщетности всего земного, они отрывали своих последователей и от мира и от деятельности. Недаром народ прозвал их «травоядными», как бы приравнивая к животным.

Своей проповедью покорности и смирения они убивали в душе народа героизм. Насколько были невыгодны такого рода проповеди с точки зрения народных интересов, об этом легко догадаться, если принять во внимание географическое положение Армении, если вспомнить, каких соседей имела она и какими варварами была окружена. Народу, который ежеминутно с мечом в руках должен был следить за движением врага, этому народу внушали: «Положи меч, удались в пещеры и молись о своей душе!.. Мир не стоит того, чтобы о нем заботился человек».

Трдат Великий был первым, который внял этим проповедям и, вложив в ножиы меч, ие раз иаводивший страх иа соседей, уедииился в пещерах горы Сепух.

Но соседи лучше иего понимали свое дело. Об этом история дает иам весьма своеобразиый и весьма характерный для тех времеи пример.

Когда виук Просветителя, католикос Григорис, распростраияя христиаиство, явился в Албаиию и предстал там перед царем массагетов Санесаном, то в своей проповеди, в числе прочих иазидаиий, ои утверждал, будто «богу иеиавистиы грабеж, захват, убийство, жадиость, покушеиие на чужую собствеииость и т. п.» Ему ответили сердито: «Если ие будем грабить, если ие будем захватывать чужое имущество, то чем же мы и множество наших воииов будет жить?» Затем царь Саиесаи и его вельможи стали размышлять: «Явившись к иам с такими проповедями, ои хочет лишить иас храбрости при добывании иеобходимых для жизии средств; если мы послушаемся его и примем христианство, то иссякиут источиики нашего существоваиия». И добавили: «Это хитрость армяиского царя; ои прислал к иам этого человека, чтобы с помощью христианского учеиия прекратить иаши иабеги и приостаиовить иаши походы на его страиу. Давайте убьем этого человека, а сами пойдем в поход иа Армеиию и обогатим иашу страну добычей...»

Так и сделали. Божьего человека привязали к хвосту дикой лошади и пустили по равииие Ватнян.

Теперь ясио, каких соседей имела Армеиия. Но ведь албанцы были еще одии из лучших соседей. А армяиам предлагали бороться с такими варварами лишь только христианским смирением.

Большая часть чужестраииых иноков были, как уже сказаио, аскетами, пустыииииками, которые своим мертвеииым примером убивали все живое. Остальиые входили в разного рода церковиые братства, овладевшие моиастырями. Насколько первые презирали жизнь и радости бытия, иастолько последние использовали все средства для обогащеиия своих монастырей.

Достойио сожалеиия, что имеино они были учителями армяи. В их школах, учреждеииых Просветителем в дии Трдата, и в школах, осиованиых Нерсесом Великим

при Аршаке II, господствовали греческий и сирийский языки, и все преподавание велось с помощью греческих и сирийских книг. Задача обучения состояла в том, чтобы познакомить учеников с христианством и его священными книгами, а последние были написаны на этих двух языках, ставших языками школы. Армянский язык, армянское письмо и литература были изгнаны из школ Армении, так как еще не существовало священных книг в армянском переводе, а армянская литература оставалась по содержанию языческой, и потому ею пренебрегали.

Эти греческие и сирийские школы, руководимые греческими и сирийскими клириками, могли оказаться весьма опасными, если бы их влияние вышло за пределы монастырских стен и распространилось среди народа. Но они находились только в стенах монастырей, и народ в них не обучался; школы готовили только церковнослужителей, воспитанных на греческом и сирийском языках.

Эти чужие, чуждые и непонятные армянину языки господствовали в армянских церквах. Все священные книги, молитвы и песнопения читались и пелись на этих языках. Народ в них ничего не понимал и не видел от церкви никакой пользы. Это и было причиной той исключительной медлительности, с какой христианство распространялось в Армении.

Армянский язык сохранялся в старых языческих песнях, которые все еще пелись народом и которые он по-прежнему любил. Армянский язык сохранялся в старых языческих обрядах, которые еще не были забыты народом. Армянский язык оставался в устах народа, подвергаясь преследованию со стороны чужестранного духовенства.

После всего этого становится понятным, какое разрушительное влияние могли иметь многочисленные монастыри с их чужестранными клириками, когда народ свое умственное воспитание и знание вынужден был получать из чужих рук.

Впрочем, чужестранное духовенство недолго оставалось под своим аскетическим покровом. Богатство постепенно сняло с него маску фальшивого благочестия. Монахи, презиравшие мирскую славу и радости, те, что

прежде прикрывали свою наготу лохмотьями, ходили босые, питались кореньями и растениями, по мере того как богатели сами и обогащали свои монастыри, начали не только вести чрезмерно расточительную жизнь, но и стали чрезмерно тщеславны.

В своем месте упоминалось, что последние цари из Аршакидов отчасти исправили ошибку Трдата тем, что не разрешили чужестранному духовенству занимать церковно-административные должности, как, например, должности епископов епархий, но терпели их пребывание в монастырях. Высшая духовная власть — католикосат — была привилегией дома Просветителя, лишь позднее перейдя на время к роду Албианоса. Должности епархиальных епископов стали привилегией коренных жителей армянского происхождения. Исключения бывали очень редки.

В последние дни царствования Арташеса III чужестранное духовенство попыталось занять не только епархиальное епископство, но даже захватить в свои руки патриарший престол. Тяжелые обстоятельства того времени помогли им. Династия Аршакидов была в состоянии упадка. У царя уже не было прежней власти. Среди нахараров свирепствовал раскол. Они восстали против Аршака и предпочли нести на себе тяжелый гнет чужеземцев, чем подчиниться своему царю. Армения находилась в агонии. Не хватало лишь последнего удара, который и был нанесен персом последнему представителю дома Аршакидов.

Чужестранное духовенство постаралось воспользоваться этими обстоятельствами.

Отныне выборы католикоса, зависевшие издревле только от царя Армении, нахараров и армянского народа, оказались в руках вероломных чужестранных владык. Сурмак был первым, подавшим пример измены; он занял патриарший престол по приказу персидского царя Врама. Его примеру последовали сирийцы Бркишо и Шмуэл, опять-таки по назначению персидского царя. С какой жадностью эти предатели стали расхватывать епархии и овладевать собственностью епископов, об этом история сохранила факты, достойные сильного осуждения.

Эти изменники стали позорным оружием в руках

персидского царя и дали ему возможность деспотически вмешиваться во все порядки свободной армянской церкви. Даже право рукоположения епископов и передачи им епархии перешло в руки персидского царя. Армянский католикос оказался другом и сотрудником персидского «марзпана», которому в то время была подчинена Армения.

Все эти печальные события произошли тогда, когда последний представитель дома Просветителя, Саак Партев, был еще жив. Хотя сириец с помощью деспотической руки персидского царя и отнял у него патриарший престол, Саак успел завершить великое дело спасения Армении. Он сошел со сцены, но победа осталась за ним. Будучи последним преемником Просветителя, он нанес последний и самый сильный удар, которым сокрушил будущность чужестранного духовенства. Пророчески предсказав грядущие опасности, он успел соорудить против них крепкую стену. Правда, царский трон Аршакидов пал, патриарший престол подчинился персидской власти, но Саак все же спас церковь, спас народ.

Каким же образом?

Великий пастырь Саак Партев при участии своего сподвижника Месропа создал армянские письмена и новую письменность. Армянский язык приобрел господство в армянских школах и в армянской церкви. Армяне стали молиться и читать на своем языке. Это принесло смерть чужестранному духовенству. До этого времени, как мы видели, в армянской школе господствовали греческий и сирийский языки; греки и сирийцы были учителями армян. Когда был изобретен армянский алфавит, они были изгнаны. После перевода всех священных книг на родной язык, и церковь и школа стали подлинно национальными, и народ освободился от попечения чужестранного духовенства. А захваченный ими изменой католикосат просуществовал очень недолго.

Вот каким образом последний представитель рода Григория Просветителя, Саак Партев, заложил основы возрождения армян, основы «Золотого века», когда Армения снова ожила и когда пало господство тьмы...

ОДИН НА ЗАПАДЕ, ДРУГОЙ НА ВОСТОКЕ

I. Патмос

Море было спокойно. Волны нежно ластились к скалистым берегам острова Патмос, точно боясь смутить его вечерний покой. Солнце уже начинало клониться к закату, а догорающие лучи его ласково скользили по усыпанному белыми камешками берегу и по красивым раковинам, как бы медля с ними расстаться.

Одинокий остров производил впечатление гриба, выросшего из-под воды. Остров был почти безводен: ни река, ни ручей не орошали его буйную зелень. Море своими влажными и обильными испарениями, точно животворная теплица, оживляло его вечнозеленую растительность. На неровной конусообразной поверхности острова пышно цвели и разрастались разнообразные растения. Вот своенравная смоковница, выбросив оголенные корни из расщелины утеса, покрыла его грудь

своими широкими листьями. Местами виднеются, точно улыбаясь, ярко-пурпуровые цветы граната. Там и здесь гигантские кипарисы, поднявшись до неба, целуются с облаками. Лучи солнца не в силах проникнуть в гущу их листвы, где царит ублажающая прохлада. Казалось, на этот пустынный остров еще не ступала человеческая нога; не было там и зверей. Лишь изредка белый кролик, подпрыгивая и боязливо озираясь, выскакивал из кустов и скрывался в их гуще. Даже птицы не осмеливались перелетать через неизмеримое пространство моря, чтобы приблизиться к негостеприимным берегам острова. И только дерзкие воробьи со своими крикливыми птенцами нарушали его глубокий покой беспокойным чириканьем и гамом.

Однако остров не был необитаем: на нем нашли себе приют трое людей.

Вот на берегу, на песке, сидит один из них и пристально смотрит в воду. Его острые глаза видят чистое дно. На дне лежит плетенка, похожая на рыбачью вершу. Он разглядывает эту плетенку. Вокруг нее — каменная преграда из небольших камней, чтобы волны не могли ее унести. Заливчик, где находится плетенка, сообщается с морем посредством протоки.

Немного поодаль, тоже на песке, сидит другой молодой человек и что-то мастерит. Перед ним лежат кремневые осколки разной величины. Держа в руке один из осколков, он оттачивает и шлифует его на другом камне. Иногда он пробует пальцем остроту лезвия. Он похож на тех первобытных людей, которые некогда делали для себя каменное оружие. Но то, над чем он трудился, не было оружием, хотя и было похоже на секиру, — он изготовлял топор. Устав, он стал глядеть в морскую темно-синюю даль, подперев рукой голову.

Оба молодых человека лишь изредка перекидывались словами. Каждый из них был погружен в свои думы. Рваная одежда, бывшая когда-то монашеским облачением, имела неподобающий вид. Она висела на них лохмотьями и, за отсутствием иглы и ниток, местами была связана узлами, местами заколота взамен булавок острыми рыбьими костями. Было время, когда эта жалкая одежда имела приличный и даже роскошный вид. Теперь же ее пестрые лохмотья как будто говорили

друг другу: «Если мы упадем, то что же останется на этих бедных людях?..»

Несмотря на это жалкое одеяние, наружность молодых людей внушала невольное уважение. Их спокойные лица выражали удовлетворение, их радостные взоры были озарены неземным утешением. Видно было, что они давно примирились со своим незавидным положением.

Оба были почти одинакового возраста: каждому из них было не более двадцати пяти лет. Но насколько один из них был крепок и силен, настолько другой казался изнеженным и слабым. Один был смугл, другой же — светлый, с разбросанными по плечам длинными кудрями. Первого звали Тираном, сокращенно Тирэ, второго — Ростом. Ростом сидел у берега и разглядывал плетенку. Его синеватые глаза видели, что делается в ясной глубине воды.

— И хитры же эти негодные рыбы, — прервал он долгое молчание, — подплывут к верше, будто обнюхивают, повертятся около нее и — прочь! Жаль, что нет хотя бы маленького кусочка железа, я бы сделал для них крючок...

Ростом поднялся и, подойдя к Тирэ, присел возле него.

— А у меня работа сегодня идет хорошо, — сказал Тирэ. — Вот уже кончаю один топор, скоро примусь за другой... Солнце еще высоко, — он взглянул на небо и добавил: — Очень плохой камень... день пользуешься и уже не годится, то и дело приходится точить!..

Он стал пальцем испытывать острие топора.

— Точи, дорогой Тирэ, тупой топор утомляет его, а ведь он неутомим в своем труде, — сказал Ростом, тяжело вздыхая. — Сегодня утром ты еще спал, вижу: вышел из своей пещеры, прошел тихонько мимо нас, чтобы не разбудить. Затем направился к источнику, который чудом он открыл, когда мы не находили питьевой воды. Умывшись у источника, он стал на колени и долго молился. Потом взял топор и пошел в лес работать. Я долго прислушивался, как стучит его топор и как сам он поет псалмы. Я не мог больше спать. Солнце только еще встало, он уже за работой, и вот оно закатывается, а он все еще трудится... Не могу без слез

смотреть на него, дорогой Тирэ, — как он похудел, как обессилел... Зачем он так утомляет себя!

— Ему не терпится, не терпится... Ведь мы, дорогой Ростом, давно уже здесь как заключенные и не ведаем, что теперь происходит в Армении. Кто знает, что делают царь, нахарары и какие еще безобразия творит Шапух?.. Мы решительно ничего не знаем!.. Помнишь, в каком тяжелом положении мы оставили нашу родину? Поэтому как он может терпеть?.. Его сердце там, на родине. Его неутомимая душа стремится вмиг перелететь безбрежное пространство моря, достигнуть любимой страны и залечить ее раны... Все его мысли там, в Армении.

— Ах, когда же он достроит свою лодку! — воскликнул Ростом, и на его красивом лице появилось тоскливое выражение.

— Кончит, скоро кончит, — ответил Тирэ с уверенностью. — Новый месяц нас здесь уже не застанет.

Эти слова ободрили Ростома, и он, протянув руку, обратился к товарищу:

— Дай-ка я тебе немного помогу!

— Возьми вот этот камень.

Ростом взял обломок необработанного камня и стал его обтачивать.

— Все же работа меньше его утомляет, чем бессонница, — продолжал Тирэ. — Он почти совсем не спит. Я не раз замечал, как он встает ночью и в раздумье молча ходит по острову. Обойдет его несколько раз, затем сядет у берега и неподвижно вглядывается вдаль... Смотрит в ту сторону, где оставил потерянную славу... Смотрит туда, где осталась его паства и церковь... И так он долго сидит, пока не взойдет солнце и пока первые лучи не напомнят ему, что пора снова браться за работу.

Красивое лицо Ростома снова омрачилось. Положив на землю осколок камня и обратив печальный взор на товарища, он ответил:

— Не спокоен он! Не спокоен сердцем и душой. Можно ли уснуть в таком состоянии? Чтобы не опечалить нас, он старается скрыть свою тоску. Он считает нас все еще малодушными, не способными разделить его чувства. Поэтому ищет утешения в молчаливом самоистязании...

Он прикоснулся рукой ко лбу, отвел в сторону густую прядь волос, упавшую ему на лицо, и затем продолжал:

— Так нельзя больше жить, Тирэ! Он почти не ест ничего. Он совсем изнурил себя. Вчера он мне сказал: «Поищи, Ростом, нет ли здесь грибов». Я с радостью бросился искать, и мне удалось найти несколько штук. Но будет ли он есть их?.. Несколько дней назад он заговорил об инжире. Я заметил одно деревцо инжира; ежедневно ходил и поглядывал снизу, не поспели ли плоды. Деревцо росло на высокой скале. Вчера рано утром я пошел опять, с большим трудом вскарабкался на скалу и сорвал спелые плоды. Когда я поднес ему инжир на разложенных листьях, он очень обрадовался и благословил меня. А сегодня вижу: как положил я инжир, так он и лежит нетронутым, — не съел ни одного плода.

— Должно быть, забыл.

— Да, он теперь быстро все забывает.

— Это понятно...

Разговор двух молодых людей прерывался иногда глухим стуком, доносившимся из глубины леса.

— Он еще работает?

— Да, работает.

— Как ты думаешь, Тирэ, вот он мастерит лодку, доплывем мы на этой лодке до материка? Я немного...

— Ты немного сомневаешься? Знаешь, Ростом: если он расстелет свой плащ на воде и объявит: «Садитесь, поедем»,— я с твердой уверенностью сяду и поеду. Я тебе скажу другое, Ростом: суша не так далеко, как тебе кажется.

— А ты откуда знаешь?

— Он сам мне сказал. Как-то раз он заметил птиц, — они летели к нашему острову. «Это не морские птицы, — промолвил он, — они летят с материка. Суша от нас недалеко».

Ростом задумался.

— Да, это очень верный признак, — сказал он убежденно. — Однако не пора ли нам в лачугу?

— Пойдем разведем огонь, приготовим что-нибудь поужинать до его прихода, — ответил Тирэ и стал собирать сделанные им каменные орудия.

Ростом снова вернулся к своей верше; веревкой, сплетенной из гибких ветвей, он притянул ее к берегу. Затем, засунув в нее руку, стал вынимать рыбу и класть в маленькое лукошко. Когда он вторично запустил руку, то вытащил двух раков. «Как это вы заблудились и попали сюда?» — сказал он и тоже бросил их в лукошко. Набрав достаточно рыбы, он поставил вершу на прежнее место и, взяв лукошко, покинул берег. Оба товарища направились к лачуге, продолжая прерванный разговор.

В той стороне леса, откуда был слышен стук, работал человек, о котором говорили молодые люди.

Это был мужчина высокого роста, почтенной наружности и с глубокомысленным, благородным взором. Пышная борода, блестевшая, как черный янтарь, покрывала его могучую грудь. В глазах горел огонь. Вероятно, очень красивый в молодости, он и сейчас был красив. Во всех его движениях чувствовались энергия и величие. Он сочетал в себе что-то неземное и земное в его возвышенном благородстве. Его одежда духовного пастыря имела жалкий вид. Ноги были обуты в сандалии из древесной коры. Но даже в столь убогом одеянии он все же был похож на небожителя, которого несчастные обстоятельства обрекли на каторжное существование...

Умелыми движениями руки он взмахивал тяжелым каменным топором, и громадное дерево кряхтело под его ударами. Топор скорее скоблил, чем тесал. Тем не менее его удары, выражавшие упорное и неустанное терпение, оставляли на толстом бревне следы большой работы.

Дерево, лежавшее перед ним, как гигантская рыба, было царем и патриархом леса. Прошли века, пока оно вырастало, превращаясь в гиганта, и много времени пришлось употребить, пока тупой каменный топор с помощью неутомимой и терпеливой руки отделил его от корня и повалил на землю.

После этого человек стал его долбить, чтобы сделать лодку. Он работал с такой быстротой и энергией, что, казалось, если бы его ногти были из железа, он перестал бы пользоваться каменным топором. Работа уже подходила к концу. Борта лодки были выравнены, а се-

редина выдолблена. Еще несколько недель работы, и лодка будет готова. Он был уверен, что с ее помощью освободится из заточения, сразится с морскими волнами, чтобы отправиться на родину, куда его призывали долг и бедствия страны.

В куче стружек валялось много каменных топоров, пригупившихся и ставших непригодными. Камень износился, но энергия этого человека, его выдержка оставались несокрушимыми.

Он уже кончил свой сегодняшний дневной труд. Положил топор, прошелся вдоль лодки и внимательно осмотрел ее днище. Затем взял свой плащ, брошенный тут же на щепки, накинул его на себя и величавой поступью стал спускаться к берегу.

Узкая тропа, протоптанная его ногами, бежала среди кустов и зарослей, вилась по мшистой скале и исчезала в тенистой чаще леса. Он шел по этой тропе. Назойливые иглы терновки цеплялись за его одежду. Порой ветви царственного дуба били по его прекрасному лицу. Но он ничего не замечал. В глубокой задумчивости он прошел все расстояние до пещеры. У ее входа была скамья, сплетенная из свежих прутьев. Он опустился на скамью и стал озабоченно смотреть на заходящее солнце. Казалось, его взор стремился обнять бесконечное пространство, через которое прошло светило вселенной...

И сам он когда-то, как солнце, тоже излучал свет и тепло на целую страну... А теперь? Теперь он печальный изгнанник на необитаемом острове. Неумолимое море создало вокруг него непроходимую прегра[illegible] и непрерывные удары волн как будто повторяли [illegible] и то же: «Ты останешься здесь, пока мы существ[illegible]

Пещера, у входа в которую он сидел, была б[illegible] ходящим жилищем для какого-нибудь отшельни[illegible] казавшегося от радостей мира и ищущего уте[illegible] тиши. Быть может, она годилась бы для морско[illegible] который, гонимый громовыми стрелами Арам[illegible] шил свою бессильную ярость, разбивая о [illegible] скалы корабли, пытавшиеся подойти к остров[illegible] шить его покой. Но разве мог жить в ней чел[illegible] ждавший мысли и дела?

Как все в жизни меняется!..

Было время, когда он был молодым, статным юношей, не имевшим себе равного в стране. Он был украшением и радостью царского двора. Двоюродный брат царя, он занимал должность начальника двора. Разодетый в златотканую одежду, с поясом, разукрашенным драгоценными каменьями, с мечом в золотых ножнах, он всегда стоял возле царя в часы торжественных приемов. От матери он унаследовал царскую кровь, а по отцу был внуком великого патриарха Армении. Патриарх скончался. Собрались князья, собралась вся знать. «Дай нам первосвященника», — сказали они царю. Царь собственноручно снял с него златотканую одежду и пояс в драгоценных украшениях, снял меч в золотых ножнах и, представив юношу народу, сказал: «Пусть внук вашего первосвященника будет вашим патриархом». Обрадовались князья и вельможи. Но юноша отказывался, говоря, что он недостоин такого высокого сана... Тогда его стали просить князья, вельможи, вся знать. Юноша продолжал отказываться. Однако царь не внял его просьбам; он приказал брадобрею срезать его прекрасные кудри, ниспадавшие на плечи. Во время этого обряда всплакнули князья, вельможи и сам царь. Красота померкла, придворное изящество скрылось под черной одеждой священнослужителя...

Храбрый воин, украшение дворца, он стал украшением церкви. Он преобразился в храброго пастыря и посвятил себя пастве. Бедняк стал получать хлеб, больной обеспечивался убежищем. Сирота имел кормящего отца, а вдова — заботливую руку. Везде благодаря ему [illegible]ило милосердие. Он сделался отцом угнетенных и [illegible]ителем несчастных.

[illegible]дучи патриархом, он являлся в то же время и го[illegible]твенным деятелем. С огромной энергией он заин[illegible] делами страны, давая им надлежащее направ[illegible]огучей рукой искоренял он зло и благотворной [illegible]верждал добродетель. Воодушевленный высо[illegible] благоустройства своей страны, он своим вдох[illegible] давал ей жизнь... Однажды он приехал для [illegible]ов в Византию к императору Валенту. Царь[illegible], ослепленный ересью Ария, преследовал в ту [illegible]одоксальную церковь. Забыв о важных поли[illegible] делах, ради которых приехал патриарх; импе-

ратор немедленно вступил с ним в религиозный спор. Патриарх стал смело порицать императора за ересь и призывал его к истинной вере. Разгневанный Валент велел сослать патриарха и с ним семьдесят епископов на дальний остров.

Стояла суровая зима. Корабль, на котором плыли патриарх и епископы, пятнадцать суток носился по бурному морю и под конец затонул. Патриарх с двумя молодыми диаконами едва спасся, добравшись до острова Патмос на лодке...

Много лет прошло с того дня!.. На этом пустынном острове он томился вдалеке от родины, от любимой паствы. Человек, бывший духовным вождем целого народа, в огромных покоях которого служили сотни людей, сидел теперь одинокий у входа в убогую пещеру на скамье, сплетенной из прутьев, и глазами, полными тоски, глядел на угасающее солнце. Его сердце было полно глубокой печали. Сколько еще раз должно было садиться солнце, сколько еще раз оно своими животворящими лучами должно было освещать мир божий... А он должен был оставаться в заточении на этом острове...

Поодаль от пещеры, в чаще деревьев ютился небольшой шалаш-лачуга наподобие шатра из ветвей, обмазанных сверху глиной. В этом шалаше жили два диакона, разделявшие со своим учителем тяготы его изгнания.

Они уже вернулись с берега, развели огонь и готовили ужин. Они знали, как добыть огонь и пищу, в какой посуде и как приготовить. Но где найти посуду? На пустынном острове не было ни медника, ни кузнеца, ни гончара. Огонь они добыли чудом и поддерживали его, как пламя Ормузда. Вместо посуды же употребляли крупные раковины либо плетенки из растений.

Костер разгорался, распространяя вокруг себя приятную теплоту. Диаконы сгребли в сторону раскаленные угли и положили на них большие камни, которые быстро накалились. На чистой поверхности камней, как на сковороде, они разместили ломтями рыбу и стали ее жарить. Раки уже покраснели, как красная роза. Этим делом был занят Тирэ. Ростом же закапывал в горячий пепел каштаны, которые поминутно с треском лопались, поднимая густое облако пепла. Он очищал их

и складывал в перламутровые раковины, заменявшие собою тарелки.

— Он любит печеные каштаны, — сказал Ростом, радуясь тому, что патриарху нравятся каштаны.

— Он любит и каленые грецкие орехи, — заметил Тирэ. — Жаль, что они еще не созрели.

— А рыбу совсем не ест.

— И вообще воздерживается от мясного.

— А вот зелень ест с большим аппетитом. Можно было бы иногда готовить спаржу, но что поделаешь, если нет соли!

— Из твоей попытки добыть соль ничего не вышло?

— Да, меня постигла неудача. У берега моря я устроил запруду, в надежде что под лучами солнца вода испарится и образуется соль. Ты же сам видел, когда вода испарилась, на дне остался густой слой соли, но она оказалась горькой, как желчь. Ах, если бы эта попытка удалась!

Патриарх продолжал сидеть у входа в пещеру, которая напоминала звериную берлогу. Попасть в нее можно было только согнувшись. Узкий проход, постепенно расширяясь, кончался большим углублением. Лучи солнца, тускло отражаясь в пещере, едва смягчали царивший там печальный мрак. Внутри по одну сторону стояло нечто вроде ложа из нетесаных бревен, связанных витыми из стеблей жгутами. На досках лежал сухой мох, служивший постелью. Против кровати стояла каменная плита на таких же подставках, она служила столом; рядом было устроено каменное сиденье, похожее на сиденье, находившееся снаружи. Стоявший на столе сосуд из тыквы, наполненный водой, как бы дополнял собою нищенскую обстановку этого скромного жилья.

Снаружи пещера имела живописный вид. Вход в нее закрывал густой вечнозеленый плющ. Две плакучие ивы прикрывали ее своими ветвями, прекрасными, как длинные женские волосы. Над входом в пещеру, в глубокой расщелине скалы, свила себе гнездо чета египетских белоснежных голубей. Это были прежние обитатели пещеры. Они охотно уступили свое жилище почетному гостю острова и свили себе новое гнездо вблизи от пещеры. Их птенцы ворковали, патриарх в глубоком

раздумье прислушивался к их голосам, и казалось, на его грустном лице можно было прочесть: «Счастливцы, они ведь имеют отца и мать... А те многочисленные дома для сирот, которые я основал в моей стране, под чьим попечением находятся они теперь? Кто опекает моих птенцов?..»

Солнце уже село, но горизонт еще горел золотыми огнями. Море, как освещенное яркое зеркало, сливалось с пурпуром неба, на котором последние лучи солнца все еще сияли золотыми копьями. Каждый вечер в этот торжественный час он сидел подолгу на берегу в раздумье и смотрел, как догорали последние лучи, как угасало огненное зарево, пока на горизонте не начинала расползаться сизая мгла. Но в этот вечер он изменил своей привычке и раньше обычного вошел в пещеру.

Там царила кромешная тьма. Он подошел к постели и лег. Он был утомлен, ему хотелось отдохнуть. Сырой воздух пещеры был удушливо тяжел и пропитан запахом плесени. Долго ворочался он с боку на бок. Сухой мох шуршал под ним. Подушкой служила ему охапка морской травы.

Вскоре пришел Ростом, в руках у него был факел из длинных горящих сосновых сучьев. Он вставил их в одну из трещин, точно свечи в паникадило, и затем осторожно вышел. Смолистая сосна наполнила пещеру светом и запахом ладана.

Точно два игольчатых шарика, привлеченные огнем, выкатились два маленьких ежа из глубины пещеры к постели патриарха. Из колючек выглядывали их острые мордочки, и маленькие пепельные глазки смотрели вверх. Патриарх опустил руку. Прирученные ежики стали лизать своими тоненькими язычками его десницу, кормившую их с большой заботливостью. Эти животные, как неустанная стража, охраняли его пещеру, уничтожая змей и ядовитых насекомых. Даже кроты боялись их и не смели заходить в пещеру.

Снова вошел Ростом, неся ужин на сплетенном из растений круглом подносе. Он поставил ужин на стол. Обратившись к молодому человеку, патриарх спросил:

— Как Тирэ? Вчера ему нездоровилось.

— Он теперь совершенно здоров, владыка, — ответил диакон. — Весь день работал.

— Это еще не значит, что здоров. Он и больной может работать. Иди отдохни. Скажи ему, чтобы и он отдохнул.

Диакон поклонился и вышел.

Патриарх поднялся с постели и сел за стол. Ежики приблизились к подолу его рясы, ласкаясь. Он стал кормить их каштанами, давая каждому в рот по каштану. Они весело выхватывали вкусную еду и с большим удовольствием ее грызли.

Сам он тоже съел несколько каштанов. Но он больше заботился о своих сотрапезниках, чем о себе. Насытившись, ежи укатились в свою нору и, свернувшись в клубок друг около друга, заснули.

Он продолжал сидеть у стола. Сосновые сучья, заменявшие свечи, догорали. В пещере постепенно сгущался мрак, непроницаемый мрак могилы. Снаружи доносились глухие всплески волн. Море было неспокойно. Ветер со свистом проносился по верхушкам деревьев; они сгибались и стонали под его ударами. Все это располагало к грусти, вызывало глубокое душевное волнение.

Он все еще сидел у стола и, оперевшись на правую руку, прислушивался к тому, что делалось вне пещеры.

Никогда уста его не исторгали слов отчаяния; никогда добродетельная душа его не роптала на судьбу в минуту гнева. Вдохновляемый возвышенными чувствами, он всегда держал себя выше возможного отчаяния от несчастных случайностей в жизни, и всегда твердо верил в свою звезду. Но в эту ночь, когда он был охвачен глубоким волнением, из глубины его сердца вырвались следующие слова:

— Неблагодарная Византия! За твой поступок не будет прощения в душе моей. Ты подло отплатила моей отчизне за оказанные тебе услуги... Как много раз мы отводили угрожавший тебе персидский меч. Сколько раз мы спасали тебя от позорного падения. Моя родина несокрушимым щитом всегда защищала тебя от набегов восточных лютых орд... Она принимала на себя их удары и охраняла тебя. Что заставляло нас поступать так? — Христианское братство! Мы отвергли язычников персов и протянули руку тебе. Ты же всегда предавала нас. Все-таки с христианской незлобивостью мы во всем прощали тебе. Но ты не раскаивалась, ибо обман все-

гда был основой твоей политики... Наконец ты внесла религиозные споры в политические дела. Захотела вовлечь нас в ересь Ария. И за то, что я сопротивлялся, меня осудили и сослали. Но благая десница провидения не оставит надолго бедного изгнанника. Когда он вступит на родную землю, ты, вероломная Византия, понесешь заслуженную кару!..

Последние искры сосновых факелов вспыхнули несколько раз и погасли. Гнетущий мрак снова воцарился в узкой пещере. Патриарх еще долго сидел у каменного стола, и его печальные думы летели в страну, которую он любил и которой был предан всей силой своей души.

Много таких мучительных, бессонных ночей провел великий узник Патмоса, армянский первосвященник Нерсес Великий, которого так глубоко почитала Армения и так нетерпеливо ждала...

II. Крепость Ануш

Имя Ануш[1], а сколько в нем горечи!

На пути от Экбатаны к Тизбону в стороне высится остроконечная скала. Ее каменное подножье занимает довольно обширное пространство; на нем, как на высокой подставке, природа поставила скалу. Даже одной горсти земли нельзя было найти на ее голой поверхности. Ни одно растение не росло на ее твердокаменных крутизнах. Южное солнце обожгло ее и отполировало, как прокаленную гончаром глиняную посуду. Так выглядел этот утес с незапамятных времен.

Однажды у его подножья проходил с киркой на плече Фархад, великий ваятель Персии. Он шел в глубоком раздумье. Внезапно нестройные звуки труб заставили его встрепенуться. Он остановился. Показались борзые, показались всадники с соколами, и веселая, беспечная группа всадников, как буря, пронеслась мимо него...

Но один неясный образ успел навеки запечатлеться

[1] *Ануш* — по-армянски означает: сладкий, приятный.

в его сердце. Этот образ лишил его покоя. Ежедиевно приходил ои иа это место в один и тот же час и ждал. Он ожидал, полный сладостиого томлеиия, появлеиия той, которая, скользнув по нему взором, молнией пронеслась мимо.

Его сердце лишилось покоя. Он забросил свою работу, свое искусство и, как безумиый, одиноко скитался в пустыииых горах.

Шли дии, иедели, шли месяцы... Однажды сидел он и все ждал. И вот она явилась. Но ие было с нею иа этот раз ни борзых, ии всадников с соколами. Ее сопровождала лишь толпа служанок. Погнав лошадь, оиа приблизилась к нему.

— Привет тебе, великий мастер, — сказала оиа. — Что связало тебя с этими горами, с этим пустыиым краем? Я тебя всегда встречаю здесь...

— Тот несравнеиный образ, который своим появлением осветил эти голые скалы, — ответил Фархад.

— Разве пламя любви так ярко горит в тебе? — спросила она с улыбкой.

— Как не любить ту, кто не имеет себе равных даже среди бессмертных? Как не любить ту, чье дыхание оживляет все вокруг, один взгляд которой приносит вечное блаженство? Неужели ты думаешь, что сердце ваятеля, который постоянно возится с резцом и камнем, окаменело настолько, что красота не в состоянии его смягчить?

— Нет, я этого не думаю. Тот, кто бесформенному камню дает жизнь и форму и из холодного мрамора творит образы прекрасного, тот ие может не любить красоту. Но слушай, ваятель, чтобы привлечь сердце дочери царя царей, надо быть готовым на большие жертвы.

— Я это знаю. Великие богини требуют великих жертв.

— Я ие требую от тебя невозможного: я хочу лишь испытать твою любовь. Видишь, Фархад, этот утес? — она показала рукой на остроконечный утес. — Преврати его в чудесный дворец, чтобы я с его высоты могла любоваться, как серебристые изгибы Тигра разрезают прекрасиую долину Ассирии, как нежное дуновение ветра колеблет высокие стройные пальмы Бахистаиа...

В самом сердце скалы построй хранилище для моих сокровищ, а у подножия — конюшни для моих коней... Когда исполнишь все это, я стану твоей.

Сказала и исчезла.

С того дня прошли годы. В несокрушимой твердыне скалы раздавались звуки молота и кирки. День и ночь слышны были несмолкаемые звуки тяжелых ударов. Работа успешно продвигалась вперед. Любовь вдохновляла труд великого мастера, а красота дочери персидского царя возбуждала его энергию. Он воздвиг чертоги, терема, создал залы с росписью и превратил каменную глыбу в роскошный дворец. Стены зал и палат покрыл искусной резьбою: в ней он изобразил борьбу древних исполинов и пехлеванов Персии со злыми духами и дэвами. Тут же были изваяны изображения древних персидских царей во всем их величии и славе, а рядом — картины их доблестных деяний и торжество побед. Он начертал линии и над ними высек надписи о великих делах древних властителей, об их доблести и дарованных ими Персии благах. Все эти чудеса он совершил для той, которой был предан со всей горячностью любви. Он хотел, чтобы картины напоминали ей постоянно о славном прошлом Персии, наполняли ее сердце великой гордостью при мысли о том, что и она из божественного рода этих героев и причастна к богоподобным делам.

Она пришла и увидела то, что он сделал для нее.

— Все это прекрасно, — сказал она, — но здесь нет воды, нет деревьев. Сооруди фонтаны, чтобы вода била выше облаков... насади деревья, чтобы под их тенью я могла отдыхать... отдыхать на твоей груди!

Сказала и исчезла.

Он отвел течение самых отдаленных родников и с помощью подземного водопровода поднял на вершину скалы. Там высек бассейн, вознес серебростуйные фонтаны. День и ночь лились из фонтанов неиссякаемые прозрачные струи, жемчужным дождем орошали раскинувшийся зеленый ковер. Он срезал и выравнял скалу. Из дальних мест доставил землю и толстым слоем покрыл утес. На земле насадил деревья и создал сады, которые, точно волшебные, висели в воздухе. Прошли годы, деревья разрослись и дали плоды. Цветы зацвели и

заполнили все вокруг душеутоляющим благоуханием. Появились птицы, и их веселое щебетание оживило окрестности. Но та, которой предстояло быть царицей и украшением этого рая, не появлялась...

Однажды сидел он, подперев рукой подбородок, у подножия дворца, воздвигнутого им, и печально смотрел на большую дорогу. По ней, распевая, шел какой-то поселянин; увидев ваятеля, путник приблизился и сел рядом, чтобы немного отдохнуть.

— Откуда идешь? — спросил его Фархад, — блажен ты, что так радостен!

— Из Тизбона, — ответил поселянин. — Как мне не веселиться, когда вся страна ликует.

— Что же случилось?

— Неужели ты не знаешь, что в городе уже семь дней и семь ночей празднуют свадьбу. Вино льется рекой, счету нет яствам... Едят, пьют и веселятся. Во всем городе гремит музыка и пляшут неустанно. И я получил свою долю: вдоволь поел и попил и домой еще столько несу, что жене и моим детям надолго хватит.

— А чья же это свадьба?

— Царя.

— На ком он женится?

— На Ануш.

Фархад больше не расспрашивал. Он вздрогнул, точно пораженный молнией, и замер... Потом встал и с дрожью в ногах стал подниматься к своему чудесному дворцу. Окинув в последний раз печальным взором все то, что было плодом его горячей любви и замечательного искусства, он вошел в мастерскую. Там находились его орудия. Он взял тяжелый молот и вышел на маленькую площадку.

— Она изменила мне!.. — воскликнул он и подбросил молот вверх.

Молот перевернулся в воздухе и упал ему прямо на голову; горячая кровь брызнула на чудные изделия его искусных рук...

Фархад не достиг своей цели, но имя его возлюбленной Ануш осталось за этим каменным замком; он стал называться крепостью Ануш.

Выдолбленный в скале и изваянный из камня дворец, предназначенный для храма любви и вечного блаженства, впоследствии превратился в ад слез и вечных стенаний. Персидские цари ссылали туда плененных ими иноземных царей.

* * *

Был полдень. Несмотря на ослепительный блеск яркого солнца, в одном из высеченных в скале подвалов крепости Ануш царил гнетущий полумрак. Вверху стены у потолка виднелось узкое окно, похожее скорее всего на дыру. Тонкий солнечный луч робко пробивался через него и, словно страшась мрака, не решался проникнуть вглубь подвала. Это помещение было похоже скорее на длинный каменный ящик, чем на комнату. Пол, потолок, стены — все было из монолитного камня. Даже тяжелая железная дверь, побуревшая от вековой ржавчины, обрела темно-кирпичный цвет.

Как раз против железной двери был вбит в пол массивный железный шест. Он напоминал собою морской причал, к которому привязываются лодки. Но к нему на цепи прикован был человек. На вершине шеста было укреплено подвижное кольцо, от которого спускалась тяжелая цепь. Другой же конец ее был связан с толстым железным ошейником, надетым на шею человека. В таком состоянии узник был похож на льва в железной клетке. Руки скованы цепями. Ноги тоже в оковах.

В той же мрачной темнице, на той же цепи и с тем же самым ошейником на шее томился в свое время римский император Валериан, попавший в плен к Шапуху Первому. Сын неба и солнца обращался со своими августейшими пленниками как варвар. Каждый раз, когда Шапух выезжал на охоту, несчастного узника выводили из темницы. Тщательно вымытого, натертого душистыми маслами императора облекали в царскую порфиру и торжественно ставили перед воротами дворца. При появлении сына солнца император должен был сгибать гордую спину. Шапух ставил на нее ногу и вскакивал на коня. Так каждый раз попирал он Рим своей надменной пятой. После всех этих надругательств Шапух велел убить узника, кожу трупа набить соломой

и вывесить всем напоказ иа стене большого тизбонского дворца.

Шапух Первый надел этот железиый ошейник на императора Валериана, а Шапух Второй — на другого царя, который теперь томился в той же темнице.

В ией, кроме узника, был еще один человек — неподвижная статуя в углу на каменной подставке. Немигающие, открытые глаза его были устремлены на заключениого; на его застывшем и желтом, как пергамент, лице не двигался ни один мускул. На поясе висел в золотых ножнах меч военачальника, рукоять которого он держал в правой руке, как бы со всей бдительностью оберегая жизнь заключенного царя.

Царь взволнованно ходил по тесиому кругу; и каждый раз от движений звон его цепей нарушал глубокую тишину темницы. Нашейная цепь была так коротка, что не допускала его ии к фигуре на каменной подставке, ии к железиой двери темницы.

Царь был гигантского телосложеиия. Растрепаные волосы на голове и в бороде придавали его наружности дикую мрачность. Он подошел к соломе, постлаиной в углу, которая служила ему сидением и постелью, и опустился иа нее.

В этот момент тяжелая железная дверь со скрипом раскрылась: вошел тюремщик, за иим слуга. Рукава рубашки и кафтаиа тюремщика были засучеиы по самый локоть, голые ноги — в сандалиях, на голове ночной колпак. В таком неряшливом виде предстал начальник крепости перед заключенным, точно желая нанести ему еще более сильное оскорбление. Тюремщик кивнул головой царю и, став у двери, с издевательской насмешкой сказал:

— Приветствую царя Армении. Льщу себя надеждой, что мой государь провел ночь спокойно и в приятных сновидениях. И да отгонят от него добрые духи тяжелые сновидения, насылаемые Ариманом...

Узник с молчаливым презрением посмотрел на иего и ничего не ответил.

— Отчего же ты молчишь, батюшка государь? — продолжал тюремщик с еще большей наглостью. — Армяне если не смелы в действиях, то по крайней мере, щедры на слова.

Царь и на этот раз не ответил.

— Видно, государь недоволен своим рабом? — сказал тюремщик, сделав шаг вперед. — Я постараюсь тебе услужить, царь-государь. Велю сейчас сменить твое прекрасное ложе и приготовить тебе такую мягкую и благоуханную постель, что ты забудешь отличные шелка и шерсть Армении.

Он приказал слуге сменить постель.

Слуга подошел, собрал разостланную в углу и промокшую от сырости солому, которая прилипла к полу, и взамен нее положил сухую.

— Изысканными яствами я украшу сегодня стол моего государя, — сказал тюремщик, снова обращаясь к узнику. — Да не подумает он, что персы не гостеприимны; пусть забудет он все те роскошные яства, которые подносили ему в его дворце.

Слуга положил на пол возле соломы кусок ячменного хлеба и поставил сломанный черепичный сосуд с водой.

— Приятного аппетита, царь-батюшка. Будьте здоровы, государь! — сказал тюремщик и, кивнув головой, удалился.

— Наглец! — процедил на этот раз заключенный.

Железная дверь снова закрылась, узник остался один в каменном подвале.

Несколько минут он молча ходил из угла в угол, затем остановился и обратился к неподвижной статуе:

— Слышишь, Мамиконян тер, как непрестанно мучают твоего царя, как непрерывно терзают его сердце? Перс, совершенно лишенный великодушия, привык в своем доме оскорблять гостя. Чем виновато это жалкое пресмыкающееся, которое из своих дерзких уст исторгает здесь брань? Ему велели, ему приказали! Низкий и бесчестный Шапух! Учинить такую гнусность! Не на поле битвы, не при осаде городов достался я тебе! Ты пригласил меня как гостя, и вот, свое гостеприимство подменил обманом... Изменник! Разве в этом величие государя и царя царей? Вероломной дружбой обмануть соседа и союзника и заманить его в капкан! Чего только ты не предлагал мне, чего только не обещал? Предлагал мне в жены свою дочь, обещал выстроить на

каждой остановке по пути от границ моего государства до твоей столицы Тизбон дворцы, чтобы я всякий раз, направляясь к тебе, останавливался в собственных палатах. Вот твое обещание! Взамен дворцов ты подарил мне этот каменный подвал! Вечное проклятие моим нахарарам! Пусть гложет их всю жизнь раскаяние и стыд за то, что довели меня до такого состояния. Не будь их раздоров, не попал бы я в твои сети, вероломный Шапух!

Так изливал он горечь своего сердца, но Мамиконян тер не слышал его. Царь сел на свежую солому, продолжая смотреть на неподвижную фигуру. Грустные воспоминания напомнили ему об одном событии.

Однажды вошел он в конюшню Шапуха посмотреть царских коней. Главный конюх бросил на землю охапку сена и с персидской наглостью обратился к нему: «Вот трава — садись на траву, царь армянских козлов».

Но конюх немедленно поплатился за свою наглость. Герой, который теперь неподвижно стоит здесь и хладнокровно выслушивает издевательства тюремщика над его царем, выхватил тогда меч и надвое рассек голову конюху. И теперь еще его рука держала меч, но, увы, она была недвижима.

— Поношение! Злейшая насмешка!.. — воскликнул узник в сильном волнении и поднялся с места. — Вот передо мною олицетворение мощи Армении!.. Военачальник ее рати, который заставлял трепетать всю Персию. Его поставили здесь, чтобы он, как вечный укор, напоминал мне о тяжкой утрате. Но ведь этот герой, подобно мне, тоже стал жертвой подлого вероломства персов! Разве он пал в бою?..

Он сделал несколько шагов и простер руки к статуе. Но цепи не пускали его дальше.

— О, дорогой Васак, — ласково продолжал узник, — все изменили мне, все покинули меня, только ты не покинул своего государя. Ты разделял его славу, разделяешь теперь и его позор. Долг, честь, любовь к родине толкнули тебя на самопожертвование... И как подлинный герой, ты геройски увенчал свою смерть...

Неподвижная статуя, к которой он обращался с этими словами, представляла собой спарапета Армении Васака Мамиконяна, дядю Самвела и отца Мушега.

К ней обращался государь Армении — царь Аршак. Обманным путем заманив их в Персию и заключив Аршака в эту крепость, Шапух повелел убить спарапета, снять с него кожу, набить травой и поставить перед царем в темнице. Теперь на каменной подставке перед Аршаком стояло чучело спарапета. Никакое горе, никакая печаль так не терзали сердце лишенного трона царя, как эта безгласная статуя, которая своим молчанием еще сильнее напоминала ему о потерянной славе. Как военачальник, он олицетворял попранную военную мощь Армении, сломленную персидским вероломством. А как храбрый полководец, в течение десятков лет блестяще побеждавший персов, напоминал о величии своего царя — величии и славе, олицетворением которых являлся и он сам. Все пропало, все погибло! Теперь лишь постоянные муки и грустные воспоминания были неразлучными спутниками несчастного царя, который, подобно закованному в цепи Артавазду, был заточен в этой мрачной каменной темнице, похожей на могилу. Эта темница давила и медленно душила его.

Он не прикоснулся к жалкой еде, принесенной для него; взял лишь глиняный сосуд, отпил воды, чтобы несколько успокоиться, затем прилег на соломенную постель.

Он не мог оторвать взгляда от неподвижной статуи. Заросшее волосами лицо его выражало и гнев и раскаяние. Гнев — потому, что с ним поступил так бесчеловечно персидский царь; раскаяние — потому, что сам он открыл путь к своей гибели. Совесть его была неспокойна. Всякий раз, когда мысль эта пробуждалась в нем, он начинал дрожать всем телом, как преступник, который еще не вполне убежден в своей вине.

Он все продолжал разглядывать статую. Он все еще боролся со своими мыслями и чувствами.

— Нет... Тысячу раз нет... Я не виновен! — воскликнул он, и в его мрачных глазах сверкнула ярость. — Вечные распри моих нахараров надоели в конце концов мне... И я объявил им войну, желая наказать строптивую непокорность, хотел уничтожить их, чтобы слить воедино разрозненные силы армян и создать могучее, единодержавное государство. Единство Армении я ставил выше, чем самостоятельность сотен княжеств, ко-

торые вследствие беспечности моих предшественников настолько стали дерзки, что всякий раз заносчиво угрожали своему царю... Я хотел ограничить их произвол... Они же объединились и пошли на меня войной. Но и этого им показалось мало, они в нашу семейную борьбу втянули чужестранцев. Они подняли против меня персов — наших исконных врагов. Я оказался одиноким и вынужден был отправиться к врагу и заключить с ним мирный договор... А враг услал меня сюда...

Он встал и, опустив голову, несколько раз прошелся по темнице. Его волнение все усиливалось. Он снова обратился к молчаливой статуе:

— Ты свидетель, Мамиконян тер, как искренни были мои намерения, как дорого было мне счастье Армении. Мои отношения с нахарарами настолько обострились, что надо было выбирать одно из двух: либо царская власть должна была стать жертвой нахарарства, либо власть нахараров — подчиниться царской власти. Я почел за лучшее первое. Для меня была свята незыблемость престола Армении, унаследованного мною от предков. Но если мне не удалось сокрушить нахарарство, то все равно оно будет сокрушено персами, которых нахарары призвали к себе на помощь против царя. Через непроницаемые стены этой каменной темницы я вижу, Мамиконян тер, что творит Шапух в Армении. Он отсек голову, теперь начнет по кускам раздирать тело. Голову сослал сюда, а нахараров бросит в страшные темницы Сагастана. И оставленная на произвол судьбы Армения станет добычей персидских варваров... Наши жены и дочери умножат число наложниц и служанок персидского двора... Их несовершеннолетние сыновья будут подметать мраморный пол персидского дворца. А жена моя? А сын мой?

При этих словах могучий голос его дрогнул, колени ослабели, и он всем своим телом рухнул на кучу соломы. Он закрыл руками глаза, и слезы хлынули на железные оковы.

Сколько таких страдальцев терзалось и мучилось в темных подвалах этой крепости! Сколько монархов, сколько людей царского рода поглотила она и, как жадное чудовище вишап, никогда не насыщалась! Сколько вздохов и стонов раздавалось в ее безжалост-

ном сердце! Попавший сюда пропадал, исчезал и предавался вечному забвению. Недаром крепость заслужила название Анхуш[1]; в своей непроглядной тьме, как мрачная могила, она хранила печальную помять об осужденных...

В этом каменном подвале томился некогда в тех же цепях армянский царь Тиран, отец Аршака. Сын все же видел луч солнца сквозь узкое окно своей темницы. У отца не было и этого утешения: персидский царь лишил его зрения, лишил света. Ослепленный царь, погруженный во мрак, переживал более горькие мучения.

* * *

Безобразным, наводящим ужас видением стояла крепость Ануш на своем высоком каменном подножье. Она распространяла вокруг себя смерть и ужас. Ядом дышало это чудовище, губителен был ее угрожающий взор. Никто не дерзал к ней подходить, никто не дерзал даже смотреть на нее. Люди обходили ее на большом расстоянии. Вокруг нее царила мертвая тишина. И она, как олицетворенная кара и бич, жила в своем мрачном одиночестве.

Но вот однажды непривычное явление привлекло внимание стражей: прямо к крепости ехал отряд всадников. Взоры стражей стали напряженными, луки натянулись, обнажились мечи.

Кто были эти дерзкие?

Они быстро приближались, и чем ближе, тем быстрее.

Удивленный начальник тюрьмы торопливо поднялся на башню и стал вглядываться. «Верно, нового гостя везут», — подумал он, и на его лице мелькнула дьявольская улыбка.

Был вечер. Солнце почти уже закатилось. По-видимому, всадники спешили засветло добраться до крепо-

[1] *Анхуш* — по-армянски «забытый», «неупоминаемый». Эту крепость Раффи называет Ануш и только здесь употребляет форму Анхуш. Автор хочет сказать, что хотя она носит имя легендарной красавицы Ануш, но крепость эта в народе заслужила печальную славу Анхуш — заключенный в нее человек навсегда предавался забвению и умирал там в неизвестности.

сти; на ночь крепостные ворота запирались, и ночью в крепость никого не пускали.

Начальник крепости продолжал наблюдать. Когда всадники подъехали достаточно близко, он заметил, что у переднего из них на головной повязке сверкал какой-то блестящий предмет. Он стал пристально вглядываться и вскоре убедился, что это была трубка, похожая на сверток пергамента.

— Царский указ! — воскликнул он с особым почтением и поспешил спуститься с башни.

Он отдал приказание страже выйти из ворот и торжественно встретить посланцев. В течение нескольких минут они приготовились и вышли из крепости. Когда всадники подъехали к крепости, вся стража пала ниц перед царским указом.

Привязанный ко лбу всадника указ сиял золотыми украшениями. Всадник сделал повелительный жест, стража поднялась и повела приехавших в крепость. У головных ворот они сошли с коней. Только теперь всадник снял с головы указ и, держа его обеими руками, передал начальнику крепости. Тот сперва распростерся ниц, а затем протянул обе руки, принял пергамент с глубоким благоговением, сперва поцеловал его, потом возложил себе на голову. Потом, развернув пергамент, он поднялся на ноги и стал громко читать.

Окончив чтение, начальник крепости вернул указ тому, кто его привез.

— Двери крепости, порученной моему надзору, открыты перед тобой, тер главный евнух!

Все вошли в крепость.

Пока для гостей приготовляли ночлег, приличный их высокому сану, пока размещали коней, солнце зашло, настала ночь и зажглись огни. Начальник крепости подошел к главному евнуху и, поклонившись, сказал:

— Надеюсь, что тер главный евнух эту ночь изволит отдохнуть с дороги и посетит своего царя завтра утром.

— Нет, начальник. Я сегодня же должен видеть моего государя и, если возможно, сию же минуту, — взволнованно сказал главный евнух.

— Для тера главного евнуха, прибывшего с благословенным указом царя царей, нет ничего невозможного, —

ответил начальник нерешительно. — Но теру главному евнуху должны быть известны порядки нашей крепости... Надо немного...

— Понимаю, ты намерен подготовить государя к встрече и придать ему более приличный вид, но я хочу застать его в обычном виде. Порядки этой крепости мне хорошо известны. Ты можешь не смущаться, если я найду его в самом неприглядном положении.

Начальник колебался, все еще охваченный нерешительностью. Он опустил голову, как преступник, которого мучают угрызения совести.

— И все-таки, — сказал он, — мне бы не хотелось вызвать боль в твоем сердце, тер главный евнух!

— Послушай, начальник,—высокомерно сказал главный евнух. — Тебе известно содержание указа царя царей. Создать для моего государя в этой крепости подобающую обстановку и облегчить его участь— об этом должен позаботиться я. Твое же дело приказать, чтобы меня провели к нему немедленно.

— Я сам буду сопровождать тебя, тер главный евнух, — раболепно сказал начальник.

Жестокий тюремщик подчинился, наконец, высочайшему приказанию. Как на грех, именно сегодня он обращался с заключенным царем с особенной наглостью. Теперь ему хотелось загладить свою оплошность, хотя в ней именно и состояла добродетельность его поведения.

Стемнело. Все ворота были на запоре. Повсюду, как злые духи ада, шныряли стражники. Даже птица не посмела бы пролететь в эту пору мимо крепости. Нигде ни звука, ни движения. Царила глубокая, кладбищенская тишина.

Страж с фонарем в руке шел впереди, освещая лестницу, высеченную в скале, которая вела на верх крепости. Даже днем невозможно было спускаться по этой крутой лестнице: один неверный шаг, малейшая неосторожность — и человек мог стремглав полететь в пропасть. За стражем шел начальник, за начальником — главный евнух. Он был печален, как человек, отыскивающий дорогую могилу. Какою он должен был увидеть ее, как подойти? Хватит ли у него сил сохранить хладнокровие?

Они остановились возле железных дверей известной нам темницы.

— Здесь он... тер главный евнух, — сказал начальник тюрьмы, указывая на дверь.

— Отвори, — приказал главный евнух. — Но я хочу просить тебя оставить меня наедине с моим государем.

Начальник крепости колебался. Евнух заметил это и, чтобы успокоить его, сказал:

— Не бойся, твой поступок не причинит тебе зла.

— Пусть воля тера главного евнуха будет исполнена, — ответил тюремщик, соглашаясь через силу. — Но... да простит меня господин главный евнух, если он желает быть наедине со своим царем, я принужден буду замкнуть дверь.

— Можешь это сделать. Но фонарь я возьму с собою, там несомненно темно.

Тюремщик из связки ключей, висевших у него на поясе, выбрал один и отпер им тяжелую дверь, сказав при этом:

— Милости просим, тер главный евнух, оставайся со своим царем, сколько пожелаешь. Когда захочешь выйти, стукни в дверь, стража немедленно известит меня, я приду и открою.

Он указал на отряд стражей, охранявших двери темницы.

Приезжий взял фонарь и с сильно бьющимся сердцем вошел в темницу. Дверь за ним закрылась.

Сделав несколько неверных шагов, он поставил фонарь на пол.

Узник лежал на соломе. Казалось, ад с его ужасами предстал перед взором охваченного мучительными переживаниями посетителя. С глубокой тоскою смотрел он на своего закованного в цепи царя, который лежал на полу и тяжело дышал; по временам он тяжко стонал. Тут же валялся кусочек черствого хлеба из овса и стоял черепичный сосуд, пить из которого, вероятно, отказался бы и последний раб. Приезжий взглянул на неподвижное привидение, стоявшее в углу на каменной подставке. Слезы заволокли ему глаза, он едва устоял на ногах: перед ним была Армения, низвергнутая и посрамленная Армения!..

Посетитель шагнул вперед, но, как бы устрашившись

своей дерзости, снова вернулся на прежнее место. Как нарушить царский покой, как потревожить сон утомленного узника?

Он продолжал разглядывать царя, который то тяжело стонал во сне, то горько усмехался. Видимо, его мучили тяжелые сновидения. Он лежал на боку, подложив правую руку под голову, лицо было обращено к вошедшему. Как изменился царь! Как он был не похож на себя! Приезжий был в ужасе, не дерзая приблизиться: быть может, увидев в своей конуре непрошенного посетителя, царь, находясь в полусне, в гневе низвергнет дерзкого и растопчет его ногами.

Приезжий был среднего роста, худощав. Лицо без бороды, без усов. Если бы не мужская одежда, его можно было бы принять за пожилую женщину, своим видом внушавшую уважение. Кинжал с рукояткой, усеянной драгоценными каменьями, был заткнут за богатый пояс. Одет он был роскошно, как подобало высокому вельможе. Его звали Драстамат. Это был главный евнух, всеми почитаемый и любимый, некогда имевший при дворе армянского царя подушку и почет выше всех нахараров. Он происходил из рода князей Ангехских и заведывал царской казной, которая хранилась в крепости Бнабех, в области Цопк.

— О Васак, — послышался голос узника, — построй полки моих храбрецов... Нападем на страну персов... Покараем Шапуха за его наглость!..

Он обращался к мертвому привидению, стоявшему на каменной подставке.

Глаза евнуха опять заволоклись слезами.

Узник необычно содрогнулся, вытащил правую руку из-под головы и, угрожающе размахивая ею, зарычал:

— Я тебя зажарю в огне горящего Тизбона, лживый Шапух!..

Он вытянул и левую руку, котрая была связана с правой тяжелой цепью, а затем обе они с лязгом упали ему на грудь.

Царь, как бы придя в себя, открыл глаза, но тут же снова сомкнул их.

Тут евнух решился приблизиться к царю и осторожно его окликнул:

— Государь! — Царь не пробуждался. — Государь! — повторил он.

Узник поднял голову, но устремив мутный взгляд на посетителя, с гневом воскликнул:

— Негодяй, дай мне хоть ночью покой!

Он принял его за тюремщика.

— Государь, разве ты не узнаешь своего слугу? — чуть не рыдая, проговорил пришедший.

— Моего слугу... — повторил узник с горьким смехом, — ты, наглец, мой палач, давно ли ты стал моим слугою?

Посетитель не в силах был дольше сдерживать свои чувства: он бросился на колени, обнял ноги узника и, обливая его цепи горячими слезами, воскликнул:

— Государь, очнись, взгляни на меня, на твоего раба, на твоего покорного Драстамата...

— Драстамат! — воскликнул царь, отталкивая пришедшего. — Кто из богов вернул бы мне Драстамата, моего храброго и верного слугу? Прочь от меня, обман, прочь, ночные видения! Я потерял своих лучших людей, я лишился своих вельмож! Бог меня покарал! Я никогда больше их не увижу!

— Один из них к твоим услугам, государь!

Несчастному царю казалось, что все виденное и слышанное им происходило во сне. Теперь только он пристально посмотрел на вошедшего и, ошеломленный, спросил:

— Кто это здесь?

— Твой слуга Драстамат.

Царь вскочил, изумленный.

— Драстамат!.. Откуда ты? Как тебя пустили ко мне? Боже, какое счастье! Приблизься, милый Драстамат, приблизься, я обниму тебя.

Главный евнух опять стал на колени и начал целовать ноги царя. Узник сильной рукой поднял его.

— Эти поцелуи не облегчат тяжесть моих цепей, дорогой Драстамат. Расскажи лучше, откуда ты, как пробрался сюда, что слышно?..

Царь прошелся по темнице, затем сел на соломенную постель.

Драстамат продолжал стоять и в глубоком волнении думал о том, с чего начать свой рассказ. Он мог бы

рассказать о многом, но новости были столь неутешительны! Ему было тяжело расстраивать государя, и без того удрученного горем.

— Чего же ты молчишь? — сказал узник, заметив раздумье Драстамата, — боишься, что у Аршака настолько разбито сердце, что он не вынесет новых ударов? Я и без твоего рассказа догадываюсь о многом. Из этой каменной темницы я каждую минуту вижу, Драстамат, что творится там, в Армении. Но ты мне скажи, как тебя пропустили ко мне? Это меня очень удивляет...

Драстамат стал рассказывать. Разлученный со своим государем, он остался в Тизбоне вместе с армянской конницей, задержанной Шапухом. В это время Шапух предпринял новый поход против кушанов, и ему удалось добраться до их главного города Бахл. Армянская конница, а с нею и Драстамат, были в числе его войска. Царь кушанов из рода Аршакуни вышел навстречу Шапуху. Началась кровопролитная битва. Персы были разбиты, а Шапух пытался спастись бегством. Но это ему не удалось. Отряд кушанов окружил его и взял в плен. Тогда подоспел Драстамат во главе армянской конницы и отбил Шапуха. По возвращении в Тизбон Шапух призвал на открытый суд своих трусливых полководцев и с горечью поставил им в пример доблесть армян.

— На том же суде, государь, — продолжал Драстамат, — Шапух обратился ко мне со словами: «Драстамат, тебе я обязан своей жизнью. Ты меня спас от позорного плена. Проси награды, славы, почета, власти, богатства. Клянусь священной памятью моих предков, что попросишь, то и получишь!» Но я не попросил ни богатства, ни власти, государь, я лишь потребовал, чтобы мне дали право отправиться в крепость Ануш и повидать моего царя...

— И тебе разрешили?

— Да, государь. Шапух не ожидал, что я буду просить о такой награде. Когда я сообщил ему о своем желании, он ударил руками по своим коленям и с раскаянием сказал: «Ты просишь о невозможном, Драстамат, персидский закон не только запрещает посещать заклю-

ченных в крепости Ануш, но даже упоминать о них. Проси о чем-либо другом. Моя казна полна золота и драгоценностей, народы и племена подчинены моей власти. Какую из стран ты захочешь, ту и отдам». Но я повторил свою просьбу. Так как он при всех поклялся, то не мог отступить.

На мрачном лице узника появилась горькая улыбка.

— Давно ли он стал держать свое слово? Он и мне клялся... И мне давал многие обещания. Перстнем с изображением вепря[1] припечатал он соль и послал мне. Это по законам персидских царей самая верная клятва. Он пригласил меня заключить договор любви и дружбы и миром вернуть меня в мою страну. Но вместо этого отправил меня вот сюда...

Голос его задрожал от волнения. После минутного молчания он снова обратился к Драстамату:

— Хвалю тебя, Драстамат, за самопожертвование. Ты всегда был верен своему царю. Твой поступок я буду считать венцом всех многочисленных жертв, которыми ты много раз доказывал высокие достоинства своей души. Воздаю славу всевышнему, — я только теперь уверен, что он не совсем еще покинул меня. Я нуждался в человеке из моей страны, и он послал мне тебя.

Драстамат, воодушевленный словами царя, сообщил, что он явился в крепость с указом Шапуха, который давал ему право устроить своего государя так, как подобает царю, и всячески облегчить его участь.

— Это мало утешает меня, Драстамат, — печально ответил узник. — Мне теперь безразлично, спать ли на этой вот соломе или на мягкой постели... Мне все равно, пить ли воду из этого полуразбитого черепичного сосуда или из золотого стакана. Не ужасное существование, не телесные муки терзают меня — мне не дает покоя мысль о том, что, пока я сижу здесь в заточении, моя заброшенная страна отдана на растерзание врагам.

Последние слова так растрогали Драстамата, что он от волнения не мог вымолвить ни слова. Узник спросил:

— Чего же ты молчишь, Драстамат? Скажи, что знаешь о нашей стране, что намерен предпринять Шапух, о чем думают нахарары? Хотя ты и приехал из Тизбо-

[1] Изображение вепря — герб персидских царей.

на, все же, должно быть, слыхал о многом и немалое знаешь!

Драстамат, правда, о многом слыхал и многое знал. Но разве мог он рассказать обо всем этом царю? Он ждал вопросов.

— Кто командует моими войсками?

— Мушег Мамиконян, государь.

Что-то вроде радости озарило печальное лицо царя. Обернувшись к мертвой фигуре, стоявшей в углу, он воскликнул:

— Слышишь, Мамиконян тер, сын твой — спарапет моих войск. Я уверен, что храбрый сын храброго отца оправдает честь своего рода. Я помню его еще юнцом, когда он только что учился ездить верхом. Я встречал его несколько раз на состязаниях, видел и в боях, когда он был молодым человеком. С детства звезда отваги сияла на его челе. Он был горд и самонадеян, как его отец. Когда однажды я ему сказал: «Я хочу назначить тебя наблюдателем над дворцовой птицей», — он обиделся, и глаза его наполнились слезами. Ему было тогда едва двенадцать лет.

Отец, казалось, слышал похвалы своему сыну; его мрачное, полное угрозы лицо как будто говорило: «Месть за кровь отца вдохновит Мушега, и он будет недостоин своих предков, если не набьет сотню персидских военачальников травой и не пошлет в виде подарка подлому Шапуху...»

Узник продолжал расспросы:

— Где теперь армянская царица?

— Она в крепости Артагерс, государь. В ее распоряжении двенадцать тысяч отборного войска.

— А мой сын?

— Все еще в Византии у императора, государь.

— Отчего его не призовут нахарары? Почему его оставили там?

— Они хотят прежде обезопасить страну от персов, государь, чтобы царевич мог спокойно вступить на престол своего отца.

Узник грустно покачал головой, и лязг цепей вызвал в нем раздражение.

— Ты жалеешь меня, Драстамат! — воскликнул он сердито. — Ты чересчур смягчаешь сообщения о бед-

ствиях моей страны. Говори откровенно, я найду в себе мужество выслушать спокойно горькие вести. Моего сына задерживают в Византии, потому что боятся, что, вернувшись в Армению, он может попасть в руки Шапуха и оказаться вместе со мной в этой крепости. Не так ли?

— Да, мой государь!

— Где Нерсес?

— Тоже в Византии, государь.

Несмотря на просьбы узника, он опять скрыл правду о том, что великий первосвященник Армении томился в ссылке на острове Патмос.

— Должно быть, он выжидает время, чтобы вернуться вместе с моим сыном?

— Да, государь!

Царь понурил голову, и пряди спутанных волос закрыли его опечаленное лицо. После минутного молчания он снова обратился к Драстамату:

— Это утешает меня и в то же время огорчает, Драстамат. Я никогда не благоволил к Нерсесу. Но теперь он охраняет моего сына. Это своего рода месть, христианская месть: на зло отвечать добром.

— Это его долг, государь! Ведь он — христианин!

— Скажи еще: и подлинный патриот, — добавил узник. — Хотя я и враждовал с Нерсесом, но всегда уважал его самые высокие человеческие добродетели.

— А что делает Меружан? — спросил царь, переменив разговор.

— Будь он проклят! — ответил Драстамат с глубоким отвращением. — Он получил от Шапуха разного рода указания и старательно выполняет их.

— Конечно, дурные указания?

— Да, это так, государь. Но я надеюсь, что единство армянских нахараров разрушит его злые намерения...

— Единство нахараров? — с горькой усмешкой спросил узник. — Можно ли верить в их искренность?

— Не только можно, но и должно, государь. Они теперь очень и очень раскаиваются в своем неблагоразумии.

— После причиненного ими огромного вреда, Драстамат?.. После гибели их царя и разорения Армении, они, говоришь, раскаялись? Не слишком ли поздно?

— Поздно, но еще не совсем, государь. Самопожертвованием они стараются загладнть свои старые ошибки. Мне достоверно известно, что нахарары совместно с духовенством готовятся начать войну за спасение отечества.

-- Расскажи, что ты знаешь!

Драстамат начал подробно рассказывать прежде всего о том, что Шапух намерен уничтожить хрнстианскую веру и распространнть в Армении персидское огнепоклонничество. Затем рассказал о том, что предпринимает Шапух для осуществлення своих целей, в выполнении которых главная роль предназначена Меружану Арцрунн; о тех многочнсленных обещаниях, какие дал персидскнй царь Меружану, если он выполннт его желания. Рассказал о тех клятвах и мероприятиях, какие предприняли армянские нахарары, чтобы предотвратить бедствия и спасти церковь и трон Аршакидов от персидского деспотизма. Свою речь он закончнл словами надежды н выразил твердое убежденне в том, что Шапуху не удастся осуществить свои злые замыслы. Возможно, Армения потерпнт немалый ущерб, но никогда не будет покорена.

С глубокой тревогой, склоннв голову, слушал его царь. Смуглое, густо заросшее волосами лицо его становилось все более мрачным. Все эти бедствия он как будто заранее предчувствовал, все это он предугадал с того дня, когда несчастные обстоятельства предали его в руки Шапуха. Он обратился к евнуху:

— Как дошли до тебя эти вести, Драстамат?

— Находясь в Тизбоне, государь, я всегда старался разузнать, что затевают прн персндском дворе. Преданный мне человек, близко стоящий к делам персидского двора, доносил мне обо всем. Собранные сведения я немедленно пересылал через тайных гонцов армянским нахарарам, чтобы их предупредить, и получал от них ответы. Я действовал, государь, не пропуская нн одного удобного случая. А теперь у меня одно желание: облегчить участь моего государя и, еслн удастся, на что я очень надеюсь, нзбавить его от этих тяжелых оков...

Последние слова он произнес шепотом.

На лице царя появнлась грустная улыбка.

— Хвалю твою энергию, Драстамат, — сказал он, —

ио не могу одобрить твое чрезмерное усердие. Вместо того, чтобы заботиться о моем освобождении, что зависит от времени и обстоятельств, было бы полезнее, если бы, оставаясь в Тизбоне при царском дворце, ты продолжал начатое тобою дело. Армянским нахарарам иужно иметь верного человека в Тизбоие, и ты подходишь больше всех, так как пользуешься расположением Шапуха.

— И все же судьба моего государя... его тяжелое положение... — сказал, волнуясь Драстамат.

— Я считаю, что мое положение уже улучшилось, Драстамат, так как твои сообщения успокоили меня. Повторяю: в Тизбоне нам нужно иметь верного человека, и им должен быть ты. А заниматься теперь мною, значит терять время. Скажу больше: мое высвобождение отсюда, мое появление в Армении и восстановление моей власти я при нынешних запутанных и неопределенных делах считаю даже вредным. Почему?.. Да потому, что я не смогу примириться с моими нахарарами, а такое примирение сейчас необходимо для спасения отечества. Между нами уже не может быть прежней близости. Мое присутствие зажжет новый внутренний пожар войны, в то время как сейчас больше всего необходимо бороться с внешним врагом! Я останусь здесь и ради спокойствия страны пожертвую собой. Пусть нахарары покорятся моему сыну. Он иовый для иих человек, и с иим у них нет старых счетов. Я же буду здесь молиться об их удаче и положусь на волю божью.

Драстамат не мог сдержать охватившего его отчаяния. Он упал ниц перед узником и, обнимая его закованные ноги, воскликнул:

— Государь, велик божий мир и безмерна милость всевышнего! Если не пожелаешь вериуться в Армению, то иайдется много других безопасных мест, уготованных богом для тебя.

Узник встал и подиял Драстамата.

— Нет, никогда позорная кличка «беглец» не коснется моего имени! Да и куда мне отправиться? В Византию?.. Персидская тюрьма для меня терпимее, чем полные лицемерия палаты византийцев. Хотя мое пребывание здесь и радует нахараров, зато оно наполнит сердце иарода справедливым чувством мести. Мой на-

род любит меня. Он будет думать о своем узнике-царе и обрушит свой гнев на бесчестного Шапуха. А в нынешних обстоятельствах это может способствовать освобождению моей страны. Пусть Армения будет свободна, и тогда мои мучения станут легче в этой мрачной темнице.

— Но ведь твое освобождение утешит опечаленное сердце народа...

— Слушай, Драстамат, чрезмерная любовь делает тебя ребенком. Неужели ты думаешь, что персы так наивны? Если бы сатана захотел поучиться чему-нибудь новому, он несомненно, обратился бы к ним. Ты должен знать: тебе вручена грамота, дающая тебе неограниченное право улучшить положение твоего царя и создать для него в тюрьме подобающую обстановку; иную грамоту получит в скором времени или уже получил начальник крепости. Наблюдение за мной усилится, и увеличатся меры предосторожности. Ты сможешь добиться того, что будет разрешено хорошо меня кормить, одевать и держать в лучшем помещении. Но не больше! Итак, как ты сможешь освободить меня? Подкупить начальника тюрьмы, подкупить стражу невозможно. Значит, тебе придется сидеть здесь и ждать чуда. А между тем ты более нужен в Тизбоне.

Драстамат слушал с глубокой печалью. Узник продолжал:

— Мне даже тяжело, Драстамат, согласиться на то, что ты мне предлагаешь. Я предпочел бы остаться в нынешнем состоянии, но не принимать ни малейшей милости от бесчестного Шапуха. Принимая его милости, я тем самым ослаблю силу его преступления. Но чтобы не подумали, что у тебя были ко мне какие-то тайные дела, мне придется исполнить твое желание.

Так говорил удрученный горем царь. Тем временем в узком окне темницы показались первые лучи солнца. Царь посмотрел на них и, обратившись к Драстамату, сказал:

— Тяжки наши бедствия, весьма тяжки, Драстамат! Царь здесь, на востоке... Патриарх там, на западе, а страна беспризорна. Но есть всевышняя сила: на нее я возлагаю свои надежды...

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

I. Рштуник

Прошла целая неделя после того, как двоюродные братья Мамиконяны, Самвел и Мушег, выехали из Воґаканского замка.

Дороги их разошлись.

Самвел направился вдоль Ванского озера по юго-восточному берегу, а Мушег — вдоль западного берега того же озера. Они преодолевали опасности и видели много ужасов. Страна была охвачена волнением, похожим на безумие. Страшен народ, когда он рассвирепеет; его свирепость похожа на свирепость медведя, который с пеной у рта, с воспаленными глазами, прежде всего растаптывает своих детенышей.

Какой-то слух, подобно злому духу, пронесся по Армении. Его глухой, невнятный голос всякий понимал и толковал по-своему. Но невнятность эта еще больше раздражала людей. Брат подымал руку на брата, люди не понимали друг друга. Вся страна волновалась, полная мрачной, смутной неизвестности.

Народная молва создала новое слово: *изменник*. Но кто был изменником, кто не был им, — этого не знали. То там, то тут подозреваемых избивали камнями; слуги с ненавистью смотрели на господ; господа боялись своих слуг...

Кое-где зашевелились скрывавшиеся в подполье язычники, преследуемые христианской церковью. Старые боги подняли свои головы, вызывая на бой новую религию.

Безопасных дорог почти не стало; всякое движение по дорогам прекратилось. Безоружные крестьяне, покинув хижины, собирались на вершинах гор и забрасывали оттуда прохожих камнями. Камни катились вниз и засыпали, словно обломки рухнувшей горы, целые караваны. Но кто под ними погибал, — этого крестьяне не знали. В каждом проходящем они подозревали *изменника*.

Местами шныряли вооруженные отряды. Мужчины

шли в дружины, а женщины с толстыми дубинами в руках стояли на порогах своих хижин и никого к ним не подпускали — к тем самым хижинам, где еще так недавно каждый путник находил приют.

В эти смутные, волнующие дни конный отряд Самвела, с фамильным знаменем Мамиконянов, продвигался по дороге из Тизбона к области Рштуник. Это знамя, всегда остававшееся незапятнанным, теперь и защищало и одновременно предавало отряд. Защищало потому, что каждый человек относился к этому знамени с уважением. Предавало, потому что главный носитель этого знамени находился теперь во главе *«изменников»*. Это был отец Самвела — Ваган Мамиконян. Попробуй докажи народу, что Самвел не единомышленник своего отца. Разъяренная толпа имела уши, чтобы слышать, но у нее не было времени для размышлений.

Уже трое суток конный отряд Самвела пробирался по дремучим лесам горной области Рштуник. Эти леса всегда считались гибельными дебрями, полными всяких кошмаров. В них с древнейших времен происходили ужасные события. Там Немврод потерял большую часть своих титанов. Могучий Барзафран, наполнивший Армению еврейскими пленниками, был выходцем из этих лесов. Оттуда же пришел жестокий Маначихр, заливший кровью Ассирию. Там была гора «железоделателей», богатая рудами. В подземельях этой горы работали мрачные люди, изготовлявшие для храбрецов своей страны стрелы и панцири.

С одной стороны Рштуник примыкал к Ванскому озеру, с другой — граничил с неприступными Мокскими горами с их ущельями.

Самвел выехал из замка Вогакан с тремястами прекрасно снаряженных всадников. Теперь же из его отряда осталось только сорок три человека. Двести пятьдесят семь человек погибли в рштунийских лесах.

Ужасны были эти леса! В мирное время в них без вести пропадали отдельные всадники, во время смут эти леса поглощали целые легионы людей. Там, где царствовал вечный мрак, мрачен был и народ. Путник, пробиравшийся через эти леса, видел перед собой лишь узкую тропу, заросшую кустарником, и вверху темный свод густых вершин, сквозь которые едва проникали

солнечные лучи; по краям — тропинки, справа и слева стояла живая стена вековых деревьев. Больше ничего не было видно. Даже весьма зрячий человек не мог предугадать, откуда ему грозит опасность. Она подстерегала его в любую минуту, на каждом шагу. Враг таился в дуплах деревьев и оттуда, как из-за прикрытия, метал стрелы; или, как змея, заползал под обнаженные корни деревьев и вдруг появлялся с копьем в руке; или, как обезьяна, взбирался на сплетенные в высоте ветви, и оттуда посылал смерть. Он был неотъемлемой частью этого гигантского леса, который являлся его обиталищем, не доступным для других.

Был полдень. Отряд Самвела медленно продвигался по лесной дороге. Он пустился в путь ночью, намереваясь выбраться из леса до восхода солнца с тем, чтобы избежать засады. Несколько всадников ехало на большом расстоянии впереди отряда с целью разведки. Рядом с Самвелом ехал Артавазд, позади Арбак, Иусик и несколько телохранителей. И всадники и кони были сильно утомлены. Чтобы поскорее выбраться из леса, они двигались без остановок.

Самвел обратился к старику Арбаку:

— Долго ли нам еще ехать?

— Скоро выберемся из леса, если только эти лапотники опять не налетят на нас, — ответил старик с обычным хладнокровием.

Старик презрительно называл рштунийцев лапотниками.

— Лес кончается по ту сторону вот этой горы, — добавил он.

Ответ удовлетворил Самвела, но возбудил беспокойство юного Артавазда.

— Какой горы? — спросил он сердито. — Я что-то не вижу никакой горы.

Старик ничего не ответил. Он озабоченно оглядывался по сторонам. Лицо его выражало обиду опытного водителя и беспокойство старика, имеющего дело с детьми. «Сам сатана завел нас сюда, — думал он, — надо же было тащиться обязательно по этой проклятой дороге, словно нет другого пути... Не захотели меня слушать, вот и наказаны!»

Узкую дорогу, по которой они ехали, то и дело пре-

граждали засеки. Срубленные деревья, не очищенные от ветвей, лежали поперек пути. Конный отряд Самвела с большим трудом пробирался через такие засеки.

Что-то неладное происходило в этих местах. Окрестности выглядели необычно. В душу Самвела закралась тревога, постепенно все возраставшая. «Хотя бы встретить кого-нибудь, — думал он, — можно было б узнать, в чем дело».

— Ни души не видать! — пробормотал Самвел.

— Если хочешь увидеть людей, — сказал старик со свойственной ему спокойной усмешкой, — крикни по-лапотнически: «Ай-уй» — этот клич сейчас же повторится на тысячу голосов. Он дойдет до лесных чащ, и ты увидишь, как из-под земли, со скал, из кустов, отовсюду ринется сюда толпа дикарей. Они, как черти, сидят тут повсюду, только их не видно. — Замечание Арбака было правильно.

После ущелий и скалистых, неровных скатов горы Ындзак лес стал постепенно редеть, деревья мельчали. Наверху проступило голубое небо, внизу блеснула темно-синяя поверхность Ахтамарского озера. Окрестные холмы покрывал зеленый ковер сильно разросшегося низкого кустарника.

Было уже далеко за полдень, когда усталые путники добрались, наконец, до пристани в заливе озера, откуда им предстояло переправиться на остров Ахтамар. К этому острову влекли Самвела его горячие надежды, его страстные мечты. Когда он увидел, что пристань, всегда такая оживленная, была не только совершенно безлюдна, но и без лодок, всегда готовых к переправе, радость его сменилась тревогой.

«Что это значит?» — остановился он в изумлении. Ему надо было переправиться на остров во что бы то ни стало! Не побывав на острове, он не мог быть ни спокойным, ни счастливым. Ведь ради этого он свернул с пути, вступил в чащу рштунийских лесов и потерял в их густых зарослях большую часть своих храбрых воинов.

На высотах скалистого острова Ахтамар с незапамятных времен, как воплощение мощи Рштуникских нахараров, стоял замок Ахтамар. Его построил их родоначальник Барзафран при Тигране Втором.

Самвел с грустью оглядывал окрестности. Взор его упал иа наружный дворец Рштуникских князей, стоявший у берега, недалеко от пристани. Ужас охватил Самвела. Пламя сделало свое дело; развалины полуразрушенного дворца дымнлнсь.

— Что это за дым? — воскликнул он, и его глаза зажглнсь гневом.

— Горит, — ответил старый Арбак, с сожаленнем качая головой, — поди узнай теперь, какой дьявол его поджег.

Пламя беспрепятственно пожирало краснвое сооруженне, и не было никого, кто бы пресек его дерзость.

Всадники Самвела были сильно взволнованы. Даже радостное лицо юного Артавазда затуманилось. Самвел же совсем прнуиыл.

Пока все находнлнсь в смущенин, вдали показалась чья-то фнгура. Самвел чуть воспрянул духом: наконец-то нашелся хоть один человек. Он направлялся прямо к отряду. То был воин, легко вооруженный, с длинным копьем в руке, короткнй кинжал его был заткнут за пояс, за спнной висел шнрокий щнт, утыканный железными гвоздямн. Подойдя совсем близко, он повернул свое загорелое лнцо к всадннкам, вндно, с тем чтобы узнать, кто они такне, затем воткнул в землю копье, оперся на него обеими руками н взглянул уже на Самвела. Молодой князь не повернл своим глазам.

— Малхас, это ты?! — воскликнул он взволнованно.

Это был его крестьянин и гонец. Малхас, не отвечая, снял с головы повязку, вынул из нее сверток и подал Самвелу. Молодой князь мгиовенно побледнел. Этот сверток сообщил ему больше, чем мог бы сказать Малхас. Это было то письмо, которое он вручнл Малхасу для доставкн в Рштуннк.

Ему возвратили письмо. Значит, людн, которые должны былн получить это письмо, либо больше не существовали... лнбо гонец их не нашел. Оба предположення былн убнйственны для Самвела. Тысячн вопросов тесинлись в его мозгу. Но он сдержал свое волнение н, обратившнсь к свонм всадникам, сказал:

— Здесь мы немного передохнем!

— У этих огней? — с удивлением покачивая головой, спроснл старый Арбак.

— Да, у этих огней, — ответил Самвел.

Всадники сошли с коней и расположились лагерем у пустынного берега. За несколько дней до них здесь, видимо, находился какой-то другой лагерь. Трава кругом была вытоптана, вокруг чернела выжженная земля — следы костров. Кусты были обагрены кровью; быть может, то была кровь животных, а быть может, и людей.

Самвел взял с собой Малхаса и направился к пристани. Дойдя до нее, он спросил:

— Можно ли здесь достать лодку?

— Нет, князь. Разве не видишь — они сожжены.

Молодой князь оглядел берег.

На прибрежном песке валялись обрывки канатов, поломанные весла и остатки полусожженных лодок. Он боялся немедленно спросить о том, что здесь произошло. Его охватывала дрожь при мысли, что ответ раскроет перед ним страшную картину событий.

— Я непременно должен побывать на острове, — снова сказал он гонцу.

— На острове нет никого, мой тер.

Самвел посмотрел в сторону острова. Остров находился от берега на расстоянии часа пути. Вдали, среди волн, гигантским клином высился голый скалистый утес, и на его неприступной вершине вырисовывался дворец Рштуникских нахараров. Он весь дымился. Клубы зловещего дыма, уносимые ветром, расстилались над озером. Так же задымилось и сердце Самвела... Он не в силах был больше сдерживать себя и сказал:

— Говори скорее, Малхас, что случилось!

— Плохо, тер мой, очень плохо! — печально произнес гонец. — Как мне рассказать?..

— Говори, что знаешь, не скрывай ничего!

Гонец все еще не решался.

— Кто уничтожил все это?

— Твой отец, тер мой.

— Отец? — воскликнул Самвел, точно пораженный молнией.

Он схватил себя за голову и умолк на несколько минут.

Малхас добавил:

— Твой отец прибыл вместе с персами и все здесь разгромил...

— Откуда ои прнбыл?.. Как он пробрался иа остров?

Малхас рассказал, что персы явились по воде со стороны Вана. Когда все спалн, онн ночью осаднлн остров. Если бы они пршшлн по суше, то обязательно встретнлнсь бы с «лапотннками», н в лесах нм пршшлось бы плохо. Чтобы нзбежать этого, онн совершнлн свой набег ночью н водным путем. Неожндаиным натиском оии овладелн и островом н княжескнм замком.

«Итак, набег был совершен со стороны Вана. Значит, Ван уже перешел в рукн врага...» Самвел с негодованием обернулся к гонцу:

— Если бы ты вовремя доставил письмо, всего этого не случнлось бы!

— Я не опоздал, тер мой, я мчался сюда, как птнца, но все это пронзошло до моего прихода.

В пнсьме Самвел сообщал об угрожающей опасиостн. Но, к несчастью, он сам допустнл большую ошнбку, задержав пнсьмо. Правда, это была не его внна. Как помннт читатель, его мачеха, княгиня Вормнздухт, очень поздно сообщнла ему печальную весть: его отец, прежде чем вступить в Тарои, предполагал напасть на города Васпуракана н затем иаправнться оттуда в область Рштуннк.

— А где сейчас нахарар Рштуиика, князь Гарегни? Должно быть, взят в плен?

— Нет, мой тер. Князь Гарегнн отправился на поиски киягинн.

— Ее похитили?

— Нензвестио, мой тер. Но, как рассказывалн люди нз замка, во время сумятнцы прн ночном нападеинн княгння исчезла.

— А... княжиа Рштуинкская?..

Губы Самвела дрожалн, когда он задавал этот вопрос; сердце снльно бнлось от волнення. От ответа на этот вопрос завнсел покой его душн. Он спрашнвал о прекрасиой Ашхеи, которой был предан всей душой, которую боготворил со всей горячиостью любящего сердца.

Волненне его было так заметно, что Малхас поспешнл с ответом:

— Успокойся, князь, княжна Рштуннкская спасена.

Самвел проснял от беспредельной радости.

— Ты говоришь правду, Малхас? Заклннаю тебя не-

бом и всеми святыми земли! Не обманывай меня, Малхас. Она спасена? Где она теперь?

— Она в своих родных лесах вместе со своими храбрецами.

— Где именно?

— Не знаю, мой тер: войско никогда не стоит на одном месте. Знаю лишь, что недавно ее отряды были на недоступных вершинах Артоса.

Самвел с благодарностью поднял глаза к небу.

— Я отправлюсь в путь, я найду ее! — сказал он с горячим увлечением. — Где бы то ни было, я найду ее.

— Не советую, господин мой, — ответил Малхас с уверенностью опытного человека.

— Почему, Малхас? Ты пугаешь меня? Ради нее я готов отправиться и в ад.

Малхас был одним из преданных слуг князя и отличался как умом, так и храбростью. Свою неуверенность он объяснил Самвелу тем, что князья Рштуни ненавидят Мамиконянов и будут им беспощадно мстить, где бы то ни было. Самвелу надо их остерегаться, так как зло, причиненное рштунийцам, дело рук его отца.

— Глупости, Малхас, — прервал его Самвел. — Ашхен будет мне мстить? Моя любимая? Что ты говоришь?

— Ашхен не будет мстить, но будут мстить окружающие ее храбрые воины. И нежная княжна едва ли сможет сдержать ярость дикой толпы.

— Ошибаешься, Малхас. Все рштунийцы обожают ее, как богиню. Одно ее слово может укротить толпу.

Малхас задумался. Впал в раздумье и Самвел. Два горячих желания боролись в нем. Одно — это страстная мечта увидеть свою любимую невесту, другое — сознание цели, ради осуществления которой он пустился в путь и дал торжественный обет перед своей совестью и богом. Что предпочесть? Любимую девушку или данный обет? И девушка и его цели одинаково были дороги и священны для него. Но огонь любви так ярко пылал в душе Самвела, что он решил отложить осуществление своего обета...

— Слушай, Малхас, — обратился он к гонцу, — иди отыщи княжну и немедленно возвращайся с ответом. Можешь ее найти?

— Могу, мой тер.

— Я буду ждать тебя здесь, у берега. Моим воинам я дам возможиость отдохнуть до твоего возвращения. Если надо, возьми с собой людей из моего отряда.

— Нет, оии мне только помешают, мой тер, я пойду один.

— Ты должеи сегодня же отправиться в путь.

— Я отправлюсь иемедлеиио. Что я должен сообщить княжне, если бог поможет мие найти ее? Что мой киязь желает ее видеть?

— Да!

— А если она не поверит, что я послан моим господииом?

— Покажи ей вот этот перстеиь.

Самвел сиял со своего пальца перстеиь и отдал гоицу. Тот поклонился и отправился в путь.

II. Артос

Артос — царь Рштунийских гор. Это гигант горной цепи Рштуник; в его страшных ущельях днем царит полумрак, а ночью — непроницаемая тьма.

Была облачная ночь. На одной из круглых вершии красное пламя потухающего костра освещало мрачные лица людей, которые грелись, расположившись вокруг огия. В суровых объятиях гор летняя ночь дышала ледеиящим холодом.

Сидящие у костра переговаривались между собой и осматривали свое оружие. Один оттачивал каменным точилом затупившийся накоиечник копья, другой чинил разодранный шиур колчана, кое-кто был занят починкой меховых башмаков. Некоторые, лежа на боку, смотрели с особым удовольствием иа огонь.

Несколько поодаль от костра, завериувшись в толстые войлочные бурки, лежали растянувшись иа земле остальные.

Во мраке взгляд различал ряды палаток, похожих иа шалаши пастухов. Палатки были сшиты из крепко вытканных шерстяных паласов темно-серого цвета. Ткань эта под дождем делалась настолько плотиой, что совсем не пропускала влаги. В этих палатках спали женщины и дети.

Одиа из палаток особенно бросалась в глаза. Она стояла несколько поодаль и свонми размерами выделялась среди всех. Ее занавесн былн опущеиы. Она была белого цвета и в сочетании с красной подкладкой имела нежио-розовые просветы. Заметно было, что виутри горел свет.

Разговор у костра продолжался.

— Нет у иас ни капли стыда, — сказал один из сидевших. — После того, что произошло, иам впору сбросить папахи и накрыться платкамн наших жен.

— Почему? — спроснл другой.

— Ты еще спрашиваешь? Да потому, что мы не мужчнны, а бабы. Потерялн мы свою гордость, потерялн иашу царицу. Враг все разграбил. Ее замок сгорел, а мы не могли спасти. Стоит ли после этого жнть? Как мы будем смотреть людям в глаза? Каждый вправе оплевать нас и высмеять.

— Верно говорншь! Но откуда мы могли зиать о иападеиии? Спокойно сидели дома, когда враг, как ночиой вор, влез в замок и утащил добычу. Если с неба иа голову вдруг сейчас свалится камень, что можно с этим поделать? Так свалилось на нас это несчастье! Еслн бы мы заранее знали, враг не посмел бы вступить на нашу землю.

— Но ведь теперь-то мы знаем?

— Теперь знаем и отомстим! Кровью врага мы смоем свой позор!

— Это только «начало мук роднн», — вмешался в разговор пожнлой вонн, по-вндимому, начитанный, — самое страшиое еще впереди. Захватнв князей, оставнв нас без главы, враг закроет наши церкви, изорвет наши евангелня, растопчет нашн святыни и затем скажет: «Поклоняйтесь огню и солнцу, вот вашн боги!» Нас заставят говорить по-персндскн и молнться по-персидски, ибо таков язык их богов. Наши хижины обмажут коровьнм пометом, потому что таков их обычай. Нам не позволят хоронить покойников, ибо такова их вера. Нашн храмы осквернятся дымом н чадом языческих жертвоприношений.

— А кто им позволнт? Кто согласится? — раздались голоса.

— Заставят... палкой н плетью заставят, — сказал пожилой воин, качая многозначительно головой.

Однн из молодых воинов, лежавший у костра, поднял голову и, широко раскрыв глаза, проговорил:

— Конечно, если мы будем сндеть сложа руки, нас за уши выволокут к огню и скажут: «Склонн голову, это твой бог». Но я ннкому не позволю войти ко мне в дом и тащнть меня за уши.

— Они уже вошлн в наш дом, — ответнл пожнлой вонн. — Не они ли похитили иашу госпожу?

— Они — изменники!

— Но ведь они находятся у нас в доме, они наши роднчи.

— Тот, кто нзменил, не наш роднч! Мы перебьем всех нзменников, будь то отец или брат.

— Перебьем, — подхватили остальные.

— Это мы еще увиднм, — сказал старик. — А сейчас надо подумать о нашей княгине. Пока княгиня Рштуника в руках врага, на нас лежит позор.

— Горе нам, — добавнли остальные. — Князь увел с собой многих из наших храбрецов. Бог ему поможет: ои найдет княгиню и вернет ее нам. Велика будет наша радость.

Разговор шел о Рштуникской княгнне Амазаспуи, которая во время осады острова Ахтамар нсчезла нз княжеской семьн. Ее супруг, нахарар Гарегнн, отправился иа понски жены, захватив с собой часть своих войск.

Все вдруг замолчали: по горам проиесся отдаленный рев, напоминавший рыканне тигра; он повторнлся несколько раз. Воины схватнлись за оружне и, вскочнв, стали напряженно вглядываться в темноту.

— Сюда идут люди, — сказал один.

— Это кричат наши ночные дозорные!

В лагере возникло легкое волнение. Собакн сталн сердито рычать.

Спустя немного времени к лагерю подъехала ночная стража. Она вела какого-то человека со связаиными за спиной рукамн, его шея была затянута арканом, за который его тянулн. Лицо было в сняяках от побоев.

— Шпион! — закричали дозорные.

— Сжечь его на костре! — раздались голоса.

Пленник упорно молчал. Он хладнокровно глядел

на дозорных и на людей, стоявших у костра. Его лицо выражало бесстрашие смелого человека.

— Сжечь! — повторила в один голос толпа.

В костер уже подбросили дров, когда пленник зашевелился и спокойно сказал:

— Вы не можете сжечь меня без разрешения княжны Рштуникской.

Все переглянулись. Он продолжал:

— А быть может, я ни в чем не виновен.

— Что делает ни в чем неповинный человек около нашего лагеря ночью? — спросили его.

— Это не ваше дело. Ведите меня к княжне! Пусть она рассудит.

— Княжна почивает, ее нельзя тревожить...

— Подождите до утра, пока она проснется.

— Да кто ты? Откуда? Как тебя звать?

— Я ничего вам не скажу.

Шум и крики долетели до белой палатки; полог несколько приоткрылся и снова опустился. Все посмотрели в ту сторону.

— Княжна еще не спит!

Через несколько минут одна из старых служанок княжны подошла к костру и спросила о причине шума. Узнав, в чем дело, она удалилась, но вскоре вернулась с приказанием от княжны привести к ней шпиона. Накрепко связанного пленника потащили к палатке.

Белая палатка представляла собой легкий подвижной дворец со всеми удобствами. Она состояла из многих частей, разделенных между собой занавесками. В каждом отделении жили служанки княжны соответственно их должностям. В одном жила ее прислуга, в другом — наставницы и воспитательницы, в третьем находилась опочивальня, в четвертом — приемная.

Княжна еще не спала, хотя было уже за полночь. Одетая, она сидела одна на тахте в своей опочивальне. Медный светильник, подвешенный к столбу на тонкой цепочке, похожий на сказочную птицу, освещал своим слабым мигающим светом бледное лицо княжны. Она была грустна, как ангел печали. Золотистые косы, краса рштуникских девушек, небрежно лежали на ее изящных плечах. В глазах светилась глубокая печаль.

Что волновало ее нежное сердце, созданное для ра-

дости, постоянного веселья? Тяжелые думы лишили ее сна и покоя. Она думала о разрушенных замках своей страны, о пропавшей без вести матери, которую она любила с детской привязанностью, думала о страданиях отца, подвергающего себя страшным опасностям ради освобождения любимой жены. И, наконец, она думала о Самвеле, от которого давно не получала никаких известий. Чем объяснить его молчание? Ее охватывала дрожь, особенно когда она вспоминала, что причиной всех ее бедствий был отец того человека, которого она так сильно любила и чья любовь делала ее такой счастливой и радостной. А он?.. Самвел... Не изменился ли он? Как он относится к поведению отца? Эти вопросы до безумия волновали бедную девушку. Ее душа, полная сомнений, не находила себе покоя и утешения. Если Самвел остался верен ей и ее роду, то, значит, он должен идти наперекор своему отцу, всей душой ненавидящему род Рштуни. Он может лишиться всего ради любимой девушки. Но способен ли он на такую жертву, которая разрушит его счастье и его будущее?.. И вправе ли она принять эту жертву, лишая тем самым прямого наследника дома Мамиконянов его родового наследства? Разве ее любовь сможет заменить ему эту огромную потерю — ему, человеку, обладающему высшими достоинствами, имеющему право всегда быть счастливым?

Княжна была охвачена этими горькими размышлениями, когда шум, поднявшийся в лагере, привлек ее внимание.

В часы уединения печальные мысли не раз волновали ее чувствительную душу, но когда этого требовали обстоятельства, она умела проявлять достаточное хладнокровие, необходимое при ее положении и знатности рода.

Когда пленника привели к палатке, княжна поднялась с тахты, позвала служанок и в их сопровождении вышла в приемную. Она была в трауре, и потому ее лицо было закрыто черной вуалью.

В приемной стояло пышное сиденье. Она села на него, служанки встали по обе стороны, поодаль разместились придворные. Она приказала слугам зажечь факелы

и откинуть полог шатра. Толпа, стоявшая перед палаткой, вся, как один человек, склонилась перед княжной, приветствуя ее.

Пленника вывели вперед.

— Кто ты? — спросила княжна.

— Если всемилостивейшая княжна Рштуникская желает узнать мой ответ, пусть прикажет развязать мне руки, — смело ответил пленник.

Окружающие с подозрением смотрели на смелого пришельца, удивляясь его дерзости. «Неужели он посягнет на жизнь княжны?» — думал каждый.

— Развяжите ему руки, — приказала княжна.

Один из приближенных княжны позволил себе заметить:

— Язык его свободен, княжна, пусть говорит, если хочет оправдаться.

— Развязать руки, — снова приказала княжна.

Приказ был исполнен. Пленник вытащил из-за пазухи сверток шелковой материи и, подняв его над головой, сказал:

— Вот в этом свертке мой ответ! Пусть славная княжна Рштуникская соблаговолит развернуть его.

Один из телохранителей подошел к нему, взял сверток и подал княжне. Охваченная радостным предчувствием и вместе с тем волнением, она развернула сверток. Оттуда выпал перстень. Эта красивая вещь была ей знакома и дорога.

Она спрятала перстень на груди и обратилась к окружающим:

— Человек этот — не шпион, а добрый вестник. Напрасно вы его мучили. Оставьте его наедине со мною, а сами удалитесь!

Удивленная толпа молча рассеялась. Незнакомца пригласили в палатку и опустили полог. Княжна сделала знак, чтобы приближенные тоже удалнлись, и осталась вдвоем с вестником.

— Как твое имя? — спросила княжна.

— Малхас.

— Где сейчас князь?

— Он расположился лагерем у Ахтамарской пристани.

«Ои приехал повидаться со мною, — подумала опечаленная княжна. — А вместо меия увидел развалины наших замков... Значит. ему уже известны печальные события».

— Сколько воинов сопровождает князя?

— Человек пятьдесят, не больше.

— Отчего так мало?

— Не знаю, княжна.

— Зачем прислал тебя князь ко мне?

— Князь отправил меня на поиски славной княжны Рштуникской и поручил сообщить ему о ее местопребывании.

Княжна впала в раздумье; Самвел, ее милый, радость ее жизни, хочет повидаться с нею. Но насколько желанно было это свидание, настолько оно было трудно осуществимо. Где встретиться? Самой отправиться к нему или назначить ему время для встречи в лагере? Самвел просил о последнем. Но могла ли она принять его в лагере? Не грозит ли ему неожиданная опасность? Как ей принять сына того человека, который превратил в развалины замки князей Рштуиика, который взял в плен княгиню Рштуникскую. Ей было хорошо известно, иасколько ее люди были злы на Мамиконянов и вообще иа тароицев. Что им сказать? Как их успокоить?

В глубокой иерешительности оглядывалась она по сторонам. Её чарующее лицо выражало крайнее нетерпеиие. Она искала выхода из положения, но не находила его. Малхас, как зачароваиный, смотрел на иее; он радовался, что его князь завоевал любовь такой прекрасной и умной девушки.

Она встала с сиденья, приблизилась к пологу, закрывавшему вход, осторожно приподняла край и посмотрела на небо. До рассвета оставалось еще много времени. «Нужно воспользоваться иочной темнотой — решила она — отправиться к Самвелу, но увидеться с ним не в лагере Мамиконянов, а где-нибудь в другом месте».

Она снова села на сиденье и обратилась к Малхасу:

— Тебе хорошо знакомы наши места?

— Да, княжна.

— Маиакерт знаешь?

— Зиаю, кияжиа, это иедалеко от замка Рштуиик, где Маиачихром были сброшеиы в озеро семеро диаконов святого Акоба, патриарха Мцбииского.

— Зиаешь ли ты родиик, что бьет у подиожья Манакерта?

— Да, кияжиа... Родиик слез патриарха Акоба Мцбииского, оплакивавшего своих диакоиов, сброшеиных в озеро. Возле родиика растет дикая груша, иа которую женщииы вешают куски материй, чтобы вылечиться от лихорадки и жара.

— Хорошо! Сколько тебе потребуется времеии, чтобы добраться до киязя?

— Коли меня опять ие задержат, до рассвета буду там.

— Тебя ие задержат. Ступай скажи киязю, чтобы ждал меия возле «Источиика слез».

Отдавая гоицу свой шелковый платок, оиа прибавила: — Привяжи его к иаконечиику копья, и ни одии рштуииец не осмелится троиуть тебя.

Оиа позвала одиого из приближеииых:

— Проводи этого человека, скажи, чтобы ему возвратили оружие и сиарядили в путь.

Малхас до земли поклоиился княжие, поцеловал край ее одежды и вышел из палатки.

Кияжиа осталась одиа, довольиая и счастливая. Оиа достала перстеиь и стала восторжеиио разглядывать его. Потом самозабвеиио прижала его к своим горячим губам, и на ее глазах выступили слезы радости. Этот иемой предмет доиосил до иее голос того, кто был ей дорог, кто был для нее иезамеиим. В холодиом блеске перстия оиа чувствовала теплоту дыхаиия своего милого и душой мчалась к иему.

Оиа вызвала азарапета[1] и приказала:

— Распорядись оседлать моих коией, десять телохраиителей должиы сопровождать меия.

— Сейчас? — спросил удивлеииый азарапет.

— Да, иемедлеиио.

[1] В данном случае — распорядитель слуг.

III. «Источник слез»

Солнце уже всходило, но в ущелье, где находился «Источник слез», еще царил глубокий мрак. Вершины гор едва-едва заалели от первых нежно-розовых лучей. Свежий влажный воздух был полон нежных ароматов густой зелени.

Кругом царила тишина. Безмолвно стоял лес, тянувшийся до голубого побережья. Лишь тихое журчание заветного источника, как грустная мелодия, нарушало тишину. Его журчание было похоже на вздохи опечаленного сердца, как будто патриарх Акоб все еще продолжал над ним свой неустанный плач...

Возле источника стояла Ашхен.

Встревоженный взор княжны был обращен на родник печали, серебристо-прозрачные струи которого низвергались из расщелины скалы; они быстро сбегали вниз и, обнимаясь с устилающими их путь разноцветными камнями, как будто с тоской шептали берегам: «Прощайте, мы больше не увидимся...» Кто знает: быть может, и княжна явилась для того, чтобы также сказать последнее «прощай».

Княжна была вооружена. Старшая у отца, она заменяла ему сына. Поэтому родители дали ей мужское воспитание. Рштуникские девушки вообще отличались храбростью и не отставали в этом от мужчин. На голове ее был маленький позолоченный шлем; стан охватывал стальной панцирь; в правой руке она держала легкое копье. В таком вооружении она походила на Афину Палладу, посетившую источник слез окаменевшей Ниобеи.

Недалеко от родника в тенистой гуще деревьев паслось несколько лошадей. Около них на траве лежали люди. Это была свита княжны.

Охваченная нетерпением, она стояла у источника, с тревогой вглядываясь в ту сторону, откуда должен был появиться Самвел. Ей хорошо было известно, что страна охвачена волнением. Она знала, что в их горах за каждым камнем, за каждым деревом скрывались люди. Известна была ей и смелость Самвела. Но мало ли что могло с ним случиться! Не мало испытаний предстоит ему. И ради кого? Ради нее самой! Мысль об этом и

радовала ее, наполняя сердце чувством блаженства, и одновременно ужасала, когда она думала о том, что он может стать жертвой любви к ней.

Вдали показались два всадника. Впереди них бежал скороход. Это был вестовой. Лицо княжны вспыхнуло... Время, пока они приближались, показалось княжне целой вечностью.

Всадники прибавили ходу. Отдыхавшие под деревьями воины княжны вскочили на ноги и, натянув луки, направили стрелы на всадников и скорохода. Один из них закричал: «Враг или друг?» — так спрашивают незнакомые люди друг друга при встрече на дороге. «Друг», — последовал ответ.

Княжна все еще неподвижно стояла у источника.

Всадники во весь опор гнали лошадей, не обращая внимания на то, что на каменистой горной тропе можно было в любой момент споткнуться и скатиться в пропасть. Когда они были близко, княжна поспешила навстречу. Один из всадников соскочил с коня и, обняв ее, воскликнул:

— Ах, Ашхен, чем я могу утешить тебя?

— Тем, что ты вот в моих объятиях!

В течение всего пути Самвел терзался мыслями об Ашхен: в каком состоянии он ее найдет, что скажет, как утешит в постигшем ее семью несчастье? Он придумывал множество слов утешения, которыми собирался успокоить ее опечаленное сердце. Но все эти слова оказались ненужными, когда он услышал ответ Ашхен. В объятиях любимой девушки все было забыто.

Недалеко от «Источника слез», под густой сенью благовонных пихт, на зеленой траве был разложен ковер. Самвел и Ашхен уединились; прибывшие с Самвелом Иусик и Малхас подсели к воинам княжны.

Самвел и Ашхен молчали, как это бывает обычно при сильном душевном волнении. Оба с восторгом разглядывали друг друга, не находя слов для выражения своих чувств.

— Я очень несчастен, Ашхен, — первый нарушил молчание Самвел. — Вместо того чтобы восхищаться сладостью твоей любви после столь долгой разлуки, вместо того чтобы наслаждаться бесконечным блаженством твоего присутствия, я вынужден говорить с тобой

о горестных н непрнятных вещах. Мы оба в трауре. Ты потеряла мать, я — отца. Твоя мать поплатилась за свою добродетель, а мой отец потерянный человек, нбо он злодей. Вступнв в пределы твоей страны, я прошел сквозь огонь н пепел. Я видел развалнны гордых замков твонх предков. Стыд мне и позор! Ведь все это сделано руками моего отца, того, кто будет твонм свекром!

— Зачем ты говоришь об этом, Самвел? — прервала его княжна. — Зачем ты, точно преступннк, оправдываешься передо мной! Я готова скорей умереть, чем хотя бы немного усомннться в тебе.

— Я знаю, Ашхен, насколько ты добра, насколько ты выше обыкновенных смертных. В твоей безграничной любвн все мон проступкн сгорают, как в пламени огня. Но моя совесть неспокойна, Ашхен! Я предвндел грядущую опасность. Я видел, как зловещая туча надвигалась на твою страну. Я поспешнл предупреднть тебя н твоего отца. Но беда прншла быстрее, чем мое пнсьмо...

— Вндно, такова воля всевышнего, — спокойно ответила княжна. — Но оставим это, Самвел. Лучше скажн мне, зачем ты прнехал сюда н куда намерен отправнться?

Вопрос был поставлен в упор. Самвел не знал, что ответить. После мннутного замешательства он сказал:

— Зачем я здесь... и куда направляюсь? Это очень прнскорбный вопрос, дорогая Ашхен. Ответнть на него сразу не так-то легко. Прежде я должен снять пелену с твонх глаз н открыть тебе все бедствия, постигшне нашу страну. Тогда ты сама поймешь, для чего я здесь и куда направляюсь.

Отрезанная от всего мира родными горамн, Ашхен нмела крайне смутное представление о том, что происходнло в Арменнн. Хотя н до нее дошлн горестные нзвестня, но они былн настолько туманны, что не давали возможностн понять, что думают делать злонамеренные люди, вызвавшие снльную смуту в стране. Самвел поспешнл осведомить ее о совершнвшихся н предстоящнх событнях. С сильным огорченнем опнсал он нзмену своего отца и Меружана Арцрунн, раскрыл злые намерения этнх предателей н взятую имн на себя позорную роль в деле уничтожения хрнстианства и распростране-

ния персидской веры в Армении. Поведал об их намерении сокрушить престол Аршакидов и создать в Армении новое царство под верховной властью Персии. Рассказал о торжественной клятве, принесенной ими царю Шапуху, и об их прибытии в Армению вместе с персидскими войсками. Рассказал об их варварских поступках и об их жестокости, связанной с их целями, — словом сообщил все, что знал и что предвидел.

Княжна слушала его в глубокой тревоге. Ее пламенные глаза выражали боль и гнев. Ее прекрасное лицо менялось много раз, пока Самвел не кончил свое печальное повествование.

— А что собираются предпринять армянские нахарары против всех этих зол? — спросила она.

— Некоторые из них на стороне изменников, но оставшиеся верными престолу и церкви поклялись стать как один и либо умереть, либо спасти родину от угрожающей опасности.

Затем он рассказал о приготовлениях нахараров, оставшихся верными родине, о назначении Мушега спарапетом, о призыве царицы Парандзем вооружиться против общего врага, и много другого. Свой рассказ он закончил следующими словами:

— Теперь я могу сказать, дорогая Ашхен, зачем я приехал и куда направляюсь. Передо мною два дорогих существа, находящихся в опасности: моя родина и девушка, которую я люблю. И родину, и тебя я почитаю в равной мере; и родина, и ты одинаково для меня бесценны. И голос родины, и твой голос призывают меня. Я долго страдал при мысли, на чей зов мне откликнуться. Я поклялся пожертвовать собой и ради родины, и ради тебя. Но я не в состоянии решить, кому из вас принести свою первую жертву. Дорогая Ашхен, укажи мне тот путь, по которому мне следует идти!..

— Спасение родины прежде всего! — проникновенно ответила княжна. — Ты не будешь достоин меня, Самвел, если не прибавишь к бесконечным потокам крови, проливаемой за спасение нашей родины, и свою кровь. И я не буду достойна тебя, если не сделаю того же!..

— Ты? — воскликнул Самвел, и его грустное лицо засияло радостью. — Позволь обнять тебя, ангел мести и справедливого гнева!

Они обнялись.

— Никакие радости ие могли бы так утешить меия, как эти слова из твоих уст, дорогая Ашхен! Они наполняют меия священной гордостью, потому что меня любит достойнейшая и храбрейшая из всех девушек Армении.

— Я буду сражаться за родиину, непременно пойду! — воскликнула девушка горячо. — Моя мать пропала, отец отправился на ее поиски. Не знаю, вернется ли он? Наши горцы волиуются: я едва сдерживаю их ярость. Оии ведь так сильно любили мою мать! Часть войска я оставлю для охраны нашей страиы, а другую возьму с собой и присоединюсь к тому войску, которое собирается под знаменем царицы Парандзем. Пусть у армянской царицы среди ее храбрецов будет и девушка-военачальник. Это ее порадует!

— Твои намерения достойны высокой похвалы, — сказал Самвел. — Если бы ты не пришла к такой мысли, дорогая Ашхеи, то я предложил бы тебе то же самое, но ты опередила меня. Ты еще не знаешь, что мой отец и Меружан Арцруни получили особые приказы от Шапуха захватить и держать в крепостях жеи и детей нахараров до тех пор, пока их мужья не сдадутся. И твою мать увели с той же целью. Ты счастливо спаслась, дорогая Ашхеи! Если бы ты ие отправилась со своим отцом на охоту в ту ночь, когда персы осадили ваш замок, нас обоих постигло бы несчастье, так как тебя бы тоже увели. Армянским иахарарам известно это распоряжеиие Шапуха, поэтому многие из них спешат найти убежище вместе со своими семьями в главной ставке армянской царицы.

Последние слова Самвела, видно, задели гордость княжны, и она довольно строго сказала:

— Не для того я отправляюсь в лагерь армянской царицы, Самвел, чтобы искать там убежище или защиту. Я хочу небольшие силы Рштуника присоедииить к воинству всей Армении. Если бы я захотела прятаться и спасать себя, то для этого в наших горах имеется много неприступных мест. Какие именио приказы получили твой отец или Меружан Арцруни от Шапуха, я не знаю; об этом я впервые слышу от тебя. Но я знаю твердо, если бы враг приблизился к иашим замкам со

стороны суши, персы не только не смогли бы ими овладеть, но и сами погибли бы в наших горах. Так оно и случилось, но не совсем...

Княжна подробно рассказала о том, чего Самвел еще не знал. Подтвердила, что в ночь нападения она вместе с отцом была на охоте и это спасло их от рук врага. В замке оставалась лишь мать с небольшим числом охраны. Враг наступал с двух сторон, и для этого разделил свое войско на две части. Часть приближалась по суше, а другая водным путем. Отряд, напавший с озера, не встретил сильного сопротивления и овладел замком. А те, что наступали с суши, большей частью погибли в горных ущельях и пещерах. Очень немногим из них удалось бежать в Ван.

Самвел только теперь понял причину тех военных приготовлений, следы которых попадались ему по пути и так настойчиво привлекали его внимание. Он обнял княжну и воскликнул с воодушевлением:

— Я верю, дорогая Ашхен, в твои страшные горы, в твои темные леса и в храбрость твоих горцев! Я на себе испытал их мощь...

— Каким образом? — спросила княжна, высвобождившись из его объятий.

— Когда я въезжал в Рштуник, со мною было триста всадников, теперь же у меня осталось только сорок три человека.

Княжна побледнела.

— Как ты неосторожен, Самвел! — смущенно сказала она. — Отчего ты не предупредил меня о своем прибытии? Зачем было терять людей?

— Я уже говорил, что написал тебе письмо, но оно не дошло до тебя. Но довольно об этом! — сказал он, меняя разговор. — Оставшихся сорок три человека мне вполне достаточно, чтобы отправиться туда, куда я задумал.

Последние слова он произнес с таким выражением, что княжна вынуждена была спросить:

— А куда ты отправляешься?

— Я еду к отцу...

— Ты все еще признаешь его своим отцом, Самвел? — воскликнула княжна и в гневе отвернулась.

— Да, Ашхен! Я еще люблю его. Я должен с ним

повидаться, обязательно должен. Я еще надеюсь на то, что мольбой и слезами смогу отклонить его от злодейских намерений. Если же мне не удастся, тогда...

— Что ты тогда сделаешь?

— Не спрашивай об этом, дорогая Ашхен, умоляю тебя, не спрашивай!

Княжна задумалась. Такого ответа она не ожидала. Она не думала, что Самвел мог скрывать от нее вещи, ему известные, так как была уверена, что для нее открыты и ум и сердце Самвела. Что же вынуждает его таиться перед нею?

— Хорошо, я не буду об этом спрашивать тебя, Самвел, — сказала она печально, — но я чувствую в твоих словах что-то страшное.

Улыбка Самвела ее взволновала, когда он спокойно ответил:

— Если даже в моих словах кроется тайный смысл, можешь быть уверена, дорогая Ашхен, что в них нет ничего страшного, они ясны и светлы. Пока только так я могу успокоить тебя: я не собираюсь делать ничего плохого или бесчестного. А моя встреча с отцом для меня необходима...

— Напрасная трата времени, Самвел. Ты все еще надеешься, как ты говоришь, мольбой и слезами воздействовать на отца. Но почему ты не думаешь, что и он, в свою очередь, постарается склонить тебя на свою сторону? Я не сомневаюсь, что, как только ты явишься, он непременно предложит тебе помочь ему. Ты, конечно, откажешься. Тогда он захватит тебя и, чтобы ты ему не мешал, посадит в темницу и таким образом лишит тебя возможности выполнить все твои благие намерения.

— Он не будет жестоким!

— Он не пощадил мою мать, свою кровную родственницу, не пощадит, несомненно, и родного сына.

«Тогда и я его не пощажу», — сказал про себя Самвел и, обратившись к княжне, добавил:

— Надейся на мое благоразумие, дорогая Ашхен, я не допущу, чтобы он поймал меня в ловушку.

Но княжну эти слова не успокоили.

— А что думает твоя мать? — спросила она.

— Она во всем согласна с ним. Тебе ведь известно ее тщеславие и ее ненависть ко всем Аршакидам. Ша-

пух обещал ее брату Меружану армянское царство, если он выполнит его приказ. Это обещание, на которое она возлагает большие надежды, совсем свело ее с ума. Она готова идти на все: принять персидскую веру, уничтожить христианство, лишь бы ее брат стал царем Армении.

— А что обещал Шапух твоему отцу?

— Должность спарапета Армении.

— А мать твоя знает, что ты едешь к отцу?

— Ей ли не знать! Она сама снарядила меня в путь с такой пышностью, как это подобает скорее царю. Она дала мне конный отряд — ратных людей, погибших в ваших лесах. Я доволен, что избавился от него. Он был мне тяжелой обузой. Надо благодарить ваших горцев за то, что они облегчили мой груз...

Теплые лучи солнца заливали долину; было уже за полдень.

Княжна и Самвел все еще разговаривали. Ашхен не сомневалась в искренности Самвела: она знала, насколько он был честен и правдив. Но она беспокоилась за его жизнь, с которой была связана и ее жизнь. Предприятие Самвела казалось ей весьма опасным, хотя она и надеялась на его ум и храбрость. Она не принуждала любимого человека отступить от своих намерений, но спросила:

— Когда же ты вернешься?

— Этого я не могу сказать, дорогая Ашхен, потому что не знаю, когда и где найду отца. Но я надеюсь, что скоро вернусь.

— Где мы встретимся?

— Здесь. Отсюда мы вместе отправимся в лагерь царицы Армении.

— Я охотно дождалась бы тебя, Самвел, если бы твердо знала, когда ты вернешься. Но я решила на этой же неделе отправиться в лагерь царицы. Там мы и увидимся, если иа то будет воля божья. — При этих словах голос ее задрожал.

Самвел взял ее руку в свои ладони.

— Решено,— сказал он со скрытым волнением,— мы встретимся в лагере царицы. Я надеюсь, что при встрече ты, дорогая Ашхен, поцелуешь меня в лоб и скажешь: «Да, ты достоин быть моим мужем», и это будет луч-

шей наградой за то тяжелое испытание, к какому влечет меня любовь к родине. Относительно всего мы условились. Я не стану больше задерживать тебя: знаю, твои горцы ждут тебя. Обними меня, дорогая Ашхен, поцелуй и благослови. Бог услышит мольбу невинных уст. Я отправлюсь в стан врагов. Мой путь — путь гибели или славы. Твой поцелуй вдохновит меня и окрылит, а твое благословение устранит невзгоды. Обними же меня, дорогая Ашхен!..

Они обнялись. Тихие потоки слез долго лились из их очей, но они не в силах были угасить пламя горящих сердец. «Источник слез» печальным журчанием вторил их глухим рыданиям...

IV. Амазаспуи

У Вагана была сводная сестра из рода Мамиконянов, сестра Вардана, по имени Амазаспуи, которая была женой владетеля Рштуникского гавара Гарегина... А нечестивые Ваган и Меружан приказали начальнику крепости (цитадели Вана) притеснять княгиню, если она не примет законов маздеизма. Когда Амазаспуи не согласилась принять религию маздеизма, то ее повели на высокую башню... раздели донага... и, привязав ноги веревкой, повесили вниз головой с того высокого места. И так она умерла на виселице...

Фавстос Бузанд

Луна торопливо скользила к высоким вершинам Сипана, которые тонули в густом, гнетущем мраке. С непостижимой грустью расставалась она с красивой, живописной местностью, где каждую ночь перед ней раскрывались чудесные картины. Внизу беспокойно шумело Ванское озеро. Оно волновалось тоскливо, как влюбленный перед вечной разлукой. В пылкой страсти похитило оно с неба трепетные лучи бледной царицы

неба и, сверкая, обнималось с ними и грустным шепотом волн, казалось, говорило им: «Не убегайте, не покидайте меня во мраке». Но луна ускользала...

На восточном берегу озера высились башни и зубчатые стены древнего города. При свете луны этот город был похож на древнюю волшебницу, выглядевшую, несмотря на свою старость, все еще красивой. Там, в своих воздушных дворцах, среди висячих садов[1], самая пленительная чародейка мира Семирамида развлекалась некогда любовью молодого армянского царя[2].

Это был город Ван.

Луна скрылась за высотами Сипана, оставив за собой глубокий мрак. Исчез из глаз прекрасный город, исчезло и сверкающее озеро. Теперь доносился лишь глухой ропот волн, словно кто-то, охваченный горем, жалобно всхлипывал в ночной тишине.

Свет луны сменился другим светом.

В воздухе над городом замелькали многочисленные огненные шары. Казалось, что все небо охвачено огромным пожаром, что загорелись звезды и падают на землю. Однако эти пылающие шары подымались снизу; они перевертывались в воздухе и затем уже падали вниз. Это был огненный праздник, дьявольская игра с огнем...

Раскаленный дождь становился все сильнее. Порой отчаянные крики глухим эхом сотрясали окрестности. Эти крики делались особенно громкими после сильных огненных вспышек, — так после сильного удара молнии грохочет разгневанное небо.

Ван был осажден.

Его осадили дикие рштуникцы вместе со своими со-

---

[1] *Висячие сады* были созданы в Вавилоне по велению легендарной ассирийской царицы Семирамиды (Шамирам).

[2] В армянском народе бытует легенда о любви Шамирам к царю Армении Ара Прекрасному, который, однако, ответил ей отказом на предложение «взять ее в супружество», не желая подчинить Армению Ассирии. В битве с Семирамидой Ара был убит. Уязвленная царица велела объявить, что духи «аралезы» оживили убитого и царь достался ей.

седями сасунцами. Горцы осадили Ван, как когда-то несчастная Троя была осаждена эллинами. Ревностный эллин дрался за честь прекрасной Елены, которую похитил бесстыдный любовник из гостеприимного дома ее мужа-царя. А рштуникцы дрались за любимую княгиню своей страны, которую безжалостно похитил брат.

Горцы разместились на вершинах соседних холмов и оттуда метали на город огонь. Их огнемечущими орудиями были пращи, грубо сделанные из железных цепей, чтобы они не горели. Туда вкладывали связки тряпок, пропитанных смолой, нефтью или другой легко воспламеняющейся жидкостью, куски холста зажигали и, вращая в воздухе, метали в сторону города. Некоторые с помощью тех же пращей бросали камни.

Вскоре наружному огню стал отвечать огонь изнутри. В разных частях города вспыхивали огненные языки: то пылали внутренние строения.

Войско, защищавшее город, приведенное Меружаном Арцруни и Ваганом Мамиконяном, состояло исключительно из персов. Во время рокового смятения оно было занято не столько борьбой с внешним врагом, сколько борьбой с жителями города, которые в ужасе выбегали из своих домов, охваченных пожаром. Войско опасалось, как бы жители города не открыли ворота и не впустили врагов.

Между тем огонь все усиливался. Сперва загорелись копны сена, сложенные на крышах конюшен, затем саманники и склады... Богатый рынок горел, как кусок материи. Огонь возник в столярном ряду и оттуда перекинулся на дома горожан. Люди, уже не заботясь о борьбе с огнем, думали только о бегстве. Они бросались во все стороны, но непроходимые потоки огня повсюду преграждали им путь. Отчаянные крики объятой ужасом толпы смешивались с треском рушившихся зданий и еще больше усиливали общее смятение.

Пожар освещал громадное каменное чудовище в северной части города, упирающееся чуть ли не в самое небо. Оно принимало все более страшный вид по мере того, как усиливался пожар. Гордо смотрело оно на море огня, бушевавшее у его подножия, и, казалось, мрачно говорило: «Ничтожная стихия, свирепствуй сколько хочешь, до меня тебе не добраться».

Это была цитадель Вана, каменное гигантское укрепление, как будто сооруженное самой природой. Это была та неприступная крепость, чудеса которой армянские предания приписывали Семирамиде.

Крепость походила на безобразного громадного верблюда, преклонившего колени и зарывшегося туловищем в прибрежный песок. Его шея была вытянута к востоку, а массивный круп — к западу. По двойному горбу, доходящему до облаков, разбросаны были огромные башни и неприступные куполообразные бастионы.

Казалось, усилия всего мира не могли бы сокрушить его скалистые бока, обладавшие твердостью стали. В каменных недрах его были высечены бесчисленные помещения для жилья, глубокие пещеры, залы и коридоры полны таинственности.

В одной из зал, где некогда восседала Семирамида, откуда она любовалась на синее зеркало Ванского озера, на чудесный вид Варагской горы и восторгалась красотами Армении, теперь находилась другая властительница.

Она спала таким приятным, спокойным сном, какой добрые гении не часто дарят смертным, спала, одетая, на своей роскошной постели. На прекрасном лице ее играли отблески пожара. На белом гладком лбу, обрамленном черными завитками волос, сверкали капли испарины. Пунцовые губы по временам чуть-чуть вздрагивали, и по раскрасневшемуся лицу пробегала легкая чарующая улыбка. Тяжелое дыхание приподымало пышную грудь, украшенную драгоценным ожерельем. Ее обнаженные руки, на которых сверкали браслеты, были скованы двумя железными кольцами, соединенными короткой цепью; одна нога была прикована к постели. Она была похожа на ангела в заключении, виновного своей невинностью.

Пышный чертог — ее тюрьма — был залит сквозь широкие окна ослепительным заревом пожара. При этом страшном освещении она выглядела еще прекраснее.

Крики и шум, доносившиеся отовсюду, разбудили ее. Она приподняла голову и с изумлением стала осматриваться. Несколько минут ей казалось, что все это во сне. До ее слуха долетел глухой топот множества ног и отчаянные, душераздирающие крики... Казалось, что

началось светопреставление и закачалась вселенная. Ее охватила дрожь. Она попыталась подойти к окну, но цепь на ноге мешала ей. Шум все усиливался, и освещение в комнате становилось все ярче. Теперь было страшно смотреть вокруг. Она закрыла руками глаза и, рыдая, воскликнула:

— Господи, что же это такое?

В это время кто-то тяжелой, твердой поступью поднимался по каменной лестнице замка, высеченной в скале. Свой взор он молча обращал то на разгоравшийся в городе пожар, то на неровные ступеньки под ногами. Его сопровождал воин с фонарем в руках, освещавший лестницу, хотя в этом и не было никакой нужды.

Долго поднимались они, пока не взошли на самый верх цитадели и остановились у двери помещения, где находилась Амазаспуи. Там он приказал воину подождать его, а сам вынул из кармана тяжелый ключ, отпер железную дверь и вошел.

— Привет тебе, дорогая Амазаспуи, — сказал он, подходя к княгине. — Я полагал, что ты еще почиваешь, но, как видно, шум потревожил тебя.

— Что это за шум? — с гневом спросила она.

— Это крики ликования, дорогая Амазаспуи, как было в первую ночь твоей свадьбы! Видишь, как прекрасно освещен город. Нет, тебе не видно. Сейчас я покажу...

Он подошел, отстегнул цепь на ее ноге, взял княгиню за руку и подвел к окну.

— Полюбуйся!

Точно ад со всеми его ужасами предстал перед взором несчастной женщины. Она задрожала всем телом, ноги у нее подкосились, и она упала на руки безжалостного посетителя, который схватил ее и положил на постель.

Вошедший был Ваган Мамиконян, отец Самвела и дядя женщины, лежавшей без чувств.

Он был высокого роста, крепкого сложения и, как все Мамиконяны, очень приятной наружности. Суровое лицо выражало упорство и жестокость человека с непреклонной волей. Он носил персидские знаки отличия.

Внезапный обморок княгини привел его в большое смущение. Он не считал Амазаспуи такой слабой, потому-то и поступил с ней так неосторожно.

Но обморок княгини продолжался недолго. Она открыла глаза, полные слез, и, взглянув на него, сказала:

— Этого ты хотел, Ваган? Или так уже окаменели в тебе человеческие чувства, что ты издеваешься над плачем и стенаниями тысяч семей, не замечая их смерти в пепелище родных очагов?

— Ты напрасно меня порицаешь, дорогая Амазаспуи, — ответил тот спокойно, — это не я, а твой супруг мечет огонь на город.

Гневное лицо княгини побледнело еще больше.

— Мой муж? — воскликнула она дрожащим голосом, — этого быть не может! Он за всю свою жизнь не обидел даже муравья. Сними с меня цепи, Ваган, и я сию же минуту, если он виновен, отправлюсь к нему и изолью на него весь свой гнев.

— Это он, во главе своих диких горцев, осаждает город.

— Если эти разрушения причиняет мой муж, то, несомненно, только из-за меня. Зачем же ты привез меня сюда, Ваган, зачем ты разгневал добродетельного человека? Ты разрушил наши замки и, не удовлетворившись этой жестокостью, захватил в плен меня, близкого тебе по крови человека. В чем моя вина? Зачем я здесь, в этих цепях, в этой каменной темнице, куда заключают только самых тяжких преступников? Для чего все это? Для того, чтобы добрейшего и милостивейшего человека, моего мужа, сделать зверем, чтобы принудить его к этой дьявольской игре с несчастным городом?

Она закрыла лицо руками и горько зарыдала. Ее слезы тронули князя Вагана. Едва сдерживая смущение, он взял ее скованную руку и с чувством произнес:

— Эти руки, привыкшие всюду сеять добро, теперь закованы в цепи, да, именно твоим родичем. Но не проклинай меня, дорогая Амазаспуи: бывают в жизни, особенно в жизни государства, такие горькие времена, когда и родные, и чужие — все одинаково терпят наказание, если препятствуют тому великому делу, которое совершается для блага всего народа, для его будущего счастья. Мы — я и Меружан — служим этому делу.

— Что это за дело? Чему вы служите с Меружаном?

— Тебе известно, дорогая Амазаспуи. Чего же ты еще спрашиваешь?

Печальные глаза княгини зажглись гневом.

— Стыдись, Ваган! — воскликнула она. — Позорным делом ты бесчестишь славный род Мамиконянов. Да будет проклят тот день, когда ты появился на свет! Лучше бы твоя мать не родила тебя — кару и несчастье земли армянской!

Князь молчал. По его телу пробежала холодная дрожь, а всегда спокойное лицо судорожно исказилось.

— Ты проклинаешь меня, Амазаспуи?

— Ты достоин этого, Ваган. Тот, кто изменил родной церкви и стремится распространить языческую веру персов на своей земле, тот, кто изменяет своему царю и хочет утвердить у себя на родине варварскую власть персов, тот, кто огнем и кровью заливает родную страну,— тот достоин только проклятия. Тебя будут проклинать тысячи матерей, которые лишатся своих сыновей, будут проклинать тысячи жен, оставшиеся вдовами. Тебя будут проклинать тысячи сестер, братья которых падут в междоусобной борьбе... Тебя будут проклинать тысячи детей, оказавшиеся сиротами... Проклянет тебя будущее поколение, вспоминая о твоих злодеяниях...

Эти слова поразили князя в самое сердце.

— Да, — ответил он печально, — много будет жертв, и мне тяжело, но иначе нельзя. Без жертв не может быть спасения. Пусть настоящие и будущие поколения проклинают меня, — моя совесть спокойна. Я убежден, что не делаю ничего плохого. Почему ты, Амазаспуи, забываешь о прошлом? Почему ты забываешь бедственную историю недавних времен? Когда Тиран, отец заключенного ныне царя, желая уничтожить род нахараров Арцруни и Рштуни, велел их всех перебить без различия пола и возраста, кто были те двое детей, которые спаслись от общего избиения?

— Один из них был Тачат Рштуни, отец моего мужа, а другой Шавасп Арцруни — отец Меружана.

— Да, только эти двое остались в живых из двух больших нахарарских родов. И когда этих двух мальчиков палачи привели к Тирану, чтобы убить их, кто были те двое, что с обнаженными мечами в руках бросились к площади казни и спасли невинных детей?

— Одии из иих был твой отец — Артавазд, а другой — твой брат Васак.

— Да, Амазаспуи, один был мой отец, а другой — мой брат. Из-за этих двух мальчиков оии бросили службу у Тирана, покинули свою родовую вотчину Тарон и укрепились в горах Тайка. Там они вырастили, воспитали мальчиков и выдали за них своих дочерей. От Шаваспа родился Меружаи Арцруни, а от Тачата — Гарегии Рштуни, твой супруг. Таким образом возродились два уничтоженные было нахарарских рода...

— Я ие понимаю, почему ты мне напоминаешь об этом? — прервала киягиня.

— Потому, Амазаспуи, что на доме Аршакидов лежит кровавое пятно, и кровь должна быть смыта кровью...

— Но ие кровью невиниого народа.

— И кровью невиниого иарода, если ои по глупости выступает защитником сгиившего, безнравственного дома Аршакидов. Если бы мы раньше избавились от этой династии, то наша страна была бы счастлива, так же как и мы.

— Твоя голова забита пустыми бреднями, Ваган, — сказала с негодованием княгиня. — Страсть, ненависть, безудержная мстительность ослепили тебя и лишили всего человеческого, угодного богу. Скажи мне, в чем вина сыиа Тирана — Аршака, иашего нынешнего иесчастного царя, обреченного на страдания в мрачной темнице Ануш? Вина ли его, что Тиран поступил дурно?

— Его руки тоже испачканы кровью, — с ядовитой усмешкой ответил князь. — Имей некоторое самолюбие, дорогая Амазаспуи. Кто велел убить твоего отца и моего брата?

— Царь Аршак.

— Кто велел перебить наших зятей — весь род Камсараканов и алчно захватил их город Ервандашат и замок Артагерс?

— Царь Аршак. Одиако, что ты хочешь этим доказать, Ваган? Восстание твое и Меружана направлено ие против аршакидских царей, а против государства. Пойми это! Тиран или сын его Аршак могли быть плохими царями. Но в чем виноваты их иаследиики? Быть может, сыи Аршака Пап будет для иас хорошим царем.

— Ошибаешься, Амазаспуи: от змеи не родится рыба, а от волка — ягненок!

— Нет, это ты ошибаешься, Ваган! Вот родился же у тебя Самвел, наиблагороднейший юноша.

Едва ли на всем свете можно было найти человека, который посмел бы в лицо так едко порицать этого надменного князя и остался бы безнаказанным. Ваган не только уважал Амазаспуи, но и любил ее. Среди всех дочерей из рода Мамиконянов Амазаспуи выделялась своим высоким благонравием и умом. Поэтому она пользовалась общей любовью. Князь, заметив, что спор принимает неприятный оборот, пренебрег обидой, нанесенной ему родственницей, и сказал:

— Если Самвел не последует за мной, он мне больше не сын. Но оставим это. Мы отвлекаемся от нашего разговора, Амазаспуи. Я говорил тебе о преступлениях Тирана и Аршака, чтобы доказать, что мы с Меружаном имеем все основания ненавидеть Аршакидов. Еще более убедительные основания имела ты, Амазаспуи, потому что Аршак убил твоего отца. Так же, как и твой супруг, потому что Аршакиды велели перебить весь его род. Но и ты, и твой муж не только остались верными убийцам ваших предков, но даже со всей настойчивостью защищаете их. Кто их защищает, тот наш враг. А с врагом мы поступаем по-вражески. Вот почему я и Меружан разрушили ваши замки и привели тебя сюда в качестве пленницы!

— Для чего же вы привели меня сюда?

— Чтобы твой муж сдался.

— Вот видишь, вместо того чтобы сдаться, он сжигает город Меружана и бросает нас в море огня. Что вы выгадали своей жестокостью, Ваган? Ничего! Вы только вызвали кровавую междоусобную войну. И эта война будет продолжаться бесконечно и примет еще более ужасный характер, если вы не свернете с вашего злодейского пути. Повторяю: тот, кто пытается уничтожить христианскую веру и престол своего государства, — тот изменник и предатель. Ни я, ни мой муж никогда не будем союзниками предателей!

— Напрасно ты так думаешь, Амазаспуи. Мы, то есть я и Меружан, совершили бы большое преступление, если бы, как ты говоришь, ставили своей целью уничто-

жение религии. Мы стараемся вернуть наш народ к его исконной религии, к любимым богам наших предков. Большинство народа придерживается старой веры и ненавидит христианство. Что дало нам христианство? Лишь то, что сблизило нас с коварными византийцами и рассорило с нашими старыми друзьями и союзниками — персами.

— Разве можно, Ваган, расценивать веру, исходя из политических соображений и превращать ее в орудие личных интересов? И ради того, чтобы подружиться с персами, отказываться от своей веры? Значит, надо переменить...

— Я еще не кончил, Амазаспуи, ты все время меня перебиваешь.

— Кончай.

— Напрасно ты думаешь, что мы стремимся уничтожить родной нам царский трон. Разве Аршакиды нам родные? Они пришли из чужой страны парфян. Мы их только терпели, терпели их и персы, пока в Персии также господствовала династия Аршакидов. Ныне в Персии эта династия пала, и установилось новое, сасанидское государство. Сасаниды не потерпят христианскую династию наших Аршакидов. Мы желаем уничтожить этот камень преткновения. После этого мы будем иметь своего родного царя, потому что Шапух обещал дать армянское царство Меружану.

Княгиня презрительно улыбнулась и, покачав красивой головой, сказала:

— Можно ли верить обещаниям вероломного Шапуха? Это же какой-то бред, которым может быть охвачен только сумасшедший Меружан. Пусть так! Но если согласиться с твоими рассуждениями, Ваган, что Аршакиды чужды армянам, так как они пришлые парфяне, то все мы окажемся чуждыми Армении. Например, мы, Мамиконяны — китайцы, предки твоего дорогого Меружана — ассирийцы, и еще многие из носителей нахарарских фамилий являются чужестранцами. Но время сделало нас всех армянами. Теперь все мы говорим на армянском языке, исповедуем армянскую веру и породнились с армянами. То же произошло и с Аршакидами,

Терпеиие Вагана истощилось. Он встал, подошел к княгине и сказал:

— Ты любишь спорить, Амазаспуи; ты и в детстве всегда спорила, когда мы во дворе замка играли в мяч. Но я скажу тебе очень коротко. Вот наша цель: христиаиство должио быть уиичтожеио, династня Аршакидов должиа пасть, это необходимо для успокоеиия нашей страны. Меружан должеи быть царем Армеиии под властью Персии. Мы должны объедиииться с персами в общей религии ради большего укреплеиия нашей дружбы. У нас с ннмн не должио быть различий в религни.

— Пусть они присоединятся к нам, — прервала княгиня, — пусть оии примут христиаиство, и тогда между иамн ие будет различий в религии.

— Слабые всегда следуют за снльиыми. Мы слабы, а они — могущественны.

— По христианскому учению, самый малый является самым велнкнм, а слабейшнй — могучнм.

— Это бредии! Слабый — слаб, могучий — могуч. Ты должиа сказать одно, Амазаспуи: согласна ли ты с нами?

— Нет!

— Кто не с нами, тот наш враг!

— Я ие считаю себя твоим другом, хотя ты мой дядя.

— Кто не с иами, тот будет наказан, и иаказан беспощадио.

— Какое же еще может быть более сильное наказанне, помимо этого? — оиа указала иа свои оковы.

— Есть наказание и пострашнее...

— Я готова, Ваган.

— Обдумай получше!

— Я все обдумала и решила...

Ужасные крики усилнвались с каждой мииутой. Маленькая комнатка, в которой они находились, осветилась ярко-кровавым светом. Спор прервался. Княгиня закрыла глаза и воскликиула:

— Вот, Ваган, ответ иа твон угрозы... Вот, чего вы добиваетесь: огня и крови!

V. Утро после ужасной ночи

Было еще темно, до рассвета оставалось немало времени. Всадник на белом коне, окруженный толпою телохранителей, скакал по улицам взбаламученного города, появляясь там, где волнение было особенно сильным. Бесстрашно проносился он сквозь огонь и около зданий, уже готовых рухнуть. Его исключительная смелость заставляла думать, что он заколдован и никакая сила не смела его коснуться. В народе так о нем и говорили.

Это был Меружан Арцруни. Природа наделила его не только внушительной наружностью, но и громадным честолюбием, а жестокость его не имела границ. Кровь его предков ассирийцев, смешавшись с кровью армян и «вишапидов» из замка Джаймар, придала его могучему телу силу дракона. Грандиозная фигура его была стройна; он был очень красив собою, подобно Сатаилу — ангелу смерти.

В медных доспехах, при ярком свете пожарища, как светозарное солнце, ослепляющее взор, блистал он своей знатностью.

Повсюду, где он появлялся, смолкал шум, стихало волнение. Но зато вслед ему неслись глухие проклятия... Жители его собственного города проклинали его. А было время, и это было не так давно, когда на улицах того же города юные девушки бросали цветы под ноги его белого коня, а женщины воздавали ему хвалу...

Он проехал через большую площадь к своему дворцу. Прекрасный замок, украшенный колоннами, пылал. Он горел не от вражеского огня, а от поджогов горожан.

«Раз горят наши лачуги, пусть горит и дворец» — говорили они, поджигая замок. Он посмотрел на роскошное обиталище своих предков и в гневе отвернулся.

Дворец был почти пуст, так как княжеское семейство выехало на дачи, в вотчину Арцрунидов. В нем оставались лишь некоторые слуги.

На площади перед дворцом собралась огромная толпа. Это были главным образом женщины и дети, бежавшие из горевших домов. Их домашний скарб в беспорядке валялся на площади. Освещенная заревом пожа-

ра, группа этих ошеломленных, испуганных людей представляла тяжкое зрелище.

Меружан подъехал к ним.

— Не приближайся, князь Меружан! — закричали женщины.

— Потуши пожар! — кричали дети.

Он поднес руку к глазам. Неужели эта каменная душа в состоянии прослезиться? Значит, детские слезы могут искрошить скалу?

Он поскакал к городским воротам. Там шумела толпа горожан, споря с персидской стражей.

— Горожане хотят открыть ворота! — доложили ему.

— Бейте их! — коротко приказал он.

Персы принялись избивать его подданных.

Он двинулся дальше. Его сопровождал один из видных персидских начальников. Когда немного отъехали, начальник сказал:

— Защищаться далее невозможно, князь.

— Почему?

— Ведь вы видели, как горожане хотели открыть ворота и впустить врага.

— Потому я и приказал расправиться с ними...

— Всех не перебьешь!..

— Если понадобится, перебьем всех!

— Но ведь невозможно драться одновременно и со своими людьми, и с внешним врагом.

— Если это невозможно, то остается один исход — смерть...

— Нас это ждет... но не лучше ли воспользоваться ночной темнотой, прорвать цепь врагов и покинуть город.

— Не так-то легко прорвать цепь рштуникских зверей... Будем защищать город до последнего вздоха. Займется заря, и мы начнем бой.

Персидский воевода умолк. Они направились к другим воротам города, которые уже находились под сильной охраной.

Ночь прошла в адском окружении пламени и дыма. А лишь только показался первый луч зари, на дымящихся развалинах началась ужасная резня. Ночью погибали строения, а днем — люди.

Еще не успел поредеть утренний туман, еще только

птицы своим веселым чириканьем начали возвещать желанный восход светила дня, как рухнули первые городские ворота. Они рухнули от удвоенных усилий горожан и осаждающих. В город ворвалась озверелая толпа. «Христиане, отойдите в сторону!» — раздались голоса.

Жители Вана, забыв зло, причиненное им осаждающими, присоединились немедленно к горцам, сжигавшим еще вчера их дома, и напали на персидские войска. Пошли в ход мечи и копья, зазвенело железо и тяжко застонали кованые щиты. Битва происходила на улицах. Персидские войска в этой отчаянной борьбе дрались так, чтобы побольше захватить с собой людей на тот свет. Меружан Арцруни всячески их ободрял. Приказания его уже не действовали. Он молниеносно появлялся там, где персы начинали сдавать.

В это время с высоты цитадели Ваган Мамиконян угрюмо следил за тем, что происходило внизу. Чем больше глядел этот человек, тем сумрачнее становилось его лицо. Жители столицы Меружана, присоединившись к рштуникцам, громили приведенное им из Персии войско. «О, как мы плохо знаем армянский народ», — думал он, и гневное сердце его наполнялось горечью.

Солнце еще не взошло. Но серый утренний туман начинал проясняться, и постепенно стали вырисовываться окрестности.

С высоты цитадели он заметил большой отряд горцев, направлявшийся прямо в его сторону. Отряд вел дородный воин, котрого с трудом можно было разглядеть среди его телохранителей в доспехах и щитами. Он подъехал к цитадели и, заметив стоя[illegible] наверху князя Мамиконяна, закричал:

— Мамиконян тер! Почему ты, как трус[illegible] ца, прячешься за этими высокими стенами? [illegible] поборемся и честным поединком положим [illegible] вой сече. Ты хоть и потерял благородст[illegible] ков, но, по крайней мере, не налагай [illegible] рость Мамиконянов.

— Не у горцев учиться нам благород[illegible] ника! Если ты не желал проливать кров[illegible] иных людей, если ты не желал тысячи до[illegible] жарам, ты должен был сделать свой в[illegible] пролития. Тогда я вышел бы из города

тобой силой... Но раз битва началась столь бесчеловечно, пусть она так и продолжается!

— Горец этой бесчеловечности иаучился у тебя, Мамиконян тер! Кто, как вор, пробирается в иезащищенный замок своей племянниицы и похищает ее из недоступной для всех опочнвальни, тот ие имеет права говорнть о благородстве.

Князь Мамикоиян ие нашелся, что ответить. Поиошение зятя вонзилось в его сердце, как стрела. Он обратился к персидскому гарнизону и приказал защищаться.

А Гарегин Рштуни, в свою очередь, отдал приказ приступить к штурму цитадели.

Армения страиа горная и камеинстая, и потому в числе ее войск нмелнсь полки, которые назывались «камиеходнымн». Их обучалн карабкаться иа иедоступные скалы, ими пользовалнсь при осаде замков и крепостей, которые в большнистве случаев строились в Армении на вершииах иеприступиых скал.

Рштуннкскне и мокскне горцы, выросшие среди скал, привыкли с детства ползать, как ящерицы, по крутнзиам. Они были готовыми «камнеходами»... Теперь перед иимн возвышалась отвесная гнгантская скала, с которой иелегко было справиться. На вершиие этой скалы стояла могучая крепость, в ней томилась их любимая княгиия.

Они повели нападенне с западной стороны крепости, [illegible] чившей на озеро. Едннственная дорога поднима[illegible]сь уступами, высеченными в скале. Там, где [illegible] недостаточно защнщеиа природой, там ис[illegible]века создало стены и бойннцы, которые [illegible]нсь до самого верха скалы.

[illegible]е «камнеходы» иачали приступ. С по[illegible]ых крюков оии карабкалнсь по кру[illegible]лы. Этих дерзкнх, бесстрашных героев [illegible] иесметиым количеством стрел. Но [illegible]и укрыты от иих шнрокимн кожаными [illegible]ми форму балдахина и прнвязанными к [illegible]даряли́сь об эту иепронцаемую бро[illegible]н, точио легкие перья.

[illegible]мни! — раздался приказ киязя Мами-

Посыпался страшный каменный град. Сотни рук вращали в воздухе пращи с тяжелыми камнями и метали их вниз. Против каменного обстрела щиты «камнеходов» уже не могли устоять. От ударов камней горцы скатывались вниз.

В это время с северной стороны крепости наступление велось совсем другим способом. Более двухсот человек толкали вперед какое-то громадное деревянное чудовище, которое от колоссальной тяжести еле передвигалось на своих толстых колесах. Оно походило на низкую телегу армянских крестьян, с той лишь разницей, что вместо животных колеса двигали снизу люди, спрятанные под крепким настилом. Тысячи рук ровняли дорогу лопатами и кирками, и страшное чудовище медленно продвигалось вперед. Его угрожающий вид нагнал ужас иа защитииков крепости. Все их силы были теперь обращены в эту сторону. Сверху стали пращами метать камни. Они попадали в крепкий корпус чудовища и отскакивали в сторону, не причиняя ему никакого вреда, — чудовище, точно глухое ко всему, невозмутимо продолжало свой путь.

То был престрашный «пиликван» — гигантский крот, подкапывавшийся под крепости и замки. С трех сторон цитадель была защищена отвесными скалами, и лишь с одной стороны ее утесистый бок был несколько пологим. Здесь крепость охраняли толстые стены и башни.

Взобравшись на террасу, где возвышалась первая стена, чудовище подняло свою страшную голову и прислонилось к стене, как к мягкой подушке. Внутри его скрывалось множество людей, вооруженных кирками, заступами и молотами. Они начали подкапывать фундамент стены. Лишь огонь мог спасти крепость от этого гигантского крота. Сразу полетели огненные мячи, но чудовище оставалось невредимым. Его дощатые стены были покрыты толстым слоем мокрого войлока. Падая на него, огненные мячики шипели и гасли, оставляя в воздухе неприятный запах гари.

Скрытые в чудовище люди с большим рвением продолжали подкоп под толстым основанием крепостной стены. Уже открылась огромная брешь, но путь сквозь нее закрывала торчавшая за стеной скала. Длинные кирки и молотки тщетно долбили это новое препятствие.

Тогда решили увеличить брешь, чтобы можно было обойти скалу.

Князь Ваган сверху смотрел на эту работу; на его холодном лице блуждала и грусть и презрительная усмешка.

«Дураки, — думал он, — что вы выиграете от того, что разрушите эту стену?»

Он был прав: за первой стеной находилась вторая, за ней третья, четвертая... вплоть до самой вершины, где стояла мощная крепость.

Но князя мучило другое: у горцев не было осадных машин, очевидно, они взяли «крота» из города, — значит, они уже полностью овладели городом? Где же Меружан? Где персидские войска, охранявшие город? Это обстоятельство очень беспокоило его. Если бы он потерял Меружана, то совсем погибла бы та идея, которая для него имела огромное значение и ради которой он пожертвовал всем...

В смятении находились и персы, охранявшие крепость. Они тоже прекрасно понимали, что город захвачен, что они одиноки на этой скале и осаждены бесчисленными врагами. Персидский воевода торопливо приблизился к князю и, задыхаясь, сказал:

— Опасность велика, князь!

— Вижу!

— Нам следует сдаться!

— Ни за что!

— Через несколько минут сюда ворвется дикая толпа!

— Это невозможно. Ты, значит, не знаешь устройства крепости!

— Если стены крепости защитят нас от внешних врагов, то каким образом мы сможем защищаться против внутреннего врага — голода и жажды! Держа нас в осаде, они доведут нас до голодной смерти.

— Тем лучше; умрете и избавитесь от позора.

— Зачем же напрасно умирать?

— Чтобы не запятнать знамени царя царей, чтобы не сказали, что персидские воины — трусы!

Военачальник замолчал, поклонился и вышел.

— Негодяи, — сказал ему вслед разгневанный

князь, — вы храбры лишь тогда, когда враг бежит впереди вас!

То же самое происходило и внизу, в городе. Персы совершенно растерялись, когда горцы, выломав городские ворота, ворвались вовиутрь. Все старания Меружана ободрить войска ни к чему не приводили. После безиадежиого сопротивлеиия часть персов сдалась, а часть бежала через другие ворота.

Меружаи остался одии, покинутый горожанами и персами, на которых он возлагал большие иадежды. Бросив тоскливый взгляд иа горящий город, где так долго жили и царили его предки, он воспользовался общим смятением и с горстью телохраиителей покинул город.

Утренняя мгла совсем рассеялась, отступая перед светом восходящего солица. Багровый рассвет окрасил горизоит золотистым пурпуром. Еще иемного — и первые лучи солнца, багровые, как кровь, брызнули на кровавые потоки, разлившиеся по земле.

Осаждающим удалось пробить иастолько широкую брешь в первой стене, что миновав ее, оии начали подкоп под вторую стену. Чудовище осталось вне стеиы; оио не могло своим огромиым корпусом пройти через брешь. Со стороиы цитадели сопротивлеиия почти ие было; персы думали только о том, как бы сдаться в плеи, хотя и имели полиую возможиость защищаться. Князь Мамиконяи хорошо понял, что на персов в случае опасности ему иечего рассчитывать, и потому предоставил им делать, что оии хотят.

Между тем «камиеходы» с успехом пробирались наверх. Одному из них удалось доползти до ворот замка и воизить в иих острие своего кинжала.

— Откройте, — кричал ои, — или тысячи кинжалов моих соратииков воизятся в ваши сердца!

Ворота раскрылись иастежь. Наверху подали знак о сдаче в плен. А внизу ликовали горцы.

Рштуиикский киязь, окружеииый вельможами, торжествеино приблизился к подножию крепости. Сверху иемедлеиио спустился персидский воевода и, передав ему крепостиые ключи, сказал:

— Крепость побеждеииого Меружана вру[illegible] иейшему победителю. Прими ключи, те[illegible]

покорный раб и вверенное мне крепостное войско — мы преклоняем головы перед твоим мечом и уповаем на твое милосердие.

Раздались многократные победные крики.

Князь Рштуника принял ключи и сказал:

— Ваши головы будут спасены, а ты и твоя крепостная стража полностью заслужите мою милость, если укажете, где томится княгиня Рштуника!

— Сейчас вам ее покажут! — раздался голос сверху, заглушенный общим шумом.

То был голос Вагана Мамиконяна. Он стоял один наверху и в бессильной злобе наблюдал за тем, что происходило вокруг. Убедившись в том, что крепость сдана, он обратился к своим людям и подал им какой-то таинственный знак, а сам удалился...

Вскоре на одной из западных башен цитадели повисло белое тело, которое сияло, как снег, в первых лучах солнца... Все взглянули туда и застыли от ужаса.

Не ужаснулся только князь Мамиконян. С грустью посмотрел он на безжизненный труп, отвернулся и, с трудом передвигая ноги, направился к северной стороне цитадели. Мир для него погрузился во мрак. Почти бессознательно он подошел к одной из комнат с железной дверью, выдолбленной в скале. Вынул из кармана маленький ключ и открыл дверь. Войдя, он запер за собой железную дверь. В углу комнаты на полу была квадратная плита, ничем не отличавшаяся от других. Он наступил на ее край, от нажима плита поднялась, открылось узкое отверстие, ведущее в подземелье, через которое мог пройти лишь один человек. Обеими руками он оперся о края отверстия и опустился в подземелье. Плита за ним закрылась.

Это был подземный ход, служивший для бегства.

Почти в то же самое время, когда отец спускался в потайной ход, к большим воротам Вана подъехал его сын Самвел. Внимание молодого человека прежде всего привлекли два крылатых вишапа, стоявшие по обеим сторонам ворот. Эти замечательные творения искусства теперь были разбиты. Он вошел в ворота. Сожженный город все еще дымился в догоравшем пламени.

Взор Самвела приковался к башне. Покачивающееся то сияло, как снег, в первых лучах солнца.

— Что это? — в ужасе воскликнул он.
— Это тело княгини Рштуника, — ответили ему.
— Кто ее повесил?
— Ваган Мамиконян!
— Каин!.. — воскликнул несчастный юноша, закрывая лицо руками. — Тот убил брата, а ты свою племянницу!

VI. Предатель на пороге своего дома

В главном соборе города Хадамакерта продолжалась литургия. Хотя день был не праздничный и не воскресный, церковь была полна народу.

Против алтаря в правом углу церкви возвышался закрытый придел, поддерживаемый четырьмя мраморными колоннами. Передняя стена придела представляла собой золоченую решетку, покрытую изнутри плотными шелковыми занавесями; внутренность придела была недоступна постороннему взору.

Пол был устлан дорогими коврами; в углу стояло богато украшенное сидение. Пожилая женщина, сообразно обрядам литургии, то делала поклоны и молилась, то вставала на колени и земно кланялась, то садилась и с глубоким волнением слушала молитвы. Она была воплощением религиозного благочестия.

Никогда еще ее религиозные чувства не были так пламенны, а мольбы проникнуты такими чувствами перед священным престолом, как сегодня. Она выглядела удрученной, будто находилась в горести, по печальному лицу молящейся текли обильные слезы.

Это была княгиня Васпуракана, мать Меружана Арцруни.

Придел, в котором уединилась княгиня, был фамильной молельней рода Арцруни. Соорудив кафедральный собор, они отвели эту молельню для княжеского дома.

Она встала, когда по окончании службы в молельню вошел священник, служивший обедню, и поднес ей просфору. Взяв просфору, она поцеловала руку священника. Теперь уже ее печальное лицо и кроткие глаза, которые выражали беспредельную доброту, смотрели бо-

лее спокойно, вызывали почтительное отношение. Она сочетала в себе благородные черты аристократки с благочестием христианки.

— Как здоровье твоей дочери, батюшка? — спросила она. — Мне говорили, что она очень больна.

— Теперь ей лучше, княгиня,— ответил священник.— Опасность миновала. Своей жизнью она обязана тебе, княгиня. Если бы ты не прислала спешно придворного лекаря, я лишился бы моей единственной дочери. Да продлит господь твою жизнь, княгиня, за то, что ты так заботлива к другим!

— Это моя обязанность, отец. Все они — мои дети,— ответила она. — Сожалею, что в ближайшие дни я буду занята и не смогу посетить больную.

— Она очень обрадовалась бы, княгиня. Твое посещение совсем излечит ее.

Священник удалился. В молельню вошли две служанки, стоявшие снаружи. Они взяли княгиню под руки и осторожно свели ее с каменной лестницы.

После обедни молящиеся остались в церкви, так как дворцовый протоиерей должен был произнести проповедь. Но княгиня не стала дожидаться проповеди и через особый выход вышла из церкви.

На улице ее ожидали пышные крытые носилки, она села в них вместе со своими служанками, и белые мулы медленно повезли ее. Два телохранителя в красной одежде следовали впереди носилок, а позади шли придворные. Начиная от дверей церкви, по обе стороны улиц стояли нищие, с нетерпением ожидавшие появления милосердной госпожи. Казначей княгини с кошельком в руке подходил к каждому из них и щедро раздавал обычную лепту.

На улицах города всякий — и стар, и млад, — кланялся княгине, выражая ей свою любовь, как матери народа и владычице страны. Она через дверцу носилок приветливо отвечала на поклоны.

Носилки остановились перед великолепным княжеским дворцом, у ворот которого стояли громадные крылатые драконы. Это был герб князей Арцруни; он красовался у входов во все их города и дворцы.

Княгиня сошла с носилок и в окружении слуг направилась во дворец. Она прошла по прекрасным

озелененным дорожкам дворов, где росли вековые деревья, и поднялась в свою комнату. Слуги удалились; при ней остались только служанки, но и они пробыли недолго: видя, что госпожа ни в чем не нуждается, они покинули комнату.

Вскоре к ней за благословением явилась ее невестка, жена Меружана. Она вела за руки двух маленьких детей. Дети подошли и поцеловали правую руку княгини. Это делалось каждый раз, когда княгиня возвращалась из церкви. Княгиня поделилась с невесткой и внуками принесенной просфорой. Внучата, мальчик и девочка, положив маленькие ручонки на бабушкины колени и обратив к ней вопросительные блестящие глазки, спросили:

— Бабушка, отчего батюшкин хлеб такой вкусный?

— Это божий хлеб, детки, потому и вкусный, — ответила княгиня, лаская их кудрявые головки.

Молодая княгиня стояла около свекрови, не смея сесть в ее присутствии. Это была приятная женщина, такого нежного и хрупкого сложения, что, казалось, дотронься до нее — она рассыплется. Говорила она лишь тогда, когда к ней обращалась свекровь, и каждый раз на нежных щеках молодой женщины вспыхивал легкий румянец. Она была олицетворением девичьей скромности и покорности молодой невестки.

Княгиня Васпуракан была вдовой. Она не так давно потеряла своего любимого мужа Шаваспа Арцруни и все еще носила на голове черную фату. После смерти мужа она заняла его место в доме в качестве главы семейства, перед авторитетом которой все преклонялись, а в управлении страной взяла на себя его княжеские обязанности.

Она была урожденная Мамиконян, родная сестра Вагана, отца Самвела. И невестка ее, жена Меружана, происходила из того же рода. Отношения свойства среди родственников в те времена были распространены у армян, особенно среди нахараров. Женщины из рода Мамиконянов цепью связывали не только старшие нахарарские роды между собой, но даже царский дом и род патриарха. Представительницы рода Мамиконянов славились своими добродетелями, украшая собою царские и патриаршие покои.

— Завтрак готов, — сказала невестка. — Как прикажешь: подать сюда или в трапезную?

— У меня совсем нет аппетита, дорогая Вагандухт, я плохо спала, — проговорила княгиня. — Да и сейчас мне нездоровится: звенит в ушах, и голову ломит.

— Отдохнула бы немного. Ты встала сегодня очень рано.

— Отдохнуть! Могу ли я думать об отдыхе?

Княгиня взглянула на невестку, и бледность лица молодой женщины поразила ее: видно, и та всю ночь не сомкнула глаз; видно, и та не находила себе покоя...

Этот пышный двор, где все располагало к веселью и счастью, теперь был похож на дом, где находится покойник. На лицах всех лежала непостижимая печаль. Все молчали, все уклонялись от разговоров друг с другом, точно боялись, не хотели напоминать о том, что гнетом лежало на сердце.

Вчера стало известно, что возвращается Меружан. После полудня он должен прибыть в свои княжеские владения. Какое счастье для матери и жены услышать после долгой разлуки весть о том, что их дорогой сын и муж возвращается домой! Но вместо радости обе они были преисполнены печали.

Он возвращался как изменник, как предатель. Могли ли мать и жена обнять его, стереть с его лица дорожную пыль? Это сделать было тяжело, смертельно тяжело и для той, и для другой. Им уже были известны ужасные события в Ване и мученическая смерть их родственницы, несчастной Амазаспуи. Знали они и о том, что еще собирался сделать Меружан...

Старая княгиня давно слышала о злых намерениях сына, но, щадя слабое здоровье своей невестки, старалась скрыть от нее правду, боясь, что она не вынесет этого удара. Но дальше скрывать было уже невозможно: сегодня должен прибыть Меружан. Именно поэтому накануне вечером свекровь вызвала ее к себе и, осторожно подготовив, рассказала обо всем.

После ужасного разгрома Вана Меружан вместе с небольшим отрядом телохранителей спасся от мести горожан. Подозревая, что и в своей вотчине он может встретить такой же прием, он послал с пути вестового к матери, чтобы предупредить о своем приезде. Он хо-

тел отдохнуть в лоне своей семьи, успокоиться и выждать время, пока из Персии прибудут иовые войска, которые ои ожидал с большим иетерпеиием.

— Я приказала позвать городского старшииу, — сказала киягиия, — хотела узиать, какие распоряжения сделал он.

— Ои уже здесь, — отвечала иевестка. — Ты была еще в церкви, когда ои явился. А какие распоряжения должеи был сделать ои?

Шум распахиувшейся двери прервал ее речь.

В комнату вбежала веселая девушка. Оглядывая себя, оиа подошла к киягиие и, устремив иа иее свой радостиый взор, спросила:

— Мама, идет ко мие это платье?

Это была сестра Меружана; оиа прииарядилась для встречи с братом. В доме все были грустиы, лишь она одиа радовалась. Мать посмотрела иа иее, и глаза ее наполнились слезами. Она не зиала, что ответить дочери. Что ей сказать? Как омрачить горячую любовь, которую девушка питала к своему брату? Могла ли мать объясиить ей, что в жизии бывают обстоятельства, которые отделяют сестру от брата, мать от сыиа? Девушка, хотя и взрослая, миогого еще ие поиимала. Оиа слышала о миогом, ио по-прежиему любила брата. Эго была та самая девушка, которую мать Самвела прочила в иевесты своему сыиу, иесмотря иа то, что сердце его принадлежало кияжие Ашхеи Рштуии.

Шаваспуи, так звали девушку, заметив печаль на лице матери, опустилась иа колеии и, прижавшись горячими губами к дрожащим рукам киягиии, воскликиула:

— Мама дорогая, ие плачь, ие то и я заплачу!

— И мы тоже! — закричали дети, глядя иа эту трогательиую картиму.

Молодая кяягиия взяла их за руки и, удручеииая, поспешио вышла.

Кяягиия поцеловала и приласкала дочь.

— Иди, дорогое дитя, — сказала оиа, — скажи, чтобы ко мие позвали городского старшииу. Мне иужио с ним поговорить. Прикажи слугам иикого ко мие ие впускать, кроме батюшки.

Девушка еще раз поцеловала руку матери и удалилась.

Княгиня осталась одна. Никогда еще ее светлый ум не был так омрачен, как в это утро. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной и слабой, как сегодня. Сколько ни думала, она не находила выхода. Противоречивые чувства боролись в ней. Как принять сына, заблудшего сына, но вместе с тем и дорогого? Может быть, следует простить и постараться исправить его, повлиять на него, вернуть на прежний путь? Но примирится ли с ним народ? Ведь он ведет войну против народа, чтобы или покорить его своей воле, или обречь мечу! Мог ли народ примириться с ним? Горькие, печальные мысли волновали княгиню, когда вошел городской старшина. Издали поклонившись несколько раз, он молча остановился перед госпожой.

Несмотря на то, что княгиня несколько раз предлагала ему сесть, старшина, глубокий старик, остался стоять на ногах, соблюдая старый обычай.

— Как дела, Гурген? — спросила княгиня.

— Все, что княгиня изволила приказать, будет исполнено! — грустно ответил старик.

Он стал подробно рассказывать о том, как будет происходить встреча князя и какие сделаны распоряжения.

— Надеешься, Гурген, что беспорядка не будет? — спросила недоверчиво княгиня.

— Я не только полагаю, но уверен, что не будет никаких беспорядков. Правда, наши горожане сильно раздражены, но руки поднять на него никогда не посмеют. Я это твердо знаю, княгиня.

При этих словах он несколько раз утвердительно покачал головой и затем продолжал:

— Где же батюшка? Он что-то запоздал. Его проповедь хотя и затянулась, но произвела хорошее впечатление на прихожан. Он привел много примеров из евангелия, книг пророков, посланий апостолов. По окончании службы народ долго не расходился. Собрались во дворе, спорили. Батюшка подходил то к одной, то к другой группе, говорил с ними, поучал и успокаивал. Иное дело, княгиня, если бы князь вступил в свой город с персидскими войсками; тогда было бы невозможно удержать горожан. Но теперь он прибывает всего

лишь с небольшим отрядом, к тому же состоящим из воинов-армян.

— Таких же изменников, как и он!.. — с горечью прервала княгиня.

Вошел придворный священник.

— А вот и батюшка! — произнес старик.

Седой священник, энергичный и бодрый, несмотря на свой преклонный возраст, был духовником княжеской семьи.

Поздоровавшись с княгиней, он остался стоять на ногах.

— Садись, батюшка,— предложила ему княгиня.

Священник сел и стал докладывать о принятых им мерах.

Выйдя от свекрови, княгиня Вагандухт с детьми направилась в свою опочивальню. Старший из детей, сын, знал, что в этот день должен приехать отец; он помнил его, когда тот уезжал в Персию.

— Мама, — сказал он, обнимая ее ручонками, — папа привезет мне сегодня лошадь?

— Какую лошадь? — спросила печально мать.

— А ты разве не знаешь? Когда папа уезжал, я велел ему привезти мне маленькую лошадь. Он поцеловал меня и сказал: «Привезу очень маленькую лошадку» — вот такую.

Мальчик показал рукой.

— У нас и без того много лошадей!— ответила мать.

— Наши большие, а я хочу маленькую, чтобы можно было на нее садиться!

— Слуги тебя посадят.

— Я ведь не Нушик, чтобы меня сажали на лошадь, я хочу садиться на нее сам!

Нушик звали его маленькую сестру, это было ласкательное от имени Михрануйш.

Замечание брата, видно, обидело маленькую Нушик. Быстро, как воробышек, вспорхнула она на одну из подушек и, болтая полненькими ножками, сказала:

— Видишь, я уже сижу верхом!

Мать обняла своих малышей, расцеловала их, потом передала няне и велела повести гулять, чтобы они не мешали. Она хотела остаться одна.

Несчастная женщина! Дети радовались приезду от-

ца, а у нее на сердце было безрадостно. Она всегда любила мужа и находила в нем утешение. А теперь? Как ей любить предателя и злодея? Эта мысль жестоко ее терзала. Ее сердце и рассудок были в разладе.

Внутренняя борьба, жестокое противоборство чувств вызвали в ней лихорадочную горячку. Через час-другой глашатай возвестит о печальном событии — о прибытии ее мужа, и тогда для нее все решится.

Положение ее напоминало последние минуты приговоренного к смерти: вот-вот распахнутся двери темницы, войдут палачи и поведут его к подножию виселицы... Разве это не то же самое, что броситься в объятия человека, которого отверг весь мир? И он будет ласкать ее руками, обагренными невинной кровью ее родных. О, какая она несчастная! Самая несчастная из всех армянок! Но она любила... любила его...

Она положила руку на грудь, как бы сжимая сердце, чтобы несколько успокоиться. Слезы обильно лились из глаз страдалицы, но угасить волнения души не могли. Долго она так мучилась.

Вдруг она вскочила, точно в безумии, помутневшими глазами стала оглядывать комнату, как будто искала что-то своим воспаленным взором. Сделала несколько шагов к двери и остановилась. Затем, точно движимая неведомой силой, приблизилась к двери и дрожащей рукой заперла ее на замок. Как лунатик, бродила она по комнате, заходя во все углы. Подошла к окнам, опустила занавеси. Снова подошла к двери, чтобы убедиться, крепко ли она заперта. Ее лицо приняло спокойное выражение — она нашла средство, чтобы избавиться от страданий. Она принялась тщательно осматривать ниши, где были расставлены ее вещи. Но не находила того, что искала. Вдруг она заметила красивую шкатулку с принадлежностями для рукоделия и обрадовалась ей, как человек, неожиданно обнаруживший клад. Подошла к шкатулке, отперла ее и достала маленькие ножницы. Несколько минут она смотрела на этот блестящий предмет. Вот то, что успокоит ее и разрешит необъяснимые сомнения, непримиримую борьбу ее чувств!..

Она поднесла острие ножниц к вздымавшейся груди. Но ножницы были короткие: не достанут до сердца. Тогда, раскрыв лезвия, она поднесла их к горлу.

Но в эту миnуту словио ангел спасеиия схватил ее за руку. Оиа в гневе отшвыриула иожиицы. «Нет, он недостоии моей смерти. Он нзмеиил не только родние, но и мне!»

Какая сила произвела в ией столь неожиданный переворот? Сила, которая в женщние сильнее всех страстей и подчнияет все ее чувства, — ревность.

— Я знаю, — продолжала она с гиевом, — он ие настолько низок, чтобы отречься от своей веры, он ие так жесток, чтобы растоптать счастье своей родины, н не так тщеславен, чтобы прельстнться троном, обещанным ему Шапухом!.. Ои пошел на все и превратился в грязное оружне в руках Шапуха только ради того, чтобы получить его сестру... Мне говорили, что он влюблен в сестру Шапуха, но я не верила. Я не верила, что он способен изменнть мне — матерн его детей — н взять себе вторую жену в дом Арцруиндов! Каково отныне будет мое положение?.. Я должиа стать служанкой персидской царевны, чистнть ей обувь! А красавица Вормиздухт будет не только княгиней Васпуракана, но и царицей всей Армении! А я?.. Кем буду я? Нет, нет — он недостоин, чтобы я умерла из-за него... Для меня он уже мертв...

Она села в кресло, закрыла лицо руками и снова залилась горючими слезами: «Ах, Меружаи, Меружаи!» — повторяла она, н дрожащий голос ее терялся в горьких рыдаииях.

В дверь несколько раз постучали. Накоиец она услышала стук, встала, вытерла слезы и неохотно открыла дверь.

Вошла одиа нз служанок.

— Все готовятся, княгиня, — сказала служанка. — Прнкажешь иарядить тебя?

— Пойди в комнату одеяний и принеси мне, Сирануйш, черное платье, — приказала Вагандухт.

— Почему черное, княгиия?

— Сегодия день печали! — ответила она с горечью.

* * *

Был пятый час.

Небольшой отряд всадников, поднимая столбы пыли, быстро продвигался по дороге из Аревбаноса к Хадамакерту... Чем ближе подъезжали всадники к городу, тем больше подгоняли они своих коней. Их было немного. Один из них скакал впереди, держа в руке красное знамя. Следом за ним на белой лошади, в белой одежде ехал второй всадник — по-видимому, глава отряда, а за ним еще девять человек. Всего — одиннадцать.

То ехал Меружан Арцруни, ехал в вотчину своих предков, в княжескую столицу Хадамакерт.

Дорога, по которой мчался его конный отряд, всегда такая оживленная, была теперь безлюдна. Не было видно ни прохожих, ни проезжих. Меружана это удивило. Он беспокойно озирался по сторонам. Не сверкали серпы жнецов, — в этот прохладный час они всегда работали с особой охотой, — не слышались песни землепашцев, оживлявшие окрестности, не звучала свирель беспечного пастуха, не было видно ни самого пастуха, ни его стада. Меружану казалось, что он едет через пустыню, где давно уже вымерла всякая жизнь.

А ведь он ожидал другого. Он ждал, что ему навстречу выйдут толпы горожан; мужчины и женщины, выстроившись по обе стороны дороги, с песнями и ликованием будут провожать его как героя до самого княжеского дворца. Но не было ни горожан, ни мужчин, ни женщин, ни даже его родичей! Разве им ничего не известно о его приезде? Но ведь он за день сообщил об этом матери. Что же могло означать это безлюдие и тишина?

Эта мысль волновала его и наполняла разбушевавшееся сердце глубоким недоумением, постепенно превращавшимся в сомнения. Вернуться обратно? Этого не допускало его беспредельное самолюбие; но и впереди ничего хорошего он не ждал. Быть может, его горожане восстали? Быть может, они встретят его с оружием в руках? «Что бы ни было, неважно!» — подумал он в припадке отчаяния и ударил плетью коня.

Вот и городские ворота... Посмотрев на фасад, он ужаснулся. Ворота, своды которых всегда по торжест-

венным дням бывали разукрашены гирляндами цветов, сегодня представляли печальное зрелище. Они были обтянуты черной материей, а наверху развевались два черных флага. Разве кто-нибудь умер? По ком этот траур?

Его сердце сильно билось, когда он въезжал в город.

Ехавший впереди знаменосец взял висевший на поясе рожок и протрубил несколько раз. В ответ с высоты кафедрального собора раздалось три призывных удара клепала.

Веселый, шумный, Ҳадамакерт казался вымершим. Ни одного человека, ни одного животного не было на улицах. Ни один звук не нарушил могильной тишины города.

Дорога к княжескому дворцу была усыпана пеплом. Двери всех домов заперты, а верха их занавешены черной материей.

«Мои горожане отвернулись от меня, — подумал Меружан. — Они считают меня мертвым! Да! Нравственно мертвым!»

Он задыхался от злобы. Ему припомнились прежние дни, когда он победителем возвращался с войны. Улицы украшались цветами и зеленью. А сейчас они были посыпаны пеплом. На дверях пестрели тогда ковры, бархат и цветные шелка. А сейчас весь город был в трауре... Женщины и девушки, стар и млад, с крыш и из окон приветствовали его. А сейчас не слышно ни звука. Начиная от городских ворот и до его дворца, на каждом шагу пред ним совершались жертвоприношения. Все духовенство в золотых ризах, с крестами и хоругвями встречало его и пело шараканы; сам он шел, окруженный вельможами, а впереди вели княжеских коней, покрытых самой дорогой сбруей. Где же теперь все эти почести?

Он доехал до княжеского дворца, но двери оказались запертыми. Это ужасно подействовало на него. «Значит, и мой дом, и моя семья от меня отказываются?» — подумал он с глубоко щемящей тоской.

И здесь та же печальная, беспросветная картина. Своды дворца были обиты черной материей. По обеим сторонам ворот развевались черные флаги.

В крайнем смущении и гневе стоял он на пороге родного дома и не знал, что ему предпринять. Человек, для которого не существовало никаких трудностей, никаких препятствий, оказался в безвыходном положении. Ехать обратно? Но как? Стыд и позор душили его. Он хотел было постучаться в дверь. А что если не отопрут? И наверное не отопрут. Такого презрения к себе он не ожидал от матери, в особенности от жены. Его, как блудного сына, оставляют за дверью. Все эти знаки траура говорили ему: «Ты недостоин вступить на порог родного дома! Нога предателя не должна осквернять его!»

Люди его отряда тоже были в большом смущении, никто из них не осмеливался сказать ни слова.

Над входом во дворец находился балкон. Он был закрыт черной занавесью. Полы занавеси откинулись, и Меружан увидел свою мать.

Измученная тяжелым горем, она едва держалась на ногах. Дочь, сестра Меружана, поддерживала ее под левую руку, а справа ее поддерживала невестка, жена Меружана. Дети стояли перед невесткой. За ними вся княжеская семья. Все в черной одежде, со слезами на глазах. Увидев их, Меружан содрогнулся.

— Мать, — грозно сказал он, — от меня отреклись горожане мои, теперь ты закрываешь передо мной двери родного дома?

— Да, Меружан, — раздался сверху скорбный голос старой княгини. — Двери твоего дома закрылись для тебя так же, как твое сердце закрылось для бога, отчизны и совести. Изменник и предатель не переступит наш порог. С того дня, как ты изменил своей вере и своему царю, ты для нас чужой, ибо ты опорочил светлое имя князей Арцруни. Спасти тебя может только раскаяние. Оставь путь зла и заблуждений!.. Послушайся матери, которая еще любит тебя и обращается к тебе со слезами на глазах. Послушайся меня, Меружан, ибо моими устами говорит весь Васпуракан. Если ты хочешь вернуть любовь своей семьи и своей страны, оставь ложный путь! Вот твоя дорога, Меружан! — она указала рукою на кафедральный собор и продолжала:— Все твои предки, возвращаясь усталые, утомленные войной, прежде чем вступить в свой дом, шли в церковь,

воздавали там хвалу всевышнему и только после этого отправлялись к своей семье, чтобы разделить с ней радость возвращения. Последуй их примеру... Вот собор, там тебя ждут священники и старейшины твоего города. Иди, Меружан, в церковь, примирись с Иисусом Христом, покайся в своих грехах в божьем храме, и тогда приходи, — двери твоего дома раскроются пред тобой настежь.

— Не будет этого никогда! — закричал он и отвернулся.

— Мама, мама, куда опять папа уезжает? — послышались сверху голоса детей.

Эти голоса изранили его сердце.

VII. Угрызение

В крайнем раздражении выехал Меружан из Хадамакерта. В его ушах еще звучали резкие слова матери и, подобно острым стрелам, вонзались в сердце. Перед глазами были печальный образ жены и невинные, улыбающиеся лица детей, которые, увидев отца, хотели, как воробьи, слететь с балкона и броситься к нему в объятия. Ему еще мерещился погруженный в скорбь родной город. Еще недавно такие близкие его сердцу картины, такие дорогие ему существа теперь, как мрачные видения, преследовали его и гнали все дальше, не давая отдыха и покоя.

Там, у тихого семейного очага, где он надеялся получить материнское благословение, найти ласку жены и любовь детей, там его встретили, как чужого, как блудного сына, и с позором изгнали.

Тер и князь Васпуракана оказался чужестранцем в собственной стране. Тот, который смотрел на свою вотчину, как на кусок воска, будучи убежден, что может придать ей любую форму и любой вид, теперь лишился этой страны, потерял на нее право собственности, полученное от своих предков. То, чего не в состоянии были отнять у него враги, отнято волею матери...

«Что это означает?» — спрашивал он себя.

Его беспокойство все усиливалось.

В смятении он покинул город и не заметил, как остался в одиночестве. Обернувшись, он не нашел около себя своих телохранителей. «И они оставили меня!» — подумал он с горькой усмешкой.

Его телохранители были уроженцы Хадамакерта. Настроение сограждан сильно подействовало на них и заставило забыть о князе. Кроме того, воинам хотелось повидать своих близких после долгой разлуки.

Солнце уже давно зашло, ночной мрак окутал окрестности. Меружан только теперь почувствовал тягость одиночества. «Куда идти?» Хозяин страны, он не имел приюта в своих владениях.

Им овладела сильная усталость. После тяжелых событий в Ване он целых три дня безостановочно находился в пути. Тяжелые душевные волнения совершенно лишили его сил. Он искал места, где бы ему передохнуть. Показываться в селе он не хотел, боясь грубых выходок со стороны крестьян. Куда деваться? Везде уже знали о нем, отовсюду он был гоним. Эти мысли роились в его сознании. В полной нерешительности он продолжал погонять коня, хотя и сам не знал, куда едет. Усталый конь еле передвигал ноги.

Изнуренного князя мучил голод. Он ничего не ел целый день. Боевая жизнь приучила его жить под открытым небом, он мог спать под скалой, под деревом, без всяких удобств. Но как побороть голод? Кроме того, князя мучило смутное подозрение: «А вдруг меня уже преследуют?» — думал он. В городе никто не осмелился швырнуть в него камнем из боязни перед его матерью. Мать, конечно, строжайше запретила это. Но кто мог запретить группе наглецов тайно выйти из города и броситься за ним в погоню? Жизнь ему была не дорога, но он оберегал ее ради тех целей, какие поставил себе. Думая об этом, он дернул поводья и свернул с большой дороги, намереваясь окольными путями добраться до какого-либо пустынного места, чтобы там немного отдохнуть, дать передышку коню, а затем продолжать путь. Надо было, пользуясь ночной темнотой, поскорее выбраться за пределы княжества, восточная граница которого была недалеко. Здесь он мог быть узнанным, здесь ему угрожала опасность.

Он ехал по вспаханным полям и нивам. Пашня — признак близости человека, а людей он избегал. Он искал пустынные и безлюдные места. Хотя местность была ему знакома, но наступившая темнота мешала определить, где он находится. Наконец он выбрался из полосы обработанных полей; перед ним расстилались богатые пастбища. Это уже означало, что он приближался к подножию гор.

Несколько раз до его слуха донесся собачий лай. Еще никогда этот звук не казался ему таким приятным. Значит, подумал он, где-то поблизости находятся либо пастухи, либо охотники. И те и другие были ему безопасны. Он повернул лошадь в ту сторону, откуда доносился лай. При его приближении вместо одной залаяло несколько собак. Он продолжал ехать, пока собаки всей сворой не набросились на него и не преградили ему путь. Невозможно было спастись от их ярости. Но при нем не было ничего, кроме кинжала. Меружан понял, что подъехал к стоянке пастухов. Ранить или убить у пастуха собаку, все равно что убить его брата или лучшего друга. Поэтому Меружан ограничился только обороной. Разъяренные собаки со всех сторон дерзко набрасывались на него и, несомненно, разорвали бы его на части, если бы не конь. Умное животное храбро отбрыкивалось от наседавших на него врагов.

На громкий лай прибежал пастух с копьем в руке. Он крикнул из темноты:

— Кто ты? Что тебе здесь надо?

Князь ответил:

— Сперва уйми собак, потом узнаешь, кто я.

— Нет, прежде скажи, кто ты такой?

Князь понял, что спорить с неучтивым пастухом бесполезно и потому сказал:

— Я сепух[1] из Ворсирана, на охоте меня застигла ночь... Я заблудился, потерял своих людей.

Пастуху ответ пришелся по душе; ему даже польстило, что такой высокородный человек принужден искать приюта в его убогом шалаше. Он усмирил собак, затем подошел к лошади Меружана и взял ее под уздцы.

[1] *Сепухами* назывались младшие члены нахарарского дома.

— Следуй за мной, тер сепух,— сказал он.

Заметив, с каким радушием отнесся их хозяин к чужому, собаки успокоились и разбрелись по своим местам.

Нежданного гостя пастух повел в шалаш, находившийся невдалеке. Там он зажег светильник, разостлал на полу толстый войлок и пригласил гостя сесть; сам же продолжал стоять, точно слуга.

— Садись и ты, добрый пастух, — сказал ему Меружан. — Гость и хозяин равны под одной кровлей. Случай завел меня в твой шалаш, и я рад, что встретил доброго человека.

— Долг хозяина прежде всего позаботиться о покое гостя, тер сепух, — ответил пастух, продолжая стоять.— С дороги человеку хочется поесть.

— Не тревожься понапрасну,— ответил гость,— что бог пошлет, тем и буду доволен. У тебя, конечно, найдется хлеба или сыру, да еще простоквашн: вот и самый хороший ужин для меня. По правде говоря, я проголодался.

Внутренность шалаша напоминала четырехугольную комнату, пол которой состоял из плотно сплетенных тонких прутьев, узорчато скрепленных разноцветными тесьмами. Куполообразная же кровля была покрыта цветными толстыми холстинами. Шалаш обращал на себя внимание особой, не свойственной жилью простого пастуха красотой. Меружан с любопытством спросил у хозяина:

— Чьи стада ты пасешь?

— Княжеские, — ответил пастух с простодушной гордостью.

Меружан настолько был смущен, что быстро отвернулся, чтобы пастух не заметил этого смущения на его лице. «Княжеские» — подумал он изумленный. Он находился в шалаше своих собственных пастухов. Стада были «княжеские», то есть принадлежали его дому. Пастух, очевидно, никогда не видел в лицо своего князя; но среди его помощников может найтись такой, который узнает его. Меружан отодвинулся в темный угол шалаша и сказал:

— Убери светильник подальше или лучше повесь

его сиаружи. У меия болят глаза. Да и без огня скоро будет светло. Видишь, всходит луиа.

Пастух исполиил желаиие гостя и отправился хлопотать об ужиие. По-видимому, ои был старшим среди пастухов; те иемедлеиио закололи барашка, иедалеко от шалаша развели огоиь и прииялись печь хлеб. А сам ои вериулся к гостю, ие желая оставлять его в одиночестве.

Меружаи все еще сидел в раздумье: ои сам попал в западию, по воле провидения ои очутился в руках этих простодушиых пастухов, которые будучи добрыми, проявляли исключительиую иетерпимость ко злу. У иих господии или киязь ие мог быть призиаииым человеком, если ои не шел по пути, предуказаииому богом. Но Меружаи любил игру судьбы и с иетерпеиием ждал развязки этой невеселой шутки.

— Теперь ты распорядился иасчет ужииа, — сиова обратился ои к пастуху, — можешь сесть. Как тебя зовут?

Пастух и иа этот раз ие осмелился сесть перед князем, устроился около входа и, особенно довольиый, ответил оттуда:

— Ты спрашиваешь о моем имеии, тер сепух? Наречеииое мое имя Маиеч, ио меия все зовут Маии.

— И я тебя буду звать Маии! Так будет лучше! Скажи мне, добрый Маии, ие слыхал ли ты, где иаходится теперь твой киязь, Меружаи Арцруии?

При этом имеии иа загорелом лице пастуха появилось угрюмое выражеиие, ио ои постарался скрыть от гостя свое волнеиие, сказав:

— А кто его зиает, тер сепух! Тебе лучше зиать, где ои и что делает. Сюда, в иаши горы редко доходят вести... А если и доходят, то только иедобрые, ой, иедобрые...

Видио было, что пастуху, почитавшему своего князя, не хотелось поиосить его перед ворсиранским сепухом, чужим человеком. Ои мало зиал о киязе, ио то, что зиал, было иеутешительио.

Несмотря иа свои шестьдесят лет, Маии выглядел бодро и свежо. В горах Васпуракаиа пастухи живут столетия и ие стареют. Ои был крупиого телосложеиия, гру-

бые черты лица выражали непосредственность и твердость, но глаза были непонятно печальны.

— А ты видел когда-нибудь в лицо Меружана? — спросил его мнимый сепух.

— Видел, как не видать? — грустно ответил тот. — Он был тогда еще совсем молод, усы только-только пробивались. Потом он поехал в Персию и там нечестивый персидский царь помрачил его рассудок... А после этого видеть его мне уже не довелось.

— Эти все стада принадлежат Меружану?

— Все его, все, тер сепух! Звезды можно сосчитать на небе, а стадам его счету нет. Каждое стадо одной породы и масти, черные овцы пасутся отдельно, белые — отдельно и других мастей — также отдельно. А если, тер сепух, ты перейдешь по ту сторону гор, то увидишь стада козлов. Все как на подбор и под одну масть... Пойдешь несколько дальше, к Ервандунику, там увидишь его табуны коней, ослов, мулов. Любо посмотреть! Еще дальше, в стране андзевацикской, пасутся быки, волы и коровы; бесчисленные стада его тучных буйволов пасутся на берегах Тигра, в камышах и болотах Джермадзора. Зачем утруждать тебя, тер сепух? Короче говоря, от Зареванда до Кордика и до озера Ван — везде стада Меружана. У кого еще найдется столько богатства? Бог в изобилии наградил его всем, но не возблагодарил он бога...

При последних словах голос старика задрожал.

— А сам-то хозяин когда-нибудь посещает свои владения?

— Нет, князь ни разу не приезжал. Да он, поди, и не знает, сколько у него добра. Ему не до того. Его с детства занимали только битвы да войны, а к делам он не касался. Покойный отец его был не такой: каждый год, бывало, как наступит осень, приезжал. Мы к этому дню мыли, чистили овец и показывали ему белоснежные стада. Он любовался на них и славил бога. Часто в этом шалаше изволил кушать покойный князь. Сядет, бывало, и с великим удовольствием отведает нашу скудную еду!

— А кто же теперь хранит все это добро?

— Теперь всему хозяйка — старая княгиня! Пошли ей господь долгую жизнь и власть над нами! У нее ума

палата. После смерти старого князя она управляет страной. Придет, посмотрит, порадуется и обо всем расспросит. Она не только знает всех своих пастухов по именам, но даже многих животных помнит. Знает, кто из них какого возраста и какой имеет приплод. Меня она тоже называет Мани. Приятно ведь слуге, когда госпожа его помнит и называет по имени. А князь Меружан не таков! Вот сорок лет смотрю я за его стадами, а попадись ему на глаза, даже не узнает... А сорок лет — время немалое, тер сепух!

— Для чего ему столько скота?

— Ты еще спрашиваешь, тер сепух!— удивленно воскликнул пастух, и его добродушное морщинистое лицо озарилось улыбкой.— Ведь что ни неделя, я посылаю на кухню княжеского дома сто голов самых лучших баранов. Да ты знаешь, сколько там народу обедает? Каждый день за стол садится по несколько сот человек. Масло, сыр, сметана — все идет в княжеский дом. Ну, бывают разные подношения, раздачи бедным, жертвоприношения. Бог даровал им такое изобилие, что сколько ни расходуй, — все равно незаметно убыли!

Пока незнакомец-князь и пастух были заняты дружеской беседой, луна поднялась довольно высоко над горизонтом, и ее мягкий свет озарил мирные окрестности. Поодаль от шалаша пылал костер; при свете огненных языков видны были пастухи, расположившиеся вокруг костра. Некоторые из них жарили куски мяса на деревянных вертелах, другие пекли хлеб на железных решетках. Занятые своим делом, они не переставали весело болтать, перебрасываясь между собой шутками и остротами касательно своего ворсиранского гостя.

Ворсиранцы славились своими странными обычаями, и поэтому все веселые побасенки, ходившие в народе, приписывались обыкновенно им. Один из пастухов рассказывал:

— Пришли два ворсиранца в гости. Хозяйка перемешала черных жуков с черным изюмом и подала на стол. Жуки пустились во все стороны. Один из гостей и говорит другому: «Давай, съедим сперва этих, которые с ногами, пока безногие спят!»

Все засмеялись. Каждый говорил все, что знал. Они рассказывали долго, и некоторые из слушателей загля-

дывали в шалаш, точно желая сличить живого ворсиранца с теми, о которых говорилось в побасенках.

Ужин оказался лучше, чем ожидал Меружан. На деревянном подносе подали свежий хлеб, сыр, две луковицы, приносили несколько раз жареное мясо на вертеле. И тот человек, что сидел за столом царя на самой почетной подушке, гордый Меружан, которого царь царей Персии всегда сажал рядом с собой, никогда с таким аппетитом не ужинал, как теперь, в шалаше у простого пастуха.

У добродушного Мани нашлось и вино. Когда ужин был готов, он отошел в угол шалаша, разрыл пальцами землю и вынул закупоренный глиняный кувшин.

— Я всегда, тер сепух, держу вино в земле, там оно и холоднее и не кисиет.

Меружан предложил пастуху сесть вместе с ним за ужин, на что Мани согласился после долгих упрашиваний, сказав: «Много чести будет мне, тер сепух. Ну да пусть и старик Мани похвастается перед людьми, что раз в жизни с сепухом ужинал».

Он сел и поставил перед собой кувшин с вином.

Первую чашу Меружан опорожнил залпом до последней капли. Заметив это, Мани подбодрился и стал сам пить, все чаще поднося чашу гостю. Когда оба они порядочно выпили, пастух обратился к гостю:

— Расскажи мне, тер сепух, что тебе известно о Меружане. Ты человек большой, знаешь о хорошем и плохом, а мы — люди маленькие и не знаем, что где делается. Неужто правда то, что о нем болтают?

— Что же о нем говорят?

— Да как тебе сказать... Тебе лучше знать, тер сепух!.. Язык не поворачивается, чтоб сказать...

— Видишь ли, любезный Мани, мне тоже не все известно. Многое говорят... Но кому верить? Знаю только, что Меружан скоро возвратится и, верно, будет царем Армении...

Морщинистое лицо пастуха приняло угрюмое выражение. Последние слова, вместо того чтобы обрадовать его, — ведь его господин и князь будет царем, — огорчили его.

— Не ладно это! — сказал он печальным голосом.—

Это против божьей волн. Царь должен быть царем, а князь — князем. Бог покарал бы меня, если бы я вздумал стать Меружаном. Я его пастух н должен быть доволен своей судьбой.

— Но ведь предкн Меружана былн тоже царямн, — возразнл гость.

— Я не знаю, былн нлн нет. Может, и были... Только чего ему еще не хватает по сравненню с царем? Ведь он владыка в своей страие. От Аракса до Вана — везде его землн. Разве у царя Аршака найдется столько земель? Я много страиствовал, тер сепух, и внделл много страи. Вндел табуны лошадей Аршака, вндел н стада его овец, но ведь онн ие составят не только половнны, но и четвертн нашнх. Вндел горы, где охотился царь Аршак, вндел его пастбнща; опять-такн скажу — не равняться ему с намн! Не пойму, чего недостает Меружану, зачем он идет против волн божьей? Зачем он берет грех на душу и навлекает беду на свою страиу? Горестно все это, очень горестно, тер сепух... Будем надеяться на бога, пусть он предотвратнт зло и сотворит благо.

С этимн словами старик налил себе внна и, подияв глаза к небу, опорожиил чашу, произнося молитву, точио желая угаснть пылающее пламя в своем сердце.

Меружан расчувствовался. В нем глухо заговорнлн угрызення совести.

Мани наполнил чашу и предложнл ее гостю со словами:

— Выпей и ты, тер сепух, н попросн бога отвратить зло и сотворить благо. Меружаи ведь как мой, так и твой господнн. Я его смиреиный пастух, ты же его знатный вельможа. Помолимся за иашего князя. Всевышний услышит нашу молитву.

Меружан прннял чашу дрожащей рукой, оставаясь в иерешнтельности. Он должен был молиться за свои грехн, молнться тому богу, от которого ои всенародио отрекся, дав клятву перед троном Шапуха. Ои должен был молиться о том, чтобы бог отвратил его от злого пути. Ои должен был каяться иа своем языке. Но с какой душой? Не прнзнаваясь в грехах, без душевного

примирения! Лицемерием было бы такое покаяние! После долгого колебания он все же повторил слова пастуха и осушил чашу...

Меружан тут же закончил трапезу.

Пастух заметил его волнение и спросил участливо:

— Видно, ты сильно устал с дороги, тер сепух? Сейчас приготовлю тебе постель. Самое лучшее средство от усталости — это сладкий сон. Постель будет не роскошная, но зато спокойная. Возьми мою накидку, завернись в нее и засни. А под голову положи вот этот мешок, набитый травою. Она куда мягче пуха!

Меружан поблагодарил пастуха за его заботы и сказал:

— Ночь прекрасна, Мани, чудесная луна перебила мой сон. А твое вино меня взбудоражило. Хочется немного погулять, рассеять волнения души. Проводи меня, любезный Мани, а то собаки не пропустят меня.

Меружан встал. Пастух взял палку, пошел вперед и спросил князя, куда он желает идти.

— В горы, — ответил князь.

Они прошли мимо спокойно лежавших собак и приблизились к подножию горы.

— Оставь меня одного, добрый Мани, — сказал Меружан. — Я немного поброжу, затем сяду на какую-нибудь скалу и с ее высоты полюбуюсь на луну, послушаю сладостное журчание горного ручья.

Наивный Мани был немало изумлен возбужденным состоянием гостя, впавшего в такую восторженность. Он объяснял столь неожиданную перемену действием вина. «Кто знает, какие неведомые чувства взволновали его сердце» — подумал пастух. Оставляя гостя в одиночестве, он передал ему свирель, сказав:

— Будь здесь, тер сепух, сколько твоей душе угодно, и наслаждайся сладостью ночной прохлады. Когда захочешь вернуться, заиграй на свирели, — я услышу, приду за тобой и проведу в шалаш. Ведь собаки у нас злые, тер сепух.

— Спасибо, добрый Мани, — сказал Меружан, взяв у него свирель.

Пастух ушел.

Меружан остался один. Долго он блуждал у под-

ножья горы, не находя себе успокоения; им овладела та отчаянная грусть, которая приводит человека в оцепенение. Никогда его могучая воля не была так бессильна, как в эту ночь; никогда его безудержная самонадеянность не была так поколеблена, как теперь! Он прислонился к скале и замер. Он всматривался в окружающий мрак, слегка освещенный тусклым светом луны. Вглядывался в унылое небо, покрытое темными облаками. Луна то пряталась за ними, то показывалась снова, и вслед за нею вся окрестность то освещалась, то снова погружалась в ночную тьму. Так и в душе его то ярко вспыхивали надежды, то снова все тонуло во мраке полной неизвестности.

Устал он! Устал душою и телом. Он присел на скалу. Крохотный кусочек его обширного княжества, где он сидел как беглец, как изгнанник, не имевший твердой почвы под ногами на собственной же земле! Он вспомнил печальные события прошедшего дня, вспомнил мучительные слова своей матери и молитву пастуха, и его сердце облилось кровью...

Он сошел со скалы, остановился и, обратив к небу гневное лицо, воскликнул:

— Что толкнуло меня на этот несчастный путь? Честолюбие?.. Нет! Тысячу раз нет! Престол, корона и скипетр Армении, обещанные мне Шапухом, не могли меня соблазнить, не могли превратить в бесчестное орудие персидского царя! Я не так подл и не так бездушен, чтобы попрать свои священные обязанности и восстать против своего царя! Я предпочел бы скорее смерть, чем черное клеймо *изменника!* Но что же толкнуло меня на этот печальный путь? Неудержимая жажда мести, неутолимая жажда крови? Опять-таки нет! Правда, мои предки и весь мой род были обречены мечу и беспощадно перебиты аршакидскими царями. Правда, с самого детства я горел желанием отомстить врагу и таким путем примириться с тенями моих предков, преследовавших меня каждую минуту, каждый миг. Но я был далек от того, чтобы ради кровавой мести уничтожить династию Аршакидов и утвердить на обломках их царства свой предательски захваченный трон. Почему же обрушились на меня эти несчастья? Что заставило меня

отречься от моего бога, от родной религии, от всего, что было свято для меня, и принять религию Зороастра? Что умертвило мою веру, что задушило во мне священные чувства к моему народу? Только ты, о Вормиздухт! Только любовь к тебе, о Вормиздухт!

Произнося это имя, он опустился на колени, точно поклонялся какой-то небесной богине.

— Я люблю тебя, Вормиздухт, до безумия люблю... Об этом знал твой царственный брат и воспользовался моей слабостью. Он обещал мне множество наград, все, что может принести человеку славу и благополучие, но не сумел сломить мою верность родине и царю. Он добился своего только обещанием отдать мне тебя и отнял у меня все, что было свято для меня, что было мне дорого. Я согласился исполнить самые гнусные его желания, только бы получить тебя, о Вормиздухт!

Несколько минут он молчал, горячие слезы текли из его глаз, и глухое раскаяние терзало его сердце.

— Люблю... не могу побороть в себе эту любовь! — сказал он и вскочил с места.

Он снова вознес взор к небесам и, подняв руки к небу, воскликнул:

— О великий боже! Укажи мне, о боже, тот сосуд, где хранятся животворящие капли любви, и я разобью, раскрошу этот сосуд, ибо в нем заключены все мои несчастья. Почему ты, о боже, влил в меня этот яд, почему воспламенил мое сердце этим неугасимым огнем? Не будь любви к женщине, во век не будь ее, я был бы счастлив. Любовь толкнула меня на позорное дело. Ради любви я совершил и готов совершить адские деяния... Я слаб и немощен, о господи! Только твоя могучая рука может умертвить во мне любовь! Молю тебя, преврати мое сердце в голую пустыню, чтобы в ней увяли все страсти!

Он внезапно умолк. Слезы снова хлынули из его глаз. Сильная буря страстей охватила его. Долго он так терзался, потом, как безумный, положил руку на горячий лоб и заговорил дрожащим голосом:

— Нет! Нет! Боже, я ее люблю, нет для меня света и жизни без нее... Ты создал любовь! Ты вложил в ме-

ня любовь, и ты должен быть ее заступником. Любовь — это наилучшее из твоих созданий... До начала мира тебе была известна ее могучая сила. Ты знал, что она своей безжалостной рукой будет направлять людские сердца к добру и злу. Меня она направила ко злу, и я должен идти по этому пути. Пусть на весь мир я буду навеки опозорен, пусть стану посмешищем, пусть все поносят и осуждают меня, а мое имя произносят с проклятием, но я люблю и не откажусь от своей любви. Моя бесценная Вормиздухт должна стать царицей Армении; я же буду царем только для того, чтобы быть достойным ее. Пусть кровью оросится тот путь, который ведет меня к престолу Армении. Пусть ступенями к нему будут трупы людей. Все сладостно, все желанно мне, ибо на высоте этого трона я вкушу ее любовь.

* * *

Утром, когда солнце только встало и пастухи собирались уже гнать стада на соседние выгоны, к шалашу Мани подскакали трое вооруженных всадников.

— Не проезжал ли здесь воин на белом коне? — спросил один из них.

— Он был гостем моим в эту ночь,— ответил пастух.

— Где он теперь?

— Уехал!

— Когда уехал?

— Он приехал ночью и ночью же уехал.

— Куда?

— Было темно. Я долго смотрел ему вслед, но в темноте не разобрал, куда он направился. А кто же он такой? — спросил, заинтересовавшись, пастух.

— Меружан!

«Ах, если бы я знал...» подумал пастух и застыл на месте от изумления.

— Эх, не поспели мы вовремя! — сказали всадники и ускакали прочь.

VIII. Шапух у развалин Заpехавана

После этого персидский царь Шапух со всеми подвластными ему войсками выступил и прибыл в армянскую страну. Предводителями у него были Ваган из рода Мамиконянов и Меружан из рода Арцруни...

Лагерь персидского царя Шапуха находился в гаваре Багреванд, на развалинах города Зарехавана. Собрали, привели к персидскому царю всех пленных, взятых из оставшегося в армянской стране населения. И приказал персидский царь Шапух всех совершеннолетних мужчин бросить слонам на растоптание, а всех женщин и детей посадить на колья повозок. Тысячи и десятки тысяч народа было перебито, и не было числа и счета убитым. А жен бежавших нахараров и азатов он приказал привести на площадь конских состязаний в городе Зарехаване. И приказал раздеть тех благородных женщин и рассадить вокруг площади той, а сам царь Шапух верхом на коне проезжал перед женщинами... И все совершеннолетние мужчины Сюникского рода были перебиты, женщины умерщвлены, а мальчики по его приказанию были оскоплены и уведены в персидскую страну. Все это он делал, чтобы отомстить Андовку за то, что он вызвал войну с персидским царем Нерсехом.

Фавстос Бузанд

Весть о поражении войск Меружана и Вагана Мамиконяна с быстротой молнии долетела до Тизбона. Эта тяжелая весть так поразила надменного царя Шапуха, что он решил стать во главе своих войск и совершить большой поход на Армению. Его не столько расстроила гибель полков у стен Ванской крепости, сколько мысль

о том, что его намерения относительно Армении с самого начала потерпели неудачу.

Не успели еще несметные полчища царя царей дойти до Атрпатакана, как уже всю Армению охватил ужас. Шапух обрушился, как бурный поток, все заливающий и уничтожающий на своем пути. Многие из армянских нахараров в страхе побросали свои семьи, оставили крепости и бежали в другие страны. Оставшиеся же укрепились в неприступных горах.

Восточная часть Армении, прилегающая к Персии, была совершенно открыта для персов. Всюду, где проходил Шапух, он оставлял после себя груды развалин, печальную пустыню, голую землю. Города и посады он предавал огню, жителей, не успевших бежать, забирал в плен. Путь ему указывали Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян.

Шапух вошел в Багреванскую область и громадным лагерем расположился возле развалин Зарехавана, разрушенного его авангардом.

Сюда пришел он с целью захватить царицу армянскую Парандзем, которая со своим войском находилась в Шахапиване, в нагорье Цахканц — месте летнего пребывания царей. Но еще до прибытия Шапуха царица Парандзем с одиннадцатьютысячным войском поспешила удалиться в хорошо защищенную крепость Артагерс, в ущелье Аракса.

Было утро — печальный канун того дня, когда Шапух начал осаду крепости Артагерс. В этот день по его приказу совершились действия, недостойные царя и вообще человека.

Тиха и печальна была в это утро Арацани, точно ей не хотелось видеть картины тех нечеловеческих зверств, которые должны были совершиться на ее берегах.

По одну сторону реки, на зеленом склоне горы Нпат, живописно выстроились царские палатки лазоревого цвета, одна другой наряднее. Цвет палаток красиво сочетался с горной зеленью. Тут же поместился гарем, который, согласно обычаю, всегда сопровождал персидских царей во время их долгих походов. Но палатки для женщин не были видны: с четырех сторон их загораживала высокая стена из плотного полотна, напоминающая белую ограду.

На прекрасной долине прибрежья широко раскинулся огромный персидский лагерь. Там были расставлены палатки воинов и полководцев. Разноцветные знамена, особые для каждого полка, развевались в воздухе.

На конусообразной вершине царского шатра сверкал шар, на котором было изображено солнце с золотыми лучами, отлитый из чистого золота, — священная эмблема персов. Внутри шатра сидел Шапух на четырехугольной тахте из слоновой кости, украшенной красивой резьбой. В то утро на нем была одежда цвета крови: признак того, что ему предстояло кровавое дело. На голове — великолепная корона с царскими атрибутами; золотой султан, обвязанный жемчужными нитками, сверкал, как луч солнца. На груди, начиная от плеча, украшения из драгоценных камней, доходившие до пояса, тоже унизанного драгоценностями. Рукава выше локтей скреплялись золотыми браслетами. В ушах висели тяжелые золотые серьги. Через правое плечо талисман с таинственными иероглифами, усеянный крупными драгоценными каменьями, наискось пересекал грудь; концы его соединялись под левым рукавом. Персидские маги изощрили все свое искусство и знание, чтобы наделить талисман волшебной силой.

Шапух сидел на тахте, поджав ноги. Вместо жезла он держал тяжелую железную булаву с шарообразным наконечником, лежавшую на коленях. Сзади главный оруженосец двора держал царскую саблю.

Справа от Шапуха находился Меружан Арцруни, слева Ваган Мамиконян, отец Самвела; оба его зятя были в полном вооружении.

Перед шатром по обе стороны входа выстроились рядами главные полководцы царя, вельможи и придворные: все молчали, с благоговением ожидая приказа Шапуха.

Шапух был среднего роста. Коротко остриженная черная борода, осыпанная золотой пылью, обрамляла его смуглое лицо с большими живыми глазами, выражавшими беспощадность и жестокость.

Долина, где находился Шапух, была священна для армян как древнейшая колыбель религий и культов и была связана с незабываемым для них прошлым. На заветном берегу Арацани возвышалась величественная

гора Нпат — армянский священный Синай, в пещерах которой некогда скрывался от врагов и опочил Григорий Просветитель. А теперь в этой долине — бывшей колыбели христианства расположился лагерь персидского царя — врага христианства.

Шапух молчал: возбужденный взгляд его был устремлен на великолепный монастырь, стоявший на склонах Нпат. Прекрасный монастырь высотою своих куполов точно соперничал с окружающими горами.

— Что это за монастырь? — спросил он у Меружана Арцруни.

— Монастырь святого Иоанна, великий царь, — ответил Меружан, и добавил: — На этом месте стояла прежде древнейшая из святынь Армении — Багаван, в которой находилось богатое капище «ванатура» — гостеприимного Арамазда. Каждый прохожий, каждый чужестранец пользовался радушным приемом и ночным отдыхом в его бесчисленных покоях. Здесь ежегодно в начале месяца Навасарда армяне торжественно отмечали «аман ор» — новогодний праздник. На торжествах присутствовал царь Армении со всеми нахарарами. Благословляли созревшие плоды и посвящали их богу гостеприимства. Здесь поддерживался вечный небесный огонь Ормузда, и множество жрецов служило у священного алтаря.

Выражение лица Шапуха стало мрачным при мысли о том, что все это, так соответствовавшее персидскому культу, ныне не существовало, и теперь на этом месте высился священный храм христиан.

— Кто же разрушил это капище?

— Первосвященник Армении Григор, которого, по неразумию, прозвали Просветителем Армении, — ответил Меружан.

— Это тот, который отвратил армян от света маздеизма и ввел их в христианское заблуждение?

— Да, великий царь! Это произошло тогда, когда он вот в этой самой реке, что течет перед нами, крестил царя Армении Трдата со всеми его нахарарами. Армяне до сих пор верят, что во время крещения на небе появился столб света, на вершине которого сиял знак креста. Он оставался над рекою до тех пор, пока не закончился обряд.

При последних словах Меружана по лицу Шапуха пробежала злая усмешка.

— Монастырь этот следует разрушить, — сказал он, — и как прежде, так и ныне на его месте должно пылать священное пламя Ормузда.

— Воля царя царей уже исполнена, — горделиво ответил Меружан. — Там уже построено капище и горит священный огонь. Вчера я приказал привести пленных и заставил их поклониться огню. Некоторые согласились, другие же упрямо отказываются. Как прикажет царь царей поступить с заблудшими?

— Покарать всех без пощады! Пусть это послужит примером для других! — воскликнул Шапух, и большие глаза его зажглись неумолимой злобой. — От востока до запада должна царить вера маздеизма, и всякий, кто будет противиться ей, должен понести тягчайшее наказание.

— Такое именно и сделано распоряжение, великий государь! Сейчас начнется карательный обряд.

На равнине возле реки нетерпеливо ожидали стада обученных слонов. Вожатые старались раздразнить их как можно сильнее, и поэтому громадные животные страшно ревели. Пленные, отказавшиеся поклоняться огню, были выстроены в ряд на площади. Молчаливо, с грустными лицами ожидали они своих последних роковых минут. Но в их предсмертном томлении чувствовалось гордое сознание исполненного долга.

Священной долине Евфрата словно судьбой было предназначено служить местом мученичества. Здесь мученически погибли Воскяны и Сукиасяны. Здесь, подобно тому, как Моисей Израиля скрывался в глубине горы Набау, Моисей Армении — Григорий Просветитель таился в темных пещерах горы Нпат. С древнейших времен эта долина служила местом кровавых религиозных столкновений. Начиная с убийства верховного жреца Мажана вплоть до последних казней, совершенных Шапухом, долина каждый раз орошалась кровью мучеников.

Музыканты заиграли в трубы и ударили в тимпаны. Эти звуки еще больше возбудили слонов. Они пустились в бешеную пляску. В это время персидские палачи в красных одеждах подвели к слонам пленных — взрос-

лых и детей — и группами расставили перед ними. Свирепые слоны начали ужасную игру со своими жертвами. Подхватив несчастных с земли своими страшными хоботами, они, как мячи, подбрасывали их высоко в воздухе. Те падали на землю с жалобными стонами. Слоны подхватывали их снова, вращали в воздухе и опять изо всей силы швыряли о землю. Эта адская забава продолжалась до тех пор, пока несчастные не лишались сознания. Тогда слоны принимались топтать их ногами и раздробленные, окровавленные тела, как куски ваты, вновь подхватывали хоботом и швыряли в реку. Печальный Евфрат постепенно наполнялся трупами, и его прозрачная, чистая вода окрасилась кровью. Так тысячи человеческих существ были растоптаны слонами.

Это видел Шапух из своего шатра. Это видели Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян, находившиеся с ним. И это зрелище развлекало их больше, чем слонов.

— Куда попадут осужденные: в ад или в армянский рай? — спросил царь царей со злой усмешкой.

— Они уверены, что попадут в рай, — смеясь ответил Меружан.

— Эти глупцы радуются, когда им приходится умирать за религию, — вмешался Ваган Мамиконян.

— Ничего, наши слоны ведь не устанут от совершения казни над такими, — сказал царь царей. — А нашим богам весьма приятна их кровь. Клянусь светлым ликом моих предков, клянусь священным именем Ормузда, я не пощажу ни пола, ни возраста, ни звания, и всякий — будь то родовитый или простолюдин — будет наказан за сопротивление нашей воле, ибо мои слова — это воля могущественных богов.

Так говорил царь царей, и его страшный голос сотрясал шатер.

В это время недалеко от места чудовищной пляски слонов готовилось другое злодеяние. На площадь спешно волокли повозки с какими-то подвижными машинами. На каждой из них возвышался остроконечный длинный шест. Издали это множество повозок с железными остриями походило на стоящие у пристани лодки с вонзающимися в небо мачтами. Когда повозки были установлены на площади, приступили к адскому делу.

Среди пленных было немало молодых знатных жен-

щии и девушек — жен и дочерей тех нахараров, которые, узнав о приближеини Шапуха и ие желая ему покоряться, побросали свои замки и разбежались в разные стороиы. Этих знатных женщин держали в особых палатках, иедалеко от палатки Шапуха. Царские евнухн вошлн к иим, разделн их донага и выстронли перед повозками с шестами длиииыми рядами на площади.

Это было отвратнтельиое зрелище, нзобретенное Шапухом, иаглость н бесстыдство которого превзошлн его жестокость. Скромные жеищины н девушкн прннуждены былн стоять обнажеиными и завидовать в душе тем счастлнвцам, которые погнбли под иогамн слонов, мгновеино нзбавившнсь от зверств Шапуха. Миогне нз них ие могли держаться иа иогах: теряли сознаиие, падали на землю. Евиухи заставлялн их подиматься. Другие, как безумные, рвали иа себе волосы, царапалн лица, бнли себя в грудь и, громко рыдая, крнчалн. Плеть евнуха опускалась иа нх голые тела, оставляя иа ннх кровавые полосы. Тогда они умолкали...

Это было жестокое нздевательство, тяжелое оскорбленне, которым Шапух хотел уннзить армяискую знать. Зиатиые жеищины стояли обиаженные перед его войском. Воины обступилн жеищии густою толпой, глазея иа иих.

Явнлся мовпетан-мовпет[1], окруженный своими магами в белых одеждах. Главиый жрец остановился иа площадн, подиял руку и обратился к женщиниам.

— Упрямство вашнх мужей обрекло вас иа эту позорную участь. Вы нскупаете их грехи. Но велик царь царей и безмерио его милосердие: ои дарует вам прощеиие и вернет вам прежиюю славу и почет, еслн вы покоритесь его повеленню. Животворное солнце дает свет и тепло всему миру, все живое должно в благодариость преклоияться перед иим. Оио — источиик жнзии и света. Оио — источннк всякого добра. Без него иет ии жизин, ни счастья, без иего царствует темный мрак Агримаиа. Его светозариым подобием иа земле пылает священный огоиь Ормузда. Поклоннтесь ему, н вы будете спасены. От вас, знатных жеищии, мы должиы ожидать больше всего, ибо за вами последует простой

[1] *Мовпетан-мовпет* — маг магов, первосвященннк персидской религии.

народ Армении. Если же вы, подобно своим мужьям, будете упорствовать в ваших заблуждениях, то вас ждет вот эта ужасная казнь,— он указал рукой на повозки с шестами.— Выполняйте волю царя царей Персии: велико его могущество и безгранично его милосердие!

— Пусть его могущество и милосердие погибнут вместе с ним! — закричали женщины. — Пусть его уделом будет вечное проклятие. Мы скорее готовы навсегда остаться пленницами и вынести любое наказание, чем подчиниться его воле и бесчестному требованию.

— Повторяю! — воскликнул мовпетан-мовпет, — пожалейте себя, пожалейте ваших детей! Ваши дети у вас на глазах будут растоптаны слонами, а вы будете присуждены к жестокой казни на шестах.

— Ничто не может поколебать нашу веру, ничто не испугает нас. Выполняйте злую волю злого деспота. Мы готовы!

Видя непреклонность разгневанных женщин, мовпетан-мовпет обратился к палачам и приказал:

— Начинайте!

Тогда подошли одетые в красное палачи и, точно злые волки набросившись на женщин, повели многих из них к повозкам и расставили на настилах. Утонченно сделанная варварская машина казни вызывала ужас. Железный шест, воткнутый в середину повозки, был подобно мачте укреплен канатами. Несчастных жертв поднимали на этих канатах вверх и насаживали на острый конец шеста, как на вертел. Не прошло и четверти часа, как площадь запестрела повисшими голыми трупами. Но сильнее смерти была та твердость, с какой эти отважные мученицы приближались к машине ужасной казни. Поднимаясь на нее, они считали ее дорогой к вечному блаженству. Храбрость женщин сокрушила самомнение надменного царя. Сидя в своем шатре, он видел их мучения, слышал их горькие стенания и, охваченный дьявольской злобой, бесновался, так как видел, что даже его неимоверная жестокость остается бесцельной, не оказывая никакого действия...

Он спустился вниз и вышел из шатра. За ним следовали Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян. Вся знать, все придворные, стоявшие перед шатром Шапуха, пали ниц. Царь сел на коня и направился в стан своих

войск. За ним ехали Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян. Дальше следовали конные телохранители.

Царь и его конь сверкали золотом и драгоценностями. На лбу царского коня горел алмазный полумесяц. Обозрев войска, Шапух подъехал к тому месту, где совершалась казнь.

Он проезжал между рядами обнаженных женщин и внимательно разглядывал каждую. Одна из них гневно воскликнула:

— Шапух, надругательство не приличествует царю, называющему себя отцом народа. На виду у всех глумясь над почтенными женщинами, ты позоришь самого себя. Поступая так со слабой женщиной, при твоем могуществе, ты показываешь свое духовное убожество.

Шапух остановил коня и спросил Меружана Арцруни:

— Кто такая?

— Супруга князя Андовка Сюникского, — ответил Меружан.

Ваган Мамиконян понурил голову от стыда и угрызения совести. Андовк, князь Сюникский, был зятем Мамиконянов, а эта почтенная женщина была его теткой и матерью армянской царицы Парандзем. Царь Аршак был женат на дочери князя Андовка — Парандзем.

По грозному лицу Шапуха пробежал злая усмешка, когда он услышал имя Андовка.

— Ты упрекаешь меня, княгиня? — сказал он презрительно. — Ты упрекаешь меня в том, что я поступил не по-царски. А твой супруг, князь Андовк, поступил прилично, когда взял в плен гарем царя Нерсеха, моего предшественника, и, похитив госпожу над госпожами Персии, увез ее в Сюник?

— Он поступил правильно, Шапух, — ответила смелая княгиня. — Правда, мой супруг взял в плен гарем твоего предшественника, царя Нерсеха. Но где?.. На поле битвы, после великой победы. А ты, как вор, пробрался в беззащитный замок моего мужа и похитил его семью. Если бы мой супруг находился здесь, а не в Византии, тебе бы не удалось это воровство. Он со своими пленницами поступил так, как подобало благородному князю. Он ни у одной из жен Нерсеха не приподнял покрывала. Ты же выставил нас обнаженными на

этой площади. Он удостоил жен Нерсеха царских почестей и с почетом отправил их обратно в Персию. А ты со своими пленницами поступаешь, как варвар: сажаешь их на кол. Стыдно тебе, Шапух! Ты опорочил величие царя и человеческую добродетель!

— Нечего меня порицать! — крикнул разгневанный Шапух. — Незабываемы бедствия, нанесенные сюникцами нашей стране, и в моем сердце неизлечимы раны, нанесенные твоим мужем. Не он ли сжег и разрушил мою столицу Тизбон и разграбил мои сокровища? Тизбон и по сей день не может оправиться от этих ударов. До сих пор во дворе моего дворца стоит ступа, наполненная золой. По ней стучат люди с плачем и проклятиями: «Пусть княжество сюникских властителей, их жизнь и мощь превратятся в прах, как эта зола...» И я исполню их желание!

— Это еще как повелит бог! — ответила княгиня, и ее опечаленные глаза зажглись огнем ненависти. — Ты возложил все свои надежды на жестокость и на этих двух бесчестных людей, которые всюду бегают за тобой, — она указала на Меружана Арцруни и Вагана Мамиконяна. — К несчастью, оба они мои родственники, и я была бы гораздо счастливее, если бы они были мне совсем чужими. Они изменили родному царю, изменят и тебе...

Она на минуту умолкла, а затем продолжала:

— Ты напоминаешь мне о том, что мой супруг сжег Тизбон и разграбил твои сокровища. Это правда. Но после того тяжкого оскорбления, которое ты нанес моему мужу в твоем доме, за столом, его месть была еще недостаточна. Правда, он сжег твой город, разграбил твой дворец, но не тронул твоих жен, хотя ему легко было взять их в плен и заставить подметать улицы в крепости Багаберд. Но он человек благородный и поступил благородно. А ты...

Последние слова замерли на устах княгини. Палачи набросились на нее, вырвали ей язык, а затем искромсали ее тело на части...

Бешенство разъяренного Шапуха не имело пределов. Он приказал перерезать всех женщин Сюникского дома, а мальчиков оскопить, дабы не было потомков у Андовка и чтобы его род прекратился навеки.

IX. Артагерс

...Когда царица армянской страны, жена царя Аршака Парандзем увидела, что войска персидского царя заполонили армянскую страну, взяла с собою около одиннадцати тысяч отборных вооруженных бойцов из азатов и вместе с ними отправилась в крепость Артагерс, в области Аршаруник. Потом подошли все персидские войска, окружили крепость и осадили... Так они тринадцать месяцев... не могли взять крепость, потому что местность была весьма неприступна.

Фавстос Бузанд

После зверств под Зарехаваном Шапух двинулся к крепости Артагерс, где укрепилась армянская царица Парандзем. Там же были укрыты и царские сокровища. Алчного Шапуха не столько привлекали сокровища армянского царя, сколько его супруга. Захватив ее, он рассчитывал овладеть и всей Арменией. Сам царь давно уже был в его власти. Оставалась царица.

Артагерс имел печальную историю. Эта одна из самых неприступных крепостей в области Аршаруник принадлежала некогда Камсараканам. Но царь Аршак неправедными путями отнял у них эту крепость и овладел ею. Теперь незаконно захваченная крепость стала убежищем его жены.

Царица Парандзем вступила в крепость с семнадцатью тысячами армян, из них — одиннадцать тысяч мужчин и шесть тысяч женщин. Это были главным образом лица княжеского рода, которые во время наступившей смуты не пожелали оставить свою царицу.

После нескольких месяцев упорной осады и ожесточенных боев Шапух понял, что обманулся в своих ожиданиях. Ни бесчисленное персидское войско, ни всевозможные военные ухищрения не приносили ему успеха. Наоборот, при каждой новой попытке захватить крепость персы терпели большой урон. Царь царей Персии, заставлявший трепетать Восток и Запад, задыхал-

ся от ярости, видя, как все его усилия бесплодио разбиваются о несокрушнмые скалы Артагерса.

Положенне Шапуха было ие из легких. Он попал в ту ужасную западню, где Аракс и быстротечная Ахурян, преодолев горные высоты и глубокие ущелья, слнваясь, создавали многочисленные непроходимые преграды для врагов Армении. По преданию, в прибрежных мрачных пещерах этих рек некогда обнталн драконы, вселявшие в людей ужас. Теперь же иаводнлн страх армяиские исполины, укрепившнеся там со своей царицей.

Крепость Артагерс находилась неподалеку от того места, где Ахурян и Аракс, сливаясь в одно русло, образовывалн острый треугольник, сжимая старый Ервандашат, по каменистым уступам которого Ерваид поднялся до трона Аршакидов. Крепость была расположена на высокнх снзых скалах. У ее подошвы в глубокой пропастн ревела река Капуйт.

Артагерс был известен Риму и Византин. Римский цезарь Кай, приемный сын императора Августа, возле его могучих стен получил смертельную раиу от рукн князя Аттона.

Шапух упрямо продолжал осаду, уверенный в том, что если не силой оружия, то голодом и жаждой он вынудит осажденных сдаться. Но в подвалах крепости съестных припасов было достаточио. Военные средства того времени не в состоянии были воздействовать иа недоступные, расположениые на высотах укреплеиия — это великое чудо прнроды.

Но более, чем цитадель, несокрушима была энергия осажденных. Их самопожертвоваиие не имело предела. Знатные женщины по целым ночам бодрствовали на стенах. Знатные девушки ие покидали башен крепости, следя за каждым движением врага. Царица собствеииоручно лечила раненых. Мужчин и жеищин воодушевляла горячая любовь к родиие; в них вселяла веру и ободряла сама царица.

Шапух приказал повести решительиое наступление. Персы, защищенные латами и щитами, вскарабкались на крепостные стены. Они дрались геройски, град стрел, летевшнх на них из крепости, не умерял их ярости. Царица в доспехах стояла на крепостной стене и воодушевляла своих воинов. Виезапио стрела попала ей

в плечо, пробила латы и вонзилась в тело. Один из военачальников подбежал к ней и протянул руку, собираясь вытащить стрелу.

— К чему попусту тратить время? — сказала царица. — Вытащим после!

Эти слова подействовали так воодушевляюще на воинов, что они удвоили напор и отогнали врага от стен цитадели.

Иногда ночью, а то и днем, из крепости выходили отряды воинов и вступали в бой с персами. Эти маленькие отряды своими молниеносными набегами не только тревожили стан врага, но часто возвращались с пленными и добычей.

Затяжка осады беспокоила Шапуха. Он не мог долго оставаться у стен Артагерса. Более важные дела призывали его обратно в Персию. Уйти, не добившись никаких результатов, ему не позволяла его безграничная кичливость. Убедившись в том, что силой он не одолеет крепость, он прибег к своей обычной хитрости. Отправил посла к царице, и давая большие обещания, предложил, чтобы обе стороны сложили оружие и чтобы она, царица, спустилась с крепости для личных переговоров о перемирии. Но царица твердо отказала, заявив послу, что с таким обманщиком, как Шапух, она ни видеться, ни вести переговоры не желает. И хотя оскорбление было тяжкое, все же царь царей предложил вступить в переговоры с ним хотя бы издали. Приближенные царицы посоветовали ей принять это предложение.

В назначенный день надменный царь, сопровождаемый только Меружаном Арцруни и Ваганом Мамиконяном, без свиты, подошел к подножью крепости. Чтобы легче было вести переговоры, ему разрешили приблизиться к стене. Там приготовлен был для него роскошный трон, и группа придворных встретила его стоя. Шапух явился, но, раздосадованный донельзя, не захотел сесть на трон. К его приходу на башне, окруженная нахарарами, появилась царица. Высокая, красивая женщина среди своих вельмож казалась прекрасной богиней. Увидев ее, Шапух обратился снизу:

— Всем известно, царица, сколь ты прекрасна! Красотой своей ты свела с ума царя Аршака, который по-

хитил тебя, пролив кровь своего племянника Гнела. Ты, царица, была бы еще прекраснее, если бы с такой чудесной красотой соединяла ум и рассудительность. Но сюникцам не дано ни ума, ни рассудительности. Им присущи лишь грубость варваров и безмерная гордость. Их мысль груба, а сердца бесчувственны, как скалы в их горах. Таков был твой отец, князь Андовк, такова была и твоя мать. Тело твоей матери за дерзкие слова я приказал разрубить на куски у развалин Зарехавана. Я истребил весь твой род, кроме твоих братьев, — они в числе моих пленников, и их ждет мучительная смерть, если ты, царица, будешь упорствовать. Зачем ты укрепилась на этих высотах? Разве эти скалы спасут тебя? Могущество царя царей Персии велико, и гнев его ужасен. От одного его вздоха горы тают, как свечи, сохнут моря, а ты, царица, неразумно ожидаешь в окружении, на этих высотах, пока разбушуются волны, разыграется буря и твой жалкий остров исчезнет в неумолимом потоке моего гнева. Ради чего ты засела в крепости? Ведь этим ты, царица, не спасешь ни себя, ни свою страну. Вся Армения у меня под пятой. Стоит мне наступить ногою, и она превратится в прах. Для тебя, царица, один исход: мое великодушие. Положись на меня, и ты будешь спасена. Не будь ты женщиной, я бы не простил тебя. Но я прощу тебя, так как ты женщина. Спустись с этих высот, облобызай прах ног царя царей, и он станет к тебе милосердным.

Царица спокойно слушала его. Нахарары же и вельможи дрожали от негодования. Ответом на эти угрозы могла быть только стрела, которая заставила бы замолчать этого зверя. Окружающие царицу нахарары уже готовились поразить его, но царица молчаливым жестом сдержала их гнев. Она не хотела вероломством отвечать на вероломство и отправить к персам от ворот крепости труп гостя.

Она ответила так:

— Слушай, Шапух, ты утратил благородство и учтивость царя. Ты забываешься, говоря с царицею! Забываешь и о том, что имеешь дело с женщиной. Ты напоминаешь мне, Шапух, о твоей зверской расправе над моей матерью и над моей родней и нагло хвастаешься

своим варварством. Но тебе бы следовало быть в страхе за совершенные преступления, если бы в тебе осталась хоть капля человечности. Ты, Шапух, угрожаешь мне таким же печальным концом, какой выпал на долю моих родных. Но ты не думаешь о том, что эта угроза только разжигает во мне чувство мести и укрепляет убеждение в том, что нельзя протягивать руку человеку, чьи руки обагрены кровью моей матери и моих близких. Ты мне обещаешь прощение и приглашаешь меня спуститься вниз. Но подумай, Шапух, сколько раз ты уже обманывал нас. Разве можно иметь хоть каплю доверия к твоему слову и к твоим обещаниям? С того дня, как ты вероломно пригласил к себе моего царственного супруга, который спас тебя от многих и многих опасностей, и нагло заключил своего гостя, своего верного союзника в крепость Ануш, с тех пор ты лишился доверия всех армян. Ты думаешь, Шапух, что Армения находится под твоей пятой, и ты грозишь уничтожить ее одним ударом! Пожалуй, тебе бы это и удалось, если бы твоя храбрость равнялась твоей заносчивости и безудержному бахвальству. Но высокомерие отшибло у тебя память: вспомни, сколько раз ты позорно убегал от наших стрел, оставив трупы своих воинов на наших полях! И если твой стан сейчас находится в окрестностях моей крепости, то это не потому, что ты и твои воины храбр[illegible] Но потому, что ты вероломный изменник. Ты [illegible] удалил моего мужа царя из его страны и, оставив Армению без главы, расчистил себе путь. Как ловкий вор спешит воспользоваться отсутствием хозяина, так и ты поспешил напасть на беззащитную страну. Но твое воровство подлее: ты подкупил домашних слуг, и они ночью открыли тебе дверь. Вот они, эти слуги, продавшие и предавшие своего господина — оба они стоят возле тебя, и ты обоим в виде подкупа отдал своих сестер.

Она протянула руку, указывая на Меружана Арцруни и Вагана Мамиконяна, и сказала:

— Но не забывай, Шапух, что Армения все же имеет хозяина. Это прежде всего тот, кто является властелином и царем вселенной, — она подняла руку к небу, — во-вторых, с тобой говорят двое: я и мой сын, на-

ходящийся в городе императоров Византии. Ложная гордость и слепой самообман ввели тебя в заблуждение, Шапух! Хорошенько обдумай и очнись! Если все погибнут, если в лачужках Армении останутся лишь слабые девушки, и те будут бороться с тобой. Но до этого еще далеко. Ты не замечаешь, что всей своей мощью ты уперся в скалы этой крепости и ничего не можешь с нами сделать. А сколько еще таких крепостей в нашей стране, в которых мои нахарары ожидают тебя с оружием в руках! Ты попал в ловушку армянских гор и будешь очень счастлив, если сможешь выбраться из нее. Иди, Шапух, уходи отсюда! Иди, беснуйся от злобы и совершай варварства, которые еще можешь совершить. Твои угрозы не пугают меня! Иди! После всех мерзостей, содеянных тобой, между нами не может быть мира. Доколе мой царственный супруг мучается в крепости Ануш, Армения в порыве мести с оружием в руках будет воевать с тобой...

— Увидим! — проскрежетал зубами Шапух, спускаясь с крепостной горы.

* * *

Прошел почти месяц.

Артагерс ликовал, охваченный [illegible] радостью. Улицы были разукрашены. На баш[illegible]вались разноцветные флаги. Огромные толпы [illegible]а заполнили площадь. Мужчины и женщины, мальчики и девочки плясали под громкие звуки музыкальных инструментов. У царского дворца собрались богато вооруженные веселые группы воинов. За день до этого Шапух прекратил осаду и удалился в Персию. Крепость праздновала свое освобождение.

Обширный зал царского дворца был пышно украшен. На длинном столе, у стены, были разложены драгоценные одежды, роскошное оружие, панцири, золотая и серебряная посуда, блеск которых ослеплял. Все это было взято из царских хранилищ и предназначалось для наград. Царица, отправляясь в Артагерс, захватила с собой и царскую сокровищницу.

Царица сидела на пышном троне в роскошном

праздничном одеянии. Сегодня у нее был торжественный прием. Прекрасное лицо ее было веселее обыкновенного. Правда, ее веселость казалась не вполне искренней и лишь едва прикрывала ту глубокую грусть, которая таилась в ее красивых глазах.

Да, она была прекрасна, эта дивная богиня Сюникской страны. Ее красота явилась причиной того, что царь Аршак совершил трагическое преступление, которое можно было оправдать только страстной любовью.

На голове царицы сияла маленькая корона, украшенная драгоценными каменьями, под которой венком были собраны ее черные кудри, обрамлявшие бледные щеки и мелкими косичками спадавшие на ее пышные плечи. Прозрачными складками живописно вилась из-под красивого головного убора белая вуаль. Убор придавал ее очаровательному лицу особую прелесть. Золотые серьги скрывались под прядями черных локонов, и только яркий блеск каменьев выдавал их присутствие. Эти драгоценные серьги были столь тяжелы, что висели не в ушах, а на застежках по обеим сторонам короны; на концах их были кисточки, в каждой кисточке сверкали крупные драгоценные каменья. Жемчужная цепь соединяла их между собой и спускалась на грудь. Шею украшало драгоценное ожерелье, с которого свисал нагрудный знак в виде сияющего в лучах месяца, лежавшего на ее высокой груди. На обнаженных руках были надеты золотые браслеты, на мизинце правой руки сверкал царский перстень. Платье цвета пурпура длинными мягкими складками спускалось до пола; на ногах были густо расшитые жемчугом туфли. Широкий золотой пояс с бриллиантовыми застежками плотно охватывал стан. Плечи покрывала розовая бархатная мантия, подбитая соболем.

По правую сторону царицы впереди всех стоял Мушег Мамиконян, спарапет всех армянских войск, возле него Саак Партев, сын Нерсеса Великого. За ними пониже стояли нахарары и вельможи, — каждый занимал подобающее ему по знатности и положению место. Тут же был и Месроп Таронский. А по левую сторону трона, в том же порядке, стояли жены и дочери нахараров. На всех лицах сияла беспредельная радость, у всех глаза сверкали от восторга.

Из присутствующих никто не сидел, кроме епископа Хада, которого Нерсес Великий, отправляясь в Византию, назначил своим местоблюстителем.

С улицы доносились звуки музыки и раздавались раскаты смеха. В зале же господствовала глубокая тишина. Царица обратилась к присутствующим с такими словами:

— Шапух прекратил наконец свою длительную осаду. Его могучая сила разбилась о наши скалы. Но еще несокрушимее было ваше мужество, ваша самоотверженность, мои дорогие полководцы! Всевышний послал вам силу, и вы, как подобает героям, отважно боролись с яростным врагом. Вы показали себя достойными сынами нашей родины. Тяжела была длительная война и полна бедствий! Тяжела потому, что, кроме чужого врага, мы вынуждены были бороться со своими родичами. Наших врагов вели наши же родичи. Сын дрался против отца, брат против брата. И в том именно проявился ваш высокий дух любви к родине, что вы не пощадили ваших родичей и на их оружие ответили оружием. Хвалю вашу доблесть и даю вам свое материнское благословение.

Все молча наклонили головы, выражая тем свою глубокую благодарность. Царица продолжала.

— Однако многое предстоит еще нам в будущем. Мы отогнали врага от крепости, но не изгнали его из пределов нашей страны. Мы защитили себя. Наша страна, наша дорогая родина находится все еще под угрозой. Я не сомневаюсь в том, что Шапух, позорно отступивший от Артагерса, не забудет эту тяжелую обиду. Всю свою желчь, весь яд изольет, несомненно, на незащищенные местности. А таких мест немало. Некоторые из наших нахараров оказались настолько трусливыми, что покинули свои земли и разбежались в разные стороны. Враг захватил их земли. Их семьи находятся в заключении в своих же замках и содержатся как заложники. После печального кровопролития в Зарехаване, где Шапух обнаружил свою звериную ярость, многие из наших друзей оказались в плену у врага. Нет покоя для нас, пока наши братья и сестры томятся в плену. Нет покоя для нас, пока не смыто пятно позора, нанесенное Шапухом тем нахарарам, чьих жен и дочерей он

обиаженными выставил перед своим войском... Тяжко мие, слишком тяжко перечислять наши бесчисленные бедствия и вспоминать о наших иеизлечимых ранах. Возлагаю упование на вседержителя, на вашу любовь к отчизие, храбрые воины, и верю, что вы оправдаете ваше призваиие.

Ее приятный и внушительный голос отчетливо раздавался под высокими сводами. Вдохновенные, пламенные слова, которые лились из ее уст, зажгли всех присутствующих; они все чаще и чаще наклоняли головы, выражая царице свою искреннюю преданность.

Затем заговорил епископ.

— Отечество в опасности! Да. Но в еще большей опасиости церковь. Персидская нечисть уже проникла в иаши храмы. На иаших священных алтарях уже горит пламя Ормузда. Монастыри наполнились магами и жрецами. Монахинь преследуют, а моиахов заставляют насильно служить огню. Некоторые из наших нахараров, чтобы угодить персидскому царю, соорудили в своих домах капища. Церковь, создаиная заботами нашего многострадальиого отца Григория Просветителя, близка к гибели. Персы много раз нападали на нашу страну, миого раз побеждали, ио и много раз были побеждены иами. Наша страиа многократно омывалась кровью. Но проходили печальные дни войны и разгрома, и на крови сиова зацветала новая жизнь, и иаступало благоденствие. Теперь же опасиость грозит иашей церкви, нашей вере и ведет иарод к неминуемой гибели. Катастрофа близка, и нет от иее спасения. Это будет смертью без воскресения. Это смерть народа! Это смерть всех армян! Сколько народов, сколько племен, как ненасытиый дракон, поглотила религия Зороастра! Сколько святынь сгорело в ее иеугасимом пламени! Надо потушить этот огонь, который стал уже разгораться в иашей стране! Надо погасить это пламя, которое грозит поглотить наши святыни. Да, надо погасить, дабы сиова ожила иаша вера — источиик жизии иашего иарода и иашей страиы.

— Да будет благословенна воля всевышнего, да защитит он нашу святую церковь — мы же будем ее верными воинами! — воскликнули киязья и нахарары в один голос.

Царица встала. Наступило молчаиие. Оиа медлен-

ными шагами направилась к столу, иа котором были разложены награды, взяла меч и, протягивая его епископу, сказала:

— Преосвященный владыка, враг мечом и кровью осквернил наши священные храмы, и мы тоже должны очистить их мечом и кровью. Вот твой меч. Покажи пример служителям церкви, пусть они стаиут достойными ревнителями ее славы.

Епископ принял меч.

Затем царица взяла золотую мантию и, подойдя к Мушегу Мамикоияну, сказала:

— Князь Мушег, ты доказал в этой борьбе, что ты достойный сын своего отца, погибшего за отчизну и царя. Ты достоин самой высокой царской награды. Теперь на своих могучих плечах ты иесешь всю тяжесть судьбы Армеиии. Твои достойиые плечи я украшаю этой мантией, которую иосил царь Аршак — мой царственный супруг.

Спарапет с глубоким благоговением преклонил колено перед государыней, и она иакинула ему на плечи царскую мантию.

Затем царица снова подошла к столу с подарками и взяла золотой кубок. Обращаясь к Сааку Партеву, она сказала:

— Твой отец, Саак, был самой верной опорой Армении, и ради любви к ней обречен сейчас на тяжелую участь изгнаиника. Лучезарная звезда отца сверкает иа твоем ясном челе, — мы убедились в этом во время последних битв. Прими этот кубок и, пользуясь им, всякий раз помни о моей горячей благосклоиности к тебе.

Высокородный Партев преклоиил колеио и приият из рук царицы прекрасиый кубок.

Так щедрой рукой мудрая царица иаграждала каждого за храбрость. Для каждого у нее иаходилось слово мудрой похвалы соответственно родовитости и заслугам награждаемого. Радость нахараров была иеописуема, и безгранично было их восторжеииое воодушевление. Одна ее улыбка, одии ее взгляд, полиый материнской любви, вселял в иих бодрость духа, иовую энергию и стремление к самопожертвоваиию. Оии были рады тому, что за свои заслуги ие только получили воздая-

ние, но и удостоились лестной оценки такой благородной женщины, как царица Армении.

Когда были розданы награды мужчинам, царица обратилась к женам нахараров, которые оказали неоценимые услуги во время осады. Взор ее не находил среди них ту, которую искал.

— Среди моих храбрецов есть девушка-героиня, — сказала она. — Где Ашхен? Пригласите ее сюда.

Прекрасная княжна Рштуника из скромности пряталась в соседней комнате. Через несколько минут она вышла в роскошном вооружении. Глаза всех обратились на красивую, статную героиню. Царица обняла ее и поцеловала в лоб.

— Дорогая Ашхен, было время, счастливое время покоя и мира, когда наши княжны показывали искусство своих рук в рукоделиях, и изделиями этими украшали пышные чертоги нахараров и священные алтари наших храмов. Прошло мирное время, началось время кровавых битв и смерти. И ты своим прекрасным, достойным похвалы примером показала знатным женщинам, что в те дни, когда родине грозит опасность, нежные женские руки вместо иглы должны взяться за копье и вместо ниток натягивать крепкую тетиву. Ты с успехом сделала это. За это, дорогая Ашхен, я опояшу твой благородный стан вот этим поясом и пожелаю тебе еще большей бодрости и силы.

Царица надела на нее пояс с драгоценными каменьями. Княжна со слезами радости поцеловала у нее руку.

Многие из жен и дочерей нахараров также удостоились наград. Когда торжество награждения было окончено, епископ произнес благодарственную молитву, после чего в трапезной палате заиграла дворцовая музыка, и царица ласково пригласила всех, кто был в зале, отобедать вместе с нею.

До самого вечера у дверей дворца, на площади, народ с нетерпением ожидал выхода нахараров. Когда они появились, раздались громкие крики радости; толпу охватило воодушевление. Любимых князей со всех сторон хотели поднять и на руках отнести домой; но князья скромно отклонили эти почести. Толпа продолжала идти с ними. Пение и радостные рукоплескания сопровождали нахараров до их жилья.

X. Мушег. — «Вкривь и вкось»

И армянский полководец и спарапет Мушег со своими сорока тысячами напал на лагерь (врагов) и разгромил их. Персидский царь Шапух спасся бегством один верхом на коне... Многих персидских вельмож пленили, и взяли в добычу сокровища персидского царя, захватили также царицу цариц вместе с другими женами. А всех вельмож, числом до шестисот человек, армянский полководец Мушег приказал убить, содрать с них кожу и набить сеном... Так он поступил, чтобы отомстить за отца своего Васака.

Фавстос Бузанд

Прекратив осаду Артагерса, Шапух оставил в занятой части Армении большую часть своих войск под начальством Меружана Арцруни и Вагана Мамиконяна. Сам же с остальным войском направился в Персию. Только через две недели ему удалось добраться до Тарвеза[1]. Здесь, под городом, расположился его огромный стан.

В то же самое время несколько армянских полков по другой дороге спешили к персидскому лагерю. Они прошли через области Гер и Зареванд и, продвигаясь по северным берегам озера Капутан, приблизились к берегам реки Аги.

Полки эти состояли только из легкой конницы, которая походила скорее на партизанский отряд, чем на постоянное войско, хотя была довольно многочисленна. Передвигались полки ночью, днем же, свернув с дороги, отдыхали в защищенных местах. И не только невыносимая жара в выжженных солнцем пустынях, раскинутых от Зареванда до Тарвеза, заставляла их двигаться ночью. Была и иная причина: желание быть незамеченными. Полки передвигались разрозненно, отдельные соединения находились в нескольких милях друг от друга.

[1] *Тарвез* — современный Тавриз, главный город Иранского Азербайджана.

Стояла уже глубокая ночь, когда первый отряд добрался до реки Аги. Во время весенних разливов река, размывая свои измельчавшие берега, пробила довольно широкую и глубокую лощину. Теперь же, после убыли воды, она оставила ил, покрытый богатой растительностью. Это побережье было настолько ниже прилегавшей к ней местности, что на нем легко могло укрыться до тысячи людей, не будучи замеченными с проходившей поверху дороги.

Здесь у правого берега отряд остановился для небольшого отдыха.

Стреножив коней, воины пустили их пастись в прибрежных камышах; сами же, достав свои запасы из дорожных мешков, закусили и улеглись спать, держа оружие наготове под головой. Один из них остался караулить.

Он крайне нетерпеливо ходил по берегу и грыз на ходу захваченный с собой кусок копченого мяса. Во мраке ночи не было видно ни зги, только вдали мелкими огненными звездочками мигали не погашенные еще фонари персидского лагеря. Дозорный не отрываясь глядел в сторону лагеря.

Продвигаясь вдоль берега, он незаметно добрался до моста. Мутно-желтые волны реки неслись под многочисленными сводами моста и глухим шумом нарушали ночную тишину. Не переходя через мост, дозорный остановился у одной из высоких опор и напряг слух, не сводя внимательного взгляда с персидского стана. Он долго глядел, но не мог ничего различить и, кроме шума реки, ничего не слышал. Лагерь находился у города Тарвеза, расположенного на левом берегу реки, на расстоянии трех часов пути.

В это время на краю проезжей дороги, которая вела к мосту, какой-то человек высунул голову из ямы, точно крот, и стал осматриваться. Глаза его, привыкшие к ночной темноте, точно глаза зверя, сейчас же различили дозорного, стоявшего у опоры моста. Человек вылез из своей норы и тяжело пополз к мосту.

— Подайте несчастному... — жалобно простонал он, когда подполз ближе.

Дозорный вздрогнул, увидя у своих ног какое-то странное шарообразное тело.

— Два дня не ел, умираю с голоду, помоги, — еще жалобиее протяиул иезиакомец.

Дозориый бросил ему свой кусок копчеиого мяса, хотя и сам был голодеи. Просивший схватил кусок и с жадностью собаки иачал есть, кроша костн своими острымн зубами.

— Видно, ты сильио проголодался, — заметил дозориый.

— Как ие проголодаться, господии мой, вот уже вторые сутки ннкто по мосту не проходит.

— Почему так?

— Разве ие видишь?.. Там иаходится стан персидского царя... Страшась его, никто по этой сторoие ие проходит. Дорогн опустели. Люди боятся выйтн из дому и повстречаться с воинамн Шапуха. Проклятые персы, как голодные волки, рыщут повсюду.

— Тебе они иичего ие далн?

— Будь онн прокляты... Не только не дали, ио еще н ограбнли. Отиялн у меня верхнюю одежду и уиесли. Целых десять лет она заменяла мне н постель и одеяло; мне подарнл ее паломинк-армянии. Не зиаю, как обойдусь теперь без иее... Либо замерзиу от холода, либо сгорю от жары.

Этн слова он произиес так жалобио, что дозорный снял с себя воеииую одежду и отдал ему.

— Вот тебе накидка.

Незнакомец снльио обрадовался и схватил неожнданный подарок, бормоча благословения.

— Помогн мне, мнлосердный господнн, донести эту одежду до моей иоры, она отсюда иедалеко, — попроснл ои дозориого.

Ои пополз к своей конуре, а дозорный иес за ним одежду. Несчастный был прокаженным, изгнаниым нз людской среды. Свое жалкое существоваиие ои влачил на проезжнх дорогах, вне городов, в земляиых норах, живя подаяннем прохожнх.

Нельзя было бы при свете без содрогания смотреть иа это бесформениое тело. Рукн н иоги его почти высохлн, лншь на левой руке шевелнлись остатки пальцев. На лнце ни носа, нн губ, торчалн только зубы. Глаза в глубокнх впаднннах беспокойно блестели из безбровых окостенелых глазниц, голос хриплый, точио из разрушеи-

ной гортани. Его землянка поистине была дырой, вырытой в земле. В ней можно было только сидеть, но не лежать. Да в этом и не было особой нужды, так как шарообразное тело прокаженного не нуждалось в лежании. Вся его посуда состояла из глиняной чаши, валявшейся в углу в специально вырытой ямке. Четыре кола были расставлены по углам его жалкого жилья, на них были положены куски дерева и ветви, обмазанные глиной. Это перекрытие защищало его землянку от дождя и от солнца. Он вполз в свою нору. Но незнакомый благодетель не отходил от него. Иногда для чего-нибудь могут пригодиться и люди, пренебрегаемые обществом и совершенно отверженные.

— Ты сказал, что за эти два дня никто не проходил по мосту? — спросил дозорный.

— Никто, господин, я наблюдаю целый день, высунув из норы голову. Если даже муха пролетит, и ту замечу. Только сегодня утром рано, когда еще было темно, прошли двое... Они шли в стан.

— Ты их хорошо приметил? Что это были за люди?

— Приметил, как не приметить.

И он стал описывать этих людей.

— Они еще не возвращались? — быстро спросил дозорный.

— Нет еще! Если бы возвратились, я бы увидел.

Это сообщение бессменного стража несколько успокоило дозорного. Пожелав бедняге доброй ночи, дозорный направился к тому месту, где находился отряд всадников.

Все его спутники, утомленные, спали крепким сном. Некоторые из коней, насытившись, также лежали на траве, или катались по земле, желая размять усталое тело. Единственным человеком, не думавшим о покое, был тот, кто вернувшись от моста, молча прошел через стан, посмотрел на спящих, затем направился к реке и застыл у берега. Блестящие глаза его были устремлены на мелкие светлые точки, которые то пропадали, то снова появлялись вдали. И его сердце, подобно этим огонькам, вспыхивало жарким огнем, в нем все сильнее росло нетерпение.

В это время на мосту показались два человека. Осторожно оглядываясь, они чуть слышно переговаривались:

— Если бы они пришли...
— Непременно должны прийти...
— Они назначили время этой ночью.
— И у этого моста...

Острый слух прокаженного, сидевшего в землянке, уловил их шаги: он высунул голову из норы и внимательно посмотрел вокруг. «Это опять те двое», — смекнул он и быстро пополз к проходящим.

— Тут один человек спрашивал про вас, — раздался его голос из темноты.

Прохожие были ошеломлены, не зная откуда донесся этот неожиданный голос. Прокаженный подполз ближе. Они заметили шарообразное тело.

— Куда девался тот человек? — спросили они.

— Пошел вниз по реке, — сказал прокаженный. — Дай бог ему удачи во всем, — добавил он, — он насытил мой пустой желудок и одел мое голое тело!

Прохожие стали спускаться вниз по течению реки, торопливо переговариваясь:

— Вовремя поспели... Но где найти спарапета?

Ответ на это не замедлил:

— Это вы? — раздался голос дозорного, который все еще стоял у реки.

— Да, тер, это мы, — ответили они приближаясь.

То был не кто иной, как сам Мушег Мамиконян.

— Рассказывайте, что видели,— обратился он к ним.

Те стали рассказывать. Спарапет слушал с огромным вниманием. Не дослушав до конца, Мушег начал задавать вопросы.

— К какой стороне города прилегает стан?
— С востока, немного ниже подножья Красной горы.
— В какой части города раскинуты царские шатры?
— У подножья горы, на возвышенности.
— А царский гарем?
— Вправо от царских шатров.
— Как расположен стан?
— Как всегда, подковой, концы его упираются в царские шатры.
— Где стоит конница?
— Лошадей угнали пастись на расстояние дальше чем десять фарсангов[1].

[1] *Фарсанг* — мера длины, равная более чем 5000 метрам.

— Когда намереваются выступить?
— Через три дня.
Задав еще несколько вопросов и получив исчерпывающие ответы, спарапет сказал:
— Отправляйтесь отдыхать!
Они удалились.
Мушег остался один и снова начал беспокойно шагать по берегу реки. Теперь он знал местоположение стана врага, знал самые мелкие подробности о противнике, и этих сведений было вполне достаточно, чтобы на их основании составить смелый план набега. Он намеревался в эту же ночь напасть на стан Шапуха. Это решение было настолько же рискованным, насколько и бесповоротным.
После ухода Шапуха и его войск от стен Артагерса спарапет не счел достаточным позорное поражение царя царей Персии и решил не выпускать его невредимым из пределов Армении. Злодеяния, совершенные Шапухом, были до такой степени чудовищны, его действия настолько оскорбительны, что следовало по заслугам наказать этого зверя. Он превратил в руины те области, где прошел; он велел перебить взятых им пленников. Это еще можно было перенести. Армения была привычна к такого рода бедам. Но у развалин Зарехавана он поступил бесчестно со знатными армянскими женщинами, оскорбил честь армянской знати. Этого вынести было нельзя. Нельзя было забыть те слова, которые произнесла царица Армении в день торжества в Артагерсе: «Нет для нас покоя, пока не смыто пятно позора, нанесенное Шапухом тем нахарарам, чьих жен и детей он обнаженными выставил перед своим войском». Несколько знатных молодых людей, присутствовавших на торжестве, тогда же решили отомстить. Это и было причиной того, что партизанские отряды спарапета большей частью состояли из сыновей армянских нахараров, поклявшихся отомстить за попранную честь.
Спарапет возглавил эти отряды и, взяв с собой несколько из них, стал преследовать Шапуха после его ухода из Артагерса. Он не приближался к врагу до тех пор, пока Шапух не разделил свое огромное войско на несколько частей. Командование над одной из них Шапух поручил Меружану Арцруни и Вагану Мамиконя-

ну, над другой — своим полководцам Зику и Карену; их он оставил для охраны завоеванных областей Армении и для захвата новых. С остальной частью войска он направился в Персию. Вот эту часть войск Шапуха и стал преследовать спарапет. На всем протяжении пути от Артагерса до Тарвеза ему не удавалось найти ни подходящего места, ни удобного времени для осуществлеиия своей задачи. Теперь враг уже был у границ Армении. Дальше откладывать было нельзя, так как перейдя границу и вступив на персидскую землю, он встретил бы затруднения. Надо было, следовательно, воспользоваться этой ночью, последней и единственной.

Спарапет продолжал блуждать по берегу реки. Он гневно смотрел на восток. Иисус Навин, герой Израиля, приказал солнцу остановиться на месте до окончания битвы. А Мушег Мамиконян, герой Армении, хотел бы приказать солнцу, чтобы оно совсем не всходило, пока ие начнется бой. Иногда он обращал свой нетерпеливый взор на проезжую дорогу, по которой прибыл. Смотрел во мрак ночи, и в его уме, охваченном беспокойством, все время возникали вопросы: «Куда они девались? Почему запаздывают?»

Спустя немного времеии к тому месту, где находились его всадники, прискакало еще несколько отрядов. Он немного успокоился, так как ждал именно их. Но это были не все, были еще и отставшие. К Мушегу подошел старший из вновь прибывших.

— Получил сведения? — иетерпеливо спросил он.

— Получил, — весело ответил спарапет.

— Как дела?

— Хорошо, да вот наши что-то запаздывают. Почему они задерживаются?

— Скоро прибудут. Ночь еще впереди.

— До лагеря далеко. Пока доберемся, рассветет.

— Тем лучше! По крайней мере, не придется двигаться ощупью, как слепым курам.

Спарапет улыбнулся, но иочная тьма скрыла его ироническую улыбку.

— Ты, как всегда, уверен в себе, Месроп? — сказал он.

— Я полагаюсь не столько на себя, сколько на моих всадников, Мушег! — ответил низкорослый командир.

Это был именно Месроп Таронский: небольшого роста, но велеречивый.

Разговор был прерван какими-то глухими звуками, которые неслись неизвестно откуда. Оба напрягли внимание, прислушиваясь.

— Звуки труб и барабанов, — сказал спарапет, — слышны со стороны лагеря.

— Что это означает? — спросил Месроп, несколько встревоженный.

— Это ежедневная утренняя церемония персов, — успокоил его спарапет. — На рассвете трубят в трубы и бьют в барабаны, чтобы разбудить людей и подготовить их к поклонению восходящему солнцу.

— И прекрасно! Пусть просыпаются! По правде говоря, нехорошо нападать на спящих.

— Но это лишь первый сигнал. До восхода солнца должны протрубить еще два раза.

Они стали прогуливаться вдоль берега. Вскоре подъехали остальные отряды. Мушег и Месроп поспешили им навстречу. Заметив их, один из всадников, высокий воин, быстро соскочил с коня и бросился обнимать их.

— Я, должно быть, заставил вас долго ждать, — стал извиняться он.— Но я в этом не виноват. Нам пришлось ехать по непролазной грязи, лошади едва двигались. Вчерашний дождь совсем размыл дорогу.

— Значит, надо дать небольшой отдых коням? — сказал спарапет.

— Непременно, они очень устали.

Этот веселый, цветущий воин был Саак Партев, сын Нерсеса Великого. Его всадники расположились несколько поодаль прежде приехавших воинов, а сам он, взяв с собой спарапета и Месропа, направился с ними к берегу реки; там они сели на мягкую траву. Спарапет сообщил им сведения, полученные от разведчиков. Тут же под открытым небом состоялся военный совет, который продолжался до тех пор, пока из персидского стана не послышались вторичные звуки литавров и труб. Этот сигнал заставил их поспешить. Этот сигнал призывал благочестивых почитателей Зороастра к молитве, к поклонению дневному светилу, а верных своей клятве армян — к борьбе, к кровопролитию...

Они встали и отдали приказ к выступлению. Третий сигнал литавров и барбанов должен был возвестить восход солнца. В этот момент они решили быть в намеченном месте...

* * *

Было далеко за полдень. Стан Шапуха представлял собою печальное зрелище. Заброшенные шатры и палатки были пусты. В них валялась богатая военная утварь персов, ставшая теперь добычей победителей. Весь лагерь и окрестности были покрыты трупами, сочившаяся всюду кровь вызывала ужас. Живых взяли в плен, но немало было и бежавших, которых еще продолжали преследовать.

Самого царя царей не обнаружили ни среди трупов, ни среди пленных. Персы говорили, что он бежал в самом начале битвы, бежал переодетый в платье своего слуги. Отряды всадников быстро помчались в разные стороны в погоню за Шапухом.

Великолепные шатры царя со всем их добром остались на месте. Остался и гарем со множеством красавиц востока и запада. В числе последних была и «госпожа над госпожами», царица Персии. Среди них находилась также царевна Вормиздухт, невеста Меружана. Армянская стража оцепила гарем со всех сторон, закрыв к нему доступ.

На подковообразной площади выстроили пленных. Из них отделяли знатных, как от козлищ овец. Когда подсчитали, оказалось, что число знатных равно шестистам; то были разных званий военачальники и полководцы.

Посреди площади на высоком остром колу повозки для казни было вздернуто тело в белой одежде. Это был тот самый мовпетан-мовпет, тот зверь, который сажал на кол обнаженных знатных армянок у развалин Зарехавана. Взоры всех были устремлены на этот мерзостный труп.

Возле пышных шатров Шапуха стояла незатейливая палатка спарапета Армении. Отсюда видны были результаты его победы. Сам он сидел на походном седалище, совершенно не соответствовавшем ни его зва-

нию, ни его славе. Его окружали соратники, среди которых находились Саак Партев и Месроп Таронский.

Они молчали, но лица всех присутствующих выражали крайнее недовольство, обычно возникающее после горячих споров. Сам спарапет был мрачен и с досадой теребил свои красивые черные усы, точно они мешали его горячим устам изливать тот огненный поток слов, с каким он только что обрушился на своих соратников. В не менее раздраженном состоянии был и Саак Партев. Он готов был бросить все и покинуть палатку, если бы его не сдерживал долг военного. А маленький Месроп, как говорится, не вмещался в своей коже, все время ерзал на месте, словно его кололи иголками.

Что же привело всех их в такое волнение? Почему в минуты, когда следовало радоваться победе, славе и утехе воина, царило взаимное недовольство?

Сдержанное раздражение, постепенно возраставшее, несомненно, должно было снова вспыхнуть, если бы в палатку не вошел один из телохранителей спарапета и не доложил о том, что привели главного палача. Когда палача поставили перед палаткой, спарапет спросил:

— Ты главный палач царя царей?

— Я, государь, твой покорный раб, — ответил тот с низким поклоном.

— Тебе предстоит работа, —с усмешкой, выражавшей скорее горечь, чем презрение, сказал спарапет. — Ты, конечно, затоскуешь, если останешься без дела. Я же сегодня поручу тебе достаточно работы. Скажи, сколько у тебя помощников?

— Помощников у меня найдется немало, тер спарапет! Ты только дай работу, мешкать не станем, — ответил тот с сатанинской улыбкой и добавил:— Царь царей всегда был доволен мной; года не проходило, чтобы он не даровал мне либо деревню, либо землю... Надеюсь, что светлейший спарапет Армении тоже не оставит без награды своего покорного раба.

При этих словах его жестокие глаза сверкнули дьявольской радостью.

— Ты получишь от меня щедрую награду и забудешь дары царя царей. Слушай, главный палач, мы недолго пробудем здесь. Через несколько дней мы высту-

паем и должны увезти с собой захваченных пленников. И чтобы пленные не были для нас тяжелой помехой в пути, ты должен облегчить нам груз.

Палач, точно от удара молнии, задрожал всем телом.

— Это могут сделать твои люди, тер спарапет, — сказал он после минутного замешательства, — а я... я не обагрю своих рук кровью соотечественников.

— Правда, это могли бы сделать и мои люди, если бы дело шло только о том, чтобы убивать. Но не в этом мое желание. Ведь мои люди не умеют сдирать кожу с живых людей и набивать ее соломой. А ты, служа Шапуху, отлично овладел этим искусством. И мне именно это нужно. Гораздо легче везти с собой чучела, нежели живых людей.

Главный палач, предполагая, что речь идет об армянах и поэтому проявив полную готовность исполнить желание спарапета, понял теперь, чего от него хотят, и дерзко ответил:

— Правда, тер спарапет, мы, персы, большие мастера этого дела. Ты был бы в восторге, если бы увидел, как я сдирал кожу с твоего отца и набивал ее сеном... Я сделал это собственными руками. И сейчас, кто его увидит, не скажет, что он мертвый. Цвет лица сохранился, глаза глядят и глядят все время на своего царя, и там они оба в крепости Ануш утешают друг друга... Я всегда с удовольствием занимаюсь этим делом, когда мне отдают в руки знатных людей... А твой отец был, подобно тебе, спарапетом всей Армении...

Наглость главного палача, напомнившего о печальной смерти отца Мушега в Тизбоне, превышала всякую меру. Но великодушный сын несчастного отца сдержал свой гнев и сказал:

— Вот видишь, значит я не ошибся относительно твоего мастерства. Ты любишь сдирать кожу со знатных людей, и я, чтобы доставить тебе это удовольствие, отдам в твои руки только знатных людей и, знаешь, сколько? Шестьсот человек! Иди, надень свое кровавое одеяние; дай волю своей жестокости и сослужи мне желанную службу. Мне очень хочется снять кожу с персов руками перса...

— Этого я сделать не могу! — твердо ответил палач. — Прикажи содрать лучше кожу с меня.

— Тебя заставят сделать, — сказал Мушег и обратился к приближенным: — Уведите этого человека, соберите всех палачей Шапуха и заставьте их исполнить мое приказание.

Палача увели.

Присутствовавшие со вниманием слушали разговор спарапета с главным палачом. После ухода палача Мушег обратился к окружающим:

— Это варварское распоряжение я отдаю с удовольствием. Я велю содрать кожу с шестисот знатных персов и их чучела подарю царице Армении: пусть она украсит ими башни своего замка. Да, я сделаю это и хоть немного удовлетворю бессмертную душу моего отца, за жизнь которого не жаль отдать жизни тысяч знатных людей, того отца, которого Шапух подлым образом умертвил и поставил его чучело в одной из темниц крепости Ануш перед глазами заключенного царя. Священный долг мести обязывает меня поступить именно так. «И вкривь, и вкось» — так завещали наши предки. Но того, чего вы требуете, я никогда не сделаю.

— Почему, Мушег? — спросил Саак Партев с раздражением. — Почему не сделаешь? Если ты стоишь за месть как за священную обязанность, то не забывай, что и в этом случае выполняется та же самая священная обязанность! Опять-таки — «клин клином».

— Это уже не священная обязанность, а лишь постыдное дело, Саак. Нам же не подобает так низко пасть. Мы должны доказать, что значительно выше персов.

— Мы должны доказать и то, что умеем по заслугам воздавать за бесчестие. Почему ты, Мушег, стал таким забывчивым? Не так уж много прошло времени с того печального дня, когда Шапух выставил знатных женщин и девушек Армении обнаженными перед своим войском у развалин Зарехавана. Но этим он не довольствовался. Многих из них посадил на кол, многих взял в плен. Если негодяй Шапух позволил себе поступить таким образом, почему мы должны его щадить?

— Того, что может себе позволить перс Шапух, не может допустить христианин Мамиконян. Я не забывчив, Саак, я знаю и помню все его жестокости. Но и ты забываешь, что речь идет о женщинах. Неужели за пре-

ступление Шапуха мы должны мстить его женам? Этого ты требуешь? А я всех его жен посажу в паланкины и со всякими почестями отправлю в Персию. И это будет моей самой большой местью...

Злой намек спарапета очень обидел молодого Партева, и его грозные очи зажглись огнем гнева. Он взялся твердой рукой за усыпанный алмазами кинжал и своим грозным голосом, похожим скорее на грохот, чем на речь, сказал следующее:

— Я понимаю, Мушег, что предметом нашего спора является женщина. И ты думаешь, что то возвышенное, священное почитание, которое питает к ней Мамиконян, недоступно сердцу Партева? Ты полагаешь, что только ты один способен держаться таких возвышенных взглядов и не унижаться у ног женщины? Ошибаешься, Мушег! Но тут дело не в твоих утонченных рыцарских чувствах! Тут дело в военном расчете. Мы воюем с Шапухом, и эта война, несомненно, продлится долго; да, очень долго! Его жены в наших руках, среди них и царица цариц Персии. Будем их держать у себя с большим почетом в качестве заложниц, подобно тому, как Шапух держал многих из жен наших нахараров в особых крепостях. В нашем поступке не будет ничего предосудительного, так уж исстари ведется, таков военный обычай: пока продолжается война, пленных не возвращают.

Спарапет также взялся за кинжал и ответил:

— Это мне известно, Саак! Нет надобности учить меня правилам войны. Но, послушай Саак, ты не знаешь еще одного. Ты не знаешь меры жестокости армянской царицы Парандзем. Под ее красивой, спокойной и нежной наружностью таится дьявольская душа. Ты не знаешь, что если мы отправим к ней этих невинных женщин, то она всех их без исключения повесит на башнях Артагерса. Та, которая велела убить несчастную Олимпиаду и завладела таким путем троном царицы Армении; та, которая приказала убить храброго начальника армянских восточных полков Вагинака и назначила своего отца на видную должность полководца восточных войск; та, которая из злопамятства велела убить племянника своего мужа Тирита, без сомнения, не пощадит и жен Шапуха. Я, конечно, буду этому про-

тивиться; из-за этого могут возникнуть жестокие споры между мной и царицей, а это сейчас при наших сложных обстоятельствах больше чем нежелательно. Она сочтет себя вправе перебить жен Шапуха, потому что он велел убить ее мать у развалин Зарехавана. Как честность, так и расчет требуют, чтобы мы отправили этих женщин во дворец персидского царя. Я же, не слушаясь никого, именно так и поступлю. А если нам нужна заложница, то в гареме Шапуха находится его сестра, красавица царевна Вормиздухт, нареченная Меружана. Мы задержим ее, и этого будет достаточно. Ты знаешь, Саак, что первопричина наших войн — именно эта царевна. Ее красота свела с ума Меружана и сбила его с толку. Меружан был не плохим человеком, но он жертва любви. Шапух же обещал ему отдать Вормиздухт и сделал из него бич Армении. Теперь, удерживая у себя возлюбленную Меружана, мы будем одновременно держать в узде и самого Меружана. А Шапух без содействия Меружана ничего не может сделать.

Так горячо спорили между собой два могучих представителя двух крупных нахарарских родов: сын спарапета Армении и сын армянского первосвященника. Саак, не желая продолжать спор, встал и недовольный вышел из палатки спарапета. Месроп и еще несколько молодых князей последовали за ним.

Пренебрежение высокомерного Партева сильно взволновало князя Мамиконяна. Он подозвал к себе телохранителя и отдал приказ:

— Ступай в царский гарем и через главного евнуха передай персидской царице, что я прошу ее принять меня.

Он встал. Встали также и сидевшие вокруг него сепухи. Князь, сопровождаемый только телохранителями, направился к гарему.

Пышный гарем Шапуха состоял из отдельных шатров, в каждом из которых жила одна из жен Шапуха с многочисленными служанками и рабынями. Толпа евнухов оберегала эту неприступную обитель неги и красоты, оказавшуюся теперь в плену.

В безнадежной тоске, со слезами на глазах сидела в своем шатре царица цариц Персии. Ее роскошный шатер являл собою рай для наслаждений, убранный в духе

персидской любви к роскоши. Когда евнух вошел к ней и доложил, что спарапет Армении желает с иею говорить, ее красивое лицо покрылось мертвеиной бледностью, и от смущения она не знала, что ответить. Гнев и страх попеременно волновали ее. Она гневалась потому, что какой-то армянский полководец осмеливался требовать свидания с нею. Боялась же потому, что была его пленницей. Но вместе с тем она недоумевала: спарапет, взамен того, чтоб приказать притащить ее к себе, как пленницу, сам собирался прийти к ней. После длительного раздумья она сказала главному евнуху:

— Пусть придет! — а затем добавила: — И прикажи евнухам, чтобы не было беспорядка.

И верио! Спарапет обнаружил большую беззаботиость, идя запросто, лишь с иесколькими телохранителями, в гарем царя царей Персии, куда доселе не ступала нога постороииего. Евнухи были вне себя от ярости. Кто мог сдержать этих фанатиков, кто мог укротить их ярость, хотя гарем и был окружен армянскими воииами? Они могли на пороге изрубить дерзкого посетителя, осмелившегося вступить в святилище царя царей. Но строгий приказ главиого евнуха успокоил их. «Спарапет Армении пройдет через ваши трупы к царице цариц, если только вы осмелитесь допустить малейший беспорядок» — пригрозил им главный евнух.

Ои вышел навстречу спарапету, остальные евиухи выстроились по обе стороны входа в шатер царицы.

Мушег в сопровождении своих телохранителей прошел между евнухами, стоявшими в два ряда, как живая стеиа. Телохранители его остались у входа в шатер, а сам ои вошел вместе с главиым евиухом.

В шатре никого не было, так как до появлеиия спарапета царица встала с сидеиия и скрылась за заиавесью, разделявшей шатер на две половины. Евнух рукою указал, что царица там и готова выслушать спарапета. Мушег, хотя это было для него необычио, все же покорился установлениому обычаю и, не садясь, сказал ей следующее:

— Привет и мир всеславной царице Персии. Я жалею, что разговариваю с тобой после таких грустных событий и что у меня найдется мало слов утешения для тебя, о всеславиая царица! Но приходится мириться с

печальными обстоятельствами войны. Во всем этом не столь виновны мы, армяне, как виновен твой царственный супруг, всеславная царица. Он с оружием в руках вступил на нашу землю и заставил и нас обнажить против него меч. Но я пришел возвестить тебе, о всеславная царица, что армянские нахарары умеют платить добром за зло. Ты, конечно, была свидетельницей того, как поступил твой царственный супруг с нашими женщинами у развалин Зарехавана. Но я не хотел бы в ответ на его злодеяние совершить новое зло. Славная царица, тебя и всех жен царя Шапуха, моих пленниц, вместе с вашими служанками и евнухами я посажу в паланкины и на слонах завтра отправлю со всеми почестями в Тизбон. Вас будут сопровождать вооруженные отряды моих всадников и доставят во дворец Шапуха невредимыми. Пусть Шапух увидит вас, и, быть может, он станет раскаиваться в том, что поступил так бесчестно...

Спарапет не окончил еще своей речи, как вдруг царица, откинув занавес, в неудержимом порыве упала перед ним и, обняв ноги, вскричала:

— Ты не человек, твоими устами говорит дух бессмертного Ормузда, творца добра!

Это неожиданное явление настолько смутило князя, что он с трудом поднял царицу и усадил ее. Не менее поражен был и главный евнух, присутствовавший при этом. Царица несколько минут молчала, сильно взволнованная, наконец подняла на князя полные слез глаза:

— Твое великодушие, о храбрый, навеки останется в моем сердце. Как только я приеду в Тизбон, мое первое слово к моему царственному супругу будет о тебе: «Спарапет Армении своим благородством возложил на тебя великую обязанность, и ты можешь только таким же благородством отплатить ему»...

Царица тут только заметила, что спарапет был на ногах и особенно ласково обратилась к нему: «Садись, тер спарапет. Твои доблести столь велики, что дают тебе право на мое глубочайшее уважение».

Поблагодарив, спарапет сел и затем объяснил ей, что так как война еще не окончена, обычаи требуют взять кого-либо из семьи персидского царя в качестве заложницы для передачи царице Армении. Спарапет

при этом дал честное слово, что жизнь и честь заложницы будет в безопасности.

— Как тебе угодно, тер спарапет, так и поступай!— ответила царица с глубокой покорностью. — Мы все твои пленницы и принадлежим тебе. Ты только даришь нас нашему царю, не требуя никакого воздаяния. Выбирай из нас ту, которая тебе желательна.

— Я решил взять царевну Вормиздухт.

— Пусть так! Я прикажу главному евнуху, чтобы он передал тебе царевну Вормиздухт со всеми ее служанками и евнухами.

Спарапет встал. Когда он, поклонившись и пожелав счастливого пути, хотел было удалиться, царица остановила его:

— Судьба людей и их будущность известны только бессмертным богам, тер спарапет! Кто знает, что случится завтра! Человеческое счастье и несчастье шествуют по одним и тем же ступеням. Возьми это на память, о храбрый спарапет, как залог моей благодарности. Когда постигнет тебя беда, пришли мне эту вещь, и царица Персии постарается оказать тебе помощь.

С этими словами она сняла со своего пальца драгоценный царский перстень и подала его своему освободителю.

Но спарапет вежливо отказался от подарка.

— Твоя доброта — лучший залог для меня, царица.

Он снова дважды поклонился и вышел из шатра.

Весть о свободе уже разнеслась по всему гарему, радость красавиц Шапуха не имела границ; все в безграничном восхищении славили и благословляли того, кто даровал им освобождение. Если бы строгость обычаев не сдерживала их, они непременно выбежали бы из шатров, чтобы выразить спарапету чувство глубокой благодарности.

Когда спарапет вышел из шатра царицы и направился было к себе, удивленные евнухи беспорядочной толпой повалились ему в ноги, стремясь облобызать края его одежды. А из-за чуть приподнятых занавесей шатров жен Шапуха сотни прекрасных глаз, полные слез благодарности, смотрели на статного, красивого князя, в котором храбрость сочеталась с таким высоким благородством.

Он не только даровал всем свободу, но и не тронул несметных богатств гарема, которые, по обычаю того времени, считались его собственностью. Он оставил все это в полной неприкосновенности, приказав своим воинам ничего не брать из имущества гарема. Он захватил лишь в качестве добычи богатства, находившиеся в царских шатрах самого Шапуха и весь его стан с боевыми припасами. Оставшихся же в живых воинов взял в плен.

* * *

Поступок Мушега вызвал в Тизбоне общее сочувствие и глубокое удивление: для персов такой поступок был чудом. Шапух немедленно приказал взять чучело его отца, стоявшее в крепости Анюш перед царем Аршаком, и перенести его в Тизбонский главный храм. А для увековечения великодушного поступка армянского спарапета он велел высечь на своем золотом кубке, из которого всегда пил, изображение князя Мушега, сидящего на белом коне. На всех торжествах, когда он поднимал кубок, он упоминал о благородном поступке благородного героя и пил со словами «во славу белого коня», то есть во славу всадника на белом коне — Мушега Мамиконяна.

Это был памятник нравственному величию князя Мамиконяна, запечатленный царем царей Персии. Но у Мушега был еще один памятник доблести, поставленный ему сирийцами в Месопотамии, у местности, называемой «Врата Хона». У берега Евфрата высился огромнейший утес, на выровненном фронтоне которого было высечено изображение вооруженного богатыря, сидящего на гордом коне, и поверженного к его ногам побежденного великана. Всадник на белом коне изображал Мушега Мамиконяна, а поверженный великан представлял собою того страшного разбойника, который долгое время грабил Месопотамию и южные провинции Армении. Во время единоборства Мушег убил разбойника и освободил страну от этого чудовища.

Но все же памятник его великодушию был выше памятника его храбрости.

XI. «Наименьшее из двух зол»

...Но после всего этого Мушег, сын Васака, собрал всех людей из азатов, сколько их осталось, и вместе с ними отправился к греческому царю. И представил он мольбу армянской страны, рассказал о всех страданиях, которые претерпели они, и попросил императора поставить царем над армянской страной Папа, сына Аршака.

Фавстос Бузанд

Возвращение Мушега Мамиконяна с победной славой вызвало общую радость как царицы Армении Парандзем, так и окружающей ее высшей знати. Несколько дней праздновалась в Артагерсе эта блестящая победа. Царица Парандзем хоть и была недовольна освобождением жен Шапуха, однако сочла нужным скрыть это, и когда к ней явился спарапет, обняла и поцеловала в лоб храброго и достойного героя.

Захваченную добычу она приказала разделить между теми воинами, которые участвовали в этой битве. Сама же приняла, как драгоценный дар, привезенные Мушегом шестьсот чучел персидских вельмож и приказала их вывесить на вышках башен Артагерса и украсить ими фасад замка спарапета.

В те дни спарапет редко выходил из дома, избегая встреч с народом, бурно выражавшим свою восторженную радость. Не честолюбивый и скромный, он не любил быть предметом восхищения. Знатные женщины и девушки посещали его жену и поздравляли с победой. Приходили священники с крестами и служили краткие молебны.

Во всем этом было много радостного и утешительного, но несогласие, возникшее между Мушегом и Сааком Партевом относительно жен Шапуха, причиняло немало забот царице Армении. Ей тяжело было видеть разлад между этими двумя представителями знатных нахарарских родов, особенно, когда дела страны находились в столь запутанном состоянии. Она решила примирить их, но, имея в виду несговорчивость и упорство

обоих, отложнла свое намерение до более подходящего времеин.

Возвращением гарема Шапуху Мушег вызвал недовольство среди многих нахараров. Однако это недовольство в значительной мере смягчилось тем обстоятельством, что спарапет удержал в плену царевну Вормиздухт. Царица отвела для нее отдельиое помещение в собственном дворце и держала ее под строгнм надзором, обставнв, однако, с подобающей роскошью.

Большую радость доставнло царице освобождение ее братьев и других знатных лнц, которых Шапух увел в плен после побоища у Зарехавана. Победа Мушега принесла нм свободу. Среди спасенных было много княжескнх жен, девушек и юношей, которых должны были угнать в Персню.

Прошло несколько недель с того дня, когда Мушег с победной славой вступнл в Артагерс. Была ночь; крепость погрузнлась в сон. Всюду было тихо. Не спала лишь царнца Парандзем. Она сндела в одной из комнат царского дворца, а возле нее в глубоком раздумье стоял Мушег Мамиконян. Мужествеиное лнцо спарапета в эту ночь не обнаружнвало той обычной бодрости, которая была так характерна для этого неустрашимого воина. Была задумчнва и царнца. Простая свободиая одежда, в которую она облеклась перед отходом ко сну, придавала ее нзящной фнгуре особую прнвлекательность. Волосы были распущены, на голове не было никакнх украшений. Только на обнаженных руках сверкало два золотых браслета, веселый блеск которых совершенно не соответствовал мрачному лицу царнцы. На медной подставке слабым светом горела серебряная лампада, распространявшая вокруг себя тусклый свет. Лнцо у царицы было грустное; временами брала оиа раскрытое письмо, перечнтывала его н снова клала на сидение. Пнсьмо было нз Византин.

— Этн перемены в Внзантин при теперешнем запутанном положенни дел я считаю довольно благоприятнымн для нас, Мушег, — сказала она спарапету.— Валент, наш проклятый враг, умер смертью, его достойной, его заменил добродетельный Феодосий. Не сомневаюсь, что с нами он будет в дружеских отношениях.

— Я также в этом ие сомиеваюсь, — ответил Мушег ие совсем уверениым голосом.

— Союз с Византией, — продолжала царица, — необходим для иас. Мы могли бы, правда, защищаться и своими силами, но все же едва ли сумеем без посторонией помощи очистить нашу страну от врагов. Мы нуждаемся во внешней поддержке.

— Знаешь ли ты, государыня, как дорого обошелся иам союз с Византией?

— Знаю. Но из двух зол я выбираю меньшее. Наши отиошеиия с персами так обострились, что я совершенно ие иадеюсь иа возможиость каких-либо мириых взаимоотношеиий с Шапухом, так же как ие надеюсь и на то, что ои освободит моего супруга из крепости Аиуш. С другой стороиы, мой сын теперь в Византии у императора. Его надо привезти. И я хотела бы, чтобы он вериулся и занял трон отца. Без царя Армеиия — как тело без головы. А привезти и посадить его на трои — это, конечио, невозможио без согласия иового императора и без заключения с ним союза. Мой сын в его власти как заложник. Я вообще предпочитаю союз с христиаиским императором миру с нечестивым персидским царем.

При этих словах в ее прекрасиых глазах засверкал гиев, голос заметно дрогиул. Она коснулась обиаженной рукой своего лба и отвела черные курчавые волосы, иепроизвольно упавшие на бледное лицо.

Спарапет молча слушал, хотя все это и было ему известно. Он выслушивал горькие излияния иесчастной царицы, потерявшей мужа-царя и наследника сына. Неумолимые обстоятельства забросили их, надежду Армении, далеко: одного иа восток, другого на запад. Царь находился в Хужистане, в крепости Ануш, а иаследник был задержан императором в Византии...

— Сядь, Мушег, — сказала царица спарапету. — Я должна с тобой поговорить о многом.

Спарапет сел. Царица снова взяла письмо. Оно было получено от отца ее Андовка, князя Сюиикского, который находился теперь в Византии вместе со своим сыном Бабиком. В письме князь больше говорил о себе, чем об армянских делах. Писал о том, как его уважает иовый император Феодосий, как кесарь удосто-

ил его высокого чина «патрикия над патрикиями», описывал победы своего сына Бабика на состязаниях в цирке, с большой радостью сообщал, что император и его вельможи в совершенном восторге от ловкости его сына. Он предсказывал сыну блестящую карьеру на византийской службе и т. п.

— Как видно, отец писал это письмо второпях, — заметила царица, — он ничего не сообщает о Нерсесе: возвращен ли он, или все еще находится в ссылке?

Недоумение царицы относилось к первосвященнику Армении Нерсесу Великому.

— Полагаю, что новый император не оставит его в ссылке, — заметил Мушег. — Феодосий известен своим благочестием. Он непременно освободит всех духовных лиц, сосланных Валентом. Разумеется, вместе с ними будет освобожден и Нерсес.

— Я такого же мнения, — убежденно сказала царица, — тем более, что Феодосий и прежде знал Нерсеса и очень уважал его. Да, нам все благоприятствует, Мушег! Отец мой в большом почете у императора, брат мой прославился в Византии. Там, наверное, и патриарх Нерсес, который пользуется особой симпатией императора. Ты должен отправиться в Византию, Мушег, и отвезти мое приветственное письмо наследовавшему престол императору. И там вместе с моим отцом и Нерсесом должен ходатайствовать, чтобы император отправил моего сына в Армению занять пустующий трон отца.

— Я поеду, государыня, и очень надеюсь, что мне удастся осуществить твое горячее желание. Но меня беспокоит мысль о том, что может случиться в мое отсутствие!..

Слова спарапета сильно задели гордость царицы, и она довольно раздраженно ответила:

— Ты полагаешь, Мушег, что я не сумею защитить Армению во время твоего отсутствия?

— Я этого не думаю, — холодно ответил спарапет. — Я уверен в твоей неустрашимости и рассудительности, государыня. Но возникли новые обстоятельства, по-видимому, тебе неизвестные, которые должны осложнить дело спасения нашей страны. С тех пор как у нас в

плену царевна Вормиздухт, ярости Меружана нет предела. Я имею точные сведения: не довольствуясь значительным войском, данным ему Шапухом, он привлек на свою сторону ахванского царя Урнайра и лакского царя Шергира. Имея в своем распоряжении персидское войско и соединившись с этими полудикими царями, он сможет причинить нашей стране большой вред. Далекий враг, каковым является Шапух, не может быть столь опасен, как сосед. А ахваны и лаки — наши ближайшие соседи. Если у них не будет каких-либо других серьезных причин, то хотя бы из горячего желания пограбить и захватить добычу эти дикие горцы, как поток, нахлынут на наши пограничные земли.

Прекрасные глаза царицы снова зажглись гневом. Она сказала угрожающе:

— Если Меружан осмелится пойти на такой подлый поступок, я немедленно прикажу повесить Вормиздухт на стенах Артагерса.

— И этим ты, государыня, сильнее раздразнишь Меружана! Напротив, не следует лишать жизни Вормиздухт, а надо держать Меружана под страхом, что если он не умерит свою ярость, то тем самым подвергнет опасности жизнь любимой девушки.

Царица ничего не ответила. Она всегда гневалась, когда с ней спорили. Теперь же, затаив свое возмущение, она несколько минут молча смотрела на серебряную лампаду, в тусклом свете которой, казалось, искала ясности своим неясным мыслям.

Она решила в некоторой мере доказать спарапету, что не она, а он не умеет взвешивать обстоятельства, и что надвигаются очень значительные события, о которых спарапет ничего не знает, хотя в качестве высшего должностного лица в государстве должен знать о них раньше всех.

— В союзе Меружана с кавказскими горцами и с ахванскими разбойниками я не вижу еще особой беды, Мушег, — сказала она, откидывая голову и смотря князю прямо в лицо. — Я имею другие сведения, которые, по-видимому, тебе неизвестны. В Персии неспокойно. Мне сообщили, что причиной поспешного ухода Шапуха из пределов нашего государства послужило нашествие кушанов на северо-восточные области Персии.

Усмирить кушанов нелегко, это отнимет у Шапуха много времени. Мы этим можем воспользоваться. Следовательно, то, что ты говоришь относительно привлечения Меружаном на свою сторону лакского и ахванского царей, отпадает, ибо они не смогут иметь с нами дело. Ведь если Шапух пойдет на кушанов, то лакского и ахванского царей он, конечно, призовет к участию в походе. Таков его обычай, и это всегда так бывало, когда он воевал с кушанами.

Политическая опытность царицы и ее рассуждения о текущих делах порадовали князя Мамиконяна, но все же едкий намек на его неосведомленность относительно событий в Персии вызвал на его холодном лице незаметную улыбку, которую он из осторожности скрыл от царицы.

— Кто сообщил тебе, государыня, эти сведения из Тизбона? — спросил он с особым интересом.

— Драстамат, наш верный евнух. Ты, кажется, знаешь его. Он прислал мне письмо.

— Когда ты изволила получить его письмо?

— Три дня назад.

— Сведения эти мне уже известны, государыня. Я значительно раньше тебя получил подробное сообщение о последних событиях в Персии. Напрасно ты думаешь, что мне не известно все, что творится вокруг нас. Изволь прочесть вот это письмо. — Он достал толстый сверток и подал царице. Она принялась нетерпеливо читать.

Письмо было от Манвела Мамиконяна, родного брата Мушега, который командовал находившейся в Персии армянской конницей. Он писал, что поход Шапуха в Армению создал и для него большие затруднения. Дни и ночи размышлял он о том, как найти способ удалить из Армении этого зверя Шапуха. Наконец после долгих стараний ему удалось с помощью верных людей возбудить царя кушанов против Персии, дав ему понять, что наступил удобный момент для нападения на Персию, так как Шапух со всеми своими войсками находился в Армении, и Персия осталась беззащитной. Таким образом он добился своей цели. Кушаны начали совершать набеги на северо-восточные границы Персии. Узнав об этом, Шапух покинул Армению и поспешил направиться против старого врага. Теперь он составляет

полки, собирает войска, чтобы идти на кушанов. И сам Манвел со своей армянской конницей должен принять участие в этом походе. Его присутствие в персидском стане даст ему возможность сообщить кушанам обо всех слабых сторонах персов и, следовательно, повести дело так, чтобы персы терпели поражение во всех боях. Он надеется, что войска Шапуха будут перебиты в пустынях Хорасана, а может быть, и самого Шапуха удастся уничтожить... В конце письма он добавлял, что примет все меры к тому, чтобы затянуть войну и тем самым, пока Шапух будет занят кушанами, дать Армении возможность привести в порядок свои дела. Затем он благодарил брата Мушега и заканчивал письмо следующими словами:

«Бедствия Армении тяжки как для тебя, так и для меня, дорогой брат. Хвалю ту проницательность и вместе с тем ту дальновидность, с какою ты дал мне этот совет. Вернее этого средства, чтобы отвлечь хотя бы на время Шапуха от Армении, нельзя было и придумать. Война с кушанами займет Шапуха и отвлечет его силы. Спасибо тебе, Мушег, за этот совет»...

— Значит, это ты подал совет Манвелу? — спросила царица, прочитав письмо.

— Да, — тихо ответил спарапет.

— Когда?

— В то самое время, когда многочисленные войска Шапуха вступили на нашу землю.

— Почему ты до сих пор мне ничего не говорил об этом?

— Ты ведь знаешь, государыня, что у меня нет привычки заранее говорить о неисполненных делах. Я выжидал, государыня, каковы будут последствия моего совета.

— Последствия великолепны, Мушег! — сказала царица; грустное лицо ее просияло от беспредельной радости. — Нельзя было бы требовать больших последствий! И ты, Мушег, и твой храбрый брат Манвел достойны всяческих похвал!

Спарапет скромно наклонил голову. Он не смотрел на увлеченную царицу, которая в этот момент была переполнена восторгом. Она была несчастна как супруга; она была несчастна как мать; ее дорогого сына, еще в

отроческом возрасте, отняли у нее и в качестве заложника отправили в Византию. Теперь же она считала себя счастливой как властительница и глава многострадальной страны, близкое спасение которой ее радовало.

— Я совсем спокойна теперь, дорогой Мушег, — сказала она проникновенным голосом. — Я теперь вижу, что Армения не беззащитна. Счастлива та страна, которая имеет таких сыновей, как ты! Эту твою победу, дорогой Мушег, я считаю даже выше той, какую ты одержал несколько недель тому назад у стен Тарвеза. То была победа меча и плеча, а эта — ума и военной хитрости. Не применяя оружия, ты заставил яростного врага уйти из нашей страны. Мы должны воспользоваться его отсутствием, должны спешно привести в порядок наши дела. Обстоятельства удивительно благоприятствуют нам. Во всем этом я вижу участие десницы всемогущего. В то время как Шапух занят в Персии кушанами, а в Византийской империи умирает проклятый Валент, мы одновременно избавляемся от двух наших подлых врагов. Но положение вещей еще более склоняется в нашу пользу: вместо Валента императором стал наш друг Феодосий, с которым мы легко можем прийти к всевозможным соглашениям. Повторяю, дорогой Мушег, надо воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами. Каждая минута дорога. Ты должен ехать в Византию и притом постараться сделать это как можно скорее.

Спарапет, все еще наклонив голову, молча слушал. Царица продолжала:

— Ты должен оттуда привезти моего сына. Мои нахарары в полной растерянности. Некоторые из них разбежались, часть перешла на сторону персов. Остальные колеблются в тревожном раздумье. Их нужно объединить и возглавить, и главой их должен стать мой сын. Приготовься, дорогой Мушег, и скорее отправляйся в путь. Письмо к императору я напишу собственноручно. Напишу еще отцу и Нерсесу. Надеюсь, что наш уважаемый первосвященник, переживший столько мучений ради своего царя и родины, уже вернулся из ссылки. Завтра я велю открыть царскую сокровищницу и приготовлю самые дорогие подарки для нового императора Византии. А людей для посольства ты выберешь сам,

возьми из наших нахараров и вельмож, кого пожелаешь. Я не сомневаюсь, что в Византии тебя ожидает пышный прием. Феодосий лично знаком с тобой и с блаженной памяти твоим отцом. Он много слышал о вашей храбрости в борьбе с персами и не раз радовался за вас.

— Я готов, царица, — ответил Мушег, — и очень надеюсь, что господь поможет мне исполнить твои горячие желания, являющиеся также и нашими желаниями. Но не скрою от тебя, государыня, что я не пришел еще к определенному выводу о том, какую позицию займет Меружан после всех этих перемен, происшедших в Персии и в Византийской империи.

— Мне кажется, что нам не следует даже думать о Меружане. После того как Вормиздухт оказалась в наших руках, он впал в отчаяние и, кажется, смирился. Несколько дней тому назад ко мне явились его посланцы с предложением выдать ему Вормиздухт, взамен же этого он обещал разоружиться и пасть к моим стопам в знак раскаяния в своих злодеяниях. Одновременно он грозил, что если мы ему не отдадим Вормиздухт, он прикажет всех жен и дочерей наших нахараров, находящихся под его властью и наблюдением персидской охраны, повесить на башнях тех замков, где они содержатся. Я, конечно, не поверила ни его раскаянию, ни его обещаниям и строго ответила посланцам, что если хоть один волос будет тронут на голове пленниц, то он увидит тело своей Вормиздухт висящим на стене Артагерса. Выслушав эти слова, посланцы удалились. После этого Меружан затих.

— Но молчание опаснее, чем его действия...

— На все божья воля, дорогой Мушег. Нам теперь прежде всего нужно подумать о твоем путешествии — это наша главная забота.

Происшедшие события, действительно, были очень благоприятны. Престол Византии занял император, дружественный Армении, с которым можно было заключить всевозможные договоры. Персидский же царь ввязался в новую войну, которая на долгое время могла отвлечь его внимание от Армении. Но в Армении завелась домашняя змея — Меружан, голову которой надо было размозжить, дабы страна обрела продолжительный покой. Вот эта-то мысль и беспокоила Мушега.

После победы у Тарвеза Мушег намеревался напасть на Меружана, но пока он готовил план этого похода, царица предложила ему отправиться в Византию. Ему было очень тяжело покидать родину, не расправившись с внутренним врагом.

Меружан не легко впадал в уныние. О его мужестве и твердости спарапет был высокого мнения. Именно поэтому спарапет не находил человека, который мог бы противостоять Меружану во время его — Мушега — отсутствия. Правда, среди армянских князей были люди очень храбрые и готовые на самопожертвование; однако им недоставало тех военных способностей, какими обладал Меружан Арцруни.

Самвел, по его мнению, был еще очень неопытным воином. Мушег любил этого пламенного юношу как благородного героя, в котором горячность мужчины сочеталась с пылкостью нежных чувств. Самвел мог быть храбрым полководцем в бою, но одной храбрости было недостаточно, чтобы руководить армией. Кроме Самвела, Мушег не видел такого человека, на которого можно было бы положиться. Кто же должен охранять страну? Кто будет бороться против внутреннего врага?

Эти заботы в его отсутствие брала на себя царица Армении. Но можно ли доверять ей, женщине, не умевшей управлять своими страстями, у которой все чувства доведены до крайности? Ее самомнение и крайняя самоуверенность могли многое испортить.

Он не был против совета царицы ехать в Византию, но полагал, что это следовало сделать после того, как Армения будет очищена от врагов, чтобы наследник престола, возвратившись на родину, нашел страну в спокойном состоянии. Но такое спокойствие, рассуждал Мушег, невозможно, пока жив Меружан, которому царь царей Персии обещал престол Армении.

Спарапет все еще был охвачен печальными сомнениями, когда помимо своей воли, он согласился с предложением царицы и встал, чтобы уйти. Царица с глубоким удовлетворением протянула ему свою правую руку. Мушег прижал руку царицы к губам, а затем поднес к своему лбу. Это была великая милость со стороны царицы к своему верному и готовому на самопожертвование спарапету.

— Утром еще раз зайдешь ко мне? — спросила она особенно любезно.

— Явлюсь, государыня, — ответил спарапет. — Наш разговор еще не закончен.

— Остается лишь поговорить о том, какие следует дать распоряжения после твоего отъезда. Но об этом утром.

Спарапет поклонился и вышел. Царские слуги проводили его до ворот дворца, где стоял его конь и ждали слуги. Он сел на коня; слуги провожали его, идя спереди и сзади. Два фонаря освещали ему путь. Погруженный в глубокое раздумье, он проезжал по неровным улицам крепости, окутанным тьмою. На улицах не было никого, кроме бодрствующей стражи; которая небольшими отрядами проходила мимо него, отдавала честь поднятием копья и расходилась в разные стороны.

Как спарапет и хранитель безопасности страны Мушег всей душой был предан Армении. Вместе с тем он был нежным отцом семьи. В крепости Артагерс находились его дорогие дети и любимая жена. Кому он мог поручить их в такое смутное время, когда Артагерс жил на страшном вулкане, под угрозой взрыва. В этой крепости нашли убежище сотни княжеских семейств. На ту же крепость надеялась и сама царица Армении. Будущее рисовалось Мушегу в очень мрачных красках, и его чувствительное сердце терзали мрачные сомнения. Охваченный такими тяжелыми думами, он доехал до своего дома и сошел с коня. Его встретила нетерпеливо ожидавшая жена.

— Почему так опоздал? — спросила она, радостно выбегая ему навстречу.

— Ты знаешь, дорогая, когда человек попадает в руки царицы Парандзем, ему не легко освободиться, — ответил спарапет, обнимая ее.

* * *

Через два дня спарапет, после пышных приготовлений, вместе с многочисленной свитой азатов отбыл в Византию.

Он принял предложение царицы и уехал. Но царица прогадала!..

XII. Хайр Мардпет

И случилось так, что после четырнадцатого месяца бед, насланных богом на беженцев, укрывшихся в крепости, возник мор среди них как наказание божье. Внезапно умирало в течение часа сто человек, в иной час — двести, а то и пятьсот человек. Не прошло и месяца, как в общем умерло одиннадцать тысяч мужчин и около шести тысяч женщин...

И в крепости осталась только царица Парандзем с двумя служанками. Тут тайно пробрался в крепость евнух Хайр Мардпет и стал поносить царицу, как какую-то непотребную женщину... Тайно он вышел и бежал... Потом пришли персидские полководцы, схватили царицу и вывели из крепости. Поднялись в крепость, забрали как добычу сокровища армянского царя, которые хранились там... Девять дней и девять ночей беспрестанно свозили все, что нашли в крепости Артагерс, и увезли вместе с царицей.

Фавстос Бузанд

После отъезда Мушега Мамиконяна в Византию царица распорядилась, чтобы те из князей, у которых были провинции и крепости, направились в свои земли для защиты их, а при себе оставила только придворные полки азатов и царскую охрану. Крепость покинули Саак Партев и Месроп Таронский, удалилась и Рштуникская княжна Ашхен со своими храбрыми горцами. Свое семейство спарапет переселил в сильно укрепленный замок Мамиконянов, Ерахани, находившийся на лесистых горах области Тайк.

Предсказания Мушега сбылись. Через некоторое время Меружан Арцруни пришел с персидским войском и осадил крепость Артагерс. Царица с таким презрением отнеслась к этой осаде, что каждый раз, когда послы Меружана являлись к ней с предложением отпустить царевну Вормиздухт, обещая, что в таком случае Меружан прекратит осаду и удалится, она отвечала суровым

отказом. Раздраженый Меружан усилил осаду; крепость была отрезана от внешнего мира; он хотел голодом заставить ее сдаться, если бы ему не удалось захватить ее силой.

Но крепость упорно стояла на крепких скалах. Ее не страшили угрозы врага.

В то время как Меружан вел осаду крепости, Ваган Мамиконян с помощью находившихся в его распоряжении персидских войск заиял все дороги, чтобы помешать нахарарам прийти к осажденным на помощь и рассеять войска Меружана.

Но царица и не рассчитывала на внешнюю помощь. Она ждала своего сына Папа. Она могла сопротивляться еще месяц-другой, быть может, даже несколько месяцев, до тех пор, пока не явится ее желанный сын и не приведет с собой византийские легионы.

Но там все что-то медлили. Послы армянской царицы, прибыв в Византию, не застали там нового императора. Война с готами заставила его покинуть столицу. Эта война в качестве несчастного наследства досталась Феодосию от предшественника Валента.

Перед смертью Валента дикие готы огромными полчищами спустились с темных гор и наводнили многочисленные провинции империи, дойдя до стен Константинополя. Валент мужественно сражался с ними и был ранен. С поля битвы, раненого, его отнесли в крестьянскую лачужку. Враг поджег лачужку, в которой и сгорел несчастный император.

Когда Феодосий принял из рук Грациана в Сирмионе императорский пурпур, то прежде всего ему пришлось заняться весьма трудным делом: надо было очистить страну от полудиких готов, и только после этого отправиться в столицу, чтобы вступить на унаследованный им престол. Прошло целых девять месяцев, пока он сумел справиться с готами; и в течение девяти месяцев послы Армении ждали его возвращения в столицу.

Хотя Мушег Мамиконян и бывшие при нем вельможи удостоились в Византии весьма пышного приема, все же просьба их долго оставалась без ответа; нового императора настолько отвлекали запутанные внутренние дела государства, что у него не хватало времени

заниматься внешними делами, тем более делами Армении, которые, несомненно, вызвали бы новую войну против него, да к тому же тяжелую войну со стороны персов. Вот почему император все время откладывал дело армянских послов.

После смерти Валента наряду со многими делами остался нерешенным трудный религиозный вопрос, сильно волновавший в то время Византийскую империю. Феодосию надлежало возвратить всех сосланных Валентом высших представителей духовенства и начать борьбу против многочисленных сект, которые размножились и окрепли под покровительством Валента. В столице происходили непрерывные собрания, на которых иногда присутствовал сам император.

В то время как в Константинополе были заняты бесплодными религиозными спорами, там, в Армении, Меружан Арцруни все крепче сжимал в кольце осады крепость Артагерс, а армянская царица все с большим нетерпением ожидала своего сына и легионы императора.

В соответствии с обещаниями императора из Византии к царице Парандзем часто приезжали гонцы: тайными ходами они пробирались в крепость и приносили одни и те же вести: «Повремени немного, продержись; твой сын придет и приведет с собой византийские войска».

Целых тринадцать месяцев ожидала царица, тринадцать месяцев она храбро сопротивлялась. Вместе с ней было в ожидании и население... Ни неистовство Меружана, ни ярость персидских войск не могли опрокинуть неприступные укрепления Артагерса. Но сломила их небесная кара.

На четырнадцатом месяце осады появился новый и более жестокий враг, с которым бороться уже не было сил. Тот враг была ужасная чума. Беспощадно начала она косить осажденных. Ежедневно умирало несколько сот человек. Однажды за столом царицы, во время обеда, умерло пятьсот человек. Моровая паника нарушила общий порядок в крепости. Каждый думал о своей жизни. Хотя в самом начале появления этой лютой болезни царица и объявила всем, что каждый, кто захочет, свободен бросить все и удалиться, но никто не

пожелал покинуть любимую царицу. Все поклялись остаться с ней и умереть у ее ног. В глубинах крепости существовало много потайных ходов, никто не воспользовался ими: чувство самопожертвования было сильнее страха смерти. Не хватало времени хоронить трупы. Живые, зарывая мертвецов, падали замертво вместе с ними. Каждый заранее рыл для себя могилу. Каждый думал, что завтра, а быть может, через несколько минут его не станет...

Но осаждавшие пока еще не знали, что творится внутри крепости. Осажденные готовились к смерти, умирали и не переставали биться с врагом.

Почти одновременно с чумою начался голод. Он превзошел чуму и заставил забыть об ее ужасах. Умирать было легче, чем бороться с жестокими муками голода.

За тринадцать месяцев осады были опустошены все запасы провизии. На четырнадцатом месяце уже нечего было есть. Не осталось в крепости ни собак, ни кошек, ни иных четвероногих; все они были съедены. Знатные женщины мололи кости на легких жерновах и этими крупинками кормили голодных. Сама царица варила похлебку из кожаной обуви и раздавала голодным. Но вскоре иссяк и этот источник. Исчезли также и заросли на скалах крепости, которые скорее усиливали смертность, чем насыщали голодных. Дошло до того, что некоторые из осажденных, обезумев от голода, поедали собственных детей.

Во время этих ужасов, когда под ударами нависших испытаний ослабевают все духовные и умственные силы, когда человек мельчает, теряет свой облик в страхе перед опасностью, царица не потеряла мужества. Лишившись последнего воина, она сохранила всю мощь своей души и не открыла перед врагом ворот крепости.

Она вошла в крепость с одиннадцатью тысячами вооруженных мужчин и пятью тысячами женщин княжеского рода. Все умерли, все стали жертвами во имя защиты родины. В живых остались лишь царица и две юных служанки. Осталась жива и царевна Вормиздухт. Тринадцать месяцев держались осажденные, на четырнадцатый месяц начались голод и чума. В один этот месяц было уничтожено все живое и погибло семнадцать тысяч человек.

Был последний роковой день четырнадцатого месяца.

Трепетные лучи вечернего солнца несколько раз блеснули на голубых узорах башен крепости и угасли, как последнее дыхание умирающего. Сумрак постепенно окутывал замок. Царили глубокая тишина и пустота. Кое-где валялись незарытые трупы. Алчная стая черных коршунов, как адские духи, кружилась над обезображенными телами и порой резким криком нарушала мертвую тишину.

Две юные девушки, прекрасные, как богиня Артемида, обходили пустой замок. За плечами каждой висело по серебристому колчану со стрелами, в руках они держали легкие луки. Точно богини охоты, обе были в коротких одеждах, вроде тех, какие носили сасунские охотницы. Длинные косы были уложены венком на голове, грудь наполовину открыта, руки обнажены, а на голых ногах надеты пестрые сандалии. Это были две служанки царицы. Одну звали Шушаник, а другую — Асмик. Обе белые как лилии, обе душистые, как жасмин, они взобрались на одну из башен крепости. Взглянули на небо и молча улыбнулись друг другу.

— Дай мне в сегодняшний вечер первой попытать счастье, — сказала Шушаник слабым голосом.

— Нет, сначала я, — попросила Асмик.

Они подкрались к двум голубям, ворковавшим на башне.

Шушаник осторожно приблизила руку к колчану, достала стрелу, приложила к тетиве и прицелилась в счастливую парочку. Тетива зазвенела, стрела полетела... но выстрел был неудачен. Вслед за ней полетела стрела Асмик, и один из голубей, трепыхая крыльями, упал вниз. Голубица, печально покружившись над своим самцом, исчезла в вечернем сумраке.

Асмик взяла свою добычу, и они пошли дальше; живые глаза девушки внимательно оглядывали верхушки башен, где по вечерам собирались голуби на ночной отдых. Шушаник была невесела, потому что впервые ее стрела не попала в цель. А лицо Асмик, наоборот, сияло от радости.

Так каждый вечер юные девушки появлялись у стен крепости и охотились за птицами. Из птиц они готовили для своей любимой царицы обед и ужин. Кормились и сами.

Вечерний сумрак постепенно сгущался, и ночной мрак скрыл, наконец, ужасное зрелище, которое в те дни представлял собой Артагерс. Больше не было видно разложившихся изуродованных человеческих трупов, валявшихся без погребения на улице. Теперь вырисовывалась лишь высокая женщина с факелом в руке, одиноко бродившая среди трупов. Она напоминала одну из богинь Аралез, которые некогда проходили по полям сражений после битв и, воскрешая армянских храбрецов, дарили им бессмертие. Горестным, щемящим душу взором смотрела она на несчастные жертвы и медленно шла дальше. Многие из них еще несколько дней тому назад были живы, многие были ею любимы. А теперь они валялись заброшенные, беспризорные, лишенные того единственного утешения, которое дает всякому смертному в своих объятиях сырая мать-земля. Какое печальное зрелище! Вот лежит умерший младенец, прижавшись к груди матери; вот молодая девушка, увядшая, пожелтевшая, точно только что распустившийся цветок, подкошенный неумолимой рукой жнеца. Ужасна была эта жатва, беспощадная жатва бездушного бога смерти.

Женщина продолжала идти. При ярком свете факела на ее прекрасном лице отражалась безутешная скорбь матери, потерявшей дорогих детей. Да, она лишилась всего, хоть и сохранила крепость благородного духа, силу своей железной воли.

Она шла вперед и вперед, а ее длинная легкая одежда волочилась по неровной мостовой, нарушая ночную тишину тихим мелодичным шелестом. Она миновала узкие кривые улицы и быстрыми шагами направилась к двум высоким башням, которые, как два гиганта, стояли по обеим сторонам главных ворот крепости. Войдя в одну из них, она по извилистой лестнице стала подниматься наверх. Свет факела нарушил ночной покой летучих мышей, стаями сидевших в темных расщелинах этого древнего здания. Вмиг, как темная туча, они поднялись в высокую пустоту башни и наполнили глухие своды шумом своих крыльев. Взлетая, они задевали лицо женщины своими холодными крыльями, но она даже не замечала этого, озабоченная мыслью, как бы не погас ее факел от их полета.

Поднявшись на самый верх башни, она с особым старанием зажгла огнем от факела расставленные там фонари и поставила их на узкие окна. Покончив с этим, она быстро спустилась вниз и подошла к железным воротам крепости; внимательно осмотрела тяжелые замки, проверила крепкие засовы, потрогала массивные задвижки. Все было на месте, все было в порядке, не хватало лишь стражи. Так она обошла остальные башни.

На башнях ей кое-где встречались ночные караульные; они лежали на голом полу, прижав копья к груди. Эти всегда бодрые стражи, целыми часами с высот наблюдательных пунктов следившие за окрестностями, теперь спали вечным сном. Злая смерть настигла их на посту...

Так каждую ночь одиноко появлялась с факелом в руке эта высокая красивая женщина и зажигала фонари на башнях, глядевших на лагерь осаждавшего крепость врага. Она хотела показать врагу, что в крепости все живы и ничего не изменилось.

Эта женщина, блуждавшая по ночам, была царица Армении, прекрасноглазая Парандзем. Она оказалась теперь единственным владельцем и неусыпным стражем тихой, безлюдной крепости и величием своей души как бы заполняла его зияющую пустоту.

Почти в то же самое время, когда царица с факелом в руке обходила пустынную крепость и с тревожным сердцем многократно проверяла затворы ворот, убеждаясь в их прочности, именно в эту самую минуту в крепости появился еще один наблюдатель. Он проник извне, через один из тех потайных ходов, о которых знала лишь царица, так как возможность сообщения с внешним миром сохранялась в великой тайне.

Человек этот был крупного телосложения. В своем нелепом одеянии, широкие складки которого, развеваясь, спускались до ног, он казался мрачным, огромным демоном, который даже среди ночного мрака выделялся своим черным силуэтом. Длинный меч, висевший у пояса и волочившийся по земле, он придерживал рукою, чтобы не производить шума. А под одеждой на бедре висел обоюдоострый кинжал. Ночной мрак скрывал его страшное, обезображенное оспой лицо, кожа которого была кирпичного цвета и походила на пори-

стую губку. На безволосых и сильно развитых челюстях торчало лишь несколько волосков. Свирепые глаза поблескивали самодовольной дьявольской радостью. Он издали увидел царицу с факелом в руке и сейчас же ее узнал. Злая усмешка искривила его распухшие губы. Он остановился в темноте, дав царице пройти. Затем, крадучись, пошел за нею.

Полная пустынность замка, беспорядочная груда трупов и глубокая тишина кругом — все, что могло вызвать страх и ужас в обычном человеке, в этом чудовище возбуждало радость и удивление. Он злорадствовал тому, что замок находился в таком бедственном положении; удивлялся, какие же внезапные обстоятельства могли вызвать такое неожиданно страшное опустошение. Ему казалось, что неумолимый гнев бога мести в несколько мгновений испепелил все, хотя и стояли на месте неприступные стены, в ночной тьме тускло вырисовывались грозные башни крепости. Но людей он не видел, и это наполняло его жестокое сердце беспредельной радостью.

Не выпуская царицы из виду, он в то же время внимательно осматривался вокруг. Ему попадались только трупы. И каждый раз, когда эти холодные, бездыханные тела преграждали ему путь, когда во мраке он прикасался к ним, он испытывал чувство жгучей радости. Он ждал, пока царица окончит обход и направится во дворец. После этого он продолжил осмотр крепости с целью лучше ознакомиться с положением вещей, которое ему все же было неясно.

Очень внимательно он осматривал бойницы и казармы, рассматривал запасы оружия—все в порядке, только нет воинов и никого вообще... Что стало с ними? Куда все делись? Неужели все вымерли? Эти вопросы возникали в его встревоженной голове, полной мрачных мыслей, таких же черных и ужасных, как ночная кромешная тьма.

Осмотрев все уголки крепости, он подошел к царскому дворцу. Долго блуждал он вокруг него, напрягая слух, чтобы убедиться, не слышно ли голосов изнутри? Но когда-то веселый, жизнерадостный дворец теперь был глух и безжизнен, как могила. Эти палаты любви и счастья, храм неумолкающей песни и музыки с его

радостной жизнью и обычаями он знал с давних пор. Он знал, что и в какой час делалось там. Он знал бурные ночи дворца, где до утра героические песни гусанов и топот пляшущих ног раздавались в обширных залах. А теперь все было мертво, все застыло в глубоком безмолвном покое. Эта тишина производила особенно тяжелое впечатление в черном мраке безлюдного дворца. И это радовало его. Обычно дворец освещался всю ночь множеством ярко сверкавших огней. Теперь же в палатах было совершенно темно. И только в одном окне пробивался слабый свет, готовый угаснуть. То была опочивальня царицы.

Он занес уже ногу на порог главного входа, но все не осмеливался войти. Опасался, что кто-нибудь из многочисленных царедворцев и телохранителей остался в живых. Но, с другой стороны, его ободряла мысль, что если бы во дворце остались люди — зачем царице одной ходить по крепости и заниматься тем, что делать ей не надлежит. Преодолев свою нерешительность, он вошел внутрь и сейчас же скрылся в темных закоулках дворца.

В это время Шушаник и Асмик были заняты на кухне. Одна из них ощипывала голубей, другая разжигала огонь, чтобы поскорее изжарить их. В этот вечер им посчастливилось: они убили четырех голубей, что случалось очень редко. Их ведь было тоже четверо оставшихся в живых в крепости: царица, царевна Вормиздухт и они — две служанки.

— Сегодня у нас будет роскошный ужин, — весело сказала Асмик.

— Если бы хоть кусочек хлеба, — печально заметила Шушаник. — Ах, как давно мы не ели хлеба!

Слова Шушаник вызвали грусть у веселой Асмик, которая стала утешать подругу:

— Бог милостив, сестрица! Мы уже привыкли жить без хлеба и питаться только мясом. Бог ежедневно посылает нам прекрасных голубей.

— Царица тоже привыкла... Она с аппетитом кушает жареную дичь, не то что царевна Вормиздухт.

— И она привыкнет.

Шушаник снова загрустила.

— До каких пор мы будем жить так, Асмик? — жалобно спросила она. — Все умерли и успокоились. Оста-

лись только мы. Если бы и нам умереть, чтобы избавиться от этих мук...

— Зачем умирать? — обиженно ответила Асмик. — Если мы умрем, кто же станет служить царице? Бог затем нас и сохранил, чтобы мы ей служили.

— Ты не боишься, Асмик? — переменила разговор грустная Шушаник.

— Чего бояться?

— Как чего? Если персы узнают, что в крепости не осталось мужчин, они взломают ворота и войдут. Что ты тогда будешь делать?

— Что делать? — смеясь ответила Асмик, — мы будем защищаться с помощью стрел и не подпустим ни одного к себе.

Шушаник также рассмеялась над наивностью подруги. Она была старше жизнерадостной Асмик.

Пока на кухне служанки были заняты этим разговором, царица вернулась во дворец. Она вошла в свою опочивальню, сняла единственный светильник с треножника и быстро вышла. Миновав пустые, погруженные во мрак и тишину залы, она остановилась у дверей одной из комнат. Вытащив из кармана ключи, отперла дверь. Хотя она сделала это очень осторожно, все же скрип тяжелой двери разбудил молодую девушку, спавшую на тахте.

— Воды!.. Жажда томит! — были ее первые слова, когда она, открыв сонные глаза, увидела входящую царицу со светильником в руке. Она произнесла это тоном наивного ребенка, обращающегося к своей любимой матери или няне.

— Разве у тебя нет воды? — спросила царица с искренним участием. В ее мягком голосе чувствовалось сострадание.

— Часто забывают...

Она поставила светильник, быстро вышла и через несколько минут вернулась с серебряной чашей, наполненной водою. Девушка с чувством признательности взяла чашу, жадно выпила всю воду и сказала:

— Какая холодная!

Это была молодая царевна Вормиздухт, сестра царя Шапуха, пленница царицы Армении и будущая невеста Меружана Арцруни. Ей не было еще семнадцати лет,

но, рожденная под южным солнцем, она рано созрела, оформилась и сияла теперь всей чарующей прелестью молодости. Глядя на нее, можно было подумать, что божество красоты сделало все возможное, чтобы создать в ее лице своего двойника. В ярком сиянии ее больших очей Меружан Арцруни утопил весь свой рассудок и всю свою душу. Красота и нежность ее были так чарующи, что армянская царица, несмотря на свою сильную ненависть к Шапуху и вообще ко всему персидскому царскому роду, все же в течение последних дней не только стала относиться к Вормиздухт с материнским состраданием, но даже полюбила ее. Постигшие несчастья — голод и чума — заставили царицу забыть свою безжалостную вражду к семье Шапуха. Да! Она полюбила Вормиздухт, стала ласково обходиться со своей пленницей, жизнь и смерть которой были в ее руках! В этой любви она находила утешение, она согревала ее душу, изнемогавшую от тяжелых переживаний... Сходство судеб вызывало в них взаимную симпатию. Царевна, правда, была пленницей, но ведь и царица тоже оказалась пленницей в осажденной крепости. Каждую минуту ее ожидала такая же участь: плен в далекой Персии, быть может, даже и нечто более суровое.

Чума не пощадила и красавицу царевну. Во время ее болезни царица не знала покоя, проводя ночи у ее постели. Выздоровление Вормиздухт доставило царице большую радость. Ее держали почти взаперти. Царица не разрешала ей выходить из дворца, опасаясь, чтобы царевна снова не расхворалась под впечатлением тяжелых картин. Царевна очень боялась мертвых, а улицы крепости были полны трупов.

Выпив холодной воды, Вормиздухт очнулась от сна. Она неожиданно вскочила на ноги, бросилась на шею царице и долго не выпускала ее из своих объятий, целуя, лаская и одновременно рыдая на ее груди.

— Что с тобою, милая? — спросила смущенная царица.

— Ах, если бы ты знала, как я долго плакала! Как много я плакала! — шептала царевна сквозь слезы.

— О чем же, милая? Что случилось?

— Это было во сне... Но теперь я так рада, очень рада... ты жива... ты опять со мной!

Царица поияла, что грустные сиы взволновали чувствительное воображеиие молодой девушки. Оиа обняла ее, поцеловала и усадила возле себя на сидеиие. Затем она еще раз спросила Вормиздухт, почему та плакала во сие.

— Не скажу... Язык не поворачивается рассказать...

После долгих просьб она все же рассказала царице свой сон: будто бы оиа гуляла во дворце и увидела там много людей, лежавших иа земле: мужчин, женщин, стариков, детей. Кто был уже мертв, а кто мучился в предсмертных судорогах. Среди иих оиа будто бы заметила царицу, упала иа ее труп и стала плакать. Плакала долго, пока ие просиулась.

— Наши иесчастья иавевают иа тебя такие печальные сиы, дорогая Вормиздухт, — утешала ее царица. — Безгранична милость бога: ои уберег нас от смерти, будет оберегать и дальше. Не волнуйся, Вормиздухт, и ие думай ни о чем...

Впечатлеиия, коиечио, были очеиь тягостиы для иежного сердца девушки. Кроме всеобщего мора в крепости, свидетельницей которого она была, ей пришлось иаблюдать поголовиую смерть своих многочислеиных слуг и служаиок. Эта потеря очеиь угнетала ее, оиа никак не могла с ней примириться. Часто среди ночи она звала своих людей, но, вспомнив, что их уже иет, принималась плакать. Поэтому царица приказала готовить постель царевие в своей собствеииой опочивальне, чтобы можно было в таких случаях утешать иесчастную девушку.

— Теперь пойдем, дорогая Вормиздухт, — сказала царица, беря ее за руку и подиимая с постели,— пойдем посмотрим, что сегодия приготовили иам к ужину Асмик и Шушаник.

Слезы Вормиздухт мигом высохли. Оиа весело вскочила, схватила с окна светильник и, побежав вперед, стала просить царицу:

— Светильник буду иести я, дорогая матушка, позволь мне это! Ты все хочешь делать сама!

В эти дни она стала иазывать царицу «матушкой». Царица ласково улыбнулась и позволила ей нести светильник.

Пройдя через темные залы, они вошли в трапезную палату. Обе служанки — Асмик и Шушаник — уже приготовили стол. На роскошной скатерти стояли две серебряные тарелки и на них лежали три зажаренных голубя. Больше ничего не было. Царица Армении и персидская царевна подошли к скудному столу и с удовольствием сели за него. Служанки стоя прислуживали. Царица обратилась к ним:

— Сколько голубей убили сегодня?

— Мы застрелили четырех, государыня, — поспешила ответить Асмик, — трех — я, одного — Шушаник.

— Ты, как всегда, отличилась, — улыбаясь заметила царица. — Но почему же такой неравный дележ: трех голубей дали нам, а себе оставили только одного.

— Нам хватит и одного, государыня, — ответила опять Асмик, — мы сами виноваты в том, что нам мало досталось: плохо охотились.

— Нет, что послал господь, то поровну и поделим, — сказала царица, отделяя служанкам еще одного голубя. — Ступайте и поужинайте.

Служанки удалились, хотя по обычаю, они должны были стоять у стола царицы до окончания ужина.

Вормиздухт, слушавшая с особым удовольствием слова милостивой царицы, вмешалась в разговор и, улыбаясь, заметила:

— Если мы еду делим поровну, то следует и работу делить поровну. Давайте ходить на охоту по очереди: один день мы, а другой — Шушаник и Асмик. Не будет ли так лучше, матушка?

— Будет. А ты умеешь охотиться? — спросила царица.

— Завтра наша очередь, и ты увидишь ловкость моих рук. Когда я жила в Тизбоне, брат мой брал меня иногда на охоту, и каждый раз я возвращалась с добычей. Однажды я убила бегущего зайца. Когда возвратилась домой, брат похвалил меня и подарил красивый перстень.

— И от меня ты получишь хороший подарок, если завтра покажешь свое искусство.

Царевна повеселела, как ребенок.

На столе стоял большой серебряный сосуд с вином и два золотых кубка. В замке иссякли все запасы, кроме

вина. Отборные вина, привезенные из разных мест Армении, были зарыты в землю в громадных глиняных сосудах — карасах; некоторые хранились там по нескольку десятков лет.

Царица наполнила кубки ароматным вином, один поставила перед Вормиздухт, а другой взяла себе. Вормиздухт, понемногу отпивая из кубка, принялась неугомонно болтать. Рассказывала о Тизбоне, о своих приключениях при персидском дворе. И чем больше она пила, тем сильнее красный нектар Армении зажигал ее юную кровь огнем радости и тем ярче выступал румянец на ее бледных щеках. Она настолько увлеклась, что запела древнюю персидскую песню.

Высоко на выступе древней скалы
Ужасная крепость стояла.
Испуганно мимо летели орлы,
И прочь убегали шакалы.

Лишь ветер бесстрашно над ней пролетал
И бился о горные склоны,
И слышал, как в крепости кто-то рыдал,
И слышал моленья и стоны.

Не мудрый строитель те стены воздвиг,
Они не из камня иль дуба, —
Отпрянет в испуге взглянувший на миг
На облик их дикий и грубый.

Из трупов кровавых, из груды костей
Воздвигнуты мрачные стены.
Обрызганы кровью погибших людей,
Стоят они здесь неизменно.

Здесь к черепу череп уложены в ряд,
И грозные высятся своды,
И башни и вышки безмолвно стоят
Под взором бесстрашной природы.

Их было семь братьев, семь богатырей,
Строителей крепости странной.
И воинов не было в мире храбрей,
Взрастила их мощь Аримана.

Была у воителей-братьев сестра,
Блистала красой своенравной,
Дивились очам ее дивным ветра,
И не было в мире ей равной.

— Заря, не свети, — говорила она, —
Светлее тебя мои очи. —
Луне говорила: — Спи мирно, луна,
Красой озаряю я ночи.

И храбрые витязи дальних племен
И грозные горные дэвы
К чудесной красавице шли на поклон,
И все были жертвою девы.

А дивная дева им вторила вновь:
— Пусть с братьями бьется воитель, —
За славу победы дарую любовь —
Получит меня победитель.

Вздымалось копье, и сверкали мечи,
И падал удар за ударом,
Стучали сердца, как огонь, горячи,
Объяты воинственным жаром.

Гремели бои, и гудел небосвод,
И панцири наземь слетали,
А боги глядели с небесных высот,
Из горной невидимой дали.

Красавица дева, нема и бледна,
Следила за битвой кровавой,
И радостно братьев встречала она,
Гордясь их победною славой.

И так, несчастливцы, один за другим,
На поле борьбы погибали,
Их трупы сносили к стенам крепостным
И страшный чертог воздвигали.

И стены все выше вздымались в зенит,
И башни росли на уступах.
А сердце красавицы — словно гранит;
Никто не любим неприступной.

Промчалось немало и лет и веков,
И вот на земле появились
Семь юных царевичей, семь храбрецов, —
Красе их и горы дивились.

И дрогнула дева, увидевши их.
А сердце, что камень горючий.
Кого из красавцев избрать семерых?
Пусть битва решит ее участь.

Как прежде, семь братьев вступили в борьбу
С царевичами молодыми.
Две равные силы решали судьбу, —
Царевна следила за ними.

Шесть юных царевичей пали в бою,
Шесть пламенных солнц закатилось
Один лишь боролся за радость свою —
Сраженье длилось и длилось.

И гордости давней своей изменив,
Сбежала на землю царевна.
И, юношу телом своим заслонив,
Промолвила витязям гневно:

— Вас семеро против него одного,
Неравны вы в подвиге бранном.
Победным венцом увенчаю его,
Он стал мне навеки желанным.

И братья сложили оружье тогда
И юношу поцеловали:
— Пусть будет твоею она навсегда,
Живите, не зная печали[1].

Мелодичный, звонкий голос царевны привлек внимание притаившегося ко дворце демона, вылезшего из своего укрытия и медленно подкравшегося к двери той комнаты, откуда неслись чарующие звуки. Его мягкие красные башмаки неслышно ступали по полу, а царивший вокруг мрак делал его невидимым. Он слушал внимательно и злобно торжествовал.

Совсем иное впечатление произвела грустная песнь

[1] Сокращенный поэтический перевод В. Звягинцевой.

Вормиздухт на царицу. Она настолько была взволнована, что постаралась скрыть свои слезы, чтобы их не заметила царевна. Содержание песни было удивительно сходно с участью той, которая ее пела, хотя Вормиздухт об этом и не подозревала. Она жила в полном неведении. Она не знала, что была тем самым яблоком раздора, из-за обладания которым крепость наполнилась трупами. Как и сказочный замок из песни, Артагерс тоже представлял собой гигантскую могилу тысяч жертв. Армения была залита кровью, гибель людей продолжалась и, быть может, длилась бы еще долго... Вормиздухт не знала, что поводом всего этого послужила безумная любовь Меружана к ней, ради удовлетворения которой он пролил столько крови и принес столько жертв. Она не знала и того, с какой целью содержится в крепости. Она лишь помнила, что находилась в гареме брата, когда враг напал у Тарвеза на персидское войско, что там произошла битва, погибло много воинов, и ее доставили в эту крепость. Добросердечная, царица взяла ее под свое покровительство и отнеслась к ней, как к собственной дочери. Она даже не знала, кто теперь осаждает крепость. Она думала, что это были те же отряды, что напали на войско ее брата. Царица всячески старалась скрыть от нее печальную действительность, чтобы не причинить боль ее нежному сердцу.

О Меружане она не имела понятия, никогда его не видела и лишь слышала его имя. Ей не говорили, что она считается его невестой и что наступит день, когда станет его женой. Она не знала, что все эти беды происходят из-за нее и что человек, так безжалостно осаждающий крепость, не кто иной, как ее будущий муж — Меружан.

При дворе персидского царя она была не существом, а вещью — одной из тех красивых и драгоценных вещей, которыми была полна царская сокровищница. Подобно тому как царь имел привычку награждать этими драгоценностями своих вельмож, точно так же он обещал наградить Меружана царевной за его гнусную услугу... Об этом царевна узнала бы лишь только тогда, когда ее из рук в руки вручили бы Меружану.

Царица до сих пор не говорила с нею о Меружане, да и не имела желания говорить. Но теперь, слушая ее песнь, она мимоходом спросила:

— Знаешь, Вормиздухт, кто осадил нашу крепость?

— Нет, не знаю, — ответила она.

— Если бы враг сказал: «Дайте мне Вормиздухт, я прекращу осаду и удалюсь» — ты бы согласилась?

— Согласилась!

— Почему?

— Чтобы не умирали люди, чтобы был хлеб и они ели, и чтобы ты не страдала так много. Вот почему бы я согласилась.

— Значит, ты поступила бы так же, как та девушка в замке, о которой пела песню?

— Нет, не так. Она была бессердечной и ради своей красоты требовала жертв, и чем больше их было, тем сильнее радовалась. Она из тел и голов своих поклонников соорудила для себя замок. А я бы так не поступила: я бы не позволила проливать из-за меня кровь. Я бы немедленно выбежала к врагам, подставила грудь под их стрелы и воскликнула: — Вот я! Если вы сражаетесь из-за меня, прекратите битву! Я бы пожертвовала собой и тем спасла всех!

Она говорила с неподдельной искренностью. Мечта о самопожертвовании развилась в ней не вследствие чувства человеколюбия, а из условий того воспитания, которыми она была окружена с детства. Старухи-няньки наполнили ей голову сотнями сказаний и сказок, которыми так богат персидский народ. Они воспитали в ней героический дух и зажгли ее воображение, вызывая чувства самопожертвования.

Услышав полные воодушевления слова Вормиздухт, царица с грустью сказала:

— Все это, дорогая Вормиздухт, уже совершилось помимо твоей воли...

Царевна побледнела.

— Что совершилось? — спросила она в замешательстве.

— Жертвы... кровь... избиение....

— Из-за меня?

— Да! Из-за тебя...

Она чуть было не упала в обморок. Царица обняла и прижала ее к своей груди.

— Успокойся, дорогая Вормиздухт, ты в этом не виновата. Все это произошло помимо твоей воли и твоего желания. Выслушай меня, я расскажу тебе обо всем.

Царица открыла девушке, что та содержится в крепости как пленница и заложница, объяснив, что крепость осадил Меружан Арцруни, дабы освободить ее. Сообщила также о том, что она, Вормиздухт — невеста Меружана и в будущем должна стать его женой. Объяснила, по каким политическим причинам возникло ее необычное обручение; рассказала о взаимоотношениях ее брата, царя Шапуха, с армянами, о целях его войн, о том, что он намерен уничтожить веру армян и их государство и превратить Армению в персидскую провинцию, и о многом другом.

Царица закончила свой рассказ следующими словами:

— Выполнить намерение твоего брата, дорогая Вормиздухт, то есть уничтожить армянскую веру и государство, взялся Меружан Арцруни, а твой брат обещал в качестве высокой награды выдать тебя за него замуж.

— Не бывать этому никогда! — вскричала царевна, и ее прекрасные глаза вспыхнули огнем гнева. — Я не буду женою такого злодея!

— Но почему же, милая Вормиздухт? Если Меружану удастся уничтожить армянское государство и стать царем Армении, ты будешь армянской царицей.

Царевна засмеялась.

— Вместо тебя? — спросила она, продолжая смеяться. — Я должна похитить твою корону? Да! Это будет хорошая расплата за ту доброту, с какою ты отнеслась ко мне! К тому же армяне не таковы, чтобы легко уступить нам короны своего царя и царицы!..

Прятавшийся в передней дьявол приник ухом к двери.

Царица спросила:

— Но ведь ты сказала, что в том случае, если бы борьба шла из-за тебя, ты бы сама бросилась в объятия врага. Теперь вот ты знаешь, что Меружан осадил эту крепость из-за тебя.

— Да, я бросилась бы во вражеские объятия, если бы еще не была пролита кровь, и я была уверена, что все кончится на мне. Но теперь уже поздно. Тяжелые события произошли, и мы находимся на груде трупов...

Царица снова обняла ее и прижала к своей груди. Она расспрашивала не потому, что хотела убедить царевну исполнить горячее желание Меружана, она желала лучше узнать прекрасные качества ее души, доставлявшие ей такую отраду.

— Если таково желание Меружана, — продолжала царевна, — то он мне ненавистен. Пусть будут свидетелями все добрые и злые боги, что я его возненавижу навеки! Мне все равно, обещал мой брат выдать меня замуж за Меружана или нет. Я убью себя, но не стану женой такого негодяя.

— Почему?

— Если бы он был хорошим человеком, то не сделал бы так много плохого своей родине, своему царю и тебе, дорогая матушка.

— Но ведь он любит тебя и все это совершил ради любви к тебе. Он желает, чтобы ты стала царицей Армении, а он армянским царем.

При этих словах царевну покинуло спокойствие. Она вскочила, бросилась на шею царице и разгоряченными губами стала целовать ее.

— Ты мне скажи лучше, дорогая матушка, где Мушег? Куда он направился? Ах, как он хорош!.. Как благороден, как добр... Когда он меня вез сюда, по пути мне так хотелось с ним поговорить... Но он не заговорил со мной ни разу.

Она спрашивала о спарапете.

— Скажи, дорогая матушка, куда он уехал?

— Он уехал в Византию, — ответила царица, с трудом высвободившись из горячих объятий Вормиздухт.

— Скоро вернется?

— Жду его с минуты на минуту.

— Ах, как я буду рада хотя бы один раз его видеть!

В юной душе царевны тлела искра, которая вдруг стала разгораться. Царица поняла это и, улыбаясь, спросила:

— Ты, должно быть, любишь его, Вормиздухт? Скажи по правде, любишь?

— Не скрою, любила... и теперь люблю... Я хотела бы быть его женой... Ах, как я была бы счастлива! Когда он так великодушно возвратил гарем моего брата в Тизбон, я поняла, что среди всех мужчин мира нет ему равного. Именно тогда мое сердце полюбило его.

Пританвшийся в передней дьявол, услышав последние слова, сделал какое-то неуловимое движение, но все же остался на своем месте и сквозь дверную щелку продолжал наблюдать за собеседницами. Царевна спросила:

— Зачем спарапет поехал в Византию?

— Чтобы привезти моего сына...

— Значит, он приедет с твоим сыном и освободит нас от осады злого Меружана?

— Я очень надеюсь на это...

На радостях царевна наполнила золотые кубки вином; один предложила царице, а другой немедленно осушила сама. Действие вина и вспыхнувшая страсть привели ее в состояние крайнего возбуждения; она непрерывно повторяла одно и то же: свои мечты о том, как она по прибытии спарапета скажет ему о своей любви и как они вместе накажут «злого Меружана». Царица слушала и добродушно улыбалась.

Исключительно возбужденное состояние девушки настолько повлияло на царицу, что она не заметила, как прошла большая часть ночи. Но увлечение Вормиздухт стало ослабевать, подобно звукам постепенно затихающего музыкального инструмента. Сонливое состояние овладело ею. От винных паров нежная влага заволокла ее большие глаза, и красивое лицо ее стало еще привлекательнее. Прекрасная головка уже покачивалась, и последние слова девушки были отрывисты и большей частью непонятны. Царица повела ее за руку в свою опочивальню и уложила в постель. Долго она сидела у изголовья Вормиздухт, пока царевна не уснула. По временам ее красные, как коралл, губы произносили: «Ах, как он благороден!.. Ах, как я его люблю!»

После того как девушка заснула, царица вернулась в трапезную палату. В эту ночь, как часто с нею быва-

ло и раньше, ей не спалось. Она тихо прошлась иесколько раз по залу, подошла к открытому окну и остаиовилась, вглядываясь в густой мрак ночи. Все спало, точно в мертвом оцепенеиии, и лишь иа небе замечались призиаки жизни. Ее пристальиый взор обратился к миллноиам серебристых пятиышек. Что оиа хотела найти там, оиа сама ие зиала. Но все же смотрела. Вот по своду изогиутой полосой мелькиул сверкающий свет. Скатилась звезда — чья-то жизнь угасла...

Оиа отошла от окиа и опустилась на сидение. Тусклый свет светильиика падал иа ее прекрасное лицо, которое выражало глубокую грусть. Как изменилось это озабочениое лнцо! Как оио побледиело! От прежиего иадменного выражеиня и иеумолимой строгости не осталось и следа. Кроткая покориость судьбе светилась в ее скорбном взгляде. Казалось, оиа уже примирилась с тяжелыми обстоятельствами, казалось, уже привыкла к иевзгодам своей жизии. Какие только мучеиия не пришлось переиести ей за последние дни, свидетельиицей каких только бедствий ие пришлось ей быть! Другая на ее месте давио бы уже отчаялась. Но она все еще сохраияла твердость духа, подкреплеииую той горячей верой, которую она пнтала в безграннчную милость провидеиня.

Она сидела в полном одиночестве. Печальиые мысли ее устремлялись то на восток, то иа запад. Там, иа востоке, в темном подвале крепости Аиуш был заключеи ее царствеиный супруг. А иа западе, в отравляющей атмосфере нзнеженности византийского двора, содержался ее сын, наследиик престола. Оба — иа чужбиие, оба — в беде. А сама? Сама она тоже в заключеиии в своей неприступиой крепости, ставшей теперь для иее могилой.

Оиа ждала сына. Но тот все ие приезжал. Давио уже оиа ие имела вестей из Визаитин. Что там? Почему запоздал сыи? Она ничего не знала. Неужели враг окружил их такой неразрывной цепью, что никто ие может проиикиуть в крепость с вестью. Что делают ее иахарары? Почему не пришли на помощь, чтоб изгиать врага, разорвать страшное кольцо осады? Должио быть, они думают, что в крепости еще достаточно воииов и

что она может защищаться без внешней помощи. Должно быть, они не знают, какие несчастные события произошли здесь.

И правда: они этого не знали.

Охваченная такими размышлениями, царица поднялась и стала ходить по палате. Это была первая ночь, когда она почувствовала, как пустота обезлюдевшего дворца, точно широко раскрытая пасть чудовища, угрожает ее поглотить. С ужасом смотрела она вокруг себя, не смея поднять головы. Ей казалось, что тени тысяч людей, валявшихся мертвыми на улицах, блуждали вокруг нее, копошились, бормотали и осыпали ее страшными проклятиями. В ужасе она закрыла глаза и, точно отяжелев, опустилась в кресло. Долго ее мучили и терзали сомнения, на душе было неспокойно. И чем больше вспоминала она о предостережениях своего умного и дальновидного спарапета перед его отъездом в Византию, тем сильнее чувствовала угрызения совести, как тяжкий преступник, ставший из-за своего упрямства виновником неисчислимых жертв.

Она закрыла обеими руками лицо: горячие слезы струились по щекам, огонь позднего раскаяния сжигал ее сердце.

В это время бесшумно раскрылась дверь и прятавшийся в передней дьявол вошел в комнату. Окинув угрожающим взглядом страдающую женщину, он проскользнул в один из углов и спрятался там в тени. Оттуда он глядел, и его темные губы шевелились от затаенной радости. Вот в каком виде он застал эту гордую, высокомерную женщину, никогда не знавшую ни заботы, ни слез. Вот в каком состоянии он видит эту знатнейшую по происхождению тщеславную царицу, привыкшую держать в повиновении не только нахараров Армении, но и своего царственного супруга. Теперь она в пустоте своего роскошного дворца, в горе и страданиях, покинута всеми, растеряна и беззащитна.

— Так долго не может продолжаться, — произнесла она, поднимая голову и вытирая мокрые от слез глаза. — Рано или поздно враг узнает, что моя крепость пуста. Тогда свирепость Меружана не будет иметь границ. Я не боюсь мучений... Я не страшусь смерти... Но

вместе со мной умрет большое дело, ради которого я так много потрудилась.

Голос ее ослабел; она склонила голову и, закрыв лицо руками, оставалась так в течение нескольких минут, охваченная волнением. Укрывшийся в углу дьявол все еще продолжал стоять неподвижно, кидая на нее мстительные взоры. Царица продолжала:

— Когда царь Шапух обманом заманил моего мужа в Тизбон и оказывал ему почести как гостю, вслед за тем он пригласил и меня. Но я, догадавшись о злом намерении вероломного перса, отказалась и не поехала. Я подумала, что если он задержит моего супруга в Тизбоне, то по крайней мере, я останусь в Армении и буду защищать потерявшую царя страну. Меня не обманули предчувствия. Он похоронил моего супруга в дебрях Хужистана и, чтобы захватить меня, послал Меружана Арцруни. Бог помог мне, я храбро воевала с врагом. А теперь? Теперь меня в оковах повезут к Шапуху, и негодный перс изольет на меня весь яд своей мести.

Она снова умолкла. Неутешная печаль снова охватила ее.

— Не об этом я беспокоюсь... Пусть я погибну, пусть обращусь в ничто, лишь бы сохранилась Армения! — воскликнула она с рыданием в голосе. — Но я предвижу неминуемую гибель родины. Перед моими глазами ее печальная будущность... Ах, если бы какая-нибудь помощь, если бы поскорее подоспел мой сын!..

— Не надейся на это! — раздался вдруг из мрака голос притаившегося дьявола.

Царица, охваченная ужасом, приподняла голову и посмотрела вокруг. Неожиданный возглас вызвал в ней сильное волнение, — зловещий голос, как гром с неба. Долго ее растерянный взгляд блуждал по комнате, ничего не видя. Она попыталась позвать служанок, но голос ей не повиновался.

— Кто это? Кто здесь? — с трудом произнесла она наконец.

Ночной посетитель вышел из своей засады и молча стал перед нею. Царица взглянула на него и задрожала всем телом. Ей казалось, что это сон или один из дьяволов предстал перед ней в образе этого человека.

Но страх тотчас же сменился гневом, когда она узнала его.

— Это ты, Дхак? — спросила она.

— Да! Я, государыня, — ответил тот, приближаясь к ней.

— Откуда пришел? Зачем?

— Все потайные ходы крепости мне известны, государыня, — ответил посетитель невозмутимо. — Я отвечу тебе, зачем я здесь, только вооружись терпением.

— Удались отсюда! Я всегда ненавидела тебя и всегда твое гнусное лицо внушало мне отвращение, а сейчас еще более, чем когда-нибудь.

Посетитель пренебрежительно засмеялся.

— Удались, говорю тебе, а не то...

Царица гневным взором посмотрела вокруг.

— Кого ищешь, государыня? Быть может, своих телохранителей? Или хочешь призвать своих кровопийц-палачей?.. Их нет больше, я видел их трупы... А обе твои служанки спят в соседней комнате.

— Негодяй, ты пришел издеваться надо мной!

— Нет, государыня, меня бог послал к тебе...

— Удались, говорю тебе!

— Не волнуйся, государыня, я сейчас удалюсь.

Его хладнокровие было оскорбительнее его наглости.

Человек этот был Хайр Мардпет, важный сановник царя Аршака, соединявший в своем лице несколько высоких должностей. Как евнух, он был начальником царского гарема. Как попечитель — он именовался «отцом» царя, как бы опекая его, руководил делами его и волей и вместе с тем был правителем царского двора. Весь дворец со всеми придворными находился под его наблюдением. Как представитель высшей знати — он был владельцем и князем богатого нахарарства Мардпетакан. В качестве военного он имел в своем распоряжении пограничные войска Атрпатакана. Словом, он являлся одним из самых могущественных и влиятельнейших лиц в государстве. Его боялись не только армянские нахарары, но даже и сам царь, на которого он оказывал давление. Его власть была наследственной. Хайр Мардпет происходил из рода нахараров Мардпетакан.

Царь Аршак стремился ограничить его права и тем

возбудил его ненависть не только против себя, но и вообще против всего рода Аршакидов. Долгое время он скрывал эту ненависть, ожидая удобного случая, чтобы проявить ее. Он считал, что теперь это время настало.

Предшественник Мардпета был убит за свою дерзость отцом Меружана, Шаваспом Арцруни. Сам же Хайр Мардпет, ради того чтобы утолить свою ненависть к царю Аршаку, сделался союзником Меружана и любимцем царя Шапуха.

Вот этот изменник и стоял теперь перед супругой царя Аршака, царицею Парандзем. Его страшное лицо при тусклом освещении светильника выглядело еще ужаснее. Еще в детстве оспа изуродовала его огромный нос и темные губы, оставив на лице глубокие следы, похожие на шероховатость пемзы.

Охваченная волнением, царица сидела в кресле и, поникнув головой, в раздумье молчала. Неожиданное появление этого человека ясно говорило о том, что он пришел не с добрыми вестями. А страшное лицо Мардпета, вначале выражавшее лишь жестокую насмешку и презрение, принимало все более свирепое выражение по мере того как говорила царица. Стараясь сдержать свой гнев, он раскрыл толстые темные губы и произнес следующие слова:

— Хайр Мардпет намерен сообщить важное известие. Не соблаговолит ли царица Армении на время расстаться со своими мечтами и выслушать его?

Царица подняла голову и опять с глубоким отвращением сказала:

— Я была бы тебе очень признательна, Хайр Мардпет, если бы ты оставил меня в покое! Ты уже достиг своей цели, воровски пробравшись в мою крепость и выведав все, что тебе надо было выведать. Теперь ступай, предавай меня. Я готова...

— Оставить тебя в покое? Ты все еще ждешь покоя? Покой отныне не для тебя, государыня! Нечего сказать, приятный покой — отдыхать на трупах тысяч одураченных людей, вошедших в крепость вместе с тобой. И ты со своими двумя служанками ищешь здесь покоя?.. Знаешь ли ты, государыня, что делается вокруг?

— Знаю, — ответила взволнованная царица.

— Ты не все зиаешь. Послушай, какне иитересные новости я сообщу тебе. Меружан творнт чудеса. Ты отняла у него любнмую им Вормиздухт, а он отнял у тебя — сосчитай-ка — сколько душ? Ои вступил в город Ван н разрушил его. Взял в плен семнадцать тысяч армян н пять тысяч евреев...

— Не пощаднл даже своих собственных горожан?— прервала царнца.

— Да, не пощаднл за ту обиду, которую ему нанеслн его горожане во время нападения Гарегина Рштуни. Но это еще не все, государыня. Из Вана Меружан отправнлся в город Зарншат областн Алновнт, взял в плеи десять тысяч армян н четырнадцать тысяч евреев. Оттуда он пошел на город Зарехаван области Багреванд, взял в плеи пять тысяч армяи н восемь тысяч евреев. Оттуда пошел на город Ервaидашат области Аршаруник, взял в плеи двадцать тысяч армян и тридцать тысяч евреев. Затем иаправился в город Вагаршапат области Айрарат, взял в плен девятиадцать тысяч армян, перебил взрослых и пощадил лишь женщин и детей. Оттуда пошел на город Арташат, взял в плеи сорок тысяч армян и девять тысяч евреев. Затем иаправнлся к городу Нахчеван области Гохтаи, взял в плеи две тысячи армян и шестиадцать тысяч евреев. Вндишь, государыня, всех их ои плеиил взамен одиого человека — Вормиздухт.

— Что же он с иимн сделал? — в ужасе спросила царица.

— Часть из ннх Меружаи держит иа правом берегу Аракса протнв Арташата, а большую часть — возле Нахчеваиа. Он ждет лншь тебя, государыия, чтобы отправить вместе с твоим иародом в глубь Персин. Он скоро явится и пригласит тебя в путь.

— И это радует тебя, наглец? Этнм ты отвечаешь иа все те милости, которымн мой царствеиный муж осыпал тебя? Благодаря ему ты поднялся из неизвестиости и дошел до самых высоких должиостей. Неблагодарный! В самый тяжелый, тревожный момеит для родины, вместо того чтобы защнщать ее, ты протянул свою нзмеиническую руку врагу. Тебе было поручеио имущество царя, его семья, н ты, еслн бы имел хоть каплю чест-

ности, должен был бы положить свою жизнь за них, а ты радуешься несчастью, постигшему царский дом. Этого мало! Ты осмеливаешься своими гадкими устами поносить меня и твоих благодетелей Аршакидов! Да! Их следует порицать за то, что они удостоили таких высоких должностей столь подлое и низкое существо, как ты!

— Эти должности достались мне по праву, государыня. Это наследственная привилегия моих предков, — холодно ответил Мардпет. — Кто бы посмел уничтожить княжество Мардпетакан?

— Мой царственный супруг.

— Да, он стремился к этому... Он хотел уничтожить все нахарарство, но уничтожил только самого себя. Однако оставим это! Я не скрываю, государыня, своей ненависти ко всем Аршакидам и своей радости, что ты наконец будешь наказана. Все эти бедствия — результат твоего упорства. Если бы ты, когда царь Шапух приглашал тебя в Персию, приняла его приглашение, если бы ты, когда Шапух осадил крепость, сдала ее без боя, не произошло бы всех этих бед. Тебя увезли бы в Персию и заключили вместе с твоим царственным супругом в крепость Ануш, и на этом все кончилось бы.

— И ты воображаешь, что династия Аршакидов прекратилось бы! — воскликнула царица в глубоком волнении.

— Да, государыня! Она должна прекратиться. Чаша терпения переполнилась, и наступил час возмездия...

При этих словах Хайр Мардпета глаза царицы зажглись огнем ненависти; она бросила угрожающий взгляд на изменника и ответила со строгостью в голосе:

— Пусть это не радует тебя, негодяй! Пусть не торжествуют и твои гнусные единомышленники! Если Меружан превратил в развалины мои города и увел в плен жителей, то от этого Армения еще не опустеет! Если он возьмет меня в плен и заключит в крепость Ануш вместе с моим супругом, то от этого династия Аршакидов не прекратится! Я готова. Я знаю, что ты, уйдя отсюда, сообщишь, как предатель, персам, что крепость безлюдна. Иди, сообщай! Пусть явятся и захватят меня! Я не боюсь ни смерти, ни заключения. Но прибудет наследник престола Армении — мой сын, да, он приедет

из Византии и отомстит злодеям и за отца и за мать.

На холодном лице Мардпета появилась саркастическая улыбка.

— Не утешай себя этой надеждой, государыня, — сказал он, иронически покачивая головой. — В тебе говорит огненная кровь сюнийки и безудержное высокомерие Мамиконянов. Послушай, государыня! Тяжкие грехи, обременяющие твою душу и душу твоего царственного супруга, никогда не допустят, чтобы Армения была спасена вами и чтобы трон Аршакидов снова был восстановлен. Повторяю, чаша справедливой мести переполнилась, и наступил час возмездия. Бог требует от вас ответа за пролитую кровь принесенных в жертву людей. Я не чужой, мне известны все преступления, которые совершались в вашем дворце. Я видел и молчал, потому что боялся твоего супруга. Ты сама, государыня, только с помощью убийства получила титул царицы. Как сейчас, стоит перед моими глазами несчастная Олимпиада, которую ты велела умертвить. Ее смертью ты заплатила за царский венец. А сколько таких же несчастных принесены в жертву твоим страстям и твоему тщеславию? Ты скрылась в этой крепости в надежде, что крепость спасет тебя. Но видишь, тебя постигла божья кара. То, чего не мог уничтожить меч врага — множество людей, что так храбро сопротивлялись врагу, — оказались уничтоженными по воле бога чумой и голодом. Да и должна ли эта крепость быть тебе оплотом? Вспомни, кому она принадлежала! Каждый ее камень обагрен кровью несчастных Камсараканов, которых повелел перебить твой супруг и родовое имущество которых он незаконно захватил. Души их вопиют перед богом, требуя справедливости и возмездия!

И он стал подробно перечислять все прегрешения ее и царя Аршака, сказав под конец:

— Вот они, все доблестные подвиги Аршакидов. Этот нечестивый дом должен быть разрушен, и только тогда Армения обретет спокойствие.

— Под игом персов?..

— Да! Под игом персов, которое все же легче, чем невыносимый деспотизм Аршакидов.

— Вон, злодей! — закричала царица, вскакивая с си-

дения. — Если царь и царица проливают кровь, то это не преступление, они, как и боги, имеют на это право. Они это делают ради блага людей. Изымают дурных, чтобы спасти хороших...

Ее громкое и грозное восклицание разбудило служанок. Шушаник и Асмик, как два гневных ангела, вбежали в комнату и, направив на дерзкого посетителя свои стрелы, закричали:

— Позволь нам, царица, убить этого негодяя!

Хайр Мардпет улыбнулся, посмотрел на юных девушек и покинул зал.

* * *

Едва забрезжило утро, едва весело защебетали птицы, как воздух огласился иными звуками — дикими, грозными. То были оглушающие звуки труб и барабанов у самых стен крепости.

Заслышав их, царица сразу поднялась со своего места.

После ухода Хайр Мардпета она всю ночь не сомкнула глаз. В печальном раздумье сидела она и ждала. И вот наступила роковая минута.

Но царица была уже готова ко всему. Ее сердце было умиротворено, совесть спокойна. Она боролась за спасение страны в меру своих сил. Остальное она возлагала на волю провидения. Медленными шагами направилась она в угол комнаты и опустилась на колени. Подняв к небу полные слез глаза, скрестив руки, она надолго забылась в молитве. Она молилась, как осужденный в последние минуты своей жизни. Ей хотелось поговорить с богом и излить перед ним все свои желания и мольбы.

Молитва успокоила и утешила ее взволнованное сердце. Она вытерла слезы и поднялась с колен. В последний раз грустным взором окинула она свой пышный чертог, любимые предметы, которые скоро должны были стать добычей персидских воинов.

Затем она прошла в опочивальню, где спала царевна Вормиздухт. Подошла к постели. Ей было жаль нарушить сладкий сон прелестной девушки. Стоя неподвижно, она молча смотрела на нее. Вспоминала ее ноч-

ной разговор и радовалась. В комнате было жарко, и царевна разметалась, откинув легкое одеяло в сторону. Ее пышная грудь обнажилась, завитки изящных кудрей рассыпались по прекрасному лицу. Царица наклонилась и поцеловала раскрасневшееся личико. Девушка не проснулась. Стоя, долго продолжала царица разглядывать девушку. Но какое-то смутное чувство вдруг всколыхнуло ее успокоившееся было сердце. Ее большие глаза вспыхнули и по спокойному лицу пробежала судорога. Дрожащей рукой она прикоснулась к своему пылающему лбу и прислонилась к стене, чтобы не упасть. Так оставалась она несколько минут. Ее злоба постепенно разгоралась, ее смятенное сердце билось все мятежнее. «Она не должна принадлежать этому злодею!»— прошептала она, приближаясь к постели. И снова с ужасом отвернулась, прислонившись к стене.

«Нет! Нет!.. — подумала она после долгих колебаний, — этой кровью я не обагрю своих рук. Правда, я поклялась, что Меружан, переступив порог моей крепости, увидит повешенный труп любимой девушки. Но чем виновато это невинное существо? Пусть она живет и пусть мучает Меружана. Нет наказания более жестокого и тяжкого, чем отвергнутая любовь. Пусть Меружан, совершивший ради этой девушки столько преступлений, вдруг убедится, что Вормиздухт его ненавидит и отказывает ему в любви. Она мне это обещала, и я убеждена, что она исполнит свое обещание».

Она разбудила царевну.

— Я знаю, почему ты так рано разбудила меня, дорогая матушка, — весело сказала Вормиздухт. — Мы ночью условились с тобою, что сегодня отправимся на охоту вместо Шушаник и Асмик.

Она не забыла ночного разговора.

— Нет, милая Вормиздухт, — грустно ответила царица. — Сегодня охотиться будут за нами. Охотники уже пришли и стоят у ворот. Слышишь звуки труб?

— Слышу... — смутившись ответила девушка. — Что это значит?

— Враги поняли, что крепость беззащитна! Они пришли, чтобы занять ее...

— Меружан?

— Да, Меружан!

Царевна, точно обезумев, вскочила с постели и лихорадочно стала одеваться. С непокрытой головой, с распущенными волосами она хотела бежать к воротам крепости. Но царица удержала ее.

— Куда ты?

— Проклятый Меружан пришел взять крепость. Войско моего брата не посмеет ослушаться приказаний сестры. Я пойду и прикажу им...

— Что прикажешь?

— Вот ты увидишь, матушка!

Шум и движение снаружи все усиливались, беспорядочные крики оглашали воздух. Тысячи голосов кричали: «Откройте!»

— Я не открою перед ними ворот моей крепости, — сказала царица с презрением. — Они не достойны такой чести, пусть ломают.

Она все держала царевну за руку, не позволяя ей уйти.

— Напрасны твои старания, дорогая Вормиздухт, — сказала она, обнимая ее. — Положись на волю божью, — будь что будет!

Шум разбудил Шушаник и Асмик. Они с воплями бросались из стороны в сторону, не зная еще, что случилось.

В ту минуту, когда взошло солнце и лучи его ярко осветили окрестности, тяжелые ворота крепости рухнули, разъяренная толпа ворвалась в крепость. Персы с дикими криками устремились прямо к царскому дворцу. Впереди гордо ехал Меружан Арцруни, рядом с ним один из персидских полководцев.

В этот момент царица и Вормиздухт прошли в большой парадный зал дворца.

— Дай я поцелую тебя, дорогая Вормиздухт, — сказала царица грустно. — Настал час, когда немилосердной судьбе угодно нас разлучить...

Царевна упала в ее объятия и воскликнула:

— Нет, мы не расстанемся, я пойду за тобой всюду, куда тебя поведут!

Многочисленные помещения дворца наполнились воинами. Искали царицу и царевну. Дворец сотрясался от разноголосых криков. В залу, где находилась цари-

ца и Вормиздухт, вбежали Шушаник и Асмик с выражением ужаса на лицах.

— Пойди, Асмик, скажи им — ты ведь самая смелая, — что мы здесь, — приказала царица.

— Ни за что, царица!..— с плачем отказалась служанка.

— Ну, тогда ты, Шушаник!

— И я не предам свою государыню! — рыдая, ответила девушка. Обе служанки обняли ноги любимой царицы, целовали, ласкали ее и со стоном причитали: «Ах, тебя уведут! Ах, нас разлучат с тобою!..»

Царица удалила их, когда в соседней комнате раздались тяжелые шаги. Она спокойно поднялась на свой пышный трон и усадила возле себя царевну.

В залу вошли Меружан Арцруни, персидский полководец и толпа телохранителей. На довольном лице Меружана сияла радость.

Он вышел вперед и, положив свой меч к ногам царевны, произнес следующие слова:

— Все это совершилось ради твоего освобождения, из-за любви к тебе, прекрасная Вормиздухт. Армянская царица держала тебя в плену. Чтобы освободить тебя, я взял ее крепость и уничтожил ее огромное войско. Надеюсь, ты почтишь этот меч: он не щадил себя ради твоей чести и твоей жизни.

Прекрасные глаза царевны вспыхнули пламенем гнева. Она ничего не ответила и даже не удостоила Меружана взглядом. Отбросив меч ногой, она обратилась к персидскому полководцу.

— Как твое имя?

— Аланаозан, раб твой, — ответил тот кланяясь.

— О, Аланаозан! Повелеваю тебе именем брата моего царя царей, удали отсюда этого человека, — она с чувством отвращения указала на Меружана Арцруни,— он не смеет видеть моего лица. Прикажи приготовить нам носилки: армянская царица и я, мы вместе отправимся в Тизбон к моему брату.

Полководец в знак покорности дважды поклонился и ответил:

— Приказание всеславной царевны Персии будет исполнено, как выражение ее воли.

Меружану показалось, что дворец обрушился ему на голову и он лежит, погребенный под его обломками.

Он был так поражен, что утратил все свое величие и не нашелся даже, что ответить, когда персидский полководец, его подчиненный, взял его за руку и вывел из зала.

Царица взглянула на Меружана. Ей стало жаль его.

На следующий день царица и царевна под охраной Аланаозана направились в Персию; вместе с гонимой из отчизны госпожой ехали и ее служанки.

После этого целых девять дней и девять ночей персидские войска расхищали сокровища царя Аршака, собранные в крепости. Там же находились богатства и ее защитников, погибших от чумы и голода. Опустошив крепость, персы сожгли прекрасный Артагерс.

I. Утро равнины Айрарата

> *А в это время Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян разрушили эти города, пленили их жителей... Из всех этих гаваров, краев, ущелий и стран вывели они пленных, пригнали всех в город Нахчевач, который был средоточием их войск.*
>
> Фавсгос Бузанд

Было утро, лучезарное утро равнины Айрарата.

Под первыми лучами солнца белоснежные склоны Масиса ослепительно сияли розовым блеском. Венценосной вершины Арагаца не было видно. Она была окутана белым, как снег, туманом, точно стыдливая невеста, лицо которой скрыто под непроницаемым покрывалом. Зеленеющая равнина, покрытая жемчужинами утренней росы, переливалась нежнейшими цветами радуги. Дул легкий зефир, цветы улыбались, зеленая мурава шевелилась волнами.

Прекрасно было это утро.

Птицы весело перепархивали с куста на куст. Пестрые, как цветы, бабочки мелькали в воздухе. Белый

аист, вытянув красные голени, размахивая широкими крыльями, спешил к болотам Аракса. Ручные олени, дикая газель и серна вышли из лесов царя Хосрова и свободно резвились на лужайках.

Не было видно лишь человека.

Каждое утро звуки серебряных труб, лай борзых, ржанье горделивых коней нарушали утренний покой зверей в их логовищах. Лютый вепрь в ужасе бросался в темные заросли камыша, а мохнатый медведь искал убежище в лесу. Но в это утро отсутствовали те, чьи охотничьи забавы придавали богатой дичью равнине особое оживление, — отсутствовали охотники, сыновья нахараров.

Ежедневно на рассвете птицы начинали свою утреннюю мелодию, и с ними вместе пел свою песню трудолюбивый земледелец. Сверкала коса, кипела работа, и золотая жатва, щедрая плодами, вознаграждала труд изможденного шинакана. Но в это утро не было жнеца, не было и землепашца. Созревшая нива оставалась неубранной, и неутомимая соха валялась без пользы у еще не пройденной борозды.

Каждое утро с первым звуком церковного клепала просыпался пастух. Сладостное блеяние овец, звонкая перекличка молодых бычков оживляли покрытые густой травой луга. Но в это утро не было ни пастухов, ни стад. Рассеянные по горам и долинам ягнята бродили и, будто потерявшие пастыря сироты, казалось, сами искали пастуха.

Каждое утро, когда всходило дневное светило, оно своими первыми лучами приветствовало труд крестьянских девушек. В красных, желтых, голубых платьях, точно красные, желтые и голубые цветы, они пестрели в садах, огородах и на полях. Пели и работали. Их песне вторил соловей. Но в это утро сады были беспризорны, поля потеряли своих дорогих неустанных работников.

Солнце поднималось, и чем выше оно всходило, тем все сильнее обширная Араратская равнина, как грандиозная кадильница, распространяла благоухание раннего утра. Долина дымилась, испаряя влагу,— украшенная росою зелень возвращала небу полученные от него жемчужины.

Дымились густо разбросанные по равнине деревни.

Но этот дым не походил на тот мирный голубоватый дымок, что каждое утро змеевидными столбиками вился из куполообразных отверстий деревенских лачуг. Этот дым, подобно черному туману, окутывал деревни, и временами из его темной гущи сверкали огненные языки.

Дымились и великолепные города: чадил Двин, Арташат, дымился Вагаршапат и монастырь Эчмиадзин. Непроницаемый дым затмевал светозарную прелесть Араратской равнины. Всюду царила печальная, бездонная пустота. Пусты были города, пусты были села, опустели и дороги. Казалось, дыхание смерти пронеслось по этой чудесной равнине и уничтожило всех людей.

Но вот по дороге к Арташату поднялась пыль. Ехал конный отряд. Богатая сбруя коней и богатое вооружение всадников говорили о том, что эти люди не простые путники. Впереди ехал молодой стройный воин, за ним — остальные.

Вот они достигли полуразрушенных стен города Арташата. Здесь молодой всадник остановился; печальным взором окинул он разрушенный и все еще дымившийся город и, повернув в сторону, направился по дороге к Таперскому мосту. Он ехал из очень далеких мест. Много таких сгоревших, опустошенных городов встречал он на своем пути. Это и было причиной того, что его нежное сердце точно окаменело, его горячие чувства как будто остыли и в его грустных глазах не осталось даже слез, чтобы пролить их над несчастным Арташатом.

Таперский мост был единственной переправой со стороны Арташата на правый берег Аракса. Всадник доехал до моста, но не переехал через него. Он кого-то ждал и в молчаливом раздумье смотрел на реку.

Солнце все еще сияло, цветы пестрели, птицы продолжали петь утренние песни. Среди общего спокойствия природы взволнован был только Аракс. Словно скорбная мать, потерявшая своих детей, бурлила мутная река, ревела, стонала, заливая зеленые берега. Как страшное чудовище, с пеной у рта, мчалась разъяренная река вперед и точно стремилась сожрать, поглотить того злодея, чья безжалостная рука выжгла и превратила в пустыню великолепные города и селения, украшавшие ее чудесные берега. Гигантский мост еле сдержи-

вал ее ярость, сжимая волны своими многочисленными сводами.

По ту сторону моста на правом берегу Аракса, на ровной зеленой поверхности луга, раскинулось множество палаток. Вокруг них паслись косяки лошадей, мулов, стада слонов и верблюдов. Роскошная трава служила обильным кормом для этих животных. Там был расположен огромный стан. Молодой человек глядел в сторону его.

На противоположном конце моста показался воин, бежавший с длинным копьем в руке прямо к группе прибывших с молодым человеком всадников.

— Наконец-то ты, Малхас! — воскликнул молодой всадник, обращаясь к воину. — Скажи, какие новости?

— В стане нет ни князя Мамиконяна, ни Меружана Арцруни, — ответил Малхас.

— Так где же они? — спросил молодой человек. На его грустном лице показались признаки нетерпения.

— В главном персидском стане, расположившемся возле Нахчевана.

— А это чей лагерь?

— Здесь собраны пленные из Двина и Арташата.

— Кто начальник этого стана?

— Персидский полководец Зик.

Молодой всадник был Самвел; он разыскивал своего отца и Меружана Арцруни.

— Следуй за мной, — приказал он Малхасу и повернул коня к нахчеванской дороге. За ним последовал его отряд.

Самвел искал отца и дядю. Искал так, как колеблющийся в нерешительности человек, устав от жизни, ищет яд и утешается, когда его не находит.

Такую нерешительность испытывал Самвел с того дня, когда он оставил мать, выехал из Вогаканского замка и направился в стан отца. С того дня минуло много месяцев, прошел год и даже больше. Сколько печальных событий, сколько несчастий произошло с тех пор! А он бесплодно потратил это драгоценное время, не принимая участия в сражениях, не разделяя славы товарищей. Мысль об этом еще больше удручала его чувствительное сердце.

Но все же это время не пропало для него даром.

Он вел войну внутреннюю, нравственную войну с самим собой. И это было гораздо страшнее, чем война с оружием в руках. Он воевал со своей совестью и с собственным сердцем. Он наносил и получал раны. И, наконец, молодое сердце не выдержало этой борьбы: тяжелая болезнь уложила Самвела в постель. После событий при взятии Вана, увидя мученическую смерть несчастной Амазаспуи, он тяжело заболел; его в бесчувственном состоянии отвезли в Андзевацикский монастырь, который ютился в неприступных горах и был вдали от шума войны. Там его лечили монахи. С ним не расстались его верные слуги, которые всячески заботились о том, чтобы восстановить здоровье молодого князя. И все же несколько раз он был на пороге смерти. В монастыре он жил в полном неведении; окружающие всячески старались скрыть от него все, что творилось тогда в Армении. Но больной во время горячечного бреда постоянно говорил об Армении и расспрашивал о ней.

Ни отец, ни мать не имели о нем сведений и очень беспокоились. Беспокоились о нем и друзья. Некоторые думали, что он погиб. При таких тяжелых обстоятельствах можно себе представить печаль княжны Рштуникской — Ашхен, всей душой, всем сердцем преданной своему возлюбленному. Она разослала во все концы страны людей на поиски Самвела.

Но судьба пощадила больного, пощадила ради большого дела, которое в будущем должно было послужить примером для других. Как только больной немного окреп, он немедленно оставил монастырь и снова пустился в путь. Он уже знал обо всем. Ему успели рассказать, что случилось в его отсутствие и в каком положении были дела. Собрав сведения, он составил твердый план действий. Не теряя времени, прежде всего заехал в Хадамакерт, в вотчину князей Арцруни, и переговорил там с княгиней Васпуракана, матерью Меружана. Затем он направился к князю Гарегину в Рштуник. Оттуда — к горским жителям Мокка и Сасуна для свидания с их князьями. Какова была цель этих посещений, будет видно из дальнейшего. Он не заехал в Тарон, в область Мамиконянов, избегая встречи с матерью. Он прямо направился в Айрарат, где надеялся встретить отца и Меружана. При нем находился его до-

рогой дядька, старый Арбак, и родич, юный Артавазд. С ним были и верные слуги. Он проехал мимо целого ряда пепелищ, оставленных его отцом и дядей. По пути он был свидетелем всех бед и зол, совершенных этими людьми. Но при вступлении в Араратскую равнину и при виде тех разрушений, которые он там застал, страдания Самвела дошли до предела. Совершившиеся события были столь ужасны, что окончательно укрепили в нем то смутное решение, которое уже давно зародилось в его сердце. Он жалел только о том, что слишком запоздал. Теперь уже было почти невозможно исправить огромный ущерб, нанесенный стране. Это сознание повергло его в безутешное горе.

Вечернее солнце еще не зашло, когда всадники быстрым галопом доскакали до Нахчевана. Стоявший на высоком, живописном холме когда-то веселый город Гохтанской земли теперь представлял собой груду развалин. Огонь уничтожил дома, меч врага уничтожил людей. Оставшиеся в живых были взяты в плен.

У западного подножья города на широкой равнине, которая тянулась вплоть до левого берега Аракса, расположился главный стан персов. Самвел оставил безлюдный город и направился со своим отрядом прямо в стан. Из всех шатров, раскинувшихся на равнине, выделялись два больших шатра, стоявшие на возвышении друг против друга. Один из них был голубого цвета, и над ним развевалось знамя с изображением крылатого дракона, другой был пурпурового цвета с орлом на знамени. Самвел направил своего коня ко второму шатру.

Подъезжая к стану, Самвел приказал затрубить, из лагеря ответили тем же. Довольно скоро к ним подъехал один из начальников, окруженный телохранителями, и встретил прибывших.

— Я сын Вагана Мамиконяна, — сказал Самвел, — проводите меня в шатер отца.

Его провели к пурпуровому шатру. Направляясь к нему, Самвел жестоко страдал. Он проходил через тот варварский стан, который в течение нескольких недель обратил в прах самую прекрасную часть Армении. Он проходил мимо тех несчастных пленных, которые еще недавно были счастливыми сынами этой страны. Бес-

конечно горькие минуты пережил он, пока достиг шатра отца. Как он встретится с отцом? Как посмотрит ему в лицо? Эти вопросы ужасали его больше, чем окружавшие его печальные картины.

Призвав на помощь все самообладание, он соскочил с коня и быстро вошел в шатер. Люди его остались у входа.

— Ах, Самвел, дорогой сын! — воскликнул смущенный отец и прижал его к своей груди.

Несколько минут оставались они в безмолвном объятии. Отец не верил своим глазам: так радостно поразило его неожиданное появление сына. Он то рыдал, как ребенок, то целовал его и от сильного волнения не мог вымолвить ни слова.

Он взял за руку любимого сына, повел его к роскошному сидению и усадил рядом с собой. Отец не видел сына с того дня, как отправился в Тизбон. С тех пор прошли годы. Самвел за это время возмужал, похорошел, стал настоящим мужчиной. Отец разглядывал его и не мог налюбоваться.

— Самвел!.. Дорогой Самвел!.. — все время повторял он и принимался опять обнимать его, покрывая побледневшее лицо сына поцелуями.

Самвел находился под воздействием какой-то бури страстей, и ему казалось, что его снова охватывает лихорадочная дрожь. Отец, объясняя это состояние взволнованностью, долгое время не выпускал дрожащие руки Самвела из своих ладоней, продолжая с глубоким восторгом разглядывать сына. Его душу охватило бескрайнее чувство блаженства: он был счастлив, что имеет такого красавца сына.

— Ах, если бы тебя хоть раз увидел царь Шапух! — проговорил он с искренним восхищением.— С таким благородным лицом и с такой статной фигурой ты несомненно был бы назначен начальником всей армянской конницы.

Эти слова были сказаны столь неожиданно, что привели Самвела в себя, и он решил объяснить отцу свои намерения так, чтобы себя не выдать.

— Я еще слишком молод для такой высокой должности, дорогой отец,— сказал он, принужденно улыбаясь.

— Ты очень скромен, Самвел, посмотри на себя со

стороны, глазами своего отца, и ты увидишь, что я прав. Ты приведешь в восторг весь персидский двор, если хоть раз там появишься. Достаточио тебе выступить на конском состязании на большой площади Тизбоиа, чтобы царь Шапух поглядел на тебя из высоких окон своего дворца, и тогда все самые горячие мечты твоего отца осуществятся...

— Откуда ты знаешь, дорогой отец, что я силен в конном ристании?

— Мать твоя постоянно писала мие, дорогой Самвел. Писала о твоих успехах в стрельбе из лука и в воеиных упражнениях, писала о твоей храбрости и этим радовала тосковавшее по тебе сердце отца. Я утешался на чужбиие, думая о том, что я отец достойиого сына. Ах, я так увлекся, что забыл спросить, кто прибыл вместе с тобой?

Самвел иазвал своих спутииков. Отец распорядился, чтобы всех их разместили в подобающих шатрах.

Затем ои сиова обратился к сыиу: стал расспрашивать о матери, о сестрах и братьях, расспрашивал, как мать готовится к приему гостей и с особым иитересом старался разузиать, как смотрят в Тароие на их «дела», каково настроеиие жителей и т. д. Самвел отвечал на вопросы либо предположеииями, либо давал неопределениые и двусмыслеииые ответы, которые не вполне удовлетворили Вагана Мамикоияна.

— Разве у тебя иет для меия письма от матери? — спросил ои.

— Как же! — Самвел достал из-за пазухи письмо и передал его отцу.

Отец взглянул иа дату и удивился.

— Это письмо иаписано давио, дорогой отец, — сказал Самвел и стал рассказывать ему о своих злоключеииях, о том, что он тяжело болел, долго иаходился в Андзевацикском моиастыре и т. д. Ои только скрыл, что по выздоровлеиии ездил по разиым местам и виделся с разными людьми.

— Ты поступил опрометчиво, — с горечью заметил отец. — Ты так долго пролежал больной в каком-то иезиачительиом моиастыре, ие оповестив ии меия, ии мать...

— Я пытался, но мои люди ие доходили до места.

Знаешь, отец, какие бурные времена были. Людские головы падали, как листья с деревьев...

Самвел действительно дал знать о своей болезни, но не отцу и матери, а своим друзьям, находившимся в это время в крепости Артагерс, осажденной войсками отца и Меружана. Его люди не смогли проникнуть в крепость, и потому друзья Самвела остались в неведении относительно его судьбы. Отец был очень опечален сообщениями сына и, обняв его, воскликнул:

— Бог снова возвратил мне тебя, бесценный сын, благодарение и слава ему!

Письмо княгини, хотя и давнишнее, все же очень заинтересовало Вагана. Он немедленно стал читать его, предложив сыну умыться в соседней палатке и стряхнуть с себя дорожную пыль. Толпа слуг, пышно одетых, была готова к услугам. Все они родом были персы и Самвела не знали. Его отец не держал теперь слуг армян, да и ни один армянин не пожелал бы служить у него. Оставив отца одного, Самвел вошел в палатку, где были приготовлены принадлежности для умывания.

Шатер отца представлял собой подвижной дворец со всеми удобствами. Искусство того времени придало ему подобающий вид и красоту. В знак высокого знатного происхождения, снаружи он был пурпуровый, а внутри светло-лиловый. Множество входов вели в разные отделения, которые имели форму обособленных палаток и были предназначены для разнообразных нужд. Взамен дверей висели шелковые занавеси, края которых были украшены пестрыми кистями. Занавеси висели на толстых шнурах, имевших такие же кисти из золотых ниток. Все это сооружение в духе персидской роскоши стояло на золоченых столбах, украшенных цветными рисунками тончайшей работы. Десять мулов с трудом перевозили его в сложенном виде. Чтобы поставить такой шатер на место или, наоборот, разобрать его, требовался целый день работы. Поэтому шатер перевозился за день на следующую стоянку, чтобы возможно было собрать его к нужному времени.

Шатер был установлен на довольно высокой земляной насыпи, чтобы уберечь его от потоков воды во время дождей, довольно частых в весенний период. Из шатра виден был весь стан, раскинувшийся на очень

большом пространстве, вплоть до берегов Аракса. В вечернем сумраке на другом конце стана едва выделялся шатер видного персидского полководца Карена. На куполообразной вершине его развевались персидские знамена. А против шатра князя Мамиконяна стоял голубой шатер Меружана с крылатым драконом на знамени.

Когда Самвел, умывшись и сменив одежду, вернулся к отцу, тот все еще продолжал читать полученное письмо. Чтобы не мешать, сын молча сел в стороне и стал наблюдать за отцом. Лицо у Вагана было невеселое. То было не письмо, а обширный доклад, в котором осмотрительная мать Самвела подробно сообщала мужу о состоянии «дел» в Тароне и, между прочим, советовала «не очень доверять Самвелу»... Этот совет жены показался князю очень странным. Ему, знатному вельможе и отцу, трудно было даже представить себе, что его сын может иметь собственную волю и собственные желания. Он все еще смотрел на Самвела, как на недавнего ребенка, не замечая, что тот уже вырос и возмужал, имел свои убеждения. Свой деспотизм знатного вельможи он распространял и на сына. Поэтому в своих делах он перед сыном не чувствовал никакой ответственности. Он был убежден, что все сделанное им или то, что он намерен сделать, должно быть приятно сыну именно потому, что это исходит от отца. Ему и в голову не приходило, что сын может осудить отца. Почему же не доверять Самвелу?

Он смотрел на события с личной точки зрения. Если разрушены города и сожжены селения, если взято в плен множество жителей и кровью залиты поля и нивы родной страны, то ведь все это содеяно не ради злодеяния, но ради известных, заранее продуманных политических целей, последствия которых должны быть блестящими. И если бы отец достиг желаемых результатов, то для кого были предназначены все эти блага, как не для сына, кто должен был ими воспользоваться, как не сын? Так именно размышлял отец, таковы были суждения честолюбивого князя, и потому ему показалось весьма странным предупреждение жены, что следует «не очень доверять Самвелу». Почему не доверять? Неужели Самвел настолько еще незрел, чтобы не по-

нять добрых намерений отца, в осуществлении которых заключалось счастье самого Самвела?

Но сын думал иначе. Славу, добытую на развалинах родины, он расценивал как измену родине. Не читая письма матери, он догадывался о его содержании. Поэтому он хорошо понял волнение отца, тщательно от него скрываемое, с которым тот закончил чтение письма. Но сыну следовало приспособиться к отцу, нужно было временно лицемерить и притворяться, как ни тяжело было ему это.

Вечерняя темнота совершенно окутала стан. В шатре князя Мамиконяна зажгли фонари. В остальных палатках лагеря тоже забрезжили огни. Настроение Самвела еще более омрачилось. Он желал бы, чтобы совсем не было света и все погрузилось в вечный мрак, потому что ему не хотелось видеть этот ненавистный стан, беспощадно терзавший его душу. Окрестности были окутаны густым мраком, и всюду царила могильная тишина. Только ужасный стан в ночной тиши дышал, подобно чудовищу смерти. Наступил час ужина. Стан, как неподвижный дракон, готовился к еде, чтобы с еще большей яростью творить назавтра свои ужасы. Воины сидели под открытым небом у костров и готовили для себя пищу. Походные же кухни военачальников благоухали приятным запахом изысканных яств.

Из спутников Самвела князь Мамиконян велел позвать к ужину лишь старика Арбака и юного Артавазда, который тоже был из рода Мамиконянов. Когда они вошли, проворный юноша весело подбежал к князю и бросился ему на шею. Старик остался стоять на ногах.

— Ты, должно быть, не ожидал, что я приеду с Самвелом? — сказал Артавазд, поглаживая плечи князя своими беспокойными руками. — Вот видишь, я приехал!

— Ты еще малым ребенком всегда был таким смелым, дорогой Артавазд, — ответил князь, усаживая его возле себя, — теперь же, превратившись во взрослого и красивого юношу, стал, наверное, еще смелее.

Эти слова возбудили тщеславие Артавазда и явились для него поводом спросить:

— У вас в стане найдутся персидские юноши?

— Найдутся! А зачем они понадобились тебе?

— Я приехал с ними состязаться, пусть посмотрят, насколько армянские юноши ловчее персов!

— Это ты докажешь в Тизбоне, дорогой Артавазд, в состязаниях с придворными юношами царя Шапуха.

— Ты возьмешь меня туда?

— Конечно, возьму.

Юноша развеселился.

Бойкий, жизнерадостный Артавазд настолько отвлек князя своей болтовней, что тот только теперь заметил остававшегося стоять на ногах Арбака. Князь обратился к нему:

— Садись, Арбак, почему ты стоишь?

Старик сел, бормоча что-то под нос. Он был одним из самых старых дядек в доме Мамиконянов и воспитателем не только Самвела, но и его отца.

— Как поживаешь, Арбак? — с улыбкой спросил князь. — Все изменились, а ты все такой же, каким я тебя видел несколько лет назад. Ни постарел, ни помолодел!

— Наружность всегда обманчива, князь, — ответил старик со своим обычным простодушием, — а что на душе, то известно лишь одному богу... Волосы мои, правда, не очень поседели, но в душе моей нет уже прежней силы...

— Почему же, Арбак? Что тебя так огорчает?

— Многое, князь. Мир изменился... Все перевернулось вверх дном... И человеческое сердце — тоже... Где они, старые времена?.. Ушли и никогда не возвратятся...

Князь понял скорбь старика и, чтобы не дать ему возможности излить свои чувства, немедленно прекратил разговор, тем более, что вошли слуги и стали накрывать стол к ужину.

Роскошный ужин являлся образцом расточительной персидской кухни и вызвал у всех особое внимание и приступ аппетита. Даже старик Арбак, непривычный к такого рода блюдам, ел с огромным удовольствием. В больших серебряных сосудах были всевозможные напитки. Богато разодетые слуги подносили в золотых кубках сладкое вино, а ужинавшие молча ели и пили. Ел и скорбный Самвел.

— Как тебе нравятся эти кушанья? — спросил отец,

— Да вот ем, — отозвался как-то безразлично Самвел, — ведь я давно не пробовал горячих блюд.

— Почему?

За Самвела ответил юный Артавазд.

— Потому, что все города и села, какие попадались нам по пути, были безлюдны, дома сожжены и все в них уничтожено. Неоткуда было достать еды.

Князь ничего не ответил. Слова юноши были ядовитее всякого упрека.

Самвел за ужином все время молчал. Он ел мало и быстро встал из-за стола. Отец часто обращался к нему, стараясь его занять, спрашивал, почему он грустен. Но получал все те же ответы: «сильно устал», «не спал много ночей», «хотел бы отдохнуть».

После ужина отец приказал приготовить для Самвела одну из своих лучших палаток.

— Мою постель пусть устроят там же, — вмешался Артавазд.

— Я не разлучу тебя с Самвелом, милый Артавазд, — успокоил его князь, обнимая юношу.

Ваган назначил было сыну особых слуг, приказав, чтобы они неотлучно были при нем. Но Самвел отказался, сославшись на то, что он привык к своим слугам, которые знают все его привычки.

— У тебя очень мало слуг, Самвел,—заметил отец.— По персидскому обычаю, ты, по меньшей мере, должен иметь сто-двести слуг, иначе тебе не подобает показываться где-либо. Завтра ты должен навестить дядю Меружана, а также некоторых из персидских полководцев. Разве можно к ним являться с такой ничтожной свитой?

— У меня было много слуг, отец, — сказал Самвел с напряженной усмешкой, — но большую часть из них я потерял в дороге. Я выехал из дому с тремястами слуг, а теперь осталось всего сорок человек.

— Я восполню это число, — сказал очень удовлетворенно отец. — Ты должен вести образ жизни, подобающий достоинству твоего отца и твоего рода.

— А я могу и в сопровождении двух слуг явиться к Меружану, мне много людей не надобно, — наивно вмешался в разговор юный Артавазд.

— Ты можешь отправиться и один, — улыбаясь сказал ему князь.— Ты еще молод. Вот когда подрастешь

и станешь таким, как Самвел, тогда будешь иметь много слуг.

Весь стан уже спал глубоким сном. Фонари погасли, и только в шатрах некоторых полководцев еще виднелись огни. Самвел встал и, пожелав отцу спокойной ночи, отправился в приготовленную для него палатку. Поцеловав руку князя, за ним последовал юный Артавазд. Для старика Арбака была приготовлена отдельная палатка рядом с палаткой Самвела. Там же расположились и остальные спутники Самвела.

Самвел немедленно разделся и лег. Мягкая постель располагала к сладкому сну, но он долго не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок и тихо вздыхал. Рядом лежал юный Артавазд. Он тоже не спал, и тоже был неспокоен.

— Ты очень неосторожен в словах, Артавазд, — заметил ему Самвел.

— Не беспокойся, я свое дело знаю! — ответил хитрый юноша.

Самвел снова замолчал, но сон бежал от его глаз. А в это же время мучился от бессонницы в своей постели другой человек — его отец...

II. Необычайное жертвоприношение

Затем начали (Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян) в стране Армянской разрушать церкви, молитвенные места христиан во всех местах провинций Армении и в разных сторонах.

Фавстос Бузанд

...И если где-либо находил (Меружан) книги, то сжигал.

Мовсес Хоренаци

Всю ночь Самвел провел в лихорадочной тревоге. Он заснул лишь на заре. Но сон его длился недолго — его рано разбудила болтовня Артавазда.

— Вставай, такое ли время, чтобы спать! — сказал

тот, подшучивая как обычно. — Вчера в темноте мы ничего не разглядели. Сейчас взошло солнце и открыло чудесные картины, на которые можно заглядеться и ужаснуться...

Еще до восхода солнца он несколько раз высовывал голову из палатки и разглядывал окрестности.

Самвел открыл сонные глаза, но ничего не увидел, так как занавеси палатки были спущены. Внутри царила еще темнота. Артавазд соскочил с постели и приподнял полу занавеси. Нежные лучи солнца сразу наполнили палатку приятной теплотой.

Вскоре вошел юный Иусик, верный слуга Самвела, и стал убирать постели. Даже этот когда-то беззаботный юноша, под влиянием тяжелых событий и обстоятельств, совершенно утратил свою обычную веселость. Бывало, каждое утро, когда он являлся к своему господину, у него было припасено какое-нибудь веселое известие или остроумная шутка, которыми он разгонял грусть Самвела. В это утро он вошел унылый и искоса взглянул на Самвела, желая удостовериться, в каком настроении его дорогой господин. Затем молча взялся за свое дело. «Опять бледен... опять сердце его неспокойно...» — подумал Иусик и сам опечалился. Окончив свое дело, он молча удалился.

Вошел старик Арбак и, пожелав доброго утра, сел в стороне. Вид у него был печальнее, чем когда-либо.

Самвел уже умылся и оделся, когда старик сообщил ему, что князь Ваган несколько раз присылал людей осведомляться: проснулся ли молодой князь.

— Что ему нужно от меня в такую рань? — спросил Самвел.

— Завтракать приглашает, — добавил старик. — Они люди военные, рано встают и рано едят. Мы должны приноровиться к их обычаям.

— Хорошо, если бы нам сюда подали чего-нибудь.

— Нет, ты должен пойти к отцу, — посоветовал старик.

— Арбак правильно говорит: обычай требует, чтобы мы отправились туда, — смеясь подтвердил юный Артавазд.

Самвел ничего не ответил. В это утро он находился

в мучительном волнении. Он стал молча разглядывать лагерь.

Чем выше поднималось солнце, тем отчетливее вставали под его яркими лучами страшные картины страшного стана. Глаза Самвела остановились на голубом шатре Меружана. Перед шатром возвышалось несколько невысоких холмов. Эти возвышения были сделаны не из камня, не из кирпича и не из земли, а из какого-то странного материала. Самвел долго вглядывался, но никак не мог определить, что это такое. Золотистые лучи солнца играли на темно-красных пятнах, которыми были покрыты холмы. Это была кровь, человеческая запекшаяся кровь!.. По телу Самвела пробежала леденящая дрожь, когда он вгляделся пристальнее: холмы были сложены из человеческих голов, чудовищная скученность которых вызывала ужас.

— Чьи это головы?! — воскликнул Самвел, закрывая лицо руками.

— Чьи головы?.. — повторил старик Арбак. — Головы армянских крестьян, пастухов, земледельцев. За каждую из этих голов Меружан заплатил по золотой монете персидским воинам. Те хватали несчастных крестьян на полях и отрубали им головы. Это самые драгоценные подарки Меружана, которые он собирается преподнести царю царей Персии, хвастаясь, что это головы представителей армянской знати.

И правда, несколько воинов складывали этот преступный дар в большие мешки, которыми нагружались верблюды для отправки в Тизбон.

Выслушав объяснение старика, Самвел остолбенел. Он знал о жестокости отца. Он знал и о дикости Меружана. Но он не мог даже представить себе, чтобы человеческое варварство могло дойти до таких пределов. И это варварство было совершено его дядей, союзником его отца!

— Вот кушанье, каким сегодня утром потчует нас отец! — с горечью промолвил Самвел, и его глаза зажглись глубоким волнением.

Ужасная картина подействовала и на юного Артавазда, из ясных глаз которого градом покатились слезы.

— Зачем нагромоздили эти окровавленные головы?! — воскликнул он плачущим голосом.

— Для показу, милый Артавазд...—ответил Арбак.— Меружан любит наводить ужас, и поэтому эти головы он выставил для устрашения пленных, чтобы те знали, что если они не подчинятся его приказам, то и их головы будут присоединены к этим отрезанным головам.

— Каким приказам? — гневно спросил юноша.

— Приказам отречься от христианства и принять персидскую веру.

— Злодей! — воскликнул потрясенный юноша.

Вне стана, на обширной площади, размещались «дары» — то есть те пленные, которых Меружан собирался отправить в подарок персидскому царю. Это были те самые пленные, о числе которых так издевательски сообщил Хайр Мардпет армянской царице Парандзем, когда он ночью тайно проник в крепость Артагерс. Это огромное число пленных поделили на несколько групп, соответственно их полу и возрасту. Каждая группа состояла из пятидесяти человек. Длинный канат, обвивая шеи пленников, соединял их между собою и образовывал живую цепь. Руки пленников были связаны за спиной, чтобы они не могли развязать узлы. Ни старух, ни стариков не было видно среди этой массы несчастных людей. Не было видно и маленьких детей. Безжалостный меч персов уничтожил их на месте: этот ненужный груз Меружан не пожелал взять с собой и отобрал большей частью молодых.

Пленные лежали прямо на голой земле под открытым небом. Днем они страдали от жгучего солнца, ночью дрожали от холода. Это были армяне и евреи, большая часть которых приняла христианство при Григории Просветителе. Среди пленных евреев находился знаменитый священник Звита; он добровольно последовал за своей паствой. При Тигране II евреев доставил из Иудеи в качестве пленных Барзапран Рштуни. Храбрый полководец Тиграна заселил ими пустующие армянские города и таким образом умножил население своей страны деловым и умным народом. Теперь же Меружан Арцруни, опустошая города, гнал их в Персию. Среди пленных армян было много епископов, ученых, монахов, священников и иных служителей церкви, число которых доходило до нескольких сот. Их всех соединили цепью и отделили от остальных пленников.

Князь Мамиконян опять прислал человека, приглашая сына к себе в палатку, но сын все еще продолжал смотреть на дело рук своего отца и дяди. Надо было быть исключительно хладнокровным, чтобы после этого ужасного зрелища сохранить спокойствие. Самвел не обладал таким хладнокровием. По пути сюда он видел разрушенные города и селения, еще дымившиеся в огне. И вот теперь он увидел их несчастных жителей. Пленных должны были угнать далеко, в глубь Персии. И кто? Его собственный отец и его дядя Меружан!..

Опять пришли звать Самвела. На этот раз он пошел, и вместе с ним отправились старик Арбак и юный Артавазд. Самвел старался казаться веселым, старался, насколько было возможно, выглядеть спокойным. Но напускное спокойствие ему не удавалось. Он застал отца в одиночестве; князь Ваган писал письмо, и, возможно, что это был ответ на письмо жены. Увидя сына, он отложил лист пергамента в сторону.

— Ну, как чувствуешь себя сегодня? Вечером ты был очень неспокоен, — обратился он к сыну.

— Вчера я устал! — ответил Самвел и, подойдя, поцеловал руку отца.

Его примеру последовал и юный Артавазд. Арбак же, сказав «доброе утро», отошел в сторону.

Завтрак был уже подан. Князь пригласил их к столу, сам же сел, чтобы закончить письмо.

Вдали показался всадник на белом коне, величественно проезжавший по лагерю. Отряд вооруженной свиты на прекрасных конях следовал за ним. Самвел увидел его и не мог сдержать смеха. Этот смех звучал настолько ядовито, что привлек внимание отца. Он отложил письмо в сторону и с любопытством посмотрел на сына.

— Меружан немного поспешил,—произнес Самвел.— Еще не стал царем, а замашки у него уже царские...

— О чем ты говоришь? — спросил отец несколько повышенным тоном.

— Да вот... сидит на белом коне... хвост и грива выкрашены розовой краской. Ведь это право принадлежало царям из рода Аршакидов и царской родне!

Отец с удивлением слушал сына. Самвел, посмотрев еще пристальнее на Меружана, добавил:

— И красные шаровары надел!.. И красивые иоговицы!.. Это все не без значения!..

Отец не знал, как объяснить замечания Самвела. Насмехается ли он, или же действительно считает тщеславие Меружана преждевременным.

— А почему это тебя так удивляет, Самвел? — сказал он твердо. — Меружана, в сущности, можно уже считать царем Армении. Как только он доставит в Тизбон эту массу пленных, царь Шапух с великой радостью возложит на него корону Аршакидов.

— Это меня совсем не удивляет, дорогой отец, — ответил Самвел презрительно. — Я убежден, что царь Шапух за такие великие услуги обязательно даст Меружану корону Аршакидов.

— Даст!.. — вставил старый Арбак, слушавший все время с глубоким возмущением. — Даст ему корону Аршакидов... Но ведь возложить на себя эту корону не так-то легко!..

Князь косо посмотрел на простодушного старика и спросил:

— А почему же, Арбак?

— Да потому, князь, что если не сегодня-завтра вдруг появится Пап, законный наследник Аршакидов, он немедленно соберет вокруг себя разбежавшихся нахараров Армении и овладеет пустующим троном своего отца. Вот эта седая голова многое видела, князь, — приложил он руку к голове, — и я предчувствую... Да! Прибудет Пап и займет престол своего отца.

Князь пренебрежительно рассмеялся.

— Правда, голова твоя поседела, — сказал он, — но душа у тебя, Арбак, все еще ребяческая... Предположим, явится еще неопытный, молодой Пап. Положим, он соберет вокруг себя разбежавшихся нахараров. Но что они могут сделать? Ты думаешь, все это не предусмотрено? Меружан не из тех людей, которые сеют на скалах. Он знает свое дело, он обладает довольно большим умом.

Покачивая в знак несогласия головой, старик сказал:

— Пока что я не только большого, но даже малой доли этого ума в нем не вижу. Он желает быть царем Армении и вместе с тем разоряет ту страну и уничтожает население там, где хочет царствовать. Какой

же это ум? Кто он — мраколюбивая сова, что ли, что собирается царствовать на развалинах? Куда он ведет этих пленных и для чего?

Старик пользовался таким большим уважением в доме Мамиконянов, что князь не рассердился на него, но счел необходимым объяснить ему подлинные причины событий и доказать, что Меружан в самом деле умеет предвидеть будущее и соответственно устраивать свои дела.

— Именно в том и сказался ум Меружана, дорогой Арбак, что он опустошил Армению, — ответил улыбаясь князь. — Когда явится Пап, то он не найдет в Армении ни одной знаменитой крепости, ни одного замка, где бы мог защищаться. Все разрушил, все уничтожил Меружан. Уцелевшие крепости находятся под охраной нашего войска. В них расположены персидские отряды. Там содержатся под стражей жены и дети тех нахараров, которые отправились в Византию просить помощи у императора. Лишь только нахарары с византийским войском подойдут к занятым нами крепостям, они немедленно увидят на башнях трупы своих жен и детей. Пусть тогда стреляют в своих родичей! Но если ты спрашиваешь, для чего взяты пленные, то знай, что Меружан взял в плен жителей только тех провинций, которые могли стать опорой для наследника престола Аршакидов. Меружан опустошил лишь Айраратскую и окружающие ее области. А ведь Айрарат—это твердое подножие престола Аршакидов. Необходимо было сокрушить это подножие, чтобы наследник престола при возвращении из Византии не нашел себе опоры и не имел бы твердого основания для престола. Видишь, дорогой Арбак, во всех этих действиях видна цель, заметен ум...

— Но ум злодея! — негодующе воскликнул Самвел.

Отец с изумлением и в то же время гневно посмотрел на него. Самвел почувствовал, что вышел за пределы осторожности. Отец тоже понял свою ошибку. Жена писала ему: «Будь осторожен с Самвелом...» А он сверх меры разоткровенничался перед сыном. С этого момента между отцом и сыном установились какие-то фальшивые отношения.

В течение всей бессонной ночи разгоряченное воображение отца было занято приятными мечтами о том, как

устроить будущность дорогого сына. Он несколько раз в нетерпении выходил из своего шатра и с фонарем в руке подходил к палатке Самвела. Ему хотелось поглядеть на спящего сына, полюбоваться им. Но все же он не решался нарушить его сон. Всю ночь князь думал о сыне и радовался: какие счастливые надежды подавал этот прекрасный, одаренный молодой человек! Он обладал всем, что могло целиком удовлетворить желание отца. Всю ночь князь грезил о той блестящей будущности, которая ожидала Самвела. В нем он уже видел героя и властителя. Он станет украшением персидского двора и славой Армении. Но теперь князя ужаснула мысль о том, что сын не разделяет его заветных желаний. Неужели то, что делает или будет делать отец, может быть не по душе сыну? Князь боялся требовать объяснений; боялся вмиг лишиться тех радостных надежд, которые теплились в его душе. Одно слово отказа могло уничтожить все. Он оказался в том тяжелом состоянии, в каком бывает человек, ожидающий известий о сыне, находящемся при смерти. Получив письмо, человек не осмеливается его вскрыть. В письме либо добрая весть о выздоровлении, либо печальное известие о смерти. А вдруг как раз случилось последнее! Точно так же князь боялся узнать, что происходит в сердце Самвела. А что, если сын сам начнет разговор? Князь избегал этого, предпочитая хотя бы временно упиваться своими сладостными надеждами.

Он любил сына, любил со всей теплотой отеческого сердца. Но любовь эта была столь же эгоистична, сколь себялюбивы были его мечты относительно Самвела. Он смотрел на него не как на свободного, самостоятельного человека, а как на удобное *средство*, с помощью которого он мог прославиться сам. Если бы сын достиг высших должностей, если бы он стал блистать в высших кругах, то весь этот блеск относился бы также и к нему, как к отцу Самвела. Если во время ристания коню присуждается приз, то ведь приз получает хозяин, а не конь. Так себялюбиво смотрел князь и на сына. Такой взгляд установился у него по традиции, унаследованной им от знатных предков. Ведь и сам он когда-то ублажал своего отца, значит и Самвел должен ублажать его. Сопротивление сына лишило бы князя всех тех радо-

стей, которыми он предполагал насладиться в будущем. По этой причине он остерегался возражений сына и всеми силами избегал противодействия, выжидая, что обстоятельства разъяснят ему сомнения.

Последнее замечание Самвела о Меружане было очень резким, но отец, как бы не придав ему значения, обратился к сыну:

— Тебе следует повидаться с дядей, Самвел, и передать ему привет от матери. Он будет очень рад увидеть тебя, ведь он тебя любит. Утром уже он не раз присылал сюда справиться о твоем здоровье, но ты еще спал.

— Значит, он знает, что я приехал? — спросил Самвел.

— Знает и приглашает тебя сегодня к обеду. Там соберутся персидские военачальники. Тебе надо познакомиться с ними.

Вдали проехал Меружан.

— Я готов хоть сейчас отправиться к дяде, но он, кажется, занят...

— Да, он выехал осмотреть стан... сделать некоторые распоряжения... На этих днях мы отсюда уходим.

— А меня не пригласил Меружан? — вмешался в разговор юный Артавазд.

— Конечно, милый, и ты приглашен. Как же можно без тебя! — сказал князь. — И ты будешь на обеде, и Арбак. Мы отправимся все вместе.

— Не стану я есть его хлеб! — отрезал упрямый старик отворачиваясь.

Князь рассмеялся.

Самвел заметил, что их присутствие мешало отцу. В это утреннее время в палатку то и дело входили люди по разным делам, и князь, как высшее должностное лицо, обязан был давать им поручения и распоряжения. Поэтому после окончания завтрака Самвел немедленно встал и хотел было выйти из шатра.

— Тебе будет скучно до обеда сидеть в палатке, Самвел, — сказал ему отец. — Если хочешь, я прикажу оседлать лошадей: поезжайте прогуляться по берегам Аракса. Погода прохладная; там есть красивые места.

— Благодарю, дорогой отец, — ответил Самвел. — Я еще утомлен с дороги, пойду немного посплю.

Придя в палатку, Самвел в изнеможении бросился в

кресло и склоиил на подушку отяжелевшую голову. Бледное лицо его было обращеио к страшиому стаиу, и грустиые глаза устремлеиы вдаль. Он еще ие забыл, да и ие мог забыть, с каким одобрением отец рассказывал о злодействах Меружаиа, участииком которых он был сам. Сомнений больше ие было. Сколько ии думал Самвел, он иикак не мог иайти оправдания ии для отца, ии для дяди. Оба в его глазах являлись преступниками, достойными смерти. А ведь он любил отца, любил и дядю! Он с радостью пожертвовал бы своею жизиью и всем самым дорогим, если бы оии оба отказались от своих преступиых целей. А что если они останутся при своих заблуждеииях? Эта мысль ужасно терзала его душу. Сын думал об отце то же, что и отец о сыие: оба они считали друг друга погибшими, оба считали друг друга заблудшими. Отец искал подходящего повода для объяснений с сыиом, чтобы сообщить ему о своих горячих желаниях. Сыи также искал подходящего случая, чтобы поговорить с отцом и излить перед ним все свои горести. Он спешил сделать это, пока лагерь не снялся с места, пока войско не направилось в Персию. Если бы он отсрочил свое намереиие и войска перешли через Аракс, то все иадежды могли бы рухнуть.

Арбак сидел тут же и молча наблюдал за Самвелом. Бедный старик отличио понимал тяжелое горе несчастного молодого человека, видел как ои страдает и не иаходил слов для утешения.

Тем временем юиый Артавазд стоял у входа в палатку, ие зиая, чем занять себя. Беспокойный, бодрый и нетерпеливый, охваченный безудержным любопытством молодости, он хотел бы птицей облететь в несколько секунд весь стан, чтобы все увидеть, все разузнать. Но такое любопытство могло показаться неприличным и даже подозрительным. Это соображеииe удерживало его.

Но даже стоя у палатки, он видел много иитересиого. В этом стане не было того обычиого радостиого и непринуждениого оживления, какое всегда бывает в военном лагере, когда внутреиняя жизнь его сливается с бытом населения, когда крестьянская девушка,. деревенская женщнна доверчиво и свободио приносят туда для продажи лучшие плоды своих садов, крестьяиии —

лучшие продукты своего хозяйства, а горожанин раскладывает разнообразные предметы своей торговли. Стан в таких случаях принимает вид оживленного праздничного базара. Собирается любопытная толпа, чтобы послушать военную музыку. Ничего подобного здесь не было. Этот стан, как всеуничтожающее тлетворное чудовище, превратил все вокруг себя в пустыню и сам жил в пустоте. Никто к нему не приближался, все избегали его. Он кормился теми хищениями, которые производил своей жадной рукой в окрестностях. Он разбогател на бесчисленных грабежах, которые, как разбойник, совершал в разрушенных им городах.

Но не эти размышления занимали юного Артавазда. Его внимание было отвлечено другим.

Страшные холмы перед шатром Меружана, сложенные из человеческих голов, уже исчезли. Все головы были собраны в громадные мешки и нагружены на длинный караван верблюдов. Но вместо тех холмов теперь делали иное сооружение. Какие-то люди расторопно разбирали и складывали похожие на темно-бурые кирпичи предметы. Странное сооружение становилось все выше, принимая мрачный вид. В основание его клали куски дерева и стружки. Когда сооружение было закончено, оно приобрело вид огромного костра.

Это сооружение привлекло к себе внимание Самвела, он пододвинул кресло к самому входу. Но сколько ни разглядывал, он не мог понять, того, что происходило. Не в меньшей степени был заинтересован и старик Арбак.

— Что это такое? Опять, должно быть, какая-нибудь чертовщина?..— произнес он, покачивая в недоумении головой, и поднес ладонь ко лбу, защищая глаза от солнечных лучей, мешавших ему разглядывать.

Немного спустя воины привели толпу закованных, одетых в черное пленников и выстроили их вокруг костра. То были несколько сот епископов, ученых, монахов и священников. Понурив головы, в глубокой печали смотрели пленные на таинственный костер, в котором через несколько минут должны были сгореть их сердца.

Около них стоял человек в длинной желтой одежде с изрытым оспой сумрачным лицом и толстыми темными губами, готовыми источать проклятия и ругань на

все священное. Он поглядывал своими полными ненависти глазами то на пленников в черных рясах, то на костер. Это был Хайр Мардпет — зловещий Дхак, тайно, как вор проникший в крепость Артагерс и предавший армянскую царицу.

Издали показался белый царь — Меружан на своем белом коне. Когда он подъехал, костер подожгли. Заклубился густой удушливый дым, распространяя вокруг неприятный, едкий запах. Зеленоватые языки пламени поднялись к небу. Огню приносилась ужасная жертва, сжигались священные рукописи христианской веры...

В этот момент в палатку Самвела вошел отец. Сын почтительно поднялся ему навстречу.

— Что там сжигают? — взволнованно спросил он у отца.

— Пергаменты, — ответил тот с безразличным хладнокровием, — а ты не хочешь ли посмотреть? Я пришел за тобой. Пойдем! Это очень интересно.

— Нет, мне и отсюда видно, — отказался опечаленный молодой князь.

— А оттуда пошли бы к Меружану. Я уже говорил тебе, что мы приглашены к нему сегодня на обед.

— Да, я помню... но ведь еще рано: Меружан занят своим костром. Пусть кончит, а я приду позднее. По правде говоря, мои глаза не выносят огня.

— В особенности огня от пергамента... — прибавил старый Арбак, многозначительно качая головой.

Отец, заметив упорство сына и услышав язвительное замечание старика, не настаивал; он вышел из палатки и направился к костру. Юноша Артавазд, все еще стоявший у входа в палатку, побежал за ним.

— Я пойду с тобой, дядя Ваган, я не боюсь огня, — сказал он, — я даже люблю огонь.

Самвел и старый Арбак остались в палатке.

— Как видишь, пергаменты жгут, дорогой Арбак, — обратился Самвел к старику. — Предают огню священные свитки наших разрушенных храмов! Сжигают наши церковные книги и нашу письменность, чтобы превратить нас в персов. А мой отец отправился поглядеть на это зрелище, пошел поразвлечься злодеянием...

И действительно, горевший костер состоял из церковных книг. Это были книги, похищенные из тех церк-

вей и монастырей, которые разрушил и сжег Меружан. Ради исполнения горячих желаний царя царей Персии он разгромил христианские храмы, чтобы на их месте создать капища. В угоду горячим желаниям царя царей Персии он уничтожал теперь армянские рукописи, дабы заменить их персидскими религиозными книгами, чтобы армяне читали по-персидски, молились по-персидски и выражали свои чувства по-персидски.

Самвел знал обо всех этих заранее намеченных хитросплетениях, а теперь своими глазами видел те беспощадные действия, которые должны были облегчить осуществление вероломных целей персидского царя царей. Духовенство уводили в плен, чтобы оставить без руководителей церковь и верующих, чтобы легче было истязать христианский люд. Сжигали церковные книги, чтобы уничтожить религию.

Чаша терпения Самвела переполнилась; он обратился к старику:

— Дорогой Арбак, надо что-то предпринять сейчас же... Время дорого. Опусти занавеси шатра и оставь меня одного. Если кто спросит обо мне, скажи, что у меня болит голова и я сплю. А через час пришлешь ко мне Малхаса.

Старик встал с тяжелым сердцем, опустил занавеси и тут же вышел.

Самвел некоторое время оставался в молчаливом раздумье. Его нежные чувства, его исключительно доброе сердце господствовали над его холодным рассудком. Несколько раз брал он в руки лист пергамента, собираясь писать, и снова бросал. Он приложил руку к своему лбу, горячему, точно в лихорадке. Он старался собраться с мыслями, рассеять тот мрак, ту неясность, которыми было охвачено его сознание. Он встал и немного откинул занавес, чтобы было светлее. Снова сел, взял лист пергамента и перо. Начал медленно писать, обдумывая каждое слово. От ясности изложения этого письма зависело достижение заветной цели, которую он давно уже вынашивал в своем сердце. Один неверный шаг мог все погубить. Его цель была настолько же велика, насколько и опасна. И именно от достижения этой цели зависело успокоение его совести и счастье его родины.

Окончив первое письмо, Самвел принялся за второе. Когда явился Малхас, письма были уже готовы. Самвел обратился к нему с вопросом:

— Ты знаком, Малхас, с дорогами, что тянутся по правому берегу Аракса?

— Знаком,— ответил всегда готовый к услугам Малхас. — Но там несколько дорог; о которой из них спрашивает мой господин?

— О той, что идет прямо по берегу реки до Астхапатского прохода.

— Знаю. Это самая плохая дорога и самая опасная. Она тянется то по берегу реки, то по крутым скалам, а то по узким ущельям и никогда не отрывается от течения реки.

— Я говорю именно об этой дороге. Вот возьми эти письма и отправляйся сперва в Ерннджак. Оттуда по речке Ерннджак дойдешь до узкого ущелья, ведущего к мосту у Джугн. По этому мосту перейдешь через Аракс. Затем пойдешь по той извилистой дороге, о которой мы сейчас говорили, и которая приведет тебя к монастырю Нахавыка, а оттуда уже недалеко и до Астхапатского прохода; там моста нет, придется переправиться через реку на бурдючных плотах.

Малхас весело взял пнсьма и спроснл:

— Прикажешь, князь, сейчас же пуститься в путь?

— Нет, подождн когда стемнеет, чтобы ннкто не заметил твоего ухода.

— Сам сатана даже не заметит, — уверенно ответил Малхас. — Но куда доставить этн пнсьма и кому вручнть?

— Неподалеку от монастыря Нахавыка, у подножья горы Махарт ты встретишь сидящего на скале монаха. Отдай ему одно из этих писем.

— Которое? Слуга твой не знает грамоты.

— То, что перевязано красной тесьмой.

— А еслн я не застану монаха на скале?

— Непременно застанешь. Он, как скорбный дух, сидит на пепелище своего монастыря, который разрушнл Меружан, н безутешно оплакивает печальный конец своей обнтели.

— А что затем должен делать твой слуга?

— Затем, оставив монастырь, продолжать путь к городу Храм. Будешь идти, пока не встретишь закрытые носилки с траурными занавесками, похожие на носилки с гробом. Их сопровождает несколько отрядов горцев. Вот это другое письмо, перевязанное зеленой тесьмой, отдашь лицу, сидящему на носилках.

— Дозволено ли будет твоему слуге узнать, кто находится в носилках?

— Никто этого не знает, кроме вооруженных спутников, которые охраняют это лицо в глубокой тайне. И тебе нет особой надобности знать о нем.

— Что должен дальше делать твой слуга? — спросил Малхас.

— Идти той же дорогой. Ты встретишь князя Гарегина Рштуни с его вооруженными горцами. Передай ему от меня только одно слово: «Спеши».

— А если он станет расспрашивать о разных вещах?

— Расскажи ему все, что знаешь. Ты, вероятно, уже достаточно ознакомился с нынешним состоянием персидского стана.

— Твой верный слуга разузнал обо всем: сколько у персов конницы и пехоты, на сколько отрядов делится войско и кто каким отрядом командует.

— Этого вполне достаточно. Теперь можешь отправляться. Да хранит тебя господь!

Верный гонец, быстрый, как мысль, и ловкий, как дьявол, всей душой был предан Самвелу; он всегда радовался, когда мог исполнить какое-нибудь поручение Самвела, в этот же раз был рад особенно, ибо испытал на себе всю тяжесть печальных событий и утешался тем, что своими услугами мог несколько помочь общему делу.

После ухода Малхаса в палатку вошел Арбак.

— Подними занавеси, — сказал ему Самвел. — Посмотри, нет ли около нас чужих людей.

— Ни души. Все собрались у костра и смотрят, как сжигают священные книги.

Приподняв занавеси, старик сел. Самвел чуть слышным шепотом сказал ему:

— Я пойду сегодня на обед к Меружану, хотя его обед для меня не слаще яда. Но я постараюсь из этого

извлечь пользу. За обедом я заведу речь об охоте, с тем чтобы на послезавтра непременно была назначена большая охота на берегах Аракса. Вы все отправитесь со мною. Заранее подготовь наших людей! Понимаешь?..

— Понимаю! — таинственно ответил старик и благочестиво поднял глаза к небу, словно моля бога об успехе задуманного предприятия.

— Каждый из моих людей, — продолжал Самвел,— должен отлично знать свою задачу; при малейшей ошибке все может погибнуть. Они должны следить за условными знаками и действовать соответственно им. Если же обстоятельства изменятся, то в таком случае ты должен сейчас же изменить и способы действия.

— Арбак уже все сделал, будь спокоен, — ответил старик и движением головы дал понять, что следует прекратить разговор, так как к палатке приближался князь Ваган.

Войдя в палатку, князь сказал:

— Теперь пойдем, дорогой Самвел, Меружан нас ждет; его гости уже в сборе.

III. Звита

...И персидские военачальники сказали иерею города Арташата Звиту: «Выходи из среды пленных и уходи куда хочешь». Иерей Звит не согласился на это и сказал: «Куда вы погоните стадо, туда же гоните и меня, их пастыря, ибо не подобает пастырю оставлять свое стадо, а должен он жизнь свою положить за своих овец». — Сказав это, он присоединился к толпе пленных и пошел в плен в персидскую страну со своим народом.

Фавстос Бузанд

Был полдень. В обширном голубом шатре Меружана собрались гости. Выше всех за столом сидел Хайр Мардпет—Дхак; его нелепая одежда и громадное тело

занимали немало места. По правую и левую стороны от него находились два мага в белых одеяниях; на их семиугольных остроконечных шапках, похожих на сахарную голову, были вышиты цветным шелком таинственные знаки. Возле одного из магов сидел Ваган Мамиконян, возле другого—Меружан. Рядом с Меружаном посадили Самвела и юного Артавазда. Затем, согласно подушкам и степеням, расселись персидские начальники, среди которых находился и видный полководец Карен. Среди гостей не было видно лишь старика Арбака. Он решительно отказался идти на обед к Меружану. Меружан совсем не обиделся: ему был известен своенравный характер упрямого дядьки.

В наружности Меружана замечалось поразительное сходство с племянником — Самвелом; та же стройность и тот же рост; только годы придали больше мужественности чертам и фигуре Меружана. Действительно, это был очень красивый, веселый и красноречивый человек, далекий от меланхолии, которая отличала сурового Самвела. Прожив долгое время в Тизбонском дворце и общаясь с высшими кругами персидской знати, он усвоил персидскую утонченность в обращении. Во всяком обществе он был очень приветлив и обаятелен. Вместе с персидской утонченностью он усвоил и персидскую хитрость, скрытую под его привлекательной и обманчивой внешностью.

Его обаятельное лицо, казалось бы, имело все основания сиять и выражать безграничную радость, особенно в связи с последними военными удачами, однако на нем лежала печать затаенной грусти, которую он всеми силами старался скрыть. Грусть овладела им с того дня, как Вормиздухт презрительно отвергла его в крепости Артагерс, да, именно с того дня он переживал глубокую печаль: развеялись его лучшие мечты, с которыми он связывал свою славу и свое счастье. Какие только преступления он не совершил ради любимой девушки! Он согрешил перед совестью и честью, заслужил презренное имя изменника. И все ради того, чтобы удостоиться ее внимания. Но Вормиздухт беспощадно попрала его ногами и прошла мимо... Он мечтал стать зятем царя царей Персии, а сделался всеобщим посме-

шищем. Одним ударом Вормиздухт повергла в прах его будущность и его надежды. Все это он приписывал чарующему влиянию армянской царицы на наивную Вормиздухт. «Быть может, Вормиздухт так бы не поступила, если бы так долго не находилась в крепости вместе с хитрой Параидзем?» — думал Меружан. Никакая месть не казалась ему столь жестокой и мучительной, чем та, посредством которой армянская царица покарала его. Устами обожаемой девушки царица осмеяла и его любовь, и его тщеславие, жертвами которых явились заветные святыни несчастной родины.

Хотя он еще не окончательно пал духом, хотя он и продолжал еще надеяться, что Шапух исполнит свои обещания, но то ли это счастье — быть мужем насильно выданной женщины, которая чувствует к тебе отвращение, и быть насильно навязанным царем страны, которая тебя проклинает?! Эти мысли за последние дни точили его сердце, подобно едкой ржавчине.

Неожиданный приезд Самвела доставил ему истинную радость. Он разглядывал молодого человека и восторгался им. В нем пробуждались по отношению к племяннику те же радостные чувства, что и у Вагана Мамиконяна. Меружан мечтал уже о том блестящем положении, которое займет Самвел при персидском дворе, и заранее гордился успехами племянника. Он считал, что этот желанный день недалек, так как предполагал взять с собой Самвела в Тизбон; правда, он еще не знал, как отнесется к этому Самвел, но был убежден, что тот с большим удовольствием согласится на поездку.

Гости беседовали; больше всех говорил Хайр Мардпет. Его внушительный голос и его холодные, тяжеловесные слова привлекали общее внимание. Он говорил о важном вопросе: о том, что когда они прибудут в Тизбон, то необходимо всеми средствами убедить царя Шапуха, чтобы он обязательно заключил договор с новым императором Византии Феодосием и тем установить мир между Персией и Византией. Такой мир мог бы, по его мнению, оказаться весьма целесообразным для положения дел Армении. В самом деле, если Шапух будет в

дружественных отношеииях с Феодосием, то император, коиечио, ие стаиет помогать своими войсками Армеиии наперекор персидским иитересам. И тогда вериые Визаитии армяиские иахарары, лишениые помощи императора, ие смогут привезти из Визаитии иаследиика и возвести его иа пустующий трои. Меружаи вполие разделял политические воззреиия Хайра Мардпета, полагая, что после разрыва отиошеиий с Визаитией, ему откроется широкое поле действий в Армеиии, и тогда легче достигиуть цели.

Самвел слушал с большим виимаиием. Теперь беседовали два мага. Их разговор касался более близких вопросов. Оии говорили о том, когда благоприятиее всего сиять стаи с места и двииуться в Персию. По их миеиию, следовало обождать еще три дия, так как звезды давали плохие предсказаиия относительио этого передвижеиия. Меружаи верил не только в предсказаиия по звездам, ио и в волшебство и считал себя достаточио сведущим в этом искусстве. Ои был согласеи с магами и иастаивал иа том, чтобы иепремеиио подождать, пока пройдут эти три зловещих дия. Насколько вериы были их астроиомические соображеиия, ие иитересовало Самвела, ио ему очеиь иужиы были эти три дия. Вот почему его грустиое лицо стало поиемиогу проясияться.

Но вдруг какой-то шум у входа в шатер привлек виимаиие гостей.

— Во имя бога, пропустите меия к киязю Меружаиу! — отчаяиио кричал какой-то человек; ио слуги тащили его иазад, ие позволяя пройти.

Услыхав шум, Меружаи приказал одиому из слуг впустить просителя. Появился почтеииый старец в одежде священиика. Смиреиио клаияясь, ои оперся иа свой пастырский посох и остаиовился у входа в шатер. Скорбиое лицо его выражало глубокую печаль. В глазах были заметиы горячее возмущеиие и безутешиое отчаяиие. Ои выглядел так, будто у иего отняли самое любимое, самое дорогое... Раздвоеииая, по-еврейски волиистая борода, спускавшаяся до кожаиого пояса, показывала, что этот благообразиый священиик ие был

армянином. Преждевременная старость посеребрила длинные волнистые пряди его волос, но в черной бороде седина была едва заметна. Вся его внешность выделялась особой величавостью.

— Я не переводя дыхания, спешил сюда из Арташата, Меружан, чтобы просить твоей управы, — сказал он гневным голосом.—Я пришел излить мою мольбу, мою просьбу перед твоим милосердием. Неделю нахожусь я в твоем стане, но до сих пор мне препятствовали привлечь твое доброе внимание. Теперь выслушай несчастного старика, о храбрый Меружан!

— Кто ты? — спросил Меружан, внимательно осматривая старика, который неподвижно и прямо стоял перед ним, как воплощенный и угрожающий протест.

— Я священник евреев Арташата, зовут меня Звита; свой сан я принял от Нерсеса Великого. Предков моей паствы вместе с другими евреями привели при Тигране Втором пленными из Иудеи. Армянская гостеприимная страна с таким радушием отнеслась к нам, что мы забыли нашу обетованную родину, столь священную и заветную для каждого еврея, забыли и данную нам богом веру, в которой для нас самый возвышенный смысл жизни и спасение. Мы забыли и свой язык, на котором Моисей записал священный завет Иеговы. Во дни Трдата мы приняли христианство от Григория Просветителя и соединились с армянами. С того времени мы живем в Армении как коренные жители и имеем равные с армянами права, полюбили эту страну и перестали чувствовать себя пришельцами. Мы радовались радостями Армении и делили ее печали.

Он немного передохнул и затем продолжал:

— Счастье и довольство были нашим уделом, и наши закрома были полны всеми благами земли. В наших руках была сосредоточена торговля страны, и мы способствовали развитию ремесел и искусства. Но ты, князь Меружан, беспощадно разорил наше новое гнездо, созданное нами с великим рвением в течение веков, где было так тихо и безопасно. Ты превратил в груду развалин те цветущие города, которые славились во всем мире своими несметными богатствами. Ты даже не по-

щадил свой собственный город Ван, где гонимые сыны Израиля благоденствовали при твоих предках. Против этой жестокости восстают души твоих достославных предков, восстает и старик-священник, который теперь проливает слезы над твоим жестокосердием, изливает свою печаль, как воду на бесчувственный камень, о храбрый Меружан!

Он опять остановился. Самвел слушал с беспокойством, едва сдерживая свои чувства. Остальные гости с гневом смотрели на смелого старика и делали знаки Меружану, чтобы он заставил прекратить дерзкую речь. Но Меружан разрешил старику продолжать.

— Да! Наши предки были приведены пленниками в Армению, но мы обрели в ней счастье. А ты ведешь их потомков в новый плен, в новую, неизвестную страну. Плен и преследования, правда, всегда были уделом евреев, начиная с того времени, когда они находились в рабстве в Египте в руках фараонов, а затем были уведены в плен в Вавилон, мучились в руках ассирийцев. Долгое, очень долгое время наши предки, сидя у берегов Евфрата, развешивали на ивах Вавилона свои священные свитки и в тоске оплакивали Иерусалим. Живя на горькой чужбине, они много страдали, пока их не освободил из плена божественный царь Персии Кир, вернувший их на родину. И тогда Иерусалим снова обрел славу и величие. Это великое дело связано с историей персидских царей, в которой сияет высокая добродетель Кира и его незабвенное великодушие. Но ты, Меружан, наложишь несмываемое пятно на светлую память персидских царей, если снова уведешь в плен народ израильский. Мы слыхали, что ты хочешь вести нас в далекий Исфахан. Веди, но мы не забудем нашу вторую родину — Армению. Вместе с нашими детьми мы сядем там у берегов Зарда-Руди и, подобно тому, как некогда Израиль в Вавилоне, развесим на ивах Исфахана наше святое евангелие и будем оплакивать Масис — наш Сион, будем оплакивать Аракс — наш святой Иордан, будем оплакивать Арташат — наш священный Иерусалим, будем оплакивать и проклинать того, кто изгнал нас из нашей второй родины...

Последние слова, как молния, поразили сердце Меружаиа. Ои заколебался и долго ие иаходил слов для ответа. Присутствующие нетерпеливо и молча переглядывались, каждый из них ждал, что Меружан прикажет либо отрезать язык дерзкому старику, либо отрубить голову бесстрашному священиику. Но велико было удивление всех, когда Меружан довольно мягко ответил старику:

— Я исполняю высокое повеление царя царей Персии, почтенный Звита. Слугн должны покоряться своему хозяину. Так велит то евангелие, именем которого ты здесь говоришь. За что же ты так беспощадно порицаешь меия?

— Да, Меружан, мое евангелие — оно было когда-то и твоим — велит слугам подчиняться своим господам. Но ты, Меружан, из тех слуг, которые пользуются полиым доверием и уважением царя царей. И если ты велишь иаходящимся у тебя в плену евреям вернуться в родные места, то царь Шапух не будет за это на тебя гневаться, а наоборот, быть может, будет тебе очень благодарен. Я пришел, Меружан, просить у тебя милосердия. Сжалься над этим иесчастным народом, воздай уважение священной памяти Авраама, Исаака и Иакова, услышь старого служителя церкви, который со слезами и мольбой взывает к твоему великодушию. Даруй освобождеиие пленным, и ты, Меружаи, будешь вторым Киром, и еврейский иарод Армении всегда будет благословлять твое имя!

— Ты хорошо говоришь, почтеиный Звита, — сказал Меружан уже с заметным неудовольствием в голосе. — Я бы рад исполнить твое желание, но моему государю иужеи твой народ. Исфахан и соседние с иим области ныне безлюдиы. Мой государь желает заселить эту землю иародом, на который он мог бы твердо положиться. А евреи насколько трудолюбивый, иастолько же и вериоподанный иарод. Мы поведем вас туда, и в Исфахане вы будете в таком же счастливом положении, как и в Армении. И если гостеприимство армян заставило вас забыть Иудею, то персидское радушие заставит вас забыть Армению, ио если только вы примете персидскую веру, как приияли когда-то армянскую.

— На это отнюдь не надейся, Меружан. — ответил старик в сильном волнении. — Если евреи переменили веру, приняв христианство, то это понятно, так как они давно ждали любимого Мессию — Христа. Но поклоняться солнцу и огню мы никогда не будем.

Оба мага грозно поднялись со своих мест; лица их, выражавшие гнев, показывали, что они готовы поразить самоотверженного старика в сердце; но ответ Меружана удержал их.

— Это дело будущего, почтенный Звита. Я не буду сейчас спорить с тобой. Но не скрою от тебя, что хотя мне приятно было бы исполнить твою просьбу, но выгоды страны моего государя для меня выше твоих слез. Я много лестного слышал о тебе: знаю, как тебя любит народ, и потому я дарую тебе свободу, тебе одному, но не твоему народу. Ступай, куда пожелаешь, и никто отныне не смеет тронуть тебя. Иди, ты свободен, Звита.

— Я пойду к моему пленному народу, Меружан, и никогда не оставлю его. Пастырь должен быть со своей паствой и положить за нее жизнь.

Таковы были последние слова старика; со слезами на глазах он отвернулся и, опираясь на свой пастырский посох, вышел из стана медленными шагами. Затем он направился по дороге в сторону Арташата, в ту сторону, где вблизи Таперского моста находился дорогой ему народ.

Протест старика и его самоотверженность произвели на всех сильное впечатление. Ему даровали свободу, а он отказался от нее. Он не пожелал отделиться от своей паствы; он решил разделить с ней страдания в плену и на чужбине. Никакой удар не мог быть так чувствителен сердцу Меружана, как презрение, с каким упорный старик отказался от предложенной ему милости.

Именно поэтому после его ухода Меружан находился в каком-то смущении и, казалось, только теперь стал понимать, что заготовленные им ядовитые стрелы ударялись о твердыню и отскакивали, попадая в него.

Немало взволнованы были и сидевшие за столом маги. Один из них заметил:

— О храбрый Меружан, ты напрасно разрешаешь

этим черноголовым дьяволам в черном одеянии следовать за своим иародом. Они там, в Персни, могут сильно помешать нашему делу.

— Да! Онн будут там держать народ в постоянном заблужденин, — добавил другой, — их слѐдовало бы отделнть от паствы и оставить здесь, чтобы они не мешали нам в Персии.

Меружан был настолько самолюбнв, что не терпел решительио никакнх замечанн́й касательно свонх дел, еслн даже он ошибался. Услышав ропот магов, он сказал:

— Если они нам будут мешать в Персии, возбуждая народ и постоянно поддерживая в нем христианские заблуждения, то у царя Шапуха найдется для иих достаточное количество тюрем н палачей. Их нетрудно заставить замолчать в течеиие нескольких мгновений, заживо похоронив в каком-нибудь подземелье. Но если мы оставнм их здесь, то этим только усложннм положение. Ведь мы должны принудить здешних христнан прннять священиую религню Зороастра. Вот почему я постарался задержать и взять под иаблюдеиие возможно большее число армянского духовенства.

С Меружаном согласилнсь и Хайр Мардпет и Ваган Мамикоияи. Для того чтобы овладеть церковью, утверждали они, необходимо прежде всего захватить духовенство, подобно тому, как захватив пастуха, овладеваешь стадом.

— Но почему же ты хотел даровать свободу этому старику иерею? — спросил Самвел, обращаясь к своему дяде.

— Он очень влиятельиый человек, — ответил Меружан. — Народ его чтит, как святого. Его присутсвне постоянио будет внушать всем бднтельиость. А смерть его (если обстоятельства прннудят нас к этому) только воспламенит веру его иарода. Он станет самоотверженным мучеником, имя которого будет незабвеиио, и его память будет вдохиовлять паству. Есть людн, смерть которых опаснее их жизии. Звита прииадлежит к числу таких людей.

Самвел ничего на это не ответил, и Меружан принял его молчание за согласие. «Однако — думал печальиый

юноша — как хорошо изучили эти люди дело зла... Как глубоко проникают они в свои злодеяния...»

Беседа приняла другой характер, когда Хайр Мардпет, обратившись к Меружану, спросил:

— Интересно знать, до какого места доставлена сейчас армянская царица? У тебя имеются какие-нибудь сведения, Меружан?

— Имеются, — ответил Меружан несколько изменившимся голосом, и его лицо приняло сумрачное выражение. — Она, вероятно, уже миновала Экбатану; они едут более прямой дорогой...

Хайр Мардпет, заметив волнение Меружана, тотчас же раскаялся. Напомнив Меружану об армянской царице, он одновременно напомнил ему и о его любимой Вормиздухт. Они вместе ехали в Персию; вернее, их обеих отправляли в Персию. С ними везли и обломки разбитого сердца Меружана...

Грусть Меружана заметил и Самвел и решил его развеселить. Он знал характер своего дяди, знал, что дядя лишь тогда бывает весел, когда с ним разговаривают о военных делах, в особенности, о его военных удачах.

— Удивляюсь, дорогой дядя, — сказал он. — Я нахожу, что число ваших пленных не соответствует числу тех многочисленных селений и городов, которые я видел на всем своем пути в разрушенном и запустелом состоянии.

— Твое замечание совершенно правильно, дорогой Самвел, — сказал Меружан недовольным тоном. — Наши войска двигаются очень медленно, а наши полководцы оказались беспомощными в условиях армянской страны. При вступлении в селения и города мы заставали их уже опустевшими. Мы сжигали города и двигались дальше. Узнав о нашем наступлении, жители заранее покидали свои жилища и укреплялись на высотах неприступных гор. На равнинах и на плоскогорьях мы, правда, воевали с большим успехом, но к условиям войны в горах наши войска оказались совершенно неприспособленными.

При последних словах он посмотрел на персидского полководца Карена, слушавшего его с неудовольствием.

— Значит, вы не смогли проникнуть в глубь горных областей? — спросил Самвел.

— Это не легко было сделать. Я не хотел понапрасну губить войско царя царей. Мне дорога каждая капля крови персидского воина. В горах армяне дрались с нами не только оружием, но и камнями и огнем. И дрались не только мужчины, но и женщины. А ярость женщин особенно вызывала в нас замешательство. Поэтому я держался больше равнинных областей и старался обходить горы.

— А в каких же больше всего горах укрепились теперь беглецы?

Меружану было приятно, что племянник его интересуется военными делами. В этом он усматривал его сочувствие своим планам, и это его радовало. Он стал подробно описывать состояние страны: где что произошло и в каких местах сосредоточены армянские силы. Из его слов было ясно, что персы в ряде битв потерпели сильное поражение, а во многие области даже не в состоянии были проникнуть.

— Мы добились большого успеха в Айраратской провинции и вообще в тех местностях, которые составляли дворцовые владения, — сказал он.

«Потому, что они остались без хозяина... потому что не было ни царя, ни царицы!» — подумал Самвел и, смеясь, сказал:

— И выжгли незащищенные города?..

— Надо было жечь, дорогой Самвел. Как-нибудь в другой раз я тебе объясню, почему мы так поступили.

— Я понимаю... — сказал Самвел, и голос его заметно задрожал. — Да, мы еще поговорим с тобой об этом.

Вагану Мамиконяну не очень нравился столь откровенный разговор Меружана с его сыном, и если бы было возможно, то он каким-нибудь образом предупредил бы Меружана. Но как же он мог навлечь на сына подозрение, раз он сам ничего определенного о нем не знал и все еще пребывал в безызвестности?

Разговор прервался сам собою, когда вошли слуги и начали накрывать обеденный стол.

Персы-полководцы не отказывают себе ни в одном из обычных удовольствий даже в походной обстановке.

На бранном поле они окружают себя теми же удобствами, к которым привыкли дома. Воздержание и суровая военная жизнь им незнакомы. Хотя Меружан был воспитан как подлинный солдат, и как полководец был мало требователен, но, следуя персам, он ни в чем не отступал от персидского образа жизни. Он вынужден был так поступать, ибо был тесно связан с персами.

Множество молодых слуг, роскошно одетых, обслуживало гостей. Вся посуда была из золота и серебра. Насколько аппетит гостей возбуждали вкусные блюда, настолько их чувству изящного отвечала роскошь стола, его торжественное убранство. Во всем была заметна утонченность и крайняя расточительность.

Позади каждого гостя стояли мальчики с венками роз на голове и, держа в одной руке серебряную черпалку, а в другой серебряную чашу, подносили гостям душистый напиток. Музыканты, стоя перед шатром, играли на различных инструментах и пели не смолкая.

Обед затянулся надолго. Юный Артавазд сидел как на иголках; от нетерпения ему было скучно. Его не привлекали ни беспрерывные песни гусанов, ни сладкие звуки музыкальных инструментов; у него были совсем иные желания. Так как ему прощались всякие смелые выходки, он решил первым заговорить об охоте.

— Скажи, дядя, сколько еще дней стан будет находиться здесь? — обратился он улыбаясь к Меружану.

— Три дня.

— О, это очень долго, видит бог, очень долго! — воскликнул он, нахмурив свое красивое лицо. — Как же мы проведем эти три несносных дня?

— Как будет твоей душе угодно, — сказал Меружан, поглаживая его красивые кудри.

Артавазд приблизил губы к уху Меружана:

— Знаешь, дядя, сколько времени я не ходил на охоту? Ты удивишься, — прошептал он.

— Сколько, милый?

— С того самого дня, как мы выехали из дому.

— Да, давно, в особенности для тебя. Ты ведь так любишь охотиться!

— Ужасно люблю! Дома, если я несколько раз в неделю не ездил на охоту, то чувствовал, что лишился самого большого удовольствия,

Меружан добродушно расхохотался.

— Должно быть, и Самвел любит охоту, — обратился он к племяннику.

— Самвел с раннего детства любил охоту, — ответил за сына отец. — Птицам нашего замка не было пощады от него, когда ему было еще десять лет. Теперь же я не знаю, остался ои верен своим привычкам?

— Я ие так-то легко их меняю, отец, — с улыбкой ответил Самвел. — Охота — одно из самых любимых моих развлечениий. — И, обратившись к Меружану, спросил:— Говорят, берега Аракса в этих местах изобилуют диким зверем?

— Да, кишмя кишат, — с особой насмешкой ответил Меружан. — Аршакиды в области Айрарат умиожали только диких зверей. Они не осушали болот и не вырубали лесов для того, чтобы птицы и звери расплодились там в изобилии.

Отцу Самвела очень хотелось найти случай, чтобы представить сына персидским полководцам и познакомить их с его достоинствами. Пока что, за отсутствием сражений, охота являлась для этого самым удобиым поводом, когда Самвел мог проявить свою удаль.

Понимая горячее желание отца, Самвел решил воспользоваться его иастроеиием. Он обратился к Меружану:

— Вы решили непременно задержать здесь стаи иа три дия?

— Непремеиио! Во-первых, звезды ие предсказывают доброго пути, и, кроме того, нас должиы нагиать еще несколько наших полков, о которых мы не имеем никаких сведеиий.

— Зиачит, как хорошо заметил Артавазд, за эти три дня можно совсем затосковать от безделья.

— Твой дядя ие допустит, чтобы ты затосковал, дорогой мой, — вставил отец. — Он для тебя устроит великолепную охоту иа берегах Аракса.

— И для меня? — вмешался юный Артавазд.

— Ну, конечно, и для тебя, — улыбаясь сказал Меружаи. — Без тебя какая же может быть охота!

— Шутки в стороиу, — сказал Артавазд с самоувереиным видом. — Я хочу показать этим персам, что такое армяиская храбрость.

Эти слова он произнес по-армянски, лукаво устремив исподлобья свои огненные глаза на присутствующих персидских вельмож.

Меружан смеясь перевел его слова.

— Знаете, что говорит мой юный родственник? Он жаждет удивить вас своей храбростью. И я обещаю ему назавтра устроить охоту.

— Посмотрим... завтра увидим, — серьезно ответили персидские вельможи.

— Но вы должны выставить против меня моих сверстников!

— Так оно и будет. Мы заранее отказываемся состязаться с тобой. В нашем стане найдется немало твоих сверстников.

Самвел ничего не сказал. Он считал, что уже достиг желаемого.

Меружан приказал начать приготовления к охоте на следующий день у берегов Аракса.

IV. Ловушки Аракса

...Тогда один из сыновей Вагана, по имени Самвел, поразил насмерть отца своего Вагана...

Фавстос Бузанд

Река Аракс в древности обладала изумительными ловушками и причудами. С незапамятных времен она упорно боролась с неровными берегами, как будто не довольствуясь тем узким руслом, которое проложила для нее неуступчивая природа. Она любила ширь, любила свободу. Узкое русло возмущало ее!

Горные кряжи по обоим берегам Аракса местами сближались и сжимали ее в тесных и глубоких ущельях. Тогда ярости Аракса не было предела. Страшные волны ударялись о прибрежные скалы; река рычала, бурно шумела, пенилась, и, казалось, в ее ужасном грохоте можно было услышать крики отчаяния: «Тесно мне, тесно... задыхаюсь!»

Иногда раздвигались скалистые преграды, отрываясь друг от друга, и открывали ей новые, широкие пути. Тогда своеволию реки не было предела. Вырвавшись из теснины, Аракс, как злое чудовище, безудержно заливал и топил в своем бешеном потоке ровные зеленые, цветущие берега, бросаясь, как пьяный богатырь, то вправо, то влево, но никогда не направляясь напрямик.

Он неразумно пользовался своей свободой. Иногда, расправляя свои гигантские плечи, он отрывал у суши кусок земли и, сжимая его в своих прохладных объятиях, создавал остров и некоторое время с детской нежностью ласкал и лелеял свою игрушку. Остров расцветал, покрывался зеленью, появлялись кусты и распускались цветы. Птицы вили там свои гнезда, дикий зверь кормил своих детенышей. Остров был букетом, которым Аракс украшал свою гордую грудь, подобно тщеславному юноше. Но вдруг все это как будто ему надоедало. Пенясь, вздымались его воды, яростно рычали и в несколько мгновений поглощали это прелестное украшение, не оставив даже следа.

Царь армянских рек обращался с созданными им островами так же, как армянский царь со своими обособленными нахарарствами.

И, правда: Аракс напоминал политическое положение своей страны. Когда хитрый перс и коварный византиец, как два горных массива, объединяясь, теснили ее, протест ее и сопротивление были беспредельны. Она применяла всю свою ярость, чтобы избавиться от их гнета. А когда эти два союзника нарушали свое единение и Армения обретала свободу, тогда она начинала заниматься своими внутренними распрями. Со всей жестокостью уничтожала она свои нахарарства, как чудовищный Аракс размывал и поглощал зажатые им островки.

Охота предполагалась на одном из островов Аракса, называемом «Княжим». Когда-то один из сюникских князей пригнал на этот остров несколько пар диких зверей. С тех пор они там размножились.

Конный отряд охотников выехал с восходом солнца. Утро был тихое и прохладное. Даже «красный ветер», который дул у этих берегов Аракса, принося с собою красноватые песчинки и наполняя воздух кроваво-красным

туманом, — даже этот зловещий ветер не нарушал в это утро общего спокойствия. День был ясный и приятный.

Дорога вплоть до берегов Аракса была покрыта пышной кормовой растительностью. До войны здесь паслись княжеские кони тера Нахчевана. А теперь здесь пасся вьючный скот из стана персов. Попадались иногда голые остроконечные холмики: они сохранились как будто для того, чтобы поведать прохожим о том, как жестоко поступила с ними древность. Вековые дожди смыли мягкий земляной покров с этих холмиков и оставили лишь твердый безобразный скелет. Вот вдали появился большой караван верблюдов; горбатые, с изогнутыми шеями, стоят они друг за другом, точно повисли в воздухе. Вот с другой стороны, одна за одной, упираясь в небо, выстроились несколько башен. Все они стоят на тонком источенном пьедестале, который, того и гляди, разлетится от первого дуновения ветра. А вот поодаль вырисовываются на скалах причудливые силуэты людей, похожие на статуи окаменевших богатырей. Вот извивающийся дракон поднял свою чудовищную голову и грозит раскрытой пастью проглотить прохожего. По преданию, в этих краях в старину были поселены люди, потомки драконов, взятые в плен армянами. Ныне остались лишь их гранитные скелеты.

Это была завороженная, окаменевшая страна. По ней медленно и спокойно продвигался отряд конных охотников.

Вскоре охотники достигли долины небольшой реки Нахчеван, которая, с шумом ударяясь о каменистое дно, быстро бежала вперед и соединялась с Араксом. Здесь природа выглядела иначе. На всем протяжении берегов росли плакучие ивы, низкие тутовые деревья и дикие кусты, которые сплетаясь вместе, образовали живую, почти непроходимую изгородь.

За нею простирались обильные плодами сады горожан. До войны эти чудесные, прекрасно обработанные сады вполне подтверждали древнейшую легенду о том, что армянин стал заниматься разведением винограда с того самого дня, когда Ной у подножия Арарата посадил первую лозу. Некогда здесь под лучами животворного солнца созревали тяжелые, сочные кисти от-

бориого винограда области Гохтаи. Из этого виноградa получался тот благородный нектар, что вдохновлял певцов Гохтана. А теперь осыпавшиеся, изъеденные червями кисти винограда имели такой вид, точно были побиты сильнейшим градом. Рука персидского воина совершила это гнетущее опустошение. До войны здесь краснели, приветливо улыбаясь, яблоки, напоминавшие румяные щечки юных девушек. Скромные груши склоняли до земли свои густолиственные ветви, словно приветствовали поклонами прохожих. А теперь погнулись и повисли увядшие ветки. Рука ненасытного персидского воина совершила это безжалостное преступление. До войны желтые персики робко прятались за гигантскими абрикосовыми деревьями, прикрывавшими их своей широкой, густой сенью. Теперь же пожелтевшие от жажды абрикосовые деревья оголились, сбросив свое богатое зеленое одеяние, и имели такой жалкий вид, точно уже наступил конец осени. Не было заботливого садовника, который бы утолил их жажду и спас от преждевременной смерти.

Среди виноградников возвышались двухэтажные давильни, которые не раз служили убежищем гонимым изгнанникам. Девы, сподвижницы Рипсимэ[1], долгое время скрывались в давильнях виноградников Вагаршапата. В мирные времена, с начала весны и до конца осени, в верхнем этаже давилен проживали семьи виноградарей. Они следили за виноградником, собирали плоды и в то же время наслаждались чистым и свежим воздухом среди приятной зелени. Виноградники являлись для них своего рода дачами. Теперь же не было видно никого. Давильни были пусты, а виноградники заброшены. Гром войны разогнал жителей. Одни бежали и укрылись в горах Вайоцдзора, другие попали в плен к врагу.

Виноградники занимали довольно большую площадь. Они были отделены друг от друга низкими глиняными стенами, между которыми проходили искривленные, запутанные дорожки, представлявшие темный лабиринт под тенью густых деревьев. Не раз эти страшные для врага лабиринты виноградников поглощали

[1] Группа проповедниц христианства — Рипсимэ, Гаянэ и др., по легенде, замученных царем Армении.

большие отряды врагов. Но теперь враг смело проходил по пустынным виноградникам Гохтана!

Самвел смотрел на эти грустные картины, и в сердце его ныла неизлечимая рана. Зато отец его был весел, ничто его не печалило, он был увлечен тем, что после тяжелых лет разлуки впервые имел счастливый случай вместе с сыном принять участие в блестящей охоте.

Они выехали из темных, запутанных переулков, и перед ними открылся широкий простор возделанных полей. Еще недавно поля эти казались чудесным золотистым морем тяжелых колосьев, обремененных обилием спелых зерен, вызывавшим в сердце земледельца безграничную радость. Но теперь из несжатых колосьев, высохших под палящими лучами солнца, высыпались зерна, и все поле клонилось от беспощадного ветра к земле, точно после страшного побоища. Зеленые, еще не дозревшие посевы проса н льна, не орошенные водой, поблекли и полегли на землю. Не было неусыпного работника, не было заботливого крестьянина. Скорбногласые жаворонки, влюбленные в поля, неустанно кружились на одном месте, хлопали крылышками и испуганно смотрели на уничтоженную жатву. Они, словно опечаленные горем, то бросались вниз, испуская вздохи, то возносились к небу и, паря в воздухе, продолжали свою грустную, скорбную песню. На ячменных полях табуны персидских мулов безнаказанно расхищали собранный в стога овес и больше топтали его, чем поедали.

Охотники миновали поля, несколько разрушенных сел и вступили в прибрежные зеленые равнины Аракса, покрытые густым кустарником и рощами одичалых деревьев. Вода, застоявшаяся у берега реки, превращала местность в болото. Гулко хлопали конские подковы по болоту, словно под ними была пустота. Иногда казалось, что упругая земля поднимается и опускается под тяжестью конских копыт. В этих местах таились глубокие ловушки Аракса, подземные страшные бездны. Они были наполнены густой черной грязью, поверхность которой, затвердев, образовала этот обманчивый опасный покров, по которому они теперь ехали. Эти бездонные пучины открывали иногда свой страшный зев и, как преисподняя, проглатывали путников. В такой пучине

погиб вместе со своим конем армянский царь Артавазд во время охоты на берегах Аракса.

Солнце стояло уже довольно высоко; свежий утренний воздух приятно потеплел от солнечных лучей. Отряд конных охотников продолжал медленно и весело продвигаться вперед.

Самвел ехал на красивом буланом коне, подаренном ему в это утро отцом. За ним следовал юный Иусик, исполнявший должность оруженосца. Он держал длинное княжеское копье, большой лук, колчан, полный стрел, и длинный, тонкий ремешный аркан, висевший в смотанном виде на седле. При Самвеле же была только сабля и маленький серебряный рог, подвешенный на золотом поясе.

Старик Арбак был в полном вооружении и казался от этого совсем помолодевшим. Он ехал впереди, а за ним сорок вооруженных слуг Самвела. Некоторые из них держали на руке соколов, другие вели на привязи нетерпеливых борзых. Громадные густошерстные овчарки, которых охотники называли волкодавами, и ищейки бежали на свободе. Все это были подарки отца.

Загонщики еще до восхода солнца начали выслеживать зверя. Они осмотрели все места, где могло быть его логово.

Рядом с Самвелом ехал отец, окруженный телохранителями, а неподалеку от них, на своем белом коне Меружан в сопровождении особого отряда. Его сопровождал полководец Карен вместе с подчиненными. Не участвовал в охоте только Хайр Мардпет.

Впереди всех гарцевало несколько знатных персидских юношей. Среди них был и юный Артавазд. Эти юные наездники своим роскошным вооружением вызывали всеобщий восторг. Но больше всех блистал юный Артавазд на своем ретивом коне. Он искрился безмерной радостью. За левым плечом у него висел серебряный колчан, наполненный стрелами, а за правым — лук, который был несколько велик для него. В руке он держал легкое копье, на поясе сверкал обоюдоострый меч в серебряных ножнах.

Самвел ехал молча, погруженный в размышления. Лишь иногда он посматривал вокруг себя, вглядывался вдаль, точно старался распознать местность. Его пе-

чальное лицо, как всегда, не выражало удовлетворения, хотя он и старался представиться веселым. Но он и в своей печали был прекрасен. За него резвился его буйный конь, который делал непрестанно высокие прыжки. Но Самвел опытной рукой легко сдерживал порывы горячего коня, словно тот был тихим ягненком. Отец смотрел на сына и восхищался им. Он страстно желал, чтобы сын отделился от отряда и немного погарцевал на зеленой бархатной площадке, раскинувшейся перед ними. Он даже намекнул на это, но Самвел отказался:

— Неудобно, отец! Прекрасный конь, которого ты мне сегодня подарил, еще не привык ко мне; да и я незнаком с его норовом. Мы можем не понять друг друга.

— Не бойся, — с улыбкой ответил отец. — Твой конь настолько же горяч и упрям, насколько умен. Его очень не трудно приучить. Это самый лучший конь из конюшни царя царей Шапуха. Он получил его в подарок от князя Хамаверана. Когда я в последний раз представлялся царю царей, чтобы отдать ему смиренный поклон прощания, он мне подарил этого коня, сказав: «Иди, Мамиконян тер, помощь светлейшего Ормузда да будет с тобою, иди и соверши на этом коне поход в Армению; конь непременно принесет полный успех в твоих начинаниях!»

При этих словах отец протянул руку в сторону коня Самвела.

— Разве ты не заметил, что у него на лбу белая звезда? — Он указал на белое пятно в середине лба, похожее на белую звезду, которой природа наделила коня.

— Я вижу ее впервые, — сказал Самвел.

— Это признак удачи, — повторил отец.

— Не знаю, насколько эта звезда может сулить мне удачу, — сказал Самвел с двусмысленной улыбкой. — Кажется, мы проезжаем мимо болот? В этих местах много топей. Может случиться, что звезда на коне, подаренном Шапухом, потеряет свою силу в топях Аракса...

— Может быть, — ответил отец, скрывая свое недовольство, вызванное ироническим замечанием сына. — Но мы уже проехали топи.

Во время разговора отца и сына к ним подскакал Артавазд.

— Я не боюсь топей! — закричал он весело. — Хотя мой конь и без звезды удачи, но он легко перепрыгивает через любую пропасть. Напрасно Самвел важничает. Он всегда таким образом возвеличивает свою ловкость. Глядите, как я буду гарцевать!

Не дожидаясь просьб, юноша, сильно натянув поводья, начал стегать коня. Конь, сильно разгорячившись, взвился на дыбы, его большие прыжки вызвали в зрителях ужас. В любой момент можно было ожидать, что свирепый конь сбросит дерзкого всадника. Но юноша сидел так крепко, точно слился с конем в одно целое. Он держал себя настолько свободно и смело, что нельзя было ожидать большей самоуверенности.

Когда конь совсем разгорячился, юноша стал ловко описывать по ровной площадке круги. Конь скакал во весь опор, а Артавазд с поразительной быстротой переворачивался вокруг его шеи и снова вскакивал на седло. В такие моменты он был похож на веретено, быстро вращающееся вокруг своей оси. Его примеру последовали некоторые из персидских юношей; ловкость их езды была не менее интересна. Но все потускнело перед ловкостью юного Артавазда, в особенности, когда он взялся за изумительные упражнения с копьем. На всем скаку он метал копье так, что каждый раз оно вонзалось в намеченную точку без малейшего отклонения. Он подлетал к мишени, вырывал копье и снова метал его в цель. А если случалось, что копье, вонзившись, падало на землю, Артавазд немедленно наскакивал и, не вынимая ног из стремян, наклонялся и поднимал упавшее копье.

Иногда он гонялся за состязавшимися с ним персидскими юношами, которые делали вид, будто избегают его. Тогда юный герой налетал на них с быстротой орла, и его противникам редко удавалось отразить удар его копья своими щитами, хотя он бился с ними не по-настоящему, а лишь для показа. Когда же Артавазд пускался в бегство, противники не поспевали даже за пылью, взметенной его конем.

Военные упражнения совершались до тех пор, пока со всех сторон не раздались многократные крики одобрения: «Да здравствует Артавазд! Живи долго, Артавазд!». Потный, раскрасневшийся юноша подъехал к

зрителям. От сильного напряжения его пламенные глаза искрились юношеским воодушевлением.

— Своей изумительной ловкостью ты затмил всех наших юношей, Артавазд, — сказал персидский полководец Карен. — Славное первенство на ристалище принадлежит тебе.

Артавазд, который иногда по-детски любил прихвастнуть, на этот раз, сознавая свое превосходство, скромно ответил:

— Нет, полководец, ваши юноши, вероятно, просто щадят меня, так как среди них я гость.

— Наоборот, они боролись с тобой во всю свою мощь, но ты защищался с изумительной храбростью. С нынешнего дня на твоем лбу воссияла звезда будущего героя.

— Как на лбу коня Самвела, — смеясь, добавил жизнерадостный юноша.

— Шутки в сторону, — серьезно заметил Карен, — я предсказываю, что из тебя выйдет толк, непременно выйдет толк!

Разговаривая таким образом, всадники доехали до берегов Аракса. В этих местах берег был покрыт мягким красноватым песком. На этой плодородной почве росли разнообразные кусты и довольно густой мелкий лес, зеленой лентой окаймлявший русло реки. Протекая через красные камни и омывая красные берега, вода в реке тоже казалась красной.

Медленное и бесшумное течение Аракса производило такое впечатление, точно река стоит. Посреди плеса выделялся зеленым оазисом Княжий остров, на котором и должна была происходить охота.

Остров был ближе к левому берегу и отделялся от него лишь узкой протокой. Во время охоты через протоку наводили временный дощатый мост для переправы на остров. В обычное же время мост убирался. В этот день мост был наведен. Один его конец упирался в скалистый берег, а другой лежал на искусственной насыпи, сделанной на отмели острова. Река под мостом была быстротечная и довольно глубокая. Мост же был длинный и настолько узкий, что ехать по нему мог только один всадник. Вот почему переезд охотников занял довольно много времени.

Еще рано утром на красивой зеленой лужайке острова были устроены палатки для отдыха. Около палаток стряпчие Меружана разожгли огни и занялись приготовлением завтрака. Обед должны были варить позднее — из дичи.

Доехав до палаток, охотники сошли с коней, чтобы отдохнуть, позавтракать и затем начать охоту. Юный Артавазд не стал дожидаться завтрака; схватив кусок хлеба с сыром и наскоро разжевав его, он пошел блуждать по острову. Самвел остался с отцом. Старик Арбак вместе с слугами Самвела расположился на траве около палаток. Меружан, под руку с персидским полководцем Кареном, прогуливался перед палатками и о чем-то горячо с ним разговаривал.

Остров имел овальную форму; он был зажат между двумя протоками вдоль реки. На нем не было жилья. Виднелось лишь несколько маленьких шалашей, теперь пустовавших; в них жили когда-то сторожа острова.

Прекрасен был этот волшебный остров в своей дикой красе! Сколько любви и сколько слез видели его зеленые лужайки. Когда-то сюникский князь приезжал сюда с толпой наложниц и музыкантов. Гремела музыка, плясали танцовщицы, и вино из серебряных сосудов лилось через край. Ночи напролет проходили незаметно, в беззаботном и шумном веселье. Даже стыдливые нимфы Аракса с тайной завистью смотрели на счастливых смертных, которые умели так ненасытно наслаждаться любовью и красотой женщин.

Да, прекрасен был этот волшебный остров! Высокие и стройные камыши с их белыми, похожими на кисти верхушками тихо покачивались от легкого дуновения зефира и таинственно шуршали, переговариваясь сладострастно-влюбленным шепотом. Осторожная серна, вытянув длинную, гибкую шею, жадно обрывала сочные листья камышей. Едва заслышав подозрительный шум, она быстро скрывалась в кустарниках. А там, в сыром сумраке тростников, на холодном илистом ложе ворочался страшный вепрь, высокомерно прячась от жгучих лучей солнца. Озираясь во все стороны, трусливый заяц быстро пробегал по мягкому шелку травы. А стоявшая на мшистой вершине скалы взволнованная кабарга сму-

щенио поглядывала вниз, точно хотела поиять, зачем приехали сюда эти страиные гости.

Пышная растительность вызывала восхищение своим разиообразием и обилием. Среди свежей, сочной зелени бросались в глаза блестящие головки различиых водяиых лилий, которые в других местах являются красой болот. Кое-где выглядывала дикая кувшиика на своем тонком стебельке, с длинными мечеобразиыми листьями, наполияя воздух приятиым благоуханьем. Темио-красная роза то там, то здесь раскрывала свой роскошиый бутои, улыбаясь темио-пурпуровыми бархатистыми лепестками. Кусты и тоикие деревца росли так тесно, что даже на небольшом расстояиии иельзя было различить человека. Никакой конь ие мог пробраться через густое сплетение зарослей, скрывших едва заметные тропинки. Проще было идти пешком.

После окоичания завтрака каждый из охотников взял свое оружие, готовясь к облаве. Бдительиые доезжачие вместе с собаками-ищейками давно уже рыскали по зарослям, выслеживая зверя.

Охотиикн, пустившись в путь, разделились иа иебольшие отряды и разошлись в разные стороны. Юный Артавазд присоедииился к отряду Меружаиа, а Самвел — к отряду отца. К иим примкиул и персидский полководец Кареи. Старик Арбак вместе со слугами Самвела следовал за нними. Остальные персидские военачальиики составили самостоятельиые отряды.

Самвел с длиниым и толстым копьем в руке молча шел впереди. Его смуглое лицо приияло медио-желтую окраску. Таким он бывал в минуты горячего боя и во время радостиых развлечений охоты. Но ие было теперь всего того, что мгновенио возбуждало, волновало молодое сердце. Его повергли в мрачные переживаиия совершенно ииые обстоятельства.

— Самвел, — заметил ему отец тоиом, в котором выражалась вся иежность родительского сердца, — будь осторожен, если встретишь вепря: оии здесь страшио злые.

— Мне бы хотелось, отец, встретиться с тиграми или со львами, — грустно ответил Самвел, — ио как жаль, что ни тигры, ни львы, здесь не водятся. Хотел бы я,

чтобы из волн Аракса выглянул крокодил и разъяренный напал на меня!

Самвел не был хвастуном. Отец это знал. Что же было причиной такой странной игры его воображения? Во время завтрака он пил очень мало; это заметил отец. Значит, его не могло возбудить и вино. Все же отец спросил:

— Может быть, этими прекрасными желаниями ты хочешь доказать свою храбрость? Но она не нуждается в таких доказательствах.

— Нет, отец, не для этого... Я далек от всякого тщеславия. Но мне хочется биться... биться насмерть...

Отец загрустил. «Он хочет биться насмерть... Что же навело тоску на светлую, молодую душу дорогого сына?» Эти мысли стали его ужасать...

Их разговор был прерван звуками рога доезжачего. Самвел бросился туда, откуда доносились звуки. За ним побежал юный Иусик, исполнявший обязанности оруженосца, и некоторые из слуг Самвела.

Появившееся животное было не из тех, о которых мечтал Самвел. Из ивовой чащи выскочил громадный олень с тяжелыми ветвистыми рогами. Он лениво посмотрел вокруг и, пригнув рога назад, попытался бежать, но собаки немедленно окружили его. Ни одна из них не решалась приблизиться к зверю. Острые рога его служили не только как щит, но и как копье. Едва он поворачивался, как собаки в страхе отбегали в сторону.

Самвел подоспел как раз вовремя. Олень яростно кинулся на него, собираясь распороть живот своему смелому противнику. Но Самвел быстро и ловко вонзил ему копье в правый бок. Копье ранило оленя, но не смертельно. Вторичный удар пришелся в бедро. Собаки снова окружили зверя. Самвел еще раз ударил копьем. На этот раз он снова попал в бедро. Олень повернулся и побежал, разорвав цепь собак. Из слуг никто не смог его задержать. Самвел бросился в погоню. С поразительной быстротой неслось животное, но еще быстрее бежал Самвел. Он с детства упражнялся в этом искусстве, которое являлось одним из главных предметов его обучения. Отец, стоя со своими спутниками, нетерпеливо наблюдал, чем кончится травля. Длинные гиб-

кие ноги оленя едва касались земли; Самвел на бегу беспрерывно метал в него стрелы, но онн, как легкне перья, повисали на туловнще зверя. Израненное животное продолжало бежать, оставляя за собою на тропе кровавые следы. Слугн Самвела вместе с собаками бросалнсь с разных сторон наперерез оленю, чтобы не дать ему возможность, бросившись в реку, переплыть на другой берег. За Самвелом бежал лишь его оруженосец, юный Иуснк.

— Давай аркан! — крнкнул на бегу Самвел, — а то этот негодяй замучит меня!

Иуснк подал ему длнннный арка́н. Намотав один конец себе на левую руку и свернув другой конец клубком в правой руке, Самвел ловко накинул аркан на голову быстро бегущего оленя. Аркан запутался в его ветвистых рогах н упал на шею. Теперь уже нужна была только снла, чтобы удержать разъяренное жнвотное, а иначе он поволок бы за собой смелого метателя аркана. Но Самвел одолел это без особого труда. Он так опутал арканом оленя, точно паук муху. Тут подоспевший Иуснк поднял копье, чтобы прнкончить зверя, но Самвел остановнл его.

— Оставь, я хочу жнвым отвестн его к отцу.

Прн внде пойманной добычи Ваган беспредельно обрадовался. Рядом с ним стоял перснддский полководец Карен.

— Как тебе это нравнтся? — обратнлся князь Ваган к полководцу.

— Чудесно, тому свидетель светлый Ормузд, чудесно! — восклнкнул уднвленный перс. — Знаешь ли, князь, охота на оленя труднее, чем на льва илн на тигра, потому что олень быстроног и может убежать, а лев и тнгр стыдятся бегства, они дерутся. А с дерущимся легче: лнбо победншь, лнбо будешь побежден.

Самвел подтащил оленя к отцу.

— Я свое сделал, — сказал он, вытирая пот, — у нас теперь достаточно мяса к обеду.

— Неужелн ты не хочешь больше охотиться? — спроснл отец.

— Я непрочь немного отдохнуть. Этот бессовестный порядочно-такн утомил меня, — сказал Самвел, указав на оленя.

Подбежавшие слуги увели оленя. Самвел вместе с отцом направился к палаткам. Нусик последовал за ними. А персидский полководец Карен пошел посмотреть, что поделывают другие охотн.

Около одной из палаток отец сказал Самвелу:

— Войдем сюда, это наша палатка!

— Мне хочется немного прогуляться по острову и насладиться его красотой, — ответил Самвел, — палатки окончательно навели на меня тоску. Да и грешно сидеть в них, когда над тобой ясное небо, а вокруг шелковистая зелень и чудесные берега Аракса!

Отец снова заметил, что сын все еще мрачен. Чем же он так обеспокоен? Ведь все, что делалось сегодня, делалось лишь для того, чтобы занять и развлечь Самвела! А он как будто избегал всего этого. Он искал уединения, он стремился к тишине пустынных мест, чтобы быть с самим собой, чтобы углубиться в свои думы. Отец не дал ему уйти одному, взял его за руку, и они вдвоем медленно направились в ту сторону острова, где было меньше зарослей.

Издали были слышны звуки охотничьих рогов, доносились разноголосые крики. Отец и сын шли медленными шагами по мягкой траве, украшенной пестрыми цветами, которая расстилалась перед ними подобно узорчатому ковру. Долго они шли молча, пока не очутились на берегу. Там их привлекли под свою сень плакучие ивы. Сын и отец сели рядом. Как приятно было в тени! Ивы давали им живительную прохладу своей непроницаемой листвой, хотя полуденное солнце уже начинало сильно палить.

Между отцом и сыном царило напряженное молчание. Оба хотели говорить, но не знали, с чего начать. Это было в первый раз, что они находились вместе и в таком уединении. Каждый из них готов был раскрыть свое сердце. Отец хотел подробно объяснить сыну свои намерения, рассказать, как он представляет себе его будущность, что он намерен сделать для его счастья. Кроме того, он хотел объяснить, каковы его политические задачи, относящиеся вообще к положению Армении. Сын же не нуждался в новых объяснениях. Он уже все знал и все понял. Он хотел лишь заявить отцу, что все то, что отцом совершено и что он еще намере-

вается совершить, несомненно приведет родину к невозвратной гибели, и что он, Самвел, отвергает славу, добытую на руинах родной страны.

Пока отец и сын сидели в щемящем душу молчании, которое в любой миг угрожало взрывом, юный Артавазд на другом берегу острова совершал чудеса. Его собаки выгнали из камышей свирепого вепря с белоснежными острыми клыками; страшно рыча, вепрь кидался из стороны в сторону, и всякий раз собаки всей стаей отскакивали от него, как мыши от кошки.

В тех местах охотились верхом, так как местность была довольно подходяща для езды на конях. Только у самого берега были топкие заросли камышей, откуда собаки и выгнали вепря. Он всячески старался вернуться в свое мрачное логово, в камышевые заросли, но персидские юноши длинной цепью загородили ему дорогу. Каждый раз, когда вепрь приближался, они копьями отгоняли его назад. Поле сражения было предоставлено юному Артавазду, который должен был один на один сразиться с опасным зверем.

— Артавазд, держись дальше! Так нельзя!.. — крикнул ему Меружан, с особым интересом наблюдавший за борьбой юноши и свирепого зверя.

— Это что? — ответил Артавазд с обычным хвастовством. — Я однажды в лесах Бзнуника убил медведя...

Меружан поверил, но все же приказал персидским юношам помочь юному охотнику.

— Не надо, умоляю! — крикнул Артавазд весьма настойчиво. — Вели, чтобы мне не мешали. Я один прикончу зверя. Он мой, ведь я его нашел в топях камыша.

Меружан приказал не вмешиваться. Артавазд обратился к старику Арбаку:

— Дай мне твоего коня, дорогой Арбак! Мой пуглив, а твой конь стар и опытен, как ты.

Старик с неудовольствием слез с коня.

— Если бы не твой язык, голову твою унесли бы вороны.

Артавазд не обратил внимания на злую насмешку Арбака, вмиг вскочил на его коня, а своего отдал ему. В это время вепрь, попавший в ловушку, рыча и хлопая большими ушами, перебегал с места на ме-
искал выхода, но со всех сторон встреча-

ских юношей. Артавазд стал гоняться за вепрем. Болотное страшилище то и дело направляло на коня Артавазда страшные клыки, но Артавазд всякий раз поражал его сильными ударами копья. Вскоре он заметил, что его удары не причиняют вепрю никакого вреда. Это его разозлило. Но еще более разозлился юноша, когда услыхал, как персидские юноши над ним подсмеиваются.

— Милый Арбак, — обратился он к старику с новой просьбой, — умоляю, дай мне твое копье; мое очень легкое и тонкое, боюсь, что оно сломается.

— Возьми, дорогой Артавазд, — добродушно сказал старик, — возьми мое копье, но вот рук своих я дать тебе не могу.

Меружан пояснил скрытую усмешку старика:

— Чтобы владеть копьем Арбака, надо иметь его крепкие руки, Артавазд.

— Да ведь и я не из мелких зверей, — ответил Артавазд, глядя в лицо Меружану с вызывающей самоуверенностью.

Хвастовство юноши вызвало на этот раз глубокую радость Арбака, который с удовольствием обменялся с ним копьями.

Копье действительно было несколько велико и тяжеловато для слабых рук Артавазда, но он знал, как нужно с ним обращаться, сидя на коне. Он присоединил к силе своих молодых рук огромную силу своего коня. Не теряя времени, Артавазд взял под мышку правой руки древко длинного копья и, держа его наперевес острием вперед, пришпорил изо всей силы коня и погнал его на вепря. Стремительный напор сильной лошади был вполне достаточен для того, чтобы копье вонзилось в бок вепря и пронзило его насквозь.

— Так было легко пронзить зверя, — смеясь закричали персидские юноши, — но посмотрим теперь, как ты вытащишь копье!

Артавазд круто повернул коня, конь рванулся и легко извлек копье, а огромный вепрь остался лежать на земле.

Со всех сторон раздались крики одобрения. Арта- [illegible] добычу, которую слуги немедленно пово- [illegible]ам, а сам подъехал к группе зрителей.

Прекрасное лицо его сияло от радости. Он вернул старику Арбаку коня и копье, прошептав ему на ухо:

— Спасибо тебе за твою доброту, дорогой Арбак, иначе эти персидские щенки засмеяли бы меня.

Так продолжалась охота, в то время как Самвел вместе с отцом сидели на берегу острова. Самвел молча смотрел на красный поток Аракса, который нежными волнами ударялся о песчаные берега. Вода казалась похожей на алую кровь. Отец рассказывал ему о своих планах и намерениях, конечно, в той мере, в какой мог доверять сыну. Рассказал, что когда «с божьей помощью» они доставят пленных армян и евреев в Тизбон и когда он сам будет иметь счастье еще раз удостоиться милостивой награды царя Шапуха, они вместе с Меружаном вернутся в Армению, и здесь в качестве спарапета всей Армении он займется организацией находящихся под его началом армянских войск. Рассказал о том, какую форму намерен придать Меружан новому, им созданному государству. Он очень злобно говорил о «злодеяниях» и «безнравственности» Аршакидов и, увлеченный успехами Меружана, выражал свою глубокую радость по поводу того, что наконец-то они освободятся от невыносимого ига Аршакидов и что Армения под мощным скипетром Меружана вновь обретет мир и спокойствие. Самвел слушал молча; слова отца, точно отравленные стрелы, вонзались в его опечаленное сердце.

Потом отец стал рассказывать о своих намерениях относительно Самвела. С особой радостью он сообщил, что царь Шапух много раз слышал о Самвеле, знает о его доблестях и что в Тизбонском дворце уже известно его имя. Надо только, чтобы Самвел представился царю царей Персии, и тогда Шапух обязательно назначит его начальником армянской конницы, находящейся в Персии. Таким путем Самвел станет приближенным персидского двора и вообще персидского царского рода. Его красота, дарования и благовоспитанность являются залогом того, что царь царей Персии выдаст за него замуж одну из своих дочерей с таким исключительно богатым приданым, какое получает всякий, имеющий счастье быть зятем царской семьи.

Самвел почти не слушал. Он выслушал со внима-

нием только начало рассказа отца, а каков будет его конец, он знал заранее. Он сидел, понурив голову, печальные глаза его были устремлены на обрубок толстого полусгнившего бревна, выброшенного рекой на берег. Иногда же его внимание отвлекал странный шорох, доносившийся из ближайших кустов. Отец заметил это и стал его успокаивать:

— Там шевелится, вероятно, какой-нибудь зверь, убежавший от охотников.

— Нет, это ветер шевелит кусты, — нехотя отозвался Самвел и снова стал смотреть на бревно.

Иногда даже самые незначительные предметы вызывают довольно занятные мысли. Глядя на кусок бревна, Самвел размышлял: «Если это толстое бревно, легкое от гниения, бросить в воду, можно ли на нем переправиться на другой берег реки?..»

Ближние кусты действительно раскачивал ветер. Погода, столь тихая и прекрасная утром, после полудня стала хмуриться. Поднялся обычный в этих местах ветер, и в чистом воздухе закружилась тонкая красноватая пыль. На всякого, не знакомого с местными условиями, это странное явление производило гнетущее впечатление. Ясный горизонт внезапно окрашивался в багровый цвет, и человеку начинало казаться, что с неба идет мелкий, распыленный кровавый дождь. Этот мрачный пейзаж как нельзя более соответствовал душевному состоянию Самвела.

— Странными свойствами обладает Аракс, — заговорил он, точно сам с собою, — удивительными качествами обладают и его таинственные окрестности. Лучезарное, ясное утро сменяется сумрачным, унылым днем и багровым туманом. На смену веселью, беспечной радости приходит щемящая тоска. Грустно! Я хотел немного забыться. Но напрасно... О, если бы я... Если бы я был злодеем! Может быть, и меня постигла бы та же судьба, что выпала на долю злого сына Арташеса... Во время охоты он вместе со своей лошадью утонул в пучинах Аракса. Земля не выдержала злодеяний царевича, которыми он насытил Армению: раскрыв свою страшную пасть, она поглотила его.

Отец с ужасом слушал Самвела.

— Почему ты вспомнил об этом печальном собы-

тни? — спросил он, взяв дрожащей рукой правую руку Самвела.

— Не знаю, быть может потому, что мы находимся недалеко от тех роковых мест, где произошло это событие. Жалкий злодей исчез в пучинах Аракса, но не нашел успокоения... Каджи Масиса увели его, приковали к скале в темной пещере, где он мучается и до сих пор...

— Самвел! — воскликнул отец не своим голосом, — что с тобой? Откуда у тебя эти мрачные мысли? Ты хочешь смерти, тебе невыносима жизнь! Но ведь ты в таком возрасте, когда едва начинается цветущая весна твоего счастья! Чего же тебе недостает? Твой отец готов со всей свой родительской любовью сделать для тебя все возможное. Послушай, Самвел, ты даже не постигаешь своего безграничного счастья, щедрые блага которого еще ожидают тебя. Тысячи княжеских сыновей должны завидовать твоей славе, тысячи княжеских дочерей должны мечтать о супружестве с тобой! Ты же изберешь для себя прекраснейшую из прекраснейших: несравненную дочь царя царей Персии.

— Ничто не может залечить раны моего сердца, отец, ничто не может изгнать из моей души печаль, день и ночь терзающую меня. Жизнь поистине стала для меня невыносимой, и я охотно бы умер, если бы знал, что после смерти нет иной жизни. Но люди уносят с собой в могилу свои горести. Это ужаснее, чем вечная мука и бездна ада...

При этих словах он повернул к отцу бледное лицо и продолжал с глубочайшим волнением в голосе:

— Отец, мы здесь одни, здесь нас никто не услышит. Позволь мне излить перед тобой все свои горести, все свои страдания.

— Говори, дитя мое, открой отцу свое сердце. Что тебя мучает? С того дня как ты приехал, я все время замечаю в тебе какую-то тревогу, какое-то душевное беспокойство... Не скрывай ничего и будь уверен, что отец питает к тебе такую безграничную любовь, что может отозваться на все твои тревоги и посочувствовать твоему горю.

— Как же не горевать, как не печалиться, отец! Даже каменное сердце, даже душа, в которой вымерли

все человеческие чувства, не могут оставаться равнодушными при виде того, что увидел я, того, что еще буду иметь несчастье видеть. С того дня, как я выехал из нашего замка, со дня, как я покинул Тарон, и до моего прибытия сюда, я находился среди варварских разрушений: видел города, превращенные в пепел, видел безлюдные села, видел разрушенные монастыри и храмы... На каждом шагу нога моя утопала в крови, да, в крови моих соплеменников. Кто же совершает эти преступления и для чего?

Отец совсем не ожидал от сына таких слов. Он остолбенел под градом упреков, в которых выражалась печаль его сына.

— Ты молчишь, отец, ты не отвечаешь. Мне понятен смысл твоего молчания. Но разгром родины, плач и слезы тысяч людей дают смелость твоему несчастному сыну сказать тебе, что все эти жестокости совершены руками двух людей, из которых один — мой отец, а другой — мой дядя, Меружан Арцруни...

— Великие дела требуют больших жертв, — прервал Самвела отец.

— Верно! Великие дела требуют больших жертв,— с горечью повторил Самвел,— но ты, отец, правильно ли сравнил величие дела с размерами преступления? Уничтожить родную страну, уничтожить родную веру и на развалинах Армении создать персидское царство, — вот то дело, которое ты, отец, называешь великим.

— Почему персидское царство? — с раздражением сказал отец. — Разве Меружан перс?

— А то кто же? И ты, отец, и он — вы отреклись от христианства и приняли религию персидского царя Шапуха. Армянские храмы заполнили персидскими магами и первомагами. Всюду принуждаете отречься от христианства. Моя мать уже стала огнепоклонницей и в благочестивом доме Мамиконянов устроила персидское капище. Мои братья теперь говорят между собой только по-персидски. Армянский язык изгнан из нашего дома. Вы уничтожаете армянские книги, чтобы распространить в Армении персидский язык и персидскую письменность. Вчера я видел своими глазами, как перед голубым шатром Меружана жгли армянские рукописи. Что же остается в нашей стране армянского после

всего этого, если будет уничтожена религия, уничтожены язык, народные предания, если, наконец, армяне будут жить по персидским обычаям и молиться по-персидски? Можно ли такое государство считать армянским? Рано или поздно оно растворится, исчезнет в персидском царстве и вместе с ним исчезнут, сгинут народные святыни...

— Будь что будет! Лишь бы уничтожить династию Аршакидов, — ответил отец, все больше раздражаясь.

— А чем же были плохи Аршакиды?

— Ты еще спрашиваешь, Самвел! Ты ведь не ребенок! Достаточно только вспомнить то, чему ты был свидетелем сам. Сколько злодеяний совершил на твоей памяти царь Аршак, ныне обреченный на мучения за свои грехи в крепости Ануш. — Он стал перечислять подробно деяния Аршакидов и затем добавил: — Неужели ты хотел бы, чтобы такая порочная и запятнанная династия продолжала существовать?

— Поведение твое и Меружана еще хуже, — сказал Самвел, не выражая на этот раз сыновнего почтения.— Грязь не смывают грязью, а безнравственность не уничтожают безнравственностью. Для борьбы с ними есть иные меры... Среди Аршакидов были и сейчас имеются почитаемые люди, доблестями которых всегда должен гордиться армянский народ. Если же в этой славной семье за последнее время появились отдельные безнравственные люди, то это их собственные грехи, за которые они должны сами расплачиваться. Зачем же за их грехи наказывать весь армянский народ? Я скажу больше, отец, даже самые порочные цари из Аршакидов не доходили до того, чтобы предавать свою отчизну и родную церковь! А вы — ты, отец, и Меружан?!

Последние слова молнией поразили сердце отца. Все его радужные надежды, все горячие мечты рухнули разом. Он горячо надеялся, что сын будет не только сочувствовать, но и содействовать ему. А теперь его сын оказался противником, и притом таким противником, с которым очень трудно было сладить. Как с ним поступить? В душе князя с ужасающей силой боролось чувство родительской любви с требованием долга. Чему отдать предпочтение? Он сильно раскаивался, что дал повод сыну заговорить до такой степени откровенно. Но

было уже поздно. Нужно было делать выбор: либо сын, либо начатое дело. Лишиться и того и другого было бы смертельно ужасно.

Между тем погода совсем испортилась; красный ветер яростно выл и беспощадно обдавал красной пылью собеседников. Но они этого не замечали.

— Ты приехал порицать своего отца, Самвел? — сказал князь после нескольких минут тяжелых душевных мук.

— Нет, отец, не для этого я приехал. Я приехал поговорить с тобой об истинном, справедливом и честном, о чем никто не осмелился бы говорить с тобой, кроме меня. Я приехал просить тебя, умолять от всего сердца, во имя моей горячей любви к тебе оставить этот путь, который ведет к неотвратимой гибели нашу отчизну, а род Мамиконянов к вечному проклятию и осуждению.

Отец расчувствовался и мягко ответил:

— В тебе говорят горячие чувства молодости и чистота сердца, Самвел! Я не могу не радоваться, что ты сохранил эту душевную непорочность. Но указания сердца редко бывают правильными. К несчастью, в отношениях между государствами и народами очень малое место занимает то, что ты называешь добродетелью и нравственностью. Сильный всегда угнетает и уничтожает слабого. Что поделаешь? Беспощадная необходимость нашей жизни иногда направляет нас по этому пути и заставляет совершать такие дела, от которых может содрогнуться даже ад. То, что мы совершили, было неизбежно и необходимо. Мы соединились с персами, чтобы освободиться от коварных византийцев. Персы — наши давнишние друзья. За последнее время христианство разделило нас и воздвигло между нами преграду. Обстоятельства требуют разрушить эту преграду и протянуть руку старому другу.

— Но вы разбиваете не преграду, а основание, — прервал Самвел.

— Отнюдь нет! Слушай, Самвел! Мне пришлось бы долго говорить, если бы я начал тебе доказывать, что, отрекаясь от веры в Иисуса Христа и возвращаясь к прежним нашим богам, мы ничего не теряем. Я тебе повторяю то же, что сказал несколько минут тому на-

зад: великие дела требуют больших жертв, и мы вынуждены были принести эту большую жертву.

— Но где же то великое дело, ради которого вы приносите в жертву веру, церковь? — спросил Самвел, снова придя в возбуждение.

— Низвержение древней тирании, гибель Аршакидов, — ответил отец. — Неужели ты считаешь это маленьким делом?

— Я не считаю. Но ради чего вы стараетесь погубить Аршакидов?

— Если мы их ие погубим, то они погубят иас. Разве ты забыл, с какой яростью царь Аршак и его отец уничтожали нахарарские княжества?

— Не забыл! Но я опять скажу тебе, что для предотвращения своеволия Аршакидов существуют иные, более подходящие средства.

— Нет никаких иных средств, кроме тех, которые иами применяются и будут применяться. Армянские нахарары разделились на две большие партии: одна, под руководством духовенства, старается сохранить разбитый трон Аршакидов; другая идет за миой и Меружаном и хочет, уничтожив старое, образовать новое царство. Вполне естественно, что внутренняя распря должна была превратиться в войну. Наши противники обратились за помощью к Византии, а мы стали искать поддержку у персов. Началась внутреиняя кровопролитная борьба. Чем она коичится, бог ведает, но пока удача на нашей стороне.

— Знаю, что на вашей стороне. Но пусть вас не прельщает этот обманчивый успех...

Говоря это, Самвел схватил отца за правую руку.

— Слушай, отец! Внемли мольбе своего страдальца сына, не оскверняй вечным позором светлую память наших предков Мамиконянов! Еще ие поздно! Еще есть возможность поправить дело. Уничтожьте этот проклятый персидский стан, присутствие которого оскверняет армянскую землю. Удалите персов! Отпустите пленных армян: пусть они разойдутся по домам и утрут слезы своих близких. Пусть не будет сражений, пусть не будет войны, ставшей причиной стольких бедствий. Пусть восстановится мир и армянская земля иаслаждается прежним покоем. Я пойду к Меружану, буду

просить его о том же, стану целовать его ноги, чтобы он внял моей мольбе.

Отец встал и сердито сказал:

— Напрасны будут твои мольбы и просьбы, Самвел! Меружан не из тех, которые прислушиваются к словам невежд.

Кровь горячо ударила в голову Самвела.

— Отец! — воскликнул он взволнованно, и глаза его загорелись гневом. — Это я — невежда?

— Да, ты, Самвел! Мне не удалось разъяснить тебе мои мысли и мои задачи. Теперь остается спросить тебя: к какой партии ты принадлежишь?

— К той партии, которая осталась верна церкви и любимому царю.

— Значит, ты мне не сын. Кто не с нами, тот против нас. А таких мы умеем наказывать беспощадно.

— И ты мне не отец!

— Самвел!

— Что, предатель?

Отец схватился за меч. Но сын уже обнажил свой меч. Он сверкнул в его руке и, как молния, вонзился в сердце отца. Ваган Мамиконян упал, тяжело выдохнув:

— Отцеубийца!

Неподвижной статуей стоял Самвел и смотрел на лежавшего в крови отца. Затем он отер рукою слезы и поднес к дрожащим губам маленький серебряный рог. Зловещие звуки рога возвестили об ужасном событии. Со всех сторон острова раздался гул ответных рогов.

Ветер, бешено завывая, носился бурей, крутя в воздухе густую красную пыль. Горизонт окутался сумраком темно-кирпичного цвета, затемнявшим вечерние лучи солнца. Под напором бешеного ветра зеленые кусты и колючие заросли то пригибались к земле, то снова поднимали свои колеблемые ветром верхушки. Испуганные воробьи носились в воздухе, точно маленькие клочья ваты. Даже быстрокрылый сокол с трудом сопротивлялся яростному напору разбушевавшейся стихии. Буря постепенно усиливалась; человек и животное, пресмыкающиеся и птицы искали себе пристанища. Глубоководный Аракс вздымался над берегами, как будто хотел увидеть, что происходит вокруг.

Княжий остров содрогался в страхе перед буйными волнами, которые, казалось, готовы были в любой миг поглотить его бесследно.

В общей суматохе охота на зверей прекратилась; началась иная охота.

Вначале казалось, что охотники, испуганные силой урагана, потеряли друг друга и рассеялись по разным сторонам острова, чтобы найти убежище. Никого не было вокруг. Особенно заметно было отсутствие людей Самвела.

Виден был только белый всадник — Меружан.

Он спешно гнал свою лошадь в сторону палаток. Велико было его удивление, когда он нашел палатки опрокинутыми и пустыми. «Быть может — подумал он — ветер опрокинул палатки, и люди в страхе разбежались, боясь как бы разъяренный Аракс не затопил остров. Нет, тут, как видно, кроется заговор», — промелькнула у него мысль, и он, схватив висевший у него на груди изогнутый рог, затрубил. Но никто не отозвался. Он поспешил к мосту. То там, то тут попадались ему трупы. Он их узнавал. То были его люди и люди Самвела. По гордому лицу Меружана пробежала горькая усмешка: «Дети устроили нам ловушку!» — подумал он и погнал лошадь дальше.

Вдруг одновременно с ревом ветра послышался свист: чья-то стрела ударила ему в бок, но со звоном отскочила. За ней полетела вторая, третья... Последняя застряла в бедре.

— Ах, если бы я знал, что на тебе кольчуга! — послышался резкий голос из ближайших зарослей, заглушенный быстрым ветром.

Меружан беспокойно посмотрел во все стороны. Погнал лошадь туда, откуда летела стрела. Густые заросли преградили ему путь. В это время новая стрела попала ему в голову и снова отскочила.

— Тьфу, черт возьми!.. — послышался сердитый голос. — У него и голова в железе!..

Меружан в глубоком волнении повернул коня, не зная, куда ему направиться. Он схватил стрелу, которая все еще торчала у него в бедре, и с гневом выдернул ее; кровь полилась ручьем. Горькая усмешка снова появилась на его гордом лице. Покачав головой, он ска-

зал себе: «Прежде мы охотились на зверей, прячущихся в зарослях, а теперь из зарослей за нами охотятся сидящие в засаде люди».

В засаде же находился не кто иной, как юный Артавазд. Ему выпало на долю поразить Меружана. Но его горячее желание осталось неисполненным. Его стрелы попадали в железный панцирь Меружана, скрытый под его одеждой. Артавазд ощупью прополз через кусты и заросли и вышел на ту сторону острова, где был привязан его конь. Он вскочил на него и помчался к своим товарищам.

В это время по другую сторону острова в густой пыли урагана боролись двое: старик Арбак и персидский полководец Карен. Перс сердито кричал:

— Довольно, старая лисица! Помни, что ты наш гость, и я щажу тебя!

— Спасибо за любезность, — улыбаясь ответил старик. — Когда перс впадает в отчаяние, он становится великодушным.

— Ты убил моего коня, и я теперь пеший, а сам ты сражаешься, сидя на коне.

— Я сейчас сойду с коня, пусть наши силы будут равными!

Арбак соскочил с лошади и отвел ее в сторону. В этот момент хитрый перс вскочил на его коня и мигом умчался.

Самвел после рокового убийства искал Меружана. Долго он бродил по острову, желая встретиться с ним и горя жаждой мести. Но вместо Меружана он наткнулся на старого Арбака, который остолбенело смотрел в ту сторону, где исчез его трусливый противник.

— Меня обманули! Ужасно обманули! — проговорил он, обращаясь к Самвелу. — Десять ударов копьем не так бы меня огорчили, как этот обман.

Он рассказал Самвелу, какую шутку сыграл с ним перс.

— Не беда! — ответил Самвел, утешая огорченного старика. — Мы еще с ним встретимся. А теперь труби в рог, пусть соберутся наши люди.

Старик затрубил.

Из сорока телохранителей Самвела появилось только семеро. Остальные лежали в разных концах острова

ри. — Если в твоей ране есть хоть капля яда, пусть все наши тела пропитаются им. Яда нет! А жар — от простуды. Пересекая холодные волны Аракса, ты промок, а холодный ночной ветер надул простуду. С помощью всемогущего ты скоро поправишься, высокоименитый тер!

Возле больного стоял прохладительный напиток, и он поминутно утолял сильно томившую его жажду. Уверенья врачей хотя и не совсем успокоили его, но он все же повернулся на подушках и умолк. Он боялся отравления. Рана сама по себе мало его беспокоила: не в первый раз ему приходилось быть раненым.

Меружан сильно изменился за эту ночь: красивое лицо его побледнело и осунулось; мужественный лоб пожелтел, точно после долгой болезни.

К нему приблизился слуга с докладом: некоторые военачальники просят разрешения его проведать.

— Пусть войдут! — приказал Меружан.

Лекари отошли в сторону. Вошли Хайр Мардпет, полководец Карен и другие. Первые двое сели справа и слева от постели больного, остальные — немного поодаль. Не успели они спросить Меружана о здоровье, как он перебил их:

— Посланные вернулись?

— Вернулись, — мрачно ответил Хайр Мардпет. — Князя Мамиконяна не нашли, о нем все еще нет никаких известий. Тела же убитых доставлены в лагерь.

Когда в стане узнали о случившемся на Княжем острове, то немедленно ночью отправили на помощь несколько быстроходных конных отрядов. Но они добрались лишь тогда, когда все уже было кончено. На рассвете они обыскали весь остров, нашли тела убитых и несколько человек раненых. Тело Вагана Мамиконяна нашли на месте убийства и вместе с остальными доставили в лагерь. Но Хайр Мардпет скрыл это от больного, чтобы не огорчать его.

— Это меня очень удивляет, — сказал больной. — Если сын завлек отца и поднял на него свою изменническую руку, в чем я не сомневаюсь, то по крайней мере, должны были обнаружить тело убитого.

— Все это произошло у берегов Аракса, — заметил один из лекарей. — Отчего не предположить, что отце-

убийца бросил труп отца в волны Аракса, чтобы скрыть свое преступление.

— Нет, такой безжалостности Самвел не допустил бы, — сказал больной, — он способен убить, но не надругаться над трупом отца.

— И я того же мнения, — сказал Хайр Мардпет. — Самвел, этот благонравный и меланхоличный юноша, строг и великодушен, как его отец. Из персидских юношей не тронут ни один. С мальчиками он не захотел биться. Сами юноши мне рассказывали, что когда люди Самвела, как звери, разбрелись по острову, убивая наповал каждого встречного, мальчикам они предоставили возможность бежать.

— Вызывает недоумение то, что не найдена лошадь убитого, — заметил полководец Карен.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил Хайр Мардпет. — Быть может, кто-нибудь из людей Самвела во время общего смятения сел на нее и ускакал.

— Весьма возможно, — сказал полководец Карен. — Со мной случилось то же самое. Никогда, ни в одной войне я не терял своего коня, а на этом острове потерял. Можете себе представить, как? Мне встретился дядька Самвела, этот вероломный старик, которого зовут Арбак. С неожиданной дерзостью он напал на меня и ударом копья убил коня. Я оказался пешим. Мне оставалось только одно — выбить его из седла и воспользоваться его лошадью. Но он с такой яростью единоборствовал со мной, что, только отправившись на тот свет, оставил мне своего коня.

Карен стал подробно описывать свое единоборство с Арбаком. В его рассказе, кроме бесстыдного вранья, значительное место было уделено самохвальству. Каким обманным способом ему удалось захватить лошадь старого Арбака, читателю уже известно. Возвращение Карена в стан на чужом коне было достаточным доказательством того, что он в этой схватке не проявил никакой доблести.

Больной не слушал. Голова его, возбужденная лихорадочным жаром, в эту минуту была занята мыслью об исчезновении князя Мамиконяна, вызывавшем разные предположения. Хайр Мардпет, скрыв от Меру-

жана известие о том, что Ваган убит и его тело находилось уже в стане, не только не облегчил состояние больного полководца, но, наоборот, вызвал в нем ряд тяжелых размышлений. А вдруг сын сумел склонить на свою сторону отца, и оба они вместе бежали? Каковы были бы последствия такого бегства, если бы это было верно? Неужели князь Мамиконян мог оказаться таким низким изменником, после того как связал себя крепкой, нерушимой клятвой? Неужели он изменил своему другу и сподвижнику?..

Пока Меружан был охвачен такими размышлениями, полководец Карен стал упрекать присутствующих в том, что они совершили большую ошибку, оставив стан и отправившись на охоту, несмотря на предупреждение магов, которые советовали им не трогаться с места. Предсказание сбылось, и они, отправившись на Княжий остров, попали в ловушку.

— Ошибка — это еще полбеды, полководец, — добавил Хайр Мардпет. — Хуже то, что нас сумели обмануть мальчишки. В этом смешная сторона дела.

Больной заволновался.

— Мальчики нам не чужие, Хайр Мардпет, мальчики наши родичи, — сказал он разгневанным тоном. — Ты бы сам с радостью отправился с ними на охоту, если бы тебя пригласили. Но мы не пожелали обременять твоим присутствием предстоящее нам развлечение.

Ответ был довольно строг. В другое время, быть может, надменный евнух не стерпел бы таких слов. Но на этот раз он пощадил больного, который тотчас же отвернулся и уже больше не глядел на него.

Пока в голубом шатре Меружана велись такие тягостные разговоры и никто из собеседников не знал—порицать ли товарища, или утешать его, пока все присутствующие в шатре пребывали в состоянии какого-то тяжелого уныния, — да, именно в это время вдали от стана, на одном из холмов города вдруг поднялся длинный шест с развевающимся на нем разноцветным знаменем. В стане еще не заметили этого, хотя утренняя мгла уже рассеялась и вся окрестность утопала в ярких лучах солнца. От утреннего нежного зефира знамя переливалось всеми цветами радуги и, точно злой дух, раскрывший свои цветные крылья, стремилось взле-

теть, низринувшись с высоты на стан, и, наведя на него ужас, уничтожить его.

Первым заметил знамя больной Меружан. Пристальным, тревожным взором смотрел он в ту сторону. Края знамени были обрамлены черным. Он сразу узнал изображение в середине и вздрогнул всем телом. Удар молнии не мог бы так подействовать на него, как этот цветной кусок ткани. «Жестокая старуха не перестанет преследовать меня», — подумал он, и опять по его бледному лицу пробежала та самая горькая усмешка, которая всегда появлялась у него в минуты душевного волнения. Для него все было уже ясно. Все его сомнения исчезли, в особенности, когда вошедший слуга доложил, что пришли послы и просят допустить их к князю.

— Пусть войдут, — сказал больной.

Хайр Мардпет не в состоянии был дальше терпеть; его возмутило безрассудство больного Меружана, даже не спросившего предварительно о том, кто послы и с какой целью они явились к нему.

— Ты всегда был таким неосторожным, Меружан, — наставительным тоном сказал он. — Твое самомнение не раз доводило тебя до беды. Как можно принимать послов, не зная заранее, кто они такие или для каких дел прибыли. Разве не может случиться, что кто-нибудь из них ударом кинжала нанесет тебе новую рану и во время бегства оставит свой труп у входа в шатер? Разве мало бывало таких случаев?

— Много было таких случаев, — спокойно ответил больной. — Но я уже знаю, что это за посольство.

— Откуда ты знаешь?

— А вот взгляните на тот холм. — Он указал на развевающееся знамя.

Взоры всех обратились туда.

— Знамя! — воскликнули все вместе.

— Знаете ли вы, что это за знамя?

— Не разберешь! Довольно далеко!

— Зато я вижу его совершенно ясно. Такое же знамя с крылатым драконом развевается сейчас над моим шатром. Это родовое знамя князей Арцруни. Кроме меня и моей матери, никто не имеет права поднимать это знамя. Раз оно показалось вот там на холме, значит под

ним стоит моя мать со множеством войск. И послы, без сомнения, идут от нее. Я должен их принять.

Все были сильно поражены и хранили молчание.

Гнев точно придал силы больному. Новая, неожиданная мука вытеснила невыносимую боль, которую он испытывал от раны, подобно тому, как один яд уничтожает другой. Он приподнялся и сел на постели. Слуга накинул ему на плечи легкий шелковый халат. Затем он обратился к присутствующим со словами:

— Вот видите, уважаемые друзья, только один день я не был в стане, лишь одну ночь разрешил себе поспать, а вы уже не сумели уследить, что делается вокруг стана. Мы осаждены врагами. И среди них мой самый большой враг — моя мать.

Присутствующие от стыда опустили головы, не находя слов для оправдания. Он обратился к слуге и повторил:

— Скажи, чтоб послы вошли.

У входа в шатер появились трое вооруженных с ног до головы почтенных старцев крупного телосложения и с большими бородами. Они низко поклонились, оставаясь стоять у шатра. Меружан узнал всех троих. Это были старые полководцы князей Арцруни.

При мысли о том, что послы матери застали его раненым в постели, гордый и себялюбивый князь чуть не задохнулся от гнева. Но вместе с тем в его огрубевшем, равнодушном сердце вдруг проснулось теплое чувство, когда он увидел знакомые лица, пробудившие в нем давно забытые воспоминания...

— Пожалуйте сюда, — сказал он приветливо, — садитесь.

Они вошли и сели на ковер у ложа больного.

Больной протянул руку к прохладительному напитку, налил его в серебряную чашу, поднес к дрожащим губам и, утолив жажду, обратился к пришедшим:

— Добро пожаловать! Надеюсь, что вы пришли ко мне с добрыми намерениями.

— И с добрыми, и с недобрыми, о храбрый Меружан, — ответил один из послов. — Ты, конечно, знаешь нас. Начиная с твоего детства, мы служили тому славному дому, к которому ты имеешь честь принадлежать. На теле каждого из нас имеются рубцы от сотен ран,

полученных нами в многочисленных боях, в которых мы участвовали, чтобы свято хранить честь и славу твоего дома. За последнее время в дела нашей дорогой страны впутался злой дух и все в ней перемешал. Наши поля обагрились кровью, наши города покрылись пеплом. Междоусобная война, внутренняя борьба из общей превратилась в семейную. Сыновья восстают против отцов; отцы убивают своих детей. Мать отказывает сыну в милосердии и любви, а сын ни во что ставит заботы матери. Плач и стон, слезы и стенания стали уделом тех семей, в которых прежде царили любовь и счастье...

Больной снова протянул руку к прохладительному напитку, чтоб утолить жгучую жажду. Старый воин продолжал:

— Такая распря возникла и в мирном доме князей Арцруни, о храбрый Меружан! Ты, конечно, не забыл о том печальном приеме, который оказали тебе твои горожане, когда ты вступил в Хадамакерт и подошел к почтенному порогу дома твоих предков. Твоя мать закрыла перед тобой двери отцовского дома. Твоя жена отвернулась от тебя. Твои дети сказали тебе: «Ты нам не отец!» И ты, понурив голову, пошел обратно от порога этого древнего дома, тером и князем которого ты был. Твоя семья посмотрела тебе вслед и прослезилась... Она посмотрела тебе вслед так, как опечаленные друзья и родичи смотрят на опускаемый в могилу гроб... Сыплется земля, и мрачное подземелье навеки скрывает усопшего от глаз его семьи... Так и твоя семья признала тебя умершим и погребенным, о храбрый Меружан! Умершим нравственно, умершим душой!.. И это было причиной той печали, которая охватила весь Хадамакерт. Двери были обиты черными полотнищами; на стенах висели черные флаги. Ты был мертв для твоих сограждан, ты отрекся от святой веры, которую почитали твои предки. Ты стал врагом той церкви, в спасительной купели которой был крещен. Ты изменил той родине, за незыблемость которой твои предки проливали кровь. Да! Ты погиб для твоей семьи и твоих горожан. Но тебя скрыли от их глаз не земля и не мрак могилы, а то несмываемое пятно позора, которым ты покрыл себя и светлое имя князей Арцруни...

Он приложил руку к морщинистому лбу, коснулся

густых бровей, которые, казалось, скрывали пламя его огненных глаз, и затем продолжал:

— На справедливое возмущение твоей семьи, на правый гнев своих сограждан ты ответил местью, применив ужасные жестокости, о храбрый Меружан! Вместо того чтобы раскаяться, вместо того чтобы измениться, вместо того чтобы добром снова возбудить в них любовь к себе и уважение, ты стал применять насилие. Ты беспощадно сжег город Ван, принадлежавший тебе и твоим предкам. Безжалостной рукой ты увел в плен своих собственных поданных. В чем их вина? В чем грешны твои сограждане? В том, что не подчинились тебе, в том, что не пожелали иметь своим тером и князем предателя?

Он указал рукой на знамя, развевавшееся на возвышенности, и продолжал:

— Смотри, о храбрый Меружан, вот там развевается знамя твоих предков! Около него стоит твоя мать — княгиня всего Васпуракана. Она предлагает тебе свою материнскую любовь или оружие своих верных подданых. Сделай выбор! Во имя христианской веры, во имя родительского милосердия она готова простить тебя, готова забыть все бедствия, которые ты причинил стране, если ты распустишь персидское войско, вернешь пленных армян и миром положишь конец войне. Если ты все это сделаешь, она протянет тебе свою материнскую руку для поцелуя, ты снова будешь тером и князем Васпуракана, и твой народ с покорностью подчинится тебе. А если нет, то пусть будет борьба, пусть снова кровь решит, на чьей стороне божья воля.

Все присутствующие скрежетали от злобы зубами и удивлялись терпению Меружана. Хайр Мардпет спросил с явным пренебрежением:

— А много ли войск привела с собой княгиня Васпуракана?

Посол, косо посмотрев на него, ответил:

— Она привела с собой наилучших мужей Васпуракана, о Хайр Мардпет! С ней и быстроногие мокцы, с ней и сасунцы с большими луками, с ней и страшные рштуникцы. С ней почитаемая нами крестная сила.

Хайр Мардпет расхохотался:

— Княгиня Васпуракана собрала вокруг себя весь сброд из горцев.

Меружану было очень неприятно вмешательство Хайр Мардпета и, в особенности, его пренебрежение по отношению к его матери. Меружан уважал в матери достойного врага, с которым можно было бороться, но которого нельзя было ненавидеть. Кроме того, Меружан при всей своей жестокости умел ценить прекрасное, возвышенное и благородное. Поэтому он мягко сказал:

— Хвалю усердие моей матери, она самоотверженно защищает интересы своей страны. Хвалю и твою смелость, о храбрый Гурген, с какою ты так откровенно передаешь мне слова матери. Надеюсь, что мой ответ ты передашь с такой же точностью. Скажи ей: если она упрямая мать, то я ее упрямый сын. Вскормленный молоком львицы должен хоть в малой мере обладать качествами льва. Пусть она не лишает меня этих родовых качеств. Я не хочу осуждать ее непростительное обращение со мной во время моего вступления в Хадамакерт и не буду оправдывать предпринятые мною шаги. Для таких объяснений время уже прошло. Могу лишь сказать, что у князей Арцруни имеется одно достойное похвалы качество — это их решительность. Пусть она не пытается нарушить мою волю, пусть не старается вызвать во мне колебания. То, что начато мною, я должен закончить. Ничто не может изменить моего намерения. Пусть борьба между нами решит, на чьей стороне божье веление.

— Но ты болен, о храбрый Меружан!

— Зато мои воины вполне здоровы, о храбрый Гурген!

Послы встали, говоря:

— Желаем и тебе полного здоровья.

Они поклонились и вышли из шатра.

Зловещее знамя, которое навело такой ужас на персидский стан, было выставлено на вершине одной из холмистых возвышенностей, у развалин Нахчевана, сожженного рукою Меружана. Несчастный город еще дымился в огне и пепле. Знамя развевалось над ним, как весть о скором утешении. Оно господствовало над

персидским станом. Страшный же стан занимал все пространство равнины, тянувшейся у подножья холма.

У знамени стояла княгиня Васпуракана и с большим нетерпением ожидала своих послов. Она была в черном одеянии, которое не снимала с того дня, как получила печальное известие об измене Меружана. «Он для меня мертв», — сказала с тяжким вздохом добродетельная княгиня, и с той поры поклялась носить черную одежду до того времени, пока не прекратит злодеяния сына.

Ее окружали прибывшие с ней горные старейшины, а также Самвел, Артавазд и старик Арбак. Юный Артавазд беспокойно кидался с места на место и не знал, что делать. Возле нее стояли: с одной стороны Гарегин, князь Рштуникский, а с другой — Ваграм, князь Мокский, и Нерсех, князь Сасуна.

Войска заняли разные позиции. Васпураканцы расположились на холме, где находилась княгиня. Рштуникцы затаились в городских садах, отрезав единственный путь к Еринджаку и к мосту Джуги. Сасунцы закрыли дорогу к Арташату. Мокцы захватили небольшие холмы у берегов Аракса. Таким образом, персидский стан с четырех сторон был окружен врагами.

Вернулись послы и передали княгине ответ ее сына. Точно мрачная туча пронеслась по ее благородному лицу, и ее кроткие глаза заволоклись слезами:

— Я и не ждала иного ответа, — сказала мать скорбным голосом. — Было бы чудом, если бы он поступил иначе. Но ведь он болен... он ранен...

В ее словах звучала острая горечь материнского сердца, скорбная тоска. Она все еще любила сына, попрежнему жалела его. Она готова была отдать все, чтобы без борьбы и без крови примириться со своей совестью и со своими чувствами. Она была даже готова уступить воле сына, простить ему все заблуждения, если бы его поведение не было причиной гибели тысяч людей. Но Меружан уводил с собой множество пленных, уводил на погибель в глубь Персии. Многие из этих пленных были подданными княгини, они служили ей верой и правдой, и она любила их, как родных детей. Как же можно было их лишиться?

Опечаленная женщина была охвачена этими тяжки-

ми размышлеиями, когда киязь Гарегин Рштуни обратился к ией со словами:

— Нам ли жалеть его, раз он ие пожалел своей родственнницы: мою жену он повесил иа башие ваиской цнтаделн.

Он напоминл о печальном конце несчастной Амаспун.

— Мы ие должиы жалеть того, — добавил киязь Мокскнй Ваграм, — кто превратил в пепелище наши города, кто разрушнл монастырн н церквн, того, кто сослал иашего любимого царя н почитаемую царицу, кто выжег армяискую землю и обагрил ее кровью...

— Кровь надо смыть кровью! — восклнкнул киязь Сасуиа Нерсех.

— А злодеяние — злодеянием,— вмешался юный Артавазд.

Самвел слушал молча.

Рядом с ним стоял старый Арбак, который недовольно заметил:

— Как бы вы нн хотелн смыть кровь водой и зло добром, неужели вы думаете, что этнм будет уничтожено зло?

— Он еще более укрепится в своей злобе, — заговорнл Самвел, — он чудовищный Нерн[1], объявившнйся в нашей мнриой стране и прииесший с собой голод, резню, заблуждения и разореиие. Не осталось такого зла, которого бы он не совершнл. Для него не существует ин раскаяиия, ни прощеиия. Он будет без конца продолжать мерзости в нашей стране. Как его пощаднть, раз ои сам этого не хочет? Ему не может быть пощады!

— Я и не собнраюсь его щаднть! — ответнла несчастиая мать, подымая грустные глаза на раздраженных князей. — Я иадеялась, что мой заблудший сын уважнт слезы матери и сойдет с дуриого путн. Только с этой целью я и отправнла к нему послов. Я надеялась, что ои хотя бы теперь раскается в свонх грехах. Но, как видио, всякие чувства к матери, к своему народу н к своей родиие давно уже угасли в его сердце. Поэтому ои мертв и для меня. Я буду страдать за него, но не буду его щадить. Отныне ои мне не сын. Отныне мои сыновья н мои дорогне дети — это миогочисленные плен-

[1] *Нерн* — антихрист.

ники, которые в оковах томятся в персидском стане. И, подобно тому, как некогда несчастная Рахиль, потеряв своих детей, не находила себе утешенья, я тоже, как мать, потерявшая детей, не буду иметь покоя, пока не увижу своих детей освобожденными. Эти пленники — мои дети, ваши дети, дети нашей родины. Мы должны их спасти. Мы освободим их не только телом, но и душой. Если их уведут в Персию, то там для этих несчастных уготованы палачи царя Шапуха, которые либо заставят их поклониться солнцу, либо мученически умереть. В тот день, как мы выступили в этот поход, мы поклялись освободить пленников. Мы поклялись также наказать врага у границ нашей страны. Всевышний помог нам, и мы благополучно прошли через все испытания, пока добрались сюда. Вот наш враг, он стоит там, внизу. Теперь от вашей храбрости, князья, зависит исполнение нашей клятвы. Такова воля бога.

— Да будет благословенна воля всевышнего, да прославится имя его! — воскликнули воодушевленные князья.

В то время как здесь все были охвачены воодушевлением, душа раздора армянской страны, князь Меружан, все еще лежал на своей роскошной шелковой постели в голубом шатре персидского стана. После ухода послов матери он долгое время метался в какой-то лихорадочной тревоге, чего до сих пор с ним, человеком крепкой воли и смелой души, никогда не случалось. Он рисковал сразу проиграть все, потеряв вместе с тем и свое счастье. После блестящих заслуг, после исключительных успехов быть вдруг побежденным, да к тому же еще старухой! Эта мысль ужасала его. Конечно, он никогда не блуждал бы в таких раздумьях, если бы был здоров. Но он был болен и немощен. Необходимость вручить свою судьбу и судьбу войск своим полководцам, которым он не совсем доверял, — вот что его чрезмерно угнетало. Быть может, если бы был жив князь Мамиконян, он был бы избавлен от таких забот. Но он лишился наилучшего друга и храброго соратника, которому только и мог полностью доверять. Что же следовало делать?

Хайр Мардпет, полководец Карен и остальные персидские военачальники все еще сидели у его постели и

с нетерпением ожидали приказаний. Он обратился к ним со словами:

— Теперь я понимаю, зачем Самвел под предлогом дружбы приезжал к нам и столь безжалостно поступил на Княжем острове. Он приехал изучить положение нашего стана, взвесить наши силы и, прежде чем начать против нас войну, уничтожить руководителей наших войск, чтобы легче выиграть победу. Я теперь не сомневаюсь, что именно он убил своего отца, а сам в настоящую минуту находится в стане моей матери.

— Ты думаешь, что Самвел по совету твоей матери устроил этот заговор? — спросил Хайр Мардпет.

— Я этого не думаю. Моя мать настолько честная женщина, что никогда бы обманным путем не подослала к нам заговорщика, да и Самвел не взялся бы за столь низкое дело. Но тем не менее я не сомневаюсь, что его приезд к нам состоялся если не по совету моей матери, то, несомненно, не без ее ведома. Самвел приезжал к нам с двумя целями: прежде всего постараться убедить своего отца и меня бросить начатое нами дело и присоединиться к нахарарам, поклявшимся в верности своему царю и старому порядку; а если бы это ему не удалось, то вторая его цель — пустить в дело меч. Так он и поступил. Он приехал к нам как жертва своей цели, и я не могу не позавидовать его энергии и самопожертвованию, свойственным лишь возвышенным душам. Если бы у меня было несколько человек, похожих на него, я был бы очень счастлив.

Он снова погрузился в глубокое раздумье. Но последние слова его обидели Хайр Мардпета. Оскорбились и персидские начальники.

— Лихорадочный жар путает твои мысли, Меружан,—сказал Хайр Мардпет высокомерно.—Ты не взвешиваешь своих слов. Неужели среди нас нет никого, кто бы мог сравниться с этим незрелым, мечтательным молодым человеком? Будь покоен, лежи себе в мягкой шелковой постели, и пусть лекари лечат твои раны. Мы пойдем на врагов твоих, покончим с ними. Неужели храбрые, опытные воины царя царей Персии дрогнут перед небольшой кучкой диких горцев?

— Идите, — раздраженно сказал больной. — Велите бить в барабаны и приготовьте войска к бою!— И, обра-

щаясь к слуге, прибавил: — Оседлать мне коня и приготовить оружие!

Хайр Мардпет, сильно раскаиваясь в том, что своей речью взволновал Меружана, схватил его за руку и стал умолять:

— Пожалей себя, Меружан! Ты ведь болен и совсем слаб. Ты окончательно погубишь себя. Оставайся в своем шатре и хотя бы на сегодня поручи нам начальство над войском. Иначе ты очень обидишь своих военачальников, если лишишь их этого права.

Персы-полководцы также стали упрашивать больного не выходить из шатра, и каждый из них упрекал его в том, что он относится к ним с недоверием.

— За участие и в особенности за верность благодарю вас, — ответил больной, — но я теперь чувствую себя совершенно здоровым. Мои воины так привыкли ко мне, что если бы я даже был близок к смерти, то и тогда приказал бы нести мой гроб перед полками. Это несомненно воодушевило бы их и вселило в них бодрость.

И на самом деле персы сильно волновались, и в лагере было смятение, так как все уже знали, что стан окружен врагами. Первыми возвестили о надвигающейся беде загонщики коней и мулов, которые пасли вьючных животных на дальнем расстоянии от лагеря. Завидя приближение врагов, они поспешили согнать животных и стали торопливо двигаться к стану. Было это еще до восхода солнца.

О нападении врага узнали и все пленные. Для них это было не скорбной вестью, а благой вестью о спасении. Радости и слезам этих несчастных не было конца. Подобно зверям, выбившимся из сил, потрясали они железными оковами и, молитвенно поднимая лица к небесам, с нетерпением ждали посланных всевышним спасителей.

Но вот появился на площадке белый всадник — Меружан. Он опять был в полном блеске своего величия, и, как прежде, его грозное оружие и панцирь сияли славой геройства. Никто бы не сказал, что он болен. Появление его вызвало радость и воодушевление в войсках. Воины его любили. Он умел, как никто из полководцев, щедро награждать храбрых. Он был лучшим другом и грозным предводителем своих войск.

Войско уже выстроилось на площади в боевой готовности. Меружан обратился к воинам с ободряющими словами. По-прежнему твердо звучал его голос; слова его лились, как горячая проповедь пламенного сердца.

— Воины! — сказал он. — Вплоть до нынешнего дня вы целиком оправдали вожделенные надежды, которые возложил на вас властитель наш и царь, лучезарный царь царей, когда он провожал вас с отеческим благословением из Тизбона в Армению. Славным последствием вашей храбрости было то, что мы захватили в Армении могучие крепости и замки. Славным последствием вашей храбрости было то, что мы разрушили в Армении неприступные города. Славным последствием вашей храбрости было то, что мы оказались в состоянии повести в Персию огромное число пленных и безмерную добычу. Светозарный Ормузд помог нам! И мы после чудесных побед собрались уже покинуть армянскую землю, которая вскоре должна была перейти в наши руки. Наш стан расположился у границ этой страны, отсюда мы собирались через несколько дней отправиться в Персию. Но неожиданно враг отрезал нам путь. Мы осаждены громадным множеством свирепых горцев. Все наши заслуги, всю нашу славу и гордость мы потеряем, если не накажем дерзкого врага, если не сломим его безумную надменность. Я надеюсь, о храбрые воины, что вы, как всегда, так и сегодня проявите вашу непобедимую мощь. Я очень надеюсь, что вы проложите себе путь по трупам врагов, за что получите благословение лучезарного Ормузда и награду нашего божественного царя царей, смиренными рабами которого являемся все мы.

Войско дружно прогремело:

— Да будет благословен светозарный Ормузд! Слава лучезарному царю!

Там своих храбрецов воодушевляла мать, а здесь — сын. Там собирались освободить пленников, а здесь — увести их в чужую страну. Борьба происходила между матерью и сыном. Мать предводительствовала самоотверженными сынами Армении. Сын предводительствовал кровожадными врагами армянской земли. Одни поднимали спасительный крест Иисуса Христа, дру-

гие — лучезарное солнце Зороастра. Религия боролась с религией, богатыри — с богатырями.

Хотя Меружан был не очень высокого мнения о качествах персидских военачальников, которые, как, например, полководец Карен, выдвигались скорее по признаку родовитости и сословной принадлежности, чем вследствие своих личных достоинств, все же он считал, что среди низших военачальников были действительно храбрые воины и хорошие люди. О них у Меружана имелось вполне определенное мнение. Однако главное затруднение заключалось в том, что стан был расположен на месте, скорее пригодном для временной стоянки, чем для военных действий. Конечно, это не могло повергнуть в уныние Меружана, если бы ему не угрожала иная опасность, а именно, опасность внутренняя. Это и явилось причиной того, что когда надо было вывести войско на поле битвы, он приказал сначала стать в оборону.

Хайр Мардпет начал ему возражать, настаивая на необходимости произвести прямое нападение на врага и рассеять его.

— Было бы большим позором, — сказал он, — если бы мы, прикрывшись щитами, терпеливо ожидали, когда враги начнут осыпать нас стрелами. Правда, они нас держат в осаде, но нам нетрудно их самих запереть осадой. Силы врага состоят главным образом из пехоты. Достаточно только приказать нашей храброй коннице выйти из стана, и она окружит их со всех сторон.

— Нам нельзя выходить из стана, Хайр Мардпет! — взволнованно сказал Меружан. — Наш самый опасный враг находится как раз в центре нашего стана.

— Какой враг?

— А вот это множество пленных! Они немедленно нападут на нас...

— А где у них оружие?

— Они своими оковами разобьют головы страже.

— Если они попытаются восстать, мы немедленно прикажем перебить всех.

— Перебить всех? Число их не меньше наших воинов.

Хайр Мардпет задумался. Меружан разъяснил свою мысль:

— Перед иами две задачи: во-первых, мы должны сдерживать плеииых, чтобы они не восстали против нас, а во-вторых — драться с вновь явившимся врагом. Поэтому стать на оборону, по крайней мере в иачале боя, для нас более выгодио.

Хайр Мардпет остался при своем мнении, но не стал возражать.

Пока в стане Меружана велись споры, киязья и нахарары, прибывшие с княгиней Васпуракана, без совещаний, без размышлений, положившись на всевышнего, поцеловали руку матери Меружана, получили ее благословение и разошлись по своим отрядам. При княгине остались лишь телохранители и слуги дома Арцруни и несколько групп вооруженых хадамакертцев, не покидавших ее.

Она сидела на небольшой дорожной тахте, четверо слуг держали над ее головой роскошный балдахин на четырех древках, украшенный кистями из золотых ниток с помпонами. Солнце уже жгло, и зной становился все иевыиосимее.

Вдруг иа шею княгине бросился юный Артавазд и, обняв ее, стал умолять:

— Позволь и мне, матушка, идти с ними... я тоже хочу сражаться.

— Успокойся, дитя мое! — ответила княгиня, нежно касаясь его позолочеиного шлема. — Тебе еще раио воевать! Когда, бог даст, возмужаешь, тогда у тебя будет много случаев показать свою отвагу.

На пламенных глазах юноши навернулись слезы.

— Чем я хуже других? — роптал он. — Мне постояиио твердят, что я должен стать мужчиной. Но ведь я ие ребенок... Я взрослый!..

Печальные глаза княгини тоже наполнились слезами. «Невинное дитя, — подумала она, — неужели и тебя терзает боль за иесчастную родину, иеужели и ты чувствуешь, какие злодеяния совершаются в нашей стране?..»

— Будь спокоеи, дитя мое! — повторила она, целуя бледное лицо иеукротимого юноши,— оставайся со мной! Мы будем здесь молиться и наблюдать, как сражаются другие.

Надутые от недовольства губы Артавазда задрожали. Чуть было он не выдал свою тайну: он хотел сказать, что напрасно его принимают за мальчика, ведь сын княгини, могучий полководец персидских войск, ранен его стрелою. Но он скрыл горячее возмущение своей юной души и остался с княгиней.

Грустный взгляд княгини устремился к персидскому стану, где через несколько часов должна была решиться участь тысяч пленных. У всех у них были отцы, матери и дети. Тысячи сердец должны были обрадоваться их освобождению; тысячи скорбящих должны были утешиться при их возвращении. При этой мысли добродетельная женщина почувствовала в своей душе нескончаемое блаженство, и с сильно бьющимся сердцем стала ожидать окончания боя.

Но в то же время ее опечаленному взору представился раненый сын. Он был болен телом и душой. Что могло его излечить? Что могло смягчить его каменное сердце и очистить его душу, зараженную персидскими пороками и заблуждениями?

О причинах болезни сына у нее еще не было точных сведений. Самвел об этом пока ничего ей не сказал. Ей лишь сообщили, что во время охоты, во время сильной бури в него случайно попала стрела. Об убийстве же князя Мамиконяна она еще ничего не знала.

Рядом с княгиней стоял один из ее послов, бывший в шатре Меружана. Она обратилась к нему:

— Ты хорошо разглядел его, Гурген?

— Как же, княгиня; наш разговор длился около часа. Я все время не спускал с него глаз.

— Он сильно истощен?

— Не особенно. Но был очень бледен.

— Он ничего не спрашивал обо мне?

— Ничего! Совсем!

— А о своей жене, о детях?

— Тоже ничего.

— Каменная душа! — воскликнула исстрадавшаяся мать, горестно качая головой. — Он все предал забвению... От всего отрекся.

Несчастная женщина снова погрузилась в грустные думы; горькие слезы струились из ее печальных глаз.

Она еще раз обратилась к своему верному полководцу, спрашивая:

— Почему ты не отправился в бой, Гургеи, почему остался здесь?

— Я остался, чтобы с моими людьми защищать тебя, княгиня, — ответил старый полководец.

— Ты думаешь, что он посмеет напасть на свою мать?

— В первую очередь он постарается занять эту возвышенность и взять тебя в плен, княгиня. Даю голову на отсечение, если это не так.

— Что же он выиграет, взяв меня в плен?

— Многое, княгиня! Он считает тебя своим самым опасным противником.

Вмешался юный Артавазд.

— Если он осмелится вступить на эту возвышенность, я буду первым, который пустит в него стрелу.

Княгиня обняла разгневанного юношу, охваченного благородным возмущением, и поцеловала его.

Со стороны реки у Нахчевана, как черная туча, приближалась толпа, и чем ближе она подходила, тем все более росла и густела. Выйдя из леса на берег реки, она быстро двигалась в сторону персидского лагеря.

То было громадное войско горцев, легко вооруженное копьями и луками, предводительствуемое Гарегином, князем Рштунинским. Продвинувшись, они остановились на довольно большом расстоянии от персидского стана и укрепились.

Меружан орлиным взором окинул врагов и подумал: «Наступают». Обратившись к одному из соратников, он приказал:

— Передай полководцу Карену, чтобы он направился в эту сторону с несколькими полками храбрых стрелков и копьеносцев со щитами.

Приказ был немедленно выполнен.

В то же время с другой стороны, как налетающий шквал, подгоняемый мощным порывом ветра, который в своем движении сметает все преграды на пути, мчались отряды конницы. Барабанный бой, воинственные крики предшествовали дерзкой атаке. Конница налете-

ла на персидский стан, рассекла его со скоростью молнии. Она пронеслась, внеся сумятицу в ряды персов, и тут же скрылась за ближними холмами.

Меружан посмотрел вслед удаляющимся всадникам.

— Они довольно удачно провели игру, — сказал он улыбаясь. — Хотел бы я знать, кто начальник этих смелых всадников.

— Самвел, — ответили ему.

— Самвел...— повторил Хайр Мардпет, качая многозначительно головой. — Неплохо!.. Он получил от своего отца буланого коня, подарок царя Шапуха. А теперь, сидя на том же коне, поднимает сумятицу в стане персидского царя. Этот конь с белой звездой на лбу был известен как предвестник удачи. Но конь принес удачу не отцу, а сыну...

Появление Самвела действительно сильно взволновало широко раскинувшийся персидский стан.

— А куда же он девался? — спросил Хайр Мардпет.

— Не беспокойся! — ответил Меружан. — Он снова появится, и, быть может, очень скоро.

Меружан продолжал хладнокровно наблюдать за противником, поджидая, когда он подойдет ближе. Его быстроногие разведчики с разных сторон доставляли ему донесения о движении врага.

Острый взор его не упустил и того, что Самвел пронесся через ту часть персидского стана, где находились пленные. Это было сделано неспроста. Меружан понял это и немедленно приказал крепко оцепить пленных, чтобы у них не было сообщения с врагом. Но среди людей, окружавших пленных, оказался человек, который медленно расхаживал по их рядам и иногда о чем-то украдкой с ними переговаривался. Опытный глаз мог легко узнать в этом человеке известного скорохода Самвела — Малхаса.

Бой прежде всего начался со стороны дороги на Арташат, где за маленькими холмами прятались сасунцы. Персидских воинов вел Хайр Мардпет. Его свирепый конь дрожал, гнулся под тяжестью колоссального седока, целиком закованного в медь и железо. Противником его оказался князь Сасуна Нерсех. С большим пренебрежением он крикнул Мардпету:

— Сменив обязанность начальника над женской по-

ловиной двора царя Аршака, ты, Хайр Мардпет, стал начальником над персидскими воинами! Воистину мне это кажется странным!

— Почему, храбрый Нерсех? — ответил евнух хриплым голосом. — Иногда ие вредно переменить роль.

— Но ведь место женоподобного евнуха — среди женщин, где царит изнеженность и нет окровавленного оружия.

— Давай попробуем, и ты убедишься, что жеиоподобный евнух может иметь дело и с храбрыми сасунцами.

При этих словах оба противника, направив тяжелые копья, во весь опор набросились друг на друга. Острие копья Хайр Мардпета задело сбоку панцирь Сасунского князя и, поцарапав, скользнуло мимо. А копье Сасунского князя, ударившись в окованную медью грудь Хайр Мардпета, разбилось вдребезги, точно оно ударилось о скалу. Оруженосец тотчас же подал ему другое копье. Они отъехали друг от друга, чтобы снова напасть.

Войска обеих сторон стояли неподвижно, с нетерпеиием ожидая окончания единоборства предводителей.

Второе нападение было еще яростней. На этот раз копья обоих противников отскочили, ударившись об их огромные щиты. Но вместо всадников столкнулись их кони, сильно зазвенев своими железными нагрудниками. Конь Хайр Мардпета задрожал, попятился и, став на колени, упал. Пользуясь этим моментом, князь Сасунский направил свое копье прямо в горло Хайр Мардпета. Но конь евнуха тотчас же поднялся, и копье пронеслось мимо.

Так два могучих противника боролись друг с другом, и оба вышли из боя непобежденными. Князь Сасуна крикнул:

— Я признаю, о Хайр Мардпет, что евнух над женщинами царя Аршака в то же время и храбрый воин.

Начался бой между войсками. Персидские щитоиосцы совершали изумительные нападения. Сасунцы из своих длинных луков обдавали их лнвнем стрел. Храбрые от рождения горцы дрались с обученным, мужественным врагом. В воздухе нависла густая пыль. Крики людей заглушались ударами и грохотом оружия и панцирей. Кровь лилась горячими ручьями.

Пока здесь кипел бой, в другой стороне стана под предводительством князя Гарегина бились рштуникцы. Персидскими войсками командовал полководец Карен.

В это время Меружан, окруженный своими телохранителями и соратниками, носился из одного конца стана в другой, наблюдая за ходом боя. Куда бы он ни направлялся, персидские воины, воодушевленные его присутствием, совершали чудеса храбрости.

Он заметил, что войско полководца Карена стало постепенно отступать. Из рядов рштуникцев послышались победные крики. Меружан немедленно погнал своего белого коня в ту сторону и попал под бурю стрел. Велико было его удивление и возмущение, когда он издали заметил старика Арбака, который с копьем в руке, совсем как бодрый юноша, дрался с каким-то персидским военачальником. Меружан обратился к полководцу Карену:

— Вот видишь, Карен, убитый тобою старик Арбак, оказывается, воскрес!

Карен смутился и от стыда не нашелся, что ответить. Меружан напомнил ему об его утреннем вранье, когда он хвастался, что будто бы убил старика Арбака на Княжем острове.

— Задержите этого лгуна! — приказал Меружан. — Полководцу царя царей Персии не подобает быть трусом, а тем более лгуном.

Приказ был немедленно выполнен.

Появление Меружана вдохнуло в персидских воинов новые силы, и они стали с невероятной храбростью теснить разъяренного врага.

В этот момент заклятые враги — Меружан и князь Гарегин — увидели друг друга.

— Меружан! — крикнул князь Гарегин. — Во второй раз несчастные обстоятельства сталкивают нас друг с другом: первый раз в городе Ване, а сейчас у развалин Нахчевана. Ты был здоров, когда приказал убить мою жену, и сбежал от меня. Теперь ты болен; не знаю, как ты поступишь со мной.

— Сейчас увидишь, — ответил Меружан пренебрежительно.

При этих словах он бросился на Рштуникского князя, который даже не сдвинулся с места.

— Я отказываюсь биться с больным — это все равно что драться с трупом, — сказал князь Гарегин.

Меружан сильно разгневался.

— О Рштуникский тер! — воскликнул он. — Твое великодушие оскорбительнее твоего удара копьем, если бы тебе удалось добиться такой славы. Да, жена твоя убита по моему приказу. Священное чувство мести возлагает на тебя обязанность требовать от меня удовлетворения за кровь жены. И потому ты не должен отказываться от боя со мною.

С этими словами Меружан снова устремился на Гарегина. Но персидские воины бросились наперерез им:

— Пусть наша кровь будет между вами! Битва принадлежит нам!

Меружан отступил.

Битва возобновилась. Снова раздался смертоносный лязг оружия. Одни копьями, другие обнаженными мечами разили друг друга. Рштуникские горцы защищались легкими щитами, покрытыми дубленой овечьей кожей; персы — тяжелыми щитами из железа.

Заменив полководца Карена одним из своих храбрых соратников и оставив поле битвы в самом разгаре, Меружан направился в сторону развалин Нахчевана, где на одной из холмистых возвышенностей находилась его мать. За ним следовало несколько полков хорошо вооруженных всадников. Густая пыль окутала, как серые тучи, дорогу, по которой спешно двигалась его страшная конница.

Гурген, старый полководец княгини Васпураканы, издали заметив, что Меружан скачет к их месту, поспешил к княгине. Качая укоризненно седой головой, он сказал:

— Вот видишь, княгиня, я не ошибся: сюда идет Меружан; он хочет вступить в бой с матерью и со своими подданными. Если он победит, то, несомненно, уведет и тебя с собой.

— Куда уведет? — спросила печальным голосом несчастная женщина.

— В Персию. Туда, где в темном подвале крепости Ануш страдает царь Армении. Туда, где заключена царица Армении. Уведет к ним...

— Неужели он настолько жесток?

— Его жестокость так же беспредельна, как и его самомнеиие.

Материнское сострадание н горе, прнчнненное бессердечным сыном, попеременно волновалн душу несчастной женщнны. Со слезами на глазах она обратнлась к старому полководцу:

— Да будет благословеина воля божья! Того, что предопределено нм, не может изменнть беспомощный смертный. Пусть прнходнт неблагодарный! Сражайтесь с его воинамн, но иа иего руки не подиимайте.

Морщнннстое лнцо старого полководца нахмурилось его умные глаза зажглись огнем негодоваиия. Но, сдержав волненне, он довольно мягко ответил:

— Мы, княгиня, никогда не подиялн бы руку на своего господнна, если бы он сам ие убнл всего того, что свято для нас. Он ведь борется протнв своих подданных, протнв нашей веры н протнв нашего государства.

— Хрнстианская добродетель, Гурген, велнт нам много н много раз прощать заблуждающихся.

Старый полководец недовольный замолчал.

Тут же стоял юиый Артавазд н в сильном волиеинн слушал распоряжения княгинн. Он не вытерпел и сказал:

— А я подстрелю его! Теперь я знаю, как это делать.

Он чуть было не сознался в своей ошнбке, допущенной им на Княжем острове, когда еще не знал, что под одеждой Меружана скрыта кольчуга.

Княгння грустно взглянула на разгневанного юношу ннчего ему не ответила. В его молодой душе кнпел дух местн юной Арменнн.

Меружан уже прнблнзнлся со множеством всаднннов к подножню возвышенностн, где расположилнсь васпуракаицы. Он сделал быстрый поворот н направнлся к дороге, которая по скату вела к тому месту, где находнлась его мать.

Старый Гурген, оставнв с княгнней отряд телохранителей, взял с собой остальных васпураканцев н быстро пошел на врага. Бой пронзошел у развалнн Нахчепостнана, сожженного Меружаном. В несколько мннут васпураканцы соорудили крепкую стену нз камней н, укрывшнсь за ией, начали оттуда метать стрелы в не-

неприятеля. Некоторые же метали пращами камни. Обломки разрушенного Меружаном города летели на его голову. Меружан, не обращая на это внимания, продвигался вперед вместе со своей многочисленной конницей. Его всадники были вооружены только копьями и мечами. На них были также защитные панцири. Его отряд мог действовать только на близком расстоянии. Потому-то они так и стремились приблизиться к врагу. Васпураканцы в пылу битвы стреляли не только по всадникам, но, забыв приказ княгини, не щадили и самого Меружана.

Возможно, ни копье, ни меч, ни стрела, ни секира не могли бы причинить вреда облаченному с ног до головы в медь Меружану. Но летевшие из тысячи пращей камни, градом падавшие на его голову, могли в несколько минут уничтожить его и скрыть под своей грудой. И все же он приказал отряду ломать стену и двигаться вперед.

Всадники смелым натиском двинулись против каменной преграды, круша ее и вместе с тем сражаясь с неприятелем. Сам Меружан бросился в жаркий бой. В это время камень попал в лоб его лошади; конь встрепенулся, закачался и упал на бок, прижав больную ногу Меружана. Увлеченный битвой, Меружан совсем забыл о ране; повязка на ней ослабла, рана открылась, и кровь брызнула ручьем.

Мать издали заметила падение сына: свет померк в ее глазах. С громким стоном она соскочила с тахты и, ударяя себя в грудь, побежала навстречу сыну. «Безжалостные, жестокие люди!..» — кричала она. Ее с большим трудом удержали, убедив, что упала лошадь Меружана, а не он сам.

Мать успокоилась, увидев, что лошадь снова поднялась и Меружан снова сел на нее.

Но кровь медленно сочилась из его раны и, стекая с седла, струилась по белому животу коня тоненькими струйками. Один из телохранителей заметил это, но, думая, что лошадь ранила себя при падении, ничего не сказал. После того как Меружан сел на коня, сражение стало еще жарче. Всадники Меружана уже успели сломать часть преграды и перебраться на другую сторону. Васпураканцы отступили, продолжая издалек